ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСПОВЕДЬ «БЕГЛОГО» ПОДПОЛКОВНИКА

МЕМУАРЫ

Автор: ***Владимир Чащевой***

Издание третье

ВНИМАНИЕ!

Это – бесплатная электронная книга!
Приветствуется свободное распространение этой книги в интернете!
Вы можете раздавать эту книгу в качестве бонусов, дарить,
рекомендовать её друзьям, но не продавать!!!

Вы не имеете прав её продавать, переиздавать!
Все права на издание книги принадлежат только автору книги!

(Авторские права защищены)

Copyright Владимир Чащевой © 2018 г. Автор книги **«ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСПОВЕДЬ «БЕГЛОГО» ПОДПОЛКОВНИКА»** All rights reserved
Copyright Олег Гузь © 2018 г. http://izknigi.ru

Оглавление

ПРОЛОГ 3
Моим читателям от автора..... 4
Отзыв о книге……..……..5
Глава 1 Враг народа и его семья……..……6
Глава 2 Детский дом……...37
Глава 3 Суворовцы……46
Глава 4 Кремлёвские курсанты……89
Глава 5 Лейтенант……...99
Глава 6 «Лучше война, чем целина»……...110
Глава 7 Комбат……..138
Глава 8 ОПУЛАБ (отдельный пулемётно-артиллерийский батальон)……158
Глава 9 ОДШБ (Отдельный десантно-штурмовой батальон)……198
Глава 10 УР (Укреплённый район)……218
Глава 11 Письмо Ю.В. Андропову……239
Глава 12 «Ослы»……245
Глава 13 Прислали дурака……..250
Глава 14 Расстрелять жителей города Бердичева……...264
Глава 15 «Декабристка»……...275
Глава 16 Суд офицерского бесчестия……..282
Глава 17 Оперативно-стратегические командно-штабные учения (КШУ) "Осень-88"….286
Глава 18 Волчий билет……288
Глава 19 ГФСП (Гражданский фронт содействия перестройке)……296
Глава 20 Невидимка (Шутка КПСС)……..302
Глава 21 Доблестная милиция под защитой обкома……313
Глава 22 Выдать оружие!!!.....318
Глава 23 «Опоясанные кумачом»……..323
Глава 24 Господа генералы……..333
Глава 25 Встреча с пророком……343
Глава 26 Ещё не пришло время……346
Глава 27 Опять уволен по статье……..354
Глава 28 Чечня (солдат послали умирать)……..361
Глава 29 «ЖИЛХОЗ» против «Тепловых сетей»……365
Глава 30 Неадекватный……373
Глава 31 «Гарнизон Пятихатка»……376
Глава 32 Божий промысел……...396
Отзывы одноклассников и друзей……409
Контактная информация……411

ПРОЛОГ

Исторический двухтомник «Босиком по битому стеклу» известного политика, беллетриста и публициста, Аллы Ярошинской подписан к печати в 2010г. Несомненно, этот двухтомник будет интересен не только современным историкам, но и широкому кругу читателей, интересующихся происходящими событиями в настоящее время на Украине и в России.
Как в первом, так и во втором томе А. Ярошинская рассказывает о своей работе народного депутата СССР горбачёвского призыва и о судьбах людей, восставших против идеологических перевертышей в защиту Перестройки. Большое внимание в этих книгах она уделяет и бесправному положению офицеров в армии. Рассказывает о том, как неоднократно пыталась бороться с лживой армейской действительностью. В пятой главе первого тома А. Ярошинская повествует об антипартийном мятеже в Бердичеве… о том, как 29 офицеров восстали против первого секретаря житомирского обкома партии, о судьбе «беглого» подполковника… Как подполковник, награждённый орденом «За службу Родине», медалями всех трёх степеней «За безупречную службу», знаками отличия за службу на китайской и монгольской границах, оказался изгнанным из партии КПСС и из армии по 6-й статье «За дискредитацию высокого звания советского офицера» с пенсией в 25% и лишением всех льгот офицера запаса, без права ношения военной формы одежды.
«Беглый» подполковник – это автор этой повести Чащевой Владимир Михайлович. Впервые о «беглом» подполковнике рассказала Лидия Графова в статье «Литературной газеты» «Эффект бумеранга …». Уверен, что автобиографическая повесть «беглого» подполковника будет интересна для прочтения не только младшим и старшим офицерам армии, но и её руководству, не говоря о тех, чьи дети ежегодно призываются для службы в армию. Рассказывая историю своей жизни, автор выходит за рамки военной службы, поднимая проблемы ЖКХ в военных гарнизонах и городах России. Говорит о том, как приходилось их решать самому, в том числе и в судебном порядке. Он рассказывает о судьбе трёх поколений – отец – сын – внук. Второй защищает честь отца, его имя, а третий идёт по стопам своего отца, как и должно быть. Описывая пережитые события и называя чьи-то фамилии, автор умышленно допускает неточность только в одной фамилии. Читатель сам поймёт почему, остальные «герои» в этой исповеди названы своими именами. Подлинность фактов автор гарантирует. У читателя есть возможность сравнить прошлое с настоящим и самостоятельно для себя сделать вывод.

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ ОТ АВТОРА

В настоящее время многие задумываются о том, что с нами было, что есть, и что будет. Не всем легко понять, что происходило с нами в годы советской власти. Одни вспоминают колбасу в СССР за 2 руб.20 коп, другие – места своего заключения. Одни призывают судить М.С. Горбачёва за развал Советского Союза, другие предлагают ставить ему памятник при жизни за то, что он успел сделать. Историки запутались в событиях и фактах, излагая их в соответствии с указаниями вышестоящего руководства. Но у каждого из нас есть своя история, и её не изменить, не переписать. Каждый имеет своё мнение о тех или иных событиях. Оно может меняться в ту или другую сторону, но оно остаётся быть сугубо личным мнением, высказанным вслух, и это уже большая заслуга нашего времени, за что спасибо М.С.Горбачёву. Историю делаем мы. Каждый из нас вносит свою лепту. Одни – своими действиями, другие бездействием, но сотворённое нами расхлёбываем мы всё вместе: и хорошее, и плохое.
Мы люди, имеющие право на ошибку, но ошибки слесаря и генерала или чиновника, стоящего во главе государства, несопоставимы. Многим из нас жизнь подбрасывала случаи, когда от твоего поступка зависела судьба других людей, и необходимо было сделать выбор. Иногда компромиссных вариантов нет, и приходится принимать решение. Можно впоследствии оправдаться, ссылаясь на приказы и распоряжения вышестоящих, но перед своей совестью, которую называют гласом Божьим, навсегда останешься преступником. В своём заявлении, обращённом к Главному военному прокурору А.Ф.Катусеву, «беглый» подполковник описал преступления, творящиеся в армии. Но военный прокурор в звании полковника, принимавший заявление, попросил, чтобы не обострять обстановку, вычеркнуть всё, касающееся приказа о расстреле мирных жителей г. Бердичева, и не упоминать об этом нигде. До настоящего времени об этих преступлениях громогласно нигде не упоминалось. Считаю: пришло время рассказать, что не сказали читателям в своих статьях Лидия Графова и Алла Ярошинская на страницах «Литературной газеты», говоря о «беглом» подполковнике. Рассказывая свою историю, я не пытаюсь навязать читателю своё мнение или в чём-то переубедить его. Это всего лишь краткое описание моей жизни, которая прошла в тесной связи с судьбами других людей. Многие, прочитав её, узнают себя или вспомнят факты, свидетелями которых они являлись. В ком-то проснётся совесть, а кто-то, быть может, побежит в суд. Я готов встретиться в суде с каждым, чьи фамилии указал в повести и о ком, в чём я не сомневаюсь, должны знать все, включая их детей и внуков. Других наказаний для них не желаю, так как почти все мои враги уже наказаны Богом без моего участия. В моём рассказе очень много мистики, и не во всё легко поверить, однако всё это было, всему были и есть свидетели.

Отзыв о книге

Предлагаемая читателю автобиографическая повесть затрагивает многие острые аспекты жизни общества и армии, которые не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Будучи знакомым с автором по совместной учёбе в одной группе Воронежского, а затем и Калининского (Тверского) СВУ, а также проходя с ним в одно и тоже время службу в армии и Пограничных войсках СССР и Российской Федерации, могу только подтвердить факты и явления, изложенные в книге, с которыми сталкивался и я.

Я не разделяю подхода героя книги к некоторым способам решения проблем, которые он иногда использовал во время службы в армии. Но зная его как честного, принципиального, бескомпромиссного человека с повышенным чувством ответственности, остро чувствующим несправедливость, могу только сказать, что все его поступки были бескорыстны и направлены на скорейшее решение стоящих перед ним задач, на защиту чести, прав и достоинства солдат, прапорщиков, офицеров и граждан.

К сожалению, в условиях доминирования в те годы в армии и стране аппарата политработников, партийных секретарей райкомов, горкомов и обкомов КПСС, а в настоящее время бюрократии и олигархов, отстаивающих свои чисто номенклатурные интересы, его борьба выглядит как бой одиночки Дон Кихота со сложившейся системой, бой в котором победить и добиться справедливости бывает очень трудно.

Считаю, что Чащевой В.М. достоин реабилитации, как истинный патриот своей Родины, осознано не выполнивший преступный приказ по расстрелу санкционированного городского митинга, не допустивший пролитию крови невинных людей.

Книга читается легко с первой до последней страницы.

С уважением полковник в отставке,

кандидат военных наук,

доцент Копыл В.А.

Глава 1
ВРАГ НАРОДА И ЕГО СЕМЬЯ

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА

БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
УПРАВЛЕНИЕ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Служба РАФ 17 сентября 1998г.

№10/56-Ч-2525 гор. Санкт-Петербург.

Уважаемый Владимир Михайлович!

Из материалов архивного дела № П 65239, находящегося на хранении в архиве УФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и области, следует, что: Чащевой Михаил Илларионович, 1906 г.р., урож. г. Владивостока, русский, кандидат ВКП/б/ с 1932г., образование – низшее, до ареста работал помощником механика в Ленинградском Торговом порту, проживал по адресу: г.Ленинград, ул.Калинина, д. 40 /б, 6 кв,126, был арестован 23 апреля 1935 года органами НКВД. Обвиняется в том, что «…является контрреволюционно настроенным, открыто проводил контрреволюционную агитацию, одобрял террор против вождей партии, распространял среди окружающих его лиц провокационные слухи контрреволюционного характера с дискредитацией ответственных партийных и советских работников…». (из обвинительного заключения), т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.58-10 и 84 УК РСФСР. Приговором Спецколлегии Водно-Транспортного Суда Б.М. и СЗР бассейнов от 21 июля 1935 г. Чащевой М.И. осуждён к лишению свободы в ИТЛ сроком на СЕМЬ лет. Для отбытия наказания был направлен в «Сороклаг» НКВД (г.Беломорск, АК СССР).Заседанием Судебно-надзорной Коллегии Верховного суда СССР от 19 июня 1938г. Приговор Водно-Транспортного Суда от 21 июля 1935г. был отменён, и дело вернули на новое рассмотрение в силу того, что Чащевой имел тесную связь с лицами, осуждёнными за шпионаж, и допускал, кроме антисоветской агитации, высказывания, содержащие в себе одобрение террористических актов и призыв к террору. На основании этого Чащевому М.И. было дополнительно предъявлено обвинение по статьям 58-6 и 58-8 УК РСФСР. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 26 июля 1939 года Чащевой М.И. осуждён к заключению в ИТЛ сроком на пять лет (считая срок с 23 апреля 1935 года). Отбывал наказание в «Вятлаге» НКВД (Кировской обл.). Освобождён 23 апреля 1940 года. Постановлением

Президиума Ленинградского городского суда № 4 у- 032/67 от 17 июля 1967 года Чащевой М.И. полностью **РЕАБИЛИТИРОВАН,** дело

прекращено за отсутствием состава преступления. …Уверен, что у читателя появятся вопросы по поводу суммарных сроков судимости шпиона и антисоветчика, но на эти вопросы ответов по настоящее время нет. Что касается НИЗШЕГО образования шпиона, то кое-что проясняет рассказ моей матери. После смерти Чащевого М.И. в 1947г. она рассказывала мне об отце, как он в седьмом классе, сдав экстерном за восьмой, девятый и десятый класс, закончил обучение в школе и поступил в мореходку во Владивостоке, по окончании которой по комсомольской путёвке был направлен для оказания помощи в Китай. Будучи тайным советником в Харбине, воевал с гоминдановцами на баррикадах. Рассказала, как отца предательски ранили, вонзив нож в спину, и как с ножом в спине он, выйдя из укрытия, направился, не замечая пальбы, в сторону противника. Стрельбу прекратили, приняв его за парламентёра. Навстречу вышел уполномоченный гоминдановец. Встретившись с ним, отец выхватил из рукава шинели штык от винтовки и пронзил переговорщика насквозь. Оба упали. Наши бросились в атаку и победили. Больше, чтобы не расстраивать мать, про отца я не спрашивал. Неслучайно в материалах уголовного дела антисоветчика и шпиона указано: «образование – НИЗШЕЕ». В те годы в нашей стране умных и образованных, как правило, расстреливали. Из Китая (после ранения и лечения) отца вызвали в Союз, где по прибытии он устроился на работу и был арестован. После освобождения (во время начала ВО войны) он записался добровольцем, но его оставили возглавлять подполье в г. Армавире. В 1947 г. отец умер в возрасте 41 года, оставив двадцатилетнюю беременную жену с двумя детьми на руках. То, что отца реабилитировали через 20 лет после смерти в 1967г., для нашей страны был далеко не единичный случай. Мы выживали, как могли, продолжая оставаться семьёй врага народа.

На фото Чащевой Михаил Илларионович в 1947 году.

Санкт-Петербургский
ГОРОДСКОЙ СУД

191028, С.-Петербург, наб. реки Фонтанки, 16
Телефоны: 273-07-52, 273-19-52
273-19-92, 273-10-81

17.12.98г. № 4у-032/67
На № _____ от _____

352924, Краснодарский край.,
г.Армавир, ул.Пионерская,59-8,
ЧАЩЕВОМУ Владимиру Михайловичу

С П Р А В К А

Постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 17 июля 1967 года Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26-го июля 1939 года в отношении ЧАЩЕВОГО Михаила Илларионовича, 1906 года рождения, уроженца г.Владивостока осужденного по ст.58-10 УК РСФСР к 5-ти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, отменено и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

ЧАЩЕВОЙ Михаил Илларионович по настоящему делу реабилитирован.

До ареста ЧАЩЕВОЙ М.И. работал помощником механика буксирног теплохода "СТИВИДОР" в Ленинградском торговом порту.

Зам.председателя Санкт-Петербургского городского суда — В.Н. ЕПИФАНОВА

Послевоенное время в стране было очень сложным. Разрушенные города, голод, рост преступности. Очень многие семьи во время войны потеряли своих отцов и бедствовали. Пытаясь как-то выжить, дети из этих семей часто попадали в уголовную среду обитания. Руководство страны вынуждено было собирать сирот в приюты, организовывая Трудовые колонии, детские дома, Суворовские и Нахимовские училища. В СССР имелось два вида Трудовой колонии для несовершеннолетних: общего типа и для содержания несовершеннолетних, осуждённых за тяжкие преступления. Волей судьбы я оказался среди тех, кому случайно удалось

избежать Трудовой колонии и прибыть в г. Воронеж для поступления в Суворовское военное училище.

При поступлении в это училище на медкомиссии меня забраковали. Медикам не понравились мои слабые нервы, несмотря на то, что меня они вполне устраивали. Документы на отчисление комиссованных были направлены в штаб Воронежского военного округа. Командующий округом был в командировке. Просматривая списки отчисленных, начальник штаба округа полковник Хаустов увидел знакомую фамилию. Оказалось, что Хаустов являлся мужем моей двоюродной сестры, о существовании которой я даже не подозревал. Поступать в суворовское училище меня направили из Армавирского детского дома. Начальник штаба не стал принимать решение до приезда командующего и забрал меня к себе домой знакомиться с роднёй.

Начался учебный год. Находясь у Хаустовых, я дожидался своей участи. Направляя поступать в СВУ (суворовское военное училище), в детдоме меня немного приодели, но ехать к какому-то полковнику на квартиру, знакомиться с новой роднёй, и жить у них мне даже в этой одежде было неловко. Никто меня не спрашивал, и другого выхода у меня не было. Новая родня крутилась вокруг меня, как мухи вокруг…. Каждый, как и положено в семье военного, выполнял свои обязанности, не мешая друг другу. Жена Хаустова, нашедшая своего двоюродного брата, допрашивала с «пристрастием», как бы сомневаясь, не подсунули ли ей однофамильца и, не дослушав ответ, задавала всё новые и новые вопросы. Её старшая дочь Алла (на два года младше меня) выставляла передо мной на стол такие сладости, каких я никогда в своей жизни не видел и боялся к ним притронуться, не зная, как их едят. Наконец она принесла конфеты, фрукты, и мне стало легче. Я взял самое большое яблоко, чтобы надолго хватило, и чтобы не пичкали меня тем, чего я не знаю. Съел, а куда деть огрызок? На стол положить – как-то не очень хорошо. Спрашивать – тоже неудобно. Крутил его в руке, крутил и решил съесть. Как только съел, Алла принесла блюдце под огрызки и фантики от конфет, подаёт мне, спрашивая, где огрызок. Конечно, я покраснел, как рак, показывая ей пустые руки. Младшая Иришка ползала под столом. Снимала и надевала мне тапочки, меняя их местами. В коридоре лежала огромная немецкая овчарка Джека. Положив голову на мощные лапы, она не сводила с меня глаз, как бы спрашивая: «Откуда ты такой, затрапезный, взялся?» Моё появление её тоже касалось в полной мере. Время у неё ещё было. Каждый день в 17.00 часов зимой и летом её выпускали за дверь, и она шла на работу охранять магазин в центре города. Утром возвращалась, занимая своё заслуженное место среди членов семьи. Получку за её службу получал хозяин, но Джека себя обделённой не чувствовала. Через несколько дней с Хаустовым мы подошли к месту службы Джеки около магазина, и он обратил моё внимание на брошенные куски колбасы и сосисок около Джеки, которые она не трогает. Хаустов

сказал, что так её пытаются угощать каждый день, но она ничего не возьмёт, и за кошкой или собакой не побежит. Иногда Нина (жена Хаустова) отправляла Джеку в магазин с сумкой, в которой лежали деньги и список продуктов, которые надо было купить. Джеку все знали и всегда пропускали без очереди. Алла с Иришкой рассказывали мне, как Джека катала их на санках, и показывали фотографии.

Всё это я узнал и увидел чуть позже. А пока, в углу, в мягком кресле, сидел, не говоря ни слова, Хаустов и, не скрывая улыбки, наблюдал за происходящим.
– Может, хватит издеваться над парнем? – спросил он.

– Я ещё не всё… – поспешила с протестом Нина.

– Ещё успеете, не уезжает! – настаивал полковник. Ты посмотри на него со стороны, загляни под стол… Иришка, закончив с тапочками, снимала с моих ног второй носок.

– Не думай ни о чём, Володя. Будешь учиться в суворовском! – вставая с кресла, сказал Хаустов. Именно для таких, как ты, созданы эти училища. Сироты, сыны полков, дети инвалидов воины должны приниматься вне конкурса. А что у тебя в 12 лет слабые нервы – это не причина для отказа, вылечим мы твои нервы!

С утра чувствовал себя неприкаянным. Дядя Юра, - так мне сказали называть Хаустова, - на службе, Нина - на работе, Алла - в школе, Иришка - в детском саду, Джека за хозяйку, а я сам за себя. Целыми днями мучился от безделья, не находя себе места. - Ты уж потерпи меня, Джека, я к вам в гости не напрашивался. Не знаю, почему не понравились врачам мои нервы? Ни на кого не бросаюсь, пока меня не тронут.
– Но если тронут, - продолжал я, - зубами горло перегрызу.
Сел на диван, положив руку рядом, и Джека, как по команде запрыгнула, улеглась рядом, положив голову мне на колени. Я этого не ожидал, но такие родственные отношения мне понравились. - Не было такого, чтобы я кому-то сдачи не дал, - продолжал я рассказывать Джеки. Правда, в детстве с козой не успел рассчитаться. Мне не было ещё и двух лет, когда увидев отца, возвращавшегося с работы, я побежал к нему навстречу. Рядом была привязана за железный штырь соседская коза, которая сорвалась с привязи и боднула меня в спину. Весь двор был засыпан отходами с доменной печи завода. Помню, как упал на спину, как врач вытаскивал из головы какую-то окалину, как что-то шипящее лил в рану, а я всё рвался рассчитаться с козой. Утром мать сказала, что козы уже нет. Что за меня отец с ней рассчитался. Рассказала, что пока я лежал без сознания, и вызывали скорую помощь, отец вырвал железный штырь из земли и запустил его в козу, пригвоздив её к соседскому забору. На сильный удар в забор выскочила соседка и увидела на заборе приштыренную козу, заорав, бросилась с кулаками на отца... Отец перебросил её через забор. Сосед выглянул и тут же скрылся за калиткой, закрыв её на все запоры.

– Вот так, Джека, ушла от меня коза, с которой я не рассчитался. В этом же году (в сентябре) отец умер, а через три месяца в январе родилась моя младшая сестра Галя. Соседи съели убитую козу и забыли обиду. Присматривали за мной и старшей (на три года) сестрой Нелли, пока мать рожала в роддоме.

Летом и осенью, когда в чужих садах и огородах было что украсть, мы с Нелькой ползали по-пластунски, спасая семью от голодной смерти. Мама работала на заводе «Армалит» маляром, но её денег не хватало, чтобы прокормить нас. Хозяйничали в чужих огородах мы аккуратно. Выбирали самые крупные кусты картошки, руками подрывали их со всех сторон, нащупывали и забирали только самую крупную. Нелли хоть и была старше меня, но я, как мужик, старался на опасные участки её не пускать, оставлял в стороне. Использовал её в основном по доставке продуктов домой. Очень часто кормить нас было нечем, и мать старалась дома появляться, когда мы уже спали и не просили есть. Если приходила домой раньше, то ставила на плиту кастрюлю с водой и говорила, что варится еда. Мы укладывались спать и понимали, что еды не будет, а выступать было бесполезно и опасно. Сон на пустой желудок не шёл, а мы притворялись, что спим. Видели, как она плачет, причитая: «Боже, за что мне такая участь?» Видели, как рвала на

голове волосы и билась головой об стену. Закрывала заслонку в трубе, чтобы все угорели. Перебесившись, просила у Бога прощение, со слезами опять открывала заслонку. Матери нашей было очень нелегко, но и мы её иногда доставали. Помню, отпустили её на работе, чтобы сводить нас в поликлинику. Идём домой. Подходим к двенадцатой школе. Осталось совсем чуть-чуть. Мать шла быстро. На руках у неё Галина. Нелька за юбку держится и тоже куда-то торопится. А я, как всегда, плетусь сзади, руки в карманах. Было мне тогда около трёх лет. И пришла мне в голову подленькая мысль: «Интересно, что будет делать мать, если я тоже на ручки проситься буду, я же тоже ещё маленький? Бить меня здесь не будет - убегу, а с Галкой на руках за мной не побежит. Немного идти осталось, и совсем не устал, но интересно, что она будет делать?» - Мам, ножки устали, на ручки хочу!

– Ты что, не видишь, что твою сестру несу?
– Я тоже на ручки хочу! -
Дойдёшь! Немного осталось.
Присел у забора школы, думал, оглянется. Нет, даже не повернулась.

Глаза Джеки смотрели в сторону, но я чувствовал, как внимательно она меня слушает, и продолжал: - Как-то возвращались мы с Нелли без серьёзной добычи. В кармане у неё был только один огрызок яблока и обёртка от растаявшего шоколада. Сестра присела на корточки и говорит:

– Подожди! Не знаю, как тебя ноги носят, а у меня от голода голова кружится.
– Ты старше меня, тебе, наверно, и есть надо больше, – сказал я. О неприкосновенном запасе в кармане сестры речи быть не могло. Каждый из нас уже откусил от огрызка свою долю и вылизал на обёртке свою часть шоколада. Остальное предназначалось Галине. Осмотревшись, я увидел за реечным забором маслозавода (сегодня его называют Масложиркомбинатом) огромные горы семечек подсолнуха. Шла уже вторая половина дня. – Смотри, сколько еды, бери - не хочу. Я пошёл.
- Ещё светло, поймают! – возразила сестра.
- А какая разница? Ночью тоже поймать могут. Только днём в пацана стрелять не будут, а ночью могут и подстрелить. Я уже давно научил сестёр есть семечки нечищеные, чтобы быстрей набить желудок. Нелька смышлёная, сразу освоила, а Галка нет, с рождения упрямая и хитрая. Долго ей объяснял и показывал, но бесполезно. После угроз брала в рот, жевала, но стоило отвернуться, как тут же выплёвывала. Говорил ей, что такую цацу нам не прокормить, да разве ей докажешь? Ей особое блюдо подавай. Очищенные зёрна ела с удовольствием и без уговоров.
Перемахнул через забор. Оглянулся на сестру, которая пряталась за кустами в посадке. Подумал, что надо полную пазуху набрать, чтоб надолго хватило.

С этих гор не убудет. Даже никто не заметит, что здесь кто-то брал. Зарыться бы в эти семечки и жрать до отвала….
– Ну, ты наглец, пацан! Среди бела дня, как у себя дома, гребёшь, - услышал сзади. Оглянулся. Охранник толкал в спину винтовкой.
– Хорошо, что день, ночью мог бы тебя подстрелить!

– Поэтому и полез днём, - отозвался я.

– Соображаешь! Теперь отсыпь немного, чтобы по пути не рассыпать. Пошли! Я тебя с начальником охраны познакомлю!
– А может, не надо?

– Ну, ты даёшь! У нас с тобой разные профессии и обязанности. Я охраняю, а ты воруешь, и договориться нам никак не получится. Давай, топай! По заводу я шёл, как партизан, с высоко поднятой головой и думал, как удрать. Теперь стрелять не будет. Не скажет, что не рассмотрел и не отличил взрослого от ребёнка.

На территории завода я оказался впервые. Все обычно отоваривались семечками на повороте, за два квартала до завода, где машины сбрасывают скорость. Надо только быстрей запрыгнуть, набрать и удачно спрыгнуть, чтобы не поломать ноги на дорожных ямах. Но этот вариант не для меня. Задний борт многих машин высокий, и я не доставал, чтобы добраться до семечек. С низким задним бортом машин очень мало, да и с ними не всё просто.

Подошли к тыльной проходной, где временно размещался начальник охраны.
– Здесь подожди! Я доложу.
Да за кого он меня держит? Высокий каменный забор, через ворота тоже не получится. Дерево у забора, с ветвями за забор, кажется, подойдёт, но его не обхватишь. Кора у дерева, толстая и бугристая, должна выдержать.
– Нашёл дурака, – ПОДОЖДИ! Жена дома подождёт.

Кошки бы позавидовали, увидев, как я взлетел по этому огромному стволу, но за забором они бы спрыгнули на лапы, а я плюхнулся спиной на булыжники с отломанной веткой в руке вместо траурного венка.
В глазах темно, вздохнуть не могу, но надо вставать, пока не поздно. Наконец, получились маленькие вздохи. Надо собрать рассыпанные семечки и быстрей сматываться. Сестра сидела за кустом и плакала. Ещё бы: на её глазах увели брата «на расстрел».
Вспомнили, как после материной получки сутками стояли в очередях за хлебом около магазина по улице Халтурина. Уходить на ночь было нельзя. К вечеру начинали мёрзнуть и прижимались друг к другу. С утра начиналась давка, и далеко не все возвращались домой с хлебом. В центре города и у памятника Кирову в магазин хлеба завозили больше. Мы тоже решили

испытать удачу и пристроились в конце длинной очереди, уходящей за два квартала от магазина. Ночь прошла в мечтах:

– Грабануть бы магазинчик, - прошептал я сестре на ухо.

– А что брать будешь? - спросила Нелли. - Буханок пять или восемь.
– Как потащишь?

– Мешок возьму.
– Где возьмёшь?
Задумался. Обшарил в мыслях всю квартиру. Заглянул в сарай. Нет мешка!
– Да. Из-за двух-трёх буханок грабить не стоит.

– Ты не замёрз? Дрожишь весь. Когда последний раз ноги мыл? - Это они от холода синие. Я люблю, когда ты их моешь. У тебя здорово получается. А вообще я считаю, что мыть их бессмысленно и даже вредно.
– Это почему?
– Когда ты их моешь, они как новенькие. Но стоит выйти на улицу, как они опять грязные. Зачем мыло тратить? - А почему вредно?
– С грязными ногами теплей, а с чистыми и простыть недолго. С чистыми ногами в такой очереди до прилавка к утру не дотянешь.

– Всё с тобой ясно. Прижмись ко мне, теплее будет.

Утром подул ветерок, и стало ещё прохладней. Наконец, открыли окно, через которое из магазина продавали только хлеб. Очередь ожила, и началась давка. С босыми ногами в очереди мне делать было нечего, так как многие старались наступить на них, как бы проверяя, ноги это или ботинки, и я пристроился сбоку, помогая сестре удержаться в очереди. До памятника Кирову, стоявшему против магазина, было ещё далеко, когда Нелли выдавили из очереди. Я озверел, вталкивая её обратно.
– Сволочи! Всех убью! Пустите! Это наша очередь! – орал я во всю глотку, расталкивая очередников.

Залезли. Сестра почти не касалась ногами земли, повиснув между взрослыми. Чем ближе к окну с хлебом, тем труднее было оставаться в этой огромной гремучей «змее», пульсирующей всем своим существом, отбрасывая в сторону слабых, стариков и детей. Я постоянно, изо всех сил, вталкивал сестру, но её тут же вытесняли обратно. Вдруг Нелли обмякла, мгновенно побледнела и стала падать, потеряв сознание. Я, забыв про очередь, оттащил её в сторону, чтобы не раздавили. На нас никто не обращал внимания, продолжая толкаться, выдавливая конкурентов. Каждый прекрасно понимал, что хлеб достанется не всем. Киров был уже совсем рядом, стоял на постаменте, не вникая в людские нужды.

– Убью! – думал я, глядя на сестру. Если не придёт в себя, буду резать всех подряд, кто пойдёт с хлебом. Достал из кармана привязанный на длинной верёвке за кольцо большой складной нож и открыл его. Нашёл его недавно и берёг, как самую большую и необходимую ценность. Наконец, его время пришло, а там - будь что будет. Недавно видел, как пацана откачивали, когда толпа учеников старших классов сдавали на значок Г Т О (готов к труду и обороне) и во время кросса один из парней потерял сознание. Ему разводили и сгибали руки, надо попробовать… На лице сестры что-то дрогнуло, и Нелли открыла глаза.

– Где наша очередь?

Я спрятал нож и приподнял её голову:

– В другом месте!

– В каком, другом?

– В столовой, перед туннелем.

– А что там?

– Бесплатные обеды дают. Я вчера видел.

– Как бесплатно? - удивилась сестра.

– Буфетчица выдаёт первое и второе блюдо, и тут же принимает деньги у кого успеет, компот уже налит в стаканы и стоит отдельно на столе. Хлеб прямо на столах разложен в тарелке.

– И никто не ворует?
– Нас ждут!
– А если поймают?
– Конечно, поймают, если за хлебом придёшь. Там уборщица следит, которая хлеб разносит и грязную посуду собирает, если кто не отнёс. Надо брать всё, как положено: и первое, и второе, и третье. Когда сядем есть, хлеб незаметно с тарелки за пазуху сложим, оставив по кусочку на обед.
– А вдруг кто за наш стол сядет?

– Надо тарелки по всему столу расставить. Да и кому с такими, как мы, есть захочется? Только не засиживайся, не в ресторане!

– Ты сам у нас медленнее всех ешь!- Галка медленней, но она в заначку прячет, а потом втихаря доедает, как будто у неё кто отнимет. Не наша порода! - А денег у нас хватит на первое, второе и третье? – продолжала сомневаться сестра.

– Каких денег? Я же сказал - **БЕСПЛАТНО!!!** Ты думаешь, буфетчица помнит, у кого деньги взяла, а у кого нет? Главное, их в руке держать, чтобы видела, потом в карман, чтобы не мешали тарелки брать и тебе подавать. Ты только успевай поворачиваться и расставляй шире на столе, остальное моя работа. Главное, прийти к обеденному перерыву рабочих и занять очередь среди первых, пока столы не расхватали.

– А если спросит деньги? - Я покажу и такое выдам, что неделю кормить бесплатно будет!

– Когда всю еду тебе передам, буду долго деньги в кармане искать для расплаты, пока рабочая очередь меня не вытолкнет. Соображаешь?

– Я-то соображаю, но может не получиться.

– Пойдём! Получится! Главное, морду лопатой, и вперёд. Но на всякий случай удирать готовься. Бежишь в сторону дома, но в дом не забегаешь. Прячься в посадке, а я в обратную сторону. Встретимся дома.
На тротуаре за дорогой напротив столовой дождались первой толпы рабочих и заняли в столовой очередь…
– Ну, как план?! Наелась?
– Ещё бы, как в ресторане!

– А ты там была?

– Нет, конечно. Но лучше, наверно, не бывает. Только ноги что-то не идут, какие-то вялые.
– Ну, ты даёшь! От голода у тебя не идут, от обжорства тоже. Давай отрежем, чтобы не мучилась.

Сестра скривилась от моего предложения, но я её успокоил:

– Пойдём в посадку, меня тоже что-то мутит, никогда так много не ели. (Посадка – это по улице Кирова, - в настоящее время сквер, разделяющий стороны движения в противоположном направлении, а в моём детстве это были с трудом проходимые заросли). - Вот бы каждый день так! – размечталась Нелли.

– А плохо не будет? Туда больше нельзя. Видела, как уборщица поглядывала, когда мы ещё жрать не начали, а на тарелке уже два кусочка хлеба осталось?
– Нет, не обратила внимание. А деньги не потерял?

– Нет, забери, пока целы, а мне хлеб давай переложим.

– Лучше пусть у тебя будут, - возразила Нелли, - ты больше находишь, чем теряешь… -Это потому, что я всё время под ноги смотрю, а ты

разглядываешь рожи прохожих. Что у них на морде найдёшь? Помнишь, как от матери досталось, когда пять рублей потеряла? Табуретку на твоей голове разбила.

– Да, если бы не ты, совсем бы убила.

– Я, как увидел на твоей голове кровь, сам не знаю, что со мной сделалось. Укусил её за ногу и под кровать шмыгнул. Она дёрг кровать в одну сторону, дёрг в другую, а меня нет. Потом догадалась поднять матрац, а я ногами упёрся в спинку койки и на сетке повис, прижавшись поближе. Знал, что кровать дёргать будет. Ты хоть что-нибудь видела или без сознания лежала?
– Не всё видела. Башка трещала, боялась, что добавит.
– Посмотрела бы ты на её лицо, когда она увидела меня висящим на сетке. И смех и слёзы. Потом села на кровать и сказала, чтоб выползал, обещала не бить. А у меня пальцы онемели, и разжать не могу. Долго висел на сетке. Мать, глядя на окровавленную дочь, лежавшую на полу, благодарила меня, что вмешался, разглаживая рукой место укуса. После материной похвалы пальцы сами разжались. Я вылез и пополз в коридор от греха подальше, куда мать отнесла младшую дочь прежде, чем разбираться со старшей. Галину она жалела и никогда не била, а нам перепадало частенько, особенно Нелли, как старшей. Иногда свои грехи, договорившись, мы сваливали на младшую, и всё сходило с рук.
Так, в поисках еды проходили дни, недели, месяцы, годы. Мы взрослели, и пришло время Нелли идти в школу. Одному болтаться по городу целыми днями было скучно. Привык всегда видеть рядом сестру, с кем можно посоветоваться и поспорить в поисках правильного решения.
Став первоклассницей, Нелька зазналась. Продав украденную на заводе краску, мать сшила у соседки для дочери белый фартук, который Нелли берегла от моих прикосновений. А мне очень хотелось хоть раз вытереть об него руки, чтобы не форсила. Появились подруги-одноклассницы. Придя из школы домой, она демонстративно раскладывала учебники, выданные в школе, и что-то изображала, показывая всем видом своё превосходство. От принесённой мной еды никогда не отказывалась. Иногда я приглашал её на дело, и она, по старой памяти, охотно принимала участие.
– Ну, что, Джека, уже задремала? - овчарка приподняла голову и вильнула хвостом.

– Всего не расскажешь, - продолжал я. - Были и у нас праздники. Помню, как радовались, когда мать рассчиталась с долгами за электричество, и электрик подключил свет. Лучину убрали. В комнате стало светло и весело. Мать сварила тюрю и разлила всем по тарелкам. - Джека, ты знаешь, что такое тюря? (Наверно, в то время у каждого была своя тюря.) Ты бы такое есть не стала. Видел, как ты с Иришкой прямо из кастрюли макароны по-флотски ела, и попробуй вас остановить. Иришка рукой всё подряд загребала, а ты только мясо выбирала, из-за чего и ругались. Родителей не

было дома, они бы вас научили есть, а меня вы не слушали. Так вы с жиру беситесь, а попробовали бы нашу еду... Тюрей мать называла похлёбку из кипящей воды, в которую бросала всё, что могла найти дома и по дороге с работы. Немного подсаливала для вкуса, но и это было только по праздникам. Приготовленное мамой блюдо, как бы оно ни называлось, - это было чудо. Чтобы добавить к празднику веселья, я, осмотрев праздничный стол, спросил:

– Почему у Нельки больше?
– Садитесь, ешьте, у всех поровну! – крикнула мать.
Я склонился к тарелкам, прикрыл один глаз, как бы прицеливаясь и выдал:
– Не буду есть, у Нельки больше!
– Жри, сволочь, убью! Мать сжала кулаки. Она часто меня убивала, и мне было всё равно, разом больше или меньше. В мои планы такая ругань не входила. Мать шутку не поняла, а мне отступать было некуда, и я стоял на своём:

– Не буду, у Нельки больше!
Глаза матери стали узкими, зубы заскрипели. Обычно она считала до трёх (Раз! Два! Два с половиной! Два с четвертью! Три!), после чего начиналось «землетрясение». Но на этот раз вся тюря с посудой полетела на пол сразу… Выждав минуту, я тихо завопил:

– Кушать хочу!
– Замолчи, сволочь! Убью!

Пробравшись вдоль стенки к двери, я продолжал чуть громче:

– Кушать хочу!
Мать рванула за мной, хватая, что попадёт ей под руку.
Выбежав на улицу, я во всю глотку заорал:

– Кушать хочу!!!
Она догнала меня и «накормила». Сутки отходил в углу коридора. Придя в себя, выполз во двор. - Кому нужна такая жизнь? Лучше сдохнуть и не трепать никому нервы. Собирал мелкие камни, стёкла и глотал, чтобы засорить или порезать желудок и умереть. Чего только раньше не ел! Весной – первые листья с деревьев, различая по вкусу каждое дерево. Чудный дар природы - сладкие цветы белой акации доставляли особое удовольствие. Ел что придётся, но такую пищу впервые. Надо место выбрать, чтобы на проходе никому не мешать, пока подыхаю. Отполз в глубь двора под акацию и устроился поудобней в ожидании смерти. Прошло полдня, но смерть не наступала. Что делать?

– Ну и что, что Нелька старше, а я мужик, мне тоже много жрать надо. Пойду в центр, там попробую под машину попасть. В центре города не везло и подходящего случая с машиной не подворачивалось. Не просить же шофёра тормознуть, пока под заднее колесо лягу, чтоб его из-за меня не обвинили. Представил себя на дороге с раздавленным животом. Народ столпился, ругая шофёра… Тот оправдывается, что не заметил. Подходит милиция …

Нет, не пойдёт. Надо, чтобы не было виновных. Пойду на Кубань топиться. Пока найдут, если сомы не сожрут, течением унесёт далеко за город и, как говорят, концы в воду…

Около Кубани повеяло ветерком. Зашёл по колено - сильным течением подхватило и понесло. Здорово! И топиться не надо, река сама всё делает. Как будто дожидалась, когда я приду, чтобы все мои желания исполнить. Вижу, поднимает меня над водой и снова опускает под воду, как бы давая возможность проститься со всеми. Опять вынырнул, увидев берег, и снова под воду, как поплавок. Перед глазами отец: высокий, в сапогах, соседская коза, похороны отца, много народу, и гроб во дворе, а мы с Нелькой в доме на подоконнике стоим, смотрим через окно. Мать в детский сад водила, пока на карантин не закрыли. Как-то осталась у проходной завода, а мы с Нелли пошли дальше в детский сад. По пути мне повезло, и я нашёл белый резиновый шар. Внутри что-то было. Я вылил, надул его и пришёл в детский сад хвастаться. Больше всех мой большой шар понравился нашей воспитательнице, которая просила, чтобы я ей отдал. Но мне шар самому нравился, и я не отдавал. Потом собралось много воспитателей, и все стали просить, но я заперся в летнем туалете и сказал, что всё равно никому его не отдам. Вызвали мою маму с работы. Она почему-то смеялась, подходя к туалету, потом ласково стала обещать мне горы золотые в обмен на мой шарик, и мне пришлось согласиться.
Опять вынырнул. На берегу компания сидит, наверно, в карты режется. Что-то кричат, кажется, про меня. Наверно, увидели, как я тону. Кто-то схватил. Орёт:

– Отпусти! Отпусти, тебе говорят! Мне в голову не могло прийти, что это меня касается и что кто-то решил нарушить все мои планы. Тела своего я не чувствовал. Оно само по себе, а я сам по себе, никому не мешаю и никого не трогаю, тону потихоньку… Кажется, кто-то тащит меня на берег и ему помогают вытащить. Что-то со мной делают. Так выворачивают, что и мёртвый очнётся. Пытаюсь встать на ноги, но они не держат. Отполз в сторону. Смотрят, как на утопленника. Что им от меня надо? Плыл потихоньку, так надо же, спасатели подвернулись. Не очень приятно с того света возвращаться. Там всё в ярких цветных красках, а здесь всё блекло. Встал. Ещё качает, как будто продолжаю нырять. Поплёлся в город. Слышу сзади:

– Вот наглец, даже спасибо не сказал!

– Обойдёшься! - ответил я, - никто не просил! Мой путь всегда проходил через базар, но на этот раз я задержался, и надежда, хоть что-нибудь бросить в желудок, таяла на глазах. С базара всех выгоняли, и уже наводили там порядок. Особого голода не чувствовал. В животе булькал компот мутной кубанской воды со стеклом и камнями. Немного тошнило. По старой привычке хотелось на всякий случай чего-нибудь проглотить. Кто знает, что будет завтра…?
Вернувшись с того света, я увидел город другими глазами. Заметил, что появились автобусы, на которые раньше не обращал внимания. Улицу Кропоткина выровняли, а дорогу замостили камнем. Начали асфальтировать площадь Ленина и потихоньку прореживать посадку по ул. Кирова, превращая её в сквер. Наблюдая за поворотом машин, которые привозят семечки на маслозавод, я кое-что придумал. Если углубить выбоину на повороте, то на кузов и я смогу забраться, когда заднее колесо попадает в яму и пытается из неё выбраться. Ночью пришлось поработать, углубляя яму, а днём проверил. Подождал машину с низким задним бортом - запрыгнул. Наполнил пазуху, а спрыгнуть не успел - машина быстро набрала скорость. Два квартала ехал к заводу и на повороте у самой проходной спрыгнул. Понравилось. Но вскоре лафа кончилась. Все борта нарастили, загружая машины под завязку.

Нелька перешла во второй класс и совсем задрала нос. Только принесённая мной еда могла привлечь её внимание. Сразу откладывала учебники и, не скрывая любопытства, лезла ко мне за пазуху. Чем дальше удалялась от меня сестра, тем ближе ко мне становились мои друзья - соседи Юрка Плехов и Славка Глушко. Оба были из многодетных семей и тоже не жировали, но, имея отцов, легче выкручивались из любых ситуаций. Они были старше меня, но иногда составляли мне компанию по чужим огородам, пропуская занятия в школе. Юркины родители, получив квартиру, переехали, а он продолжал ходить в двенадцатую школу и был постоянным гостем нашего двора, где оставались жить его дед и бабка Зорины. Славкина родня уже не вспоминала про козу и полёт через забор, относилась к нам хорошо, по-соседски. Славка учил меня кататься на автобусе, прицепившись сзади. Мне не сразу удавалось запрыгнуть на блестящую нижнюю железяку, ухватившись за верхнюю, узкую. Наконец я узнал дальние места города. Ни кондукторы, ни водители автобусов не могли своими угрозами лишить меня этого удовольствия. Но всему когда-то приходит конец. Ухватившись за верхнюю, я не успел запрыгнуть на нижнюю железку, как автобус тронулся, и я вместе с ним стал быстро набирать скорость. Рядом ехал, как положено, мой «инструктор» Славка. Он, переживая за меня, всё время просил, чтобы я не отпускал руки. Но я и сам понимал, что тогда сразу своей мордой начну выковыривать недавно уложенные булыжники по улице Кропоткина. К моему несчастью, ни кондуктор, ни водитель на меня и Славку внимания

не обращали. Я чувствовал, как пальцы моих босых ног пытаются выравнивать все выпуклые булыжники, оставляя на них свои кровавые следы. Всем нутром ощущал, как водитель переключал передачу, увеличивая скорость. И, наконец, подъезжаем к остановке… Наверно, кто-то сверху подумал, что я не всё до конца осознал, и решил меня как следует проучить. Пассажиров на остановке не оказалось, и автобус, не останавливаясь и почти не снижая скорость, погнал дальше. Мне жалко было Славку, который смотрел на меня и ничем не мог мне помочь. Я старался выше прыгать, но и это не помогало. Ещё ни разу в своей жизни не бегал я так много и так быстро по автобусному маршруту. Кто это так неровно выложил булыжники? Их бы так же прокатить, - думал я. - Не дай Бог опять без остановки! Вспомнил молитву матери: - Боже, спаси и сохрани! Только бы остановился, больше никогда и ни за что. Надо подготовить онемевшие пальцы рук, чтобы вовремя отпустили этот проклятый автобус, а самому быстрей в сторону и в кусты, пока шофёр не выскочил с кулаками и матом. Кажется, сбросил скорость. Слава Богу, услышал молитву! На ноги страшно смотреть. С разбитых пальцев сочилась кровь. Славка посоветовал обмотать их листьями с деревьев, но из этого ничего не получилось, и я, невзирая ни на что, почти с той же скоростью, побежал домой. Долго бежать не получилось, и я, ступая только на пятки, шагом продолжил путь. Так мне и надо, - твердил всю дорогу. Не зря взрослые гоняют нас, дураков. Матери скажу, что упал, чтобы не лупила. Вечером мать отвела меня к бабке через посадку напротив. У неё лечился почти весь город, пока милиция не стала разгонять очередь. Бабка сказала, что надо было сразу описать ноги, и долго разбиралась с моими вдребезги разбитыми пальцами. Славка долго подсмеивался: - Пойдём, покажешь, как передачи переключал и газ сбрасывал. Но мне было не до смеха.

Пока ноги заживали, семью кормить было некому, и Славка таскал нам привезённые его отцом с работы лошадиные кости. Мяса на костях почти не было, но пахло мясом здорово, и бульон получался отличный. Глодали кости, высасывая из них мозги, и благодарили Славку. Я понимал, что Славка замаливает грехи своих уроков, но всё равно был ему очень благодарен. Иногда его отец ставил варить мослы прямо в общем дворе в большом котле. От запаха балдел весь двор, и кое-что от сваренного перепадало нам. Однажды я увидел, что мой друг тоже что-то варит в очищенной из-под краски банке. Спросил, и тот ответил, что давно собирался сварить компот. Пообещал угостить, если принесу кружку. Долго меня уговаривать не пришлось. Я быстро нашёл самую большую кружку и притащил её Славке.

– Не жадничай, наливай на всю семью.

– Сам не жадничай, если понравится, ещё придёшь, налью. - Понравится, понравится, наливай ещё!

Нелли не могла дождаться, когда принесу компот.

– Подожди, пусть хоть немного остынет, - уговаривал я. - Уже остыл, пока ты

нёс. Давай! Попробовала. - А почему несладкий? - Наверно, фрукты такие, дай я попробую. Правда, солёный. Пойду спрошу.
– Ну, как компот? - спросил Славка.
– Ты что налил? Почему солёный?

– Саки всегда солёные, - ответил, смеясь, Славка. - Какие саки? - спросил я.

– Я целый день собирал, сейчас добавил и грею.
Я что-то не понимал, но о чём-то начинал догадываться и сплюнул, вытирая рот руками.

- А зачем греешь? - Бабка приписала моей мамке пить от туберкулёза костей детскую мочу и обязательно свежую и тёплую, вот я и грею. - А что такое моча?

Славка громко заржал, как жеребец.
– Моча - это и есть саки, которые вы пили! – умирал он со смеху, схватившись за живот.
Такой подлости от Славки я не ожидал. - Никогда тебе этого не забуду, друг называется. - Не бойся, кроме пользы, от моих сак ничего не будет - продолжал смеяться Славка.
– Я тебя как-нибудь говном накормлю, посмотрим, какая польза будет.
– Ладно тебе обижаться, завтра больше костей принесу.

Конечно, побольше костей – это неплохо. Но дать ему слабину, завтра опять что-нибудь придумает. - Подавись ты своими костями!
– Ты не веришь, но матери только это и помогает от её болезней. А у неё их хоть лопатой отгребай, и тебе вредно не будет. Я её спрашивал, когда за саки мне платить будет, да чуть ремня не схлопотал. Знал, что Славка не врёт. Кроме меня, бабка лечила и Нельку. Когда та надорвалась, глиняным горшком ставила ей живот на место, но сейчас говорили не о бабке, а о подлости друга.

– Рассчитаемся! – буркнул я и ушёл домой, выплеснув остатки «компота» на Славку.
Два дня не разговаривал со Славкой и всё думал, как же ему отомстить. На третий день, сделав рогатку, пошёл на охоту по воробьям. За полдня удалось сбить трёх воробьёв, но для осуществления плана не хватало главного. Отыскать подходящее говно оказалось не так просто. Чьё – роли не играло, главное, чтобы было сухое и без запаха, пока не разжуёт. Встретил Славку из школы: «Давай мировую!» - и показал ему подстреленных воробьёв, из которых предполагалось сделать шашлык. Славка обрадовался перемирию и с удовольствием согласился.

Вечером я развёл в посадке костёр, ощипал и поджарил на прутиках трёх воробьёв и то, что составляло основу спланированного вечера. Одно от другого ничем не отличалось. Всё на палочках, и всё поджаренное, главное - не перепутать.

– Что-то запаздываешь, - встретил я Славку, - шашлык стынет!
– В животе согреется, - отозвался Славка, принимая поджаренного воробья.
– Ну, как шашлык? -
Вкусно! – похвалил Славка, обсасывая косточки, - но маловато. - Хоть и не утка, а всё равно дичь, - поддакивал я. Мне тоже нравилось, но всё было впереди. Я хорошо знал, чем всё закончится, и был к этому готов.
– Держи! Этот чуть пожирней! - угодливо протянул я.
Солнце уже скрылось за горизонтом. Деревья совсем затенили посадку, и Славка, не заметив подвоха, стал разжёвывать «жирного воробья».
– Этот что-то не очень, - скривился Славик. - Что ты мне подсунул? - возмутился друг.

– Что, говно не распробовал, которым я обещал тебя накормить?
Славка вскочил и после нескольких плевков бросился на меня с кулаками.
– Распробовал! – успокоился я, и тоже пошёл в атаку. Он был не только одногодок моей старшей сестры, но гораздо выше. Руки у него тоже были длиннее моих. Мне, даже подпрыгивая, никак не удавалось достать кулаком до его морды. Все преимущества были на его стороне, кроме одного: говном я его всё-таки накормил. Прогнувшись дугой, он наступал животом вперёд, встречая меня зуботычинами. Но я не отступал, получая удар за ударом. Учитывая все его преимущества, морду он мне, наверно, набил бы очень хорошо. Спасла моя мать, которая, возвращаясь с работы, увидела, как на её глазах пытаются убить её любимого сына. Я ещё раз убедился, что Бог на моей стороне, иначе было бы море крови и совсем немного костей. Она разнимала, а я всё прыгал, пытаясь достать хоть куда-нибудь. Успокоила обоих и начала выяснять причину ссоры друзей. После моего рассказа про мочу, про моё обещание, которое я, наконец, исполнил, долго смеялась и не могла успокоиться. Славка, поверженный, ушёл домой, а моя мать за ним, предупредить его родителей, чтобы ужином Славку не кормили, так как их сына уже накормил говном её сын. После Славкиной родни мать поспешила к Юркиной. В этот вечер весь наш двор ужинал с главной вечерней новостью, которую рассказала всем моя мать, довольная, что её сын отомстил обидчику. Но дома меня тоже ждал «разбор полётов».
– С кем лезешь драться? До морды не достаёшь и прыгаешь, как петух. Посмотрел бы, как твой отец дрался. Руками машет, а ногами бьёт наповал, в Китае научили.

Со Славкой мы вскоре помирились, но я, зная его хитрющую натуру, на всякий случай напоминал ему: «Слав, говна пожевать хочешь?» Он

пытался в ответ дать мне затрещину по-дружески, но я всегда уворачивался. Больше он так со мной не шутил.

При всех издержках «воровской профессии» я всегда придерживался незыблемых правил: у своих не воровать, бедных не обижать, к старикам в огороды не лазать, и ни у кого не просить. Иногда эти правила оборачивались для меня боком, но это ничего не меняло. Никогда не интересовался школьными делами сестры, но однажды, видя её плохое настроение, спросил:

– Учиться трудно? - Очень, постоянно жрать хочется, и голова кружится. На переменах все достают бутерброды: кто с колбасой, кто с повидлом или пирожки, и начинают есть, а мне дурно делается. Спрашивают меня, почему я не завтракаю, а я отвечаю, что перед школой хорошо ем, чтобы с собой не таскать. Сегодня на уроке сознание потеряла, и все испугались. Думали, что умерла. Учительница поговорила с врачом, и завтра вызывают маму в школу.

– Неужели выгонят?
– Не знаю.

– Надо что-то делать, - предложил я.
– А что сделаешь?
– Пошли хлеб искать, пока мать не пришла.

– Куда без денег?
– По пути расскажу. Я об этом давно думал. В очереди стоять больше не будем…

Пройдя школу и проходную машиностроительного завода (главнефтеснаб), устроились в кустах посадки для наблюдения. - Смотри за тротуаром, как пойдет кто с хлебом, я выхожу ему навстречу, а ты по посадке обегаешь сзади, прячась за кустами. Я бью кулаком по буханке, ты её сзади хватаешь, и рвём в разные стороны. Встречаемся дома.
– А если в милиции?

Я представил себя в милицейском участке перед дежурным, а по бокам с обеих сторон и чуть сзади меня двух легавых…

– В любом случае ты меня не знаешь. Если что-то пойдёт не так, близко не подходишь, а то точно из школы выгонят. Смотри в оба, а я полежу, потом подежурю я…

– Вовка, смотри, хлеб плетётся! В начале квартала показался старичок с буханкой хлеба под мышкой и с палкой в руке вместо трости. Его

сгорбленный вид и походка с опорой на «три ноги» говорили, что этот хлеб ему достался если не в последнем, то в предпоследнем бою с очередью.
– Нет. Этот не пойдёт. Дай Бог ему до дому дойти! Смотри, ещё!..
Прошло около часа.

– А эта? - Ты что, старуху решила убить? Нет, не пойдёт! Вон, кажется, следующий подойдёт. - Да, этот шустрый, без палки. От такого, боюсь, не убежим, - прошептала сестра.
– Главное - внезапность! Я пошёл.
Нелли рванула посадкой, мелькая за кустами.

Выхожу на тротуар. Руки в карманах и поплёвываю через губу, как Славка учил. Позже до меня дошло, что я всем своим видом говорил:

– Мужик! Положи буханку на тротуар и сматывайся, пока не поздно.
Но тогда мне казалось, что всё идёт по плану.

Он уже совсем близко, а Нельки не видно, как бы опять сознание не потеряла. Придется всё делать самому, если получится, так даже лучше. Мужик что-то заподозрил, оглянулся и ускорил шаг. Вижу, что, чем ближе приближается ко мне, тем сильнее прижимает к себе «мою» буханку. Наверно, разгадал мой план, но менять его уже поздно. Он почти рядом, и далеко не старик, просто крепыш низкого роста. Значит, всё так и должно быть. Со всей силы бью по буханке, а мужик - по мне. Всё пошло не по плану… Скрутившись калачиком, я принимал удары ногами, как должное. Благодарил Бога, что улица около завода безлюдная, где нет наблюдателей и помощников добивать меня толпой. Мужик, наверно, устал или подумал, что убил пацана, а может, пожалел свои ноги, не казённые ведь, новые не вырастут. Главное, чтобы сестра не вмешалась. Можно быстро вскочить, выхватить из кармана свой огромный нож и … Но я сам виноват. На месте мужика, наверно, любой бы так же сделал… Очнулся в незнакомой комнате. Чистые простыни. Никогда таких белых не видел. На мне мягкий, очень красивый зелёный костюм. Может, уже умер? Щипнул ногу. Кажется, ещё жив. Рядом, на тумбочке, покрытой салфеткой, стоял большой бокал с молоком, а на блюдце лежала поджаристая пышка. На стуле около кровати аккуратно сложены выстиранные, заштопанные и выглаженные мои пожитки. Сверху, на длинной верёвке, лежал мой нож. Хорошо, что я им не воспользовался. Не смог бы, даже если бы меня убивали. Трусов и майки у меня никогда не было, да они и не нужны. Майка бы мешала загружать пазуху, а трусы вообще непонятно, зачем носят. Сестра зашила рубашку почти до верха, чтобы из пазухи ничего не высыпалось, а тут зачем-то пришили все пуговицы. Разве им понять? Придётся опять зашивать, а пуговицы оставлю для красоты. А если в этом зелёном костюме домой идти, а шмотки в руке? Таких фраеров во всём городе не видел, а наши, увидев меня, попадают. Нет, это, наверно, надели, как на больного. Надо всё

оставить. Молоко выпью, пышку домой сёстрам возьму, для меня же положили. Из кухни доносился вкусный запах борща. Сейчас будут обедом кормить и расспрашивать. Что я им скажу? Врать добрым людям неудобно, а правду говорить стыдно, надо быстрей сматываться. Звяканье посуды торопило. Осмотрелся. В комнате никого нет. Лёжа в постели, прислушиваясь к каждому шороху, снял зелёный костюм и аккуратно сложил его вместо своего барахла на стул. Быстро набросил родную, привыкшую к моему телу амуницию и привязал на своё место за шлёвку брюк верёвку от ножа, просунув его в специально сделанную дырку правого кармана. Догадались, хоть здесь не зашить. Качнул ногой, проверяя, на той ли высоте болтается нож в штанине, и на цыпочках подошёл к двери. Окно я уже осмотрел и на всякий случай открыл щеколду, но это был запасной вариант. Выскользнув в дверь, оказался на улице. Солнечным светом в лицо пахнула свобода. Надо бы спасибо сказать, но как? Даже не почувствовал, когда меня купали. Интересно, сколько дней я у них лежал? Хотелось хоть издали взглянуть в лица своих спасителей, но боялся расспросов.
Дома не ждали и встретили, как привидение. Нелли, растирая ладонями слёзы, рассказывала, что зацепилась за куст, а когда выскочила, меня уже избивал мужик. Потом подошли другие люди, и один куда-то меня унёс, а она убежала домой за мамой. Три дня меня искали везде. Никто ничего не видел. Вечером пришла мать. Не била. Жалела и плакала. Рассказал ей, что хотел прийти домой в зелёном костюме. Мама пояснила, что в таких костюмах не ходят, так как это нательное бельё. Хорошо, подумал я, что поступил честно. Слава Богу, что не фраернулся, точно бы все попадали.

Наконец, пришла и моя пора сесть за школьную парту. Мать приодела. Не по себе было в новой рубашке и брюках, но понимал, что так надо. На ноги надеть было нечего. Отыскал в сарае мамины старые туфли с оторванным каблуком и примерил. Давно на них глаз положил, но они были великоваты. Сейчас тоже болтались, но других не предвиделось. Оторвал второй каблук, в носок заткнул тряпки, пониже опустил брюки, чтобы не всё было видно. Кажется, в школу готов. Там лазать через забор и убегать не надо. Через годик-два и ноги подрастут…

С первых же дней понял, что школа не для меня… Здесь не учили на слесаря, электрика или шофёра, чтобы зарабатывать деньги и жить по-человечески. Заставили рисовать кружки и палочки, обучая по одной букве в день, а не все сразу, и это бесило. Как можно заниматься такой ерундой, когда в доме жрать нечего? Так недолго и ноги протянуть. Нелька рассказывала про большие перемены, но я даже не подозревал, что это так противно, когда друг перед другом… В свою лётную отцовскую сумку я на перерыве не лез – в ней искать было нечего. От вопросительных взглядов уходил в буфет. Отстояв очередь без гроша в кармане, завтракать «передумывал» и к началу урока возвращался в класс. Вскоре меня раскусили и стали смеяться. Предлагали вместо буфета сходить в туалет.

Пришлось терпеть, не выходя из класса… Неужели им не хватит, если поесть утром дома? Зачем всё это тащить в школу и здесь, хвастая друг перед другом, жрать, разбрасывая крошки по всему классу? Наверно, и дома так едят. Мне бы этого завтрака на три дня хватило, а этому толстяку на один присест. И как в него лезет? У окна девчонка красиво ест. Как мышка, понемногу кусает и ни одной крошки не обронит. Половину булочки не доела и завернула в салфетку. Наверно, не из богатых, дома доест. Одета, как все, в школьную форму, но чем-то отличается. На меня посмотрела и перевела взгляд на свой свёрток, как бы предлагая его взять. Мне стало не по себе, и я вышел из класса.
Быстро привык я к насмешкам и не обращал внимание, когда нарочно перед моим носом крутили свою жратву. Никому не завидовал, но очень хотелось врезать. Мать предупредила, чтобы руки не распускал, иначе выгонят из школы, и я терпел. Трудней всего было, когда меня пожалела самая аккуратная и самая красивая девчонка в классе. Старшую сестру мать поднимала в школу перед уходом на работу, а мне, во вторую смену, предоставлялась полная свобода действий. Старался оправдывать доверие, но…

Я чувствовал, что эта девчонка все издевательства надо мной переживает больше меня и, понимая меня, больше не пытается подсунуть мне еду. Видел, как она из-за меня мучается, но против всего класса пойти не может. Чтобы разрядить обстановку, я решил в школу несколько дней не ходить. Вскоре маме кто-то донёс о моём недельном прогуле. Оправданий слушать не стала. Видно, ей посоветовали быть со мной строже. Знали бы советчики, что все доступные хворостины из нашей посадки давно были изломаны на моей и Нелькиной спине. Это потом я прочёл в Библии, что любящие родители для своих детей розг не жалеют. А тогда я ещё не знал, что всё это от большой любви. На этот раз мать в присутствии сестёр предупредила меня, что ещё один день, пропущенный в школе, станет последним днём в моей жизни. Я понимал, что маме с нами тоже несладко, и не хотел доставлять ей неприятности, но всё случилось не по моей воле. На улице было совсем холодно. Все уже ходили кто в куртках, кто в пальто, а мне надеть было нечего. Собираясь в школу, я надел мамину старую кофту. Думал, что в классе на мой новый наряд никто не обратит внимание. Одноклассники, поглядывая на меня, до большой перемены о чём-то перешёптывались. На перемене началось: - Смотрите! Наш придурок пришёл учиться сегодня в бабской кофте! Наверно, спёр у кого-то и, не разобравшись, нацепил. Все, кроме одной девчонки, смеялись. Я не мог понять, как они могли узнать, что кофта бабская. Один подошёл ко мне, угадав мой вопрос, тихо сказал: «Пуговицы на левой стороне». Откуда мне было знать, что у женщин всё наоборот? Никогда бы не надел, но было уже поздно.

– Давай помогу! – предложил он, взяв между пальцев верхнюю пуговицу, и резким рывком оторвал её.

Класс притих, наблюдая за происходящим.
– Одна готова! – Сказал он. - Она тебе нужна?
– Нет! – ничего не подозревая, ответил я.
– Выбрасываем! - сказал он, бросив пуговицу в центр класса.
Оторвав вторую, спросил:

– А эта нужна?
Я пожалел первую, подумав, что кофта матери ещё может понадобиться.
– Нужна!

– Возьми! – сказал он, засовывая её мне в карман, под громкий смех всего класса. Взял третью пуговицу… Теперь до меня дошло. Обескураженный такой шуткой, я, как волчонок, загнанный в угол борзыми, оглядывал всех в надежде найти хоть одно сочувствующее лицо. Давно ждал, чтобы хоть один притронулся ко мне пальцем… В стороне стояла девчонка с платочком в руке. Её взгляд застыл на мне в испуге… Не знаю, что со мной произошло. Помню только, что ответил:

– Ты тоже возьми! – и ударил, а он упал. Все замерли… Я взял свою сумку и, перешагнув лежащего на полу, вышел из класса…

Уверен, что мой отец на моём месте поступил бы также, если бы был жив, а мать бы одобрила. Но сейчас она не хотела меня слушать. Испугала последним днём жизни, о котором я давно мечтал.

Домой идти не хотелось. Нелька начнёт задавать вопросы, почему рано пришёл из школы. Будет переживать, плакать… Дождался около школы окончания уроков и поплёлся домой. До дома из школы надо было пройти чуть больше половины квартала. Оглянулся. В десяти-пятнадцати шагах за мной, шли все ученики нашего класса. Чтобы это могло значить? Не может быть, что все они идут меня бить. Здесь не школа. На улице я хозяин, и меня голыми руками не возьмёшь. Надо только быстрей к дому и материны «колодки» с ног во дворе сбросить, чтоб не мешали. Я им покажу! Самому перепадёт, но на этот раз многим достанется. Прежде чем повернуть во двор, оглянулся ещё раз. Впереди девчонки, а за ними мои злейшие враги. Что делать? Девчонки будут мешать, да и эту училка наверняка заставила идти со всеми. Как бы ей не перепало! Но пацанов проучить надо, чтобы дорогу забыли.

Быстрей всего, училка всех послала ко мне домой, чтобы к ней вызвали мать, но в это время её дома не бывает… Подходя к дому, у себя на крыльце я увидел поджидающих меня Юрку и Славку. Увидев идущих за

мной одноклассников, друзья насторожились. Нужна была только моя команда.

– Юрка! Славка! Наших бьют! – крикнул я, сбрасывая «колодки», и один, повернувшись кругом, рванул в атаку. Девчонки с визгом разбежались, оголив пацанов. На ходу, хватая в руки камни, друзья бросились за мной. Тех, кто уползал, и девчонок не били. Убегающих не догоняли. Успокоились, когда желающих встать уже не было. Не пойти в школу на следующий день я не мог. Подумают ещё, что испугался. Все они богатые и нахальные, а я, хоть и бедный, но гордый. В столе лежал орден Красной звезды и какие-то медали. У матери не спрашивал, чьи это награды, чтобы не расстраивать её. Но считал, что сегодня я их заслужил, и отец мной гордился бы. Сейчас я, как отец с ножом в спине, шёл на своих врагов в надежде «убить» самого главного. Зайдя в школу, прикрутил орден, прицепил медали на рубашку и вошёл в класс. Класс притих, увидев героя. Изумлённые пацаны, забыв обо всём, бросились разглядывать боевые награды, лезли за пазуху посмотреть, как они крепятся. Многим больше всего понравилась Красная звезда. Очень красивые знаки воинской доблести притягивали как магнитом. Разве можно было оторвать от них глаз? Как всегда в стороне стояла девчонка, на лице которой светилось: «МЫ ПОБЕДИЛИ!!!» Пока одноклассники разглядывали мои медали и орден, я пытался рассмотреть на их лицах следы вчерашней битвы, но почти ничего не видел. Наверно, мои друзья, как я, в морды не били и следов не оставляли, а жаль: «медали должны висеть на видном месте».
С опозданием в класс вошла училка. Её появления в классе никто не заметил. И только на её вопрос:
- Что здесь происходит? – все притихли, но по местам не расходились. Нетрудно было догадаться, что родители моих одноклассников уже пожаловались директору школы, что учительница направила учеников ко мне домой, где их избили, и сейчас всё должно вернуться ко мне. Увидев меня в классе да ещё с боевыми наградами, она потеряла дар речи. Вскоре, придя в себя, подошла ко мне. Под хихиканье класса открутила и забрала всё, сказав, что их надо ещё заслужить. Я молча стоял, понимая, что она права, но всё равно НЕ ПРАВА! Она направилась к своему столу, а я, хлопнув дверью, поплёлся домой. Младшая сестра сидела на кровати, выпучив свои огромные глаза. Она уже прошла практику на огородах соседнего квартала и что-то начинала соображать, но сейчас, зная предупреждение матери, не находила подходящих слов. Старшая, увидев меня, развела руками.
– Мамка же убьёт! Ты почему не в школе?
Рассказал всё, как было, успокаивая, чтобы не ревели.
– Не убьёт! Я из дома уйду.
– Может, расскажем ей, и простит?

– А когда она меня слушала?
– Возьми что-нибудь с собой, - согласилась Нелли.

Обыскали всю квартиру. За столом в мусоре нашли чудом сохранившийся небольшой огрызок сухаря. Трудно представить, как он мог там оказаться. Никогда ни одной крошки хлеба у нас не оставалось, а тут вдруг такой подарок. Мыши его съесть не могли, так как из-за отсутствия пищи в нашей квартире их никогда не было.

Нелька достала из заначки пять копеек. – Возьми, пригодится!
Знал, что мать после обморока иногда подбрасывала ей, но я делал вид, что ничего не вижу, радуясь за сестру.
– А тебе?
– Это у меня от завтраков осталось. Мать давно давала. Тебе сейчас нужней.
Положив в тряпочку коробок спичек, огрызок сухаря и пятак, я простился с сёстрами.

– Учиться будешь? – спросила вдогонку старшая.
– Сначала устроюсь где-нибудь, а там видно будет.
Вышел на улицу. Куда идти? В школьном саду быстро поймают. Овощей сёстрам не успел натаскать. Как они без меня? Надо ближе к базару, там легче огрызки найти. Брать с прилавков, глядя в глаза, не научился, что-то мешало. По пути кто-то окликнул.
– Что, братишка, сачкуешь?
– Из дома ушёл, - нехотя ответил я, вспоминая, где мы могли встречаться. Школа отпадает… Может, на одну машину за семечками запрыгивали? Или на базаре…

– Ну, ты даёшь? – удивился парень. – Кто же из дома уходит? Меня бы собаками не выгнали!

– А ночуешь где?
Парень засмеялся.

– Ты, я вижу, совсем зелёный, как арбуз. Ночевать нашему брату никак нельзя, с голоду сдохнем. Ночуют те, кому по ночам делать нечего, а для нас с тобой – ночь, как мать родная. Днём желательно залечь, не мозолить глаза легавым. Ночью они, как все нормальные люди, спать хотят, и нам работать не мешают. Пойдём, устроимся в цистерне у базара!
Рядом с железнодорожным полотном, напротив базара, со стороны тоннеля, стояла огромная цистерна.
– Не задохнёмся? – осматривая со всех сторон новое жильё, спросил я.
– Проверено! Сто лет назад выдохлась.

Внутри этого огромного железного замка было немного душновато. На полу слева лежала соломенная подстилка.

– Укладывайся! Не ты первый, не ты последний. Стемнеет, пойдём на работу.

– С удовольствием! – обрадовался я быстрому устройству.
Новая квартира мне понравилась: дождь не страшен, в люк много не накапает. Сейчас ещё тепло, а к зиме надо что-то искать. Браток должен тёплые места знать. Интересно, где будем работать? Наверно, где-нибудь арбузы с машин разгружать или вагоны. Одного меня не возьмут, а он старше, с ним легче устроиться. Быстрей бы заработать и своим помочь. Если хорошо пойдёт, днём можно и в школу ходить….
Размечтавшись, не заметил, как стемнело.

– Жди здесь! Я скоро, - скомандовал браток, ловко выпорхнув по доскам в открытый люк.

Здорово! Сейчас работать пойдём. Вот повезло с братком! Ждал недолго. Лестница, приваренная к цистерне, загремела оторванным концом, предупреждая о возвращении нового друга. Я выбрался по доскам наверх.
– Держи арбуз! Не оброни. - Уже заработал? - Машина мимо проходила, и всех желающих угощали!

– Ты, конечно, не отказался!
– Никогда не отказываюсь. Дают – бери, бьют – беги.

– А как же не разбил?
– Пока учился, целую бахчу испортил, везде опыт нужен.

– Вниз не полезем, давай здесь.

Потянув за верёвку, я достал из штанины нож и надрезал.
– Не дозрел, - снимая пробу, оценил я.

– Некогда было выбирать, в желудке дозреет. За такой спасибо скажи.
– Конечно, дозреет.

– Народу ещё много болтается. Отольём и храпанём пару часиков, потом отправимся …

Разбудило предчувствие чего-то неприятного. Браток не отзывался. Пощупал вокруг - никого нет. Наверно, работу ушёл искать? Полез за спичками. Ни узелка с провиантом, ни ножа на верёвке не было. Неужели украл? Я бы сам отдал, если бы попросил. Разве у своих воруют? Пусть подавится! Если у таких, как я, ворует, значит, ему хуже, чем мне.

Людей на улицах уже почти не было, но окна домов ещё не спали. Заморозки пока не пришли, но листья потихоньку опадали и, кружась, искали так же, как я, новое пристанище. Как там наши? Мать, наверно, уже знает и злится, что убивать некого. Теперь Нельке одной за всё перепадать будет. Давненько нам по-крупному не доставалось. Раньше почти каждый раз после прихода её с работы. То порядок в квартире не нравится, то воды забыли натаскать из колонки, которая была в будке за два квартала от нас в посадке; то грязные, как черти, или отдохнуть ей не даём, кушать просим… Обычно получали по очереди, начиная с меня. Нельку отправляла в посадку за прутьями, а я, в ожидании инквизиции, пытался объяснить маме, что наше битьё никак нельзя считать счастливым детством, о котором говорят в школе. Сестра из посадки возвращалась с охапкой «воспитателей», каждый из которых тщательно проверялся, и Нелька знала, что брак тут же будет устранён на её спине. Я тоже при приёме «воспитателей» не стоял в стороне, контролируя мать.

– Мам, этот, кажется, длинноват, будешь меня бить и за абажур зацепишь. А этот тоже не пойдёт, смотри, как плохо свистит…
Мать юмор понимала и отвечала тем же.

– Сейчас на твоей заднице ещё раз проверим, все плохие Нельке достанутся…
Нелька жаловалась, что все хорошие в посадке давно кончились, но мать указывала на заросли других кварталов. Я уже думал, что с этим делать. Очухавшись после «беседы с воспитателями», с утра облазил всю посадку, заглянув в соседние кварталы, и переломал не только годные, но и те, которые могут подрасти через месяц. Рассказал сестре.
Через пару дней Нелька, выполняя указания матери, с кислой мордой принесла вместо прутьев букет молодых побегов.
– Ты что принесла? – вскипела мать.

– Я же тебе говорила…
Оттолкнув Нельку, мать рванула в посадку. Долго ждали, представляя, что там происходит. Наконец, она показалась с охапкой огромных прутьев. Встречая её на пороге, спросил:

– Мам, откуда такие большие, наверно, верхушки деревьев обломала? Эти не пойдут! Быстро поломаются. У Нельки были лучше! Раскладывая «воспитателей» на кровати по росту, мать отвечала:

– Сейчас проверим, если не понравятся, за другими сам пойдёшь! Я взял один, взмахнув, ударил о постель:

– Мам, совсем не свистит и …
Удара по спине я не ожидал, но разницу почувствовал. Нелькины били

гораздо больней. Этот хлыст Неллиным в подмётки не годился. Я всё же взвизгнул и, как подкошенный, рухнул на пол, подминая под собой «воспитателя», за конец которого успел схватиться. В голове мелькнуло: «Один готов!» - Вставай, сволочь! - крикнула мать, ломая о меня и о пол свои длинные прутья.
От Нелькиных я спасался, хватая мать за руки и за ноги, причём орал во всю глотку, чтобы весь город знал о недозволенных методах воспитания, а сейчас лучше лёжа считать, как мать ломает хрупких «воспитателей» о пол. Уже четвёртый готов… Нельке на этот раз перепало совсем мало.
– Теперь, сволочи, хватайте вёдра и бегом за водой! Я вам покажу, как к приходу матери воды не заготовить. Сами как из болота вылезли, и матери после работы умыться нечем. Заняты они, а мать на работе баклуши бьёт!

Бывало, что будка с водой за два квартала была на ремонте, и воду приходилось таскать за три, иногда за четыре квартала.
– Ну, как? - спросила Нелли.

– Да не сравнить с твоими. Этими можно каждый день удовольствие получать, а твои под кожу лезли. Интересно, куда она оставшиеся прутья спрячет? Завтра займусь… Я уже обдумывал очередную пакость. Мы знали, что у матери детство было не слаще нашего. Знали, что она осталась круглой сиротой в три года, что директор детского дома прибавила в её документы пять лет, чтобы раньше могла устроиться на работу. Принимали мы от неё всё, как должное, но инстинкт самосохранения вынуждал иногда огрызаться. Расплёскивая по ногам воду из вёдер, я попросил сестру не спешить и чаще делать передышки: – Нель, в шифоньер «воспитателей» прятать не будет, быстро найдем. В подвал тоже не полезет. Куда ещё? Выкидывать же не станет, семь штук осталось? Платье в посадке на плече порвала. Дорого они ей достались. По деревьям, наверно, лазала…
– Да, ты хорошо поработал! Ни одного подходящего не нашла. Даже не знаю, куда у нас спрятать можно. – Если дома не найду, весь двор перекопаю! Утром приступил к поиску. Младшая с любопытством наблюдала и хихикала. В успехе я не сомневался, всё упиралось во время. Нашёл! Лежат красавцы под матрацем в ожидании очередной порки. Уложены с материнской любовью и к нам, и к ним… Аккуратно надломив все, я разложил их так же с любовью ко всем. Прошло несколько дней, и мать не выдержала. Решила показать нам свою боевую готовность, придравшись к пустяку.

– Я сейчас покажу вам, как с матерью спорить! Отбросила матрац. Сразу не поняла, схватив один из прутьев, который тут же повис у неё на руке. Взяла второй …

– Мам, зачем ты поломанные прутья под матрацем хранишь? Давай вынесу, - предложил я.

Мать, не говоря ни слова, села на кровать, сбросив «воспитателей» на пол. По всему было видно, что я победил, и она не знает, что с этим делать. Мне стало её жалко. Собирая останки «воспитателей» с пола, я специально поворачивался к ней задницей в ожидании заслуженного пинка, чтоб она разрядилась, но она не реагировала. Успехи в воспитании своей матери меня не радовали, и через несколько дней я стал скучать по хорошей порке. Мать грозила, но уже не трогала пальцем.

Сейчас, гуляя по ночному городу и вспоминая прожитое, я жалел мать, которой досталась такая участь, свою старшую сестру, которая почти всегда была крайней, отвечая за нас и за свои промахи, жалел всех нас, оставшихся без отцовской опоры в таком возрасте, но возвращаться под горячую руку не хотел.

– Ты чей? – услышал я сзади.
Не успел повернуться, как кто-то положил на плечо огромную лапу. Попробовал дёрнуться, но не тут-то было.

– Ничей! – обронил я тихо.
– А что болтаешься, на ночь глядя?

– Гуляю! - Пойдём в отделение прогуляемся, - предложил один из трёх огромных парней с красными повязками на рукаве. Я слышал, что в отделении милиции собирают таких, как я, и куда-то отправляют. Куда и зачем, не знал, но чувствовал что-то неладное.
– А зачем в отделение? Я ничего не сделал!
– Вот и пойдём, пока не сделал. Куда же тебя вести, если бездомный?

– Я не бездомный! У меня есть дом и родители.
– А что же врёшь? Называй адрес, отведём тебя домой, и своё дежурство на этом закончим.
Пришлось назвать адрес, но опять соврал на пять номеров больше в надежде по пути вырваться. Прошли квартал, как в ночной глуши услышал знакомый голос.

– Вов-ка! Вов-ка!
– Не тебя мать ищет?

– Меня! Сейчас воспитывать будет.
– Не бойся, в обиду не дадим!
На этот раз всё обошлось. Мать плакала навзрыд, прижимая меня и прося у меня прощенье. Мне было неловко, что за мою вину при посторонних она извиняется передо мной. Пообещал школу больше не пропускать.

Положив голову на парту, не глядя на сытые рожи своих обидчиков и их усмешки, ждал окончания большой перемены. Иногда искоса наблюдал за их поведением в обращении между собой. Нетрудно было среди них выделить лидера, без влияния которого обо мне забывали. Сам Ашот Багдасарян на рожон не лез, всегда стоял в стороне, наблюдая, как исполняются его указания. Были и скромные ребята, но мало. Большинство заискивало перед ним, наверно, рассчитывая на его благосклонность. Уж очень чесались мои кулаки, но он хорошо ориентировался в обстановке, понимая, что за ним почти весь класс, а меня в один миг вышибут из школы и слушать не станут.

Он опять обратил внимание на меня, и ринулась ко мне его свита, закружилась вокруг, дразня своими бутербродами. Сквозь слёзы смотрит девчонка. Вот-вот расплачется. Как-то опять пыталась подсунуть мне полпирожка, чтобы никто не видел. Я сделал вид, что не понял, и вышел из класса, знал, чем это закончится для неё, если заметят. Учебный год закончился. Вопрос о моём переводе во второй класс решался на педсовете школы с приглашением мамы. Больше всех выступала учительница, которой предстояло принимать новых первоклассников. Она была категорически против, чтобы меня оставляли на второй год для обучения в её первом классе. Считала, что в моём вопросе виновата только её коллега, не найдя ко мне нужного подхода, и только она должна устранять свои недостатки во втором классе. Много говорили о моих способностях. Оставлять на осень смысла не было, так как за лето я мог забыть и те буквы, которые знал. Мама рассказала мне про педсовет, и я с учителями был полностью согласен. Особенно нравился мамин рассказ о моих способностях, и я попросил её остановиться на них подробней. Мать обещала рассказать подробней, когда в посадке отрастут прутья. Вопрос с моим переводом был решён. Меня немного мучила совесть. Сам не знал, за что, но лето – есть лето. Сбросил я мамины колодки и летал по улицам босиком, как на крыльях. Зимой тоже снимал их, когда никто не видел и, взяв под мышку, бежал по снегу босиком в любые морозы. Носков у меня никогда не было.
Кто-то окликнул с проходной машиностроительного завода. Оглянулся. Вокруг никого не было. Может, не меня зовут? Престарелый мужик с проходной завода махал рукой. Странно, последнее время нигде не залетал. Что ему от меня надо? - Иди, иди сюда, я расскажу тебе о твоём отце.
– Откуда Вы меня знаете? - Давно за тобой наблюдаю. Видел тебя с матерью и хорошо знал твоего отца. Проходи, угощайся! Это бабка мне на дежурство наложила, здесь на неделю хватит. Сейчас я дежурю на проходной, а во время войны с твоим отцом работал. Он хоть и числился слесарем, но был у нас за механика. Хорошо знал автомобильные и авиационные двигатели. Перед войной его часто на аэродром забирали, когда сами не могли справиться. Золотые у него были руки! Я на похоронах заходил к Вам и видел его фотографию в лётной форме. Это лётчики его

одевали и фотографировали. А к нам его устроили, чтобы возглавил подполье. У немцев подозрений не вызывал, как пострадавший от советской власти. Они ценили его голову, а он делал своё дело. Об этом никто не знает, кроме командира Армавирского партизанского отряда и немногих подпольщиков. Один из них работал у немцев в комендатуре, и, когда на твоего отца заявили, что он подпольщик, тот помог отцу выкрутиться. Вечером я рассказал маме о новом знакомом, а она нам о подполье и о похоронах, на которых присутствовали почти все работники завода. Рассказала, как немцы пытались при отступлении увезти отца с собой, как хорошего специалиста, а он, переодевшись в беременную женщину, с бабами наблюдал со стороны за их поисками в квартире и во дворе.
У отца был большой рабочий стаж, так как работал он с детства. Но матери по потере кормильца на детей после его смерти никто ничего не платил. На обращение к Сталину Ворошилов ответил, чтобы разбирались по месту жительства. Для всех органов власти мы продолжали оставаться семьёй врага народа, и этот вопрос оставался нерешённым.
Мы взрослели, а вместе с нами росли и проблемы, которые надо было как-то решать. Маме посоветовали отдать нас на воспитание в детский дом. Мы понимали, что иначе нам не выжить, и, даже не зная, что это такое, не пытались перечить.

Глава 2
ДЕТСКИЙ ДОМ

Вхождение в коллектив детдома было странным. Отдубасили меня за углом, не сказав за что, и поглядывали, в какую сторону пойду. Слёзы у меня давно закончились, да они бы их и не увидели, но было обидно, что не мог дать сдачи. Не ожидал, что будут бить. Спросили, откуда приехал? Ответил, что местный. Один протянул руку знакомиться и сжал её, чтоб я не рыпался, а в это время посыпались со всех сторон удары… Злоба переполняла, а вырваться не мог. Вспомнил, как в школьном туалете наказал своего обидчика из старшеклассников, который пытался заставить меня курить, ткнув папиросу горящим концом мне в рот. Деревянный огромный сарай, служивший школьным уличным туалетом, не убирался месяцами. Здесь, в полутьме, каждый испражнялся, где ему было удобно, найдя свободное место. С другой стороны этого сарая то же самое было у девчонок. Ударом головой в живот я усадил обидчика в огромную кучу. Бежать за мной он не мог. Ему очень сложно было встать, так как вокруг него было в изобилии того, что он заслужил. Потом долго пытался вычислять меня среди пацанов младших классов, разглядывая каждого, но я и виду не подавал, что мы встречались с ним на узкой дорожке среди дерьма. Но сейчас был другой случай. Сразу понял, что проверяют на прочность, но мне это не понравилось. Да и кому понравится, когда по зубам шестеро на одного? Утёрся рукой и демонстративно направился к директору. Зашёл в приёмную. Если спросят, зачем пожаловал, скажу, что мне не показали мою кровать, где сегодня спать буду.
Постояв у дверей директора, вернулся к обидчикам, которые уже заждались.
– Ну, что, накапал?

– Всех заложил, а тебе, - ткнул пальцем в державшего мою руку, - больше всех достанется!

Добавили хором. На этот раз больше.
Зашёл в комнату для умывания. Хорошо бьют, сволочи! Сначала сбоку, чтобы не видел, кто начинает, а потом все остальные. Подошёл к зеркалу. Надо умыться, зубы, кажется, целы. Опять к директору… Надо в приёмной дольше сидеть, пусть поволнуются. Наверно, правильно делают, что проверяют, но что делать мне? Сейчас опять молотить будут. Ничего, не то терпел. Возвращаюсь с надеждой схлопотать ещё больше. Улыбаются, гады.
– Директор сказала, что вызывать вас будет по одному, и каждый получит своё.
– Хватит трепаться! Никого ты не закладывал. Не обижайся! Все мы через это прошли.

В первые дни чувствовал себя неловко. Переодели. Жалко было смотреть на брошенное в кучу моё тряпьё и мамины туфли, которые бережно таскал более года, но новые ботинки на ногах не болтались и нравились больше. В столовой нахаляву кормили четыре раза в день. Нелька предупредила, чтобы сразу много не ел, но я и сам знал, что плохо будет. Кто-то возмутился тухлым яйцом, кому-то не нравилась каша, а я не мог понять, чего им не хватает, когда на столах лежит хлеб и воровать не надо. Чуть позже почувствовал утерянную свободу. В школу №1 (лучшую в городе) ходили самостоятельно, но всё остальное под контролем. Около двух кварталов свободы от детского дома №2 по улице Комсомольской, до школы №1 и обратно для меня было очень мало.
Директрису детдома, не знаю почему, за глаза все звали Графиней, но плохого о ней никто не слышал и не говорил. Её заместителя по учебной части Ивана Павловича звали Кощеем, или сокращённо – Котей. Несмотря на то, что он никогда никого пальцем не трогал, его боялись больше всех. Нравомучительные беседы с ним в кабинете были хуже любой затрещины. Невыносимо более часа стоять, не опираясь на стену, и отвечать на его вопросы, когда все твои сверстники за окном бесятся. Знал, когда вызывать на беседу! Стоишь и мечтаешь о хорошем подзатыльнике и паре тумаков, чтобы быстрей вылететь за дверь, а он не спеша продолжал беседу, пока всех не начнут рассаживать в классы для выполнения домашнего задания. Воспитательницу старших классов Ольгу Ивановну в глубине души любили все. Обращалась со всеми в любой ситуации вежливо и ласково. Никто никогда не видел её раздражённой.
Нашу воспиталку средней группы звали Спящей Красавицей. Она была старше всех нас, вместе взятых, и даже на ходу умудрялась дремать. Младшую группу возглавляла Верзила, получившая прозвище из-за своей комплекции. О ней говорили мало, но что-то за этим крылось. Друзья появились сами. До сих пор не могу понять, что могло сблизить трёх совершенно разных ребят. Старший, Павлик Медведев – учился в шестом классе и был скромней любой девчонки. Витька Шелухин, или Шелуха, мог увернуться от любой молнии, учился с Нелли в пятом. И я между ними, как связующее звено.

По выходным дням нас отпускали в город. Сёстры вели домой своих новых подруг, я – друзей, превращая квартиру в филиал детского дома. Наша мать становилась для всех мамой.
Время летело быстро. Распорядок дня в детдоме ограничивал наши желания, но побеситься всё равно время находили. Здесь не играли в казаков-разбойников и не бились квартал на квартал, как дома, когда искры летели из глаз. Здесь всё сводилось к войне, где работали штабы, действовала разведка и контрразведка. Ловили шпионов и дрались на баррикадах, забрасывая друг друга гранатами (кочерыжками от кукурузы). Зимой организовывали бойню на льду, когда одна толпа пыталась завалить другую.

Ограничение было одно: в лицо не бить. Нечаянно не считалось, но иногда перепадало, и принимали, как подарок. Некоторые для увеличения скорости и манёвренности выстругивали из дерева коньки, привязывая их к ботинкам. При этом они лишались права бить ногами. Иногда удавалось сбежать за ворота детдома на соседнюю улицу. Там с горы, кто на коньках, кто на заднице, подложив кусок фанеры или жестянки, летели сломя голову друг на друга, и всем было весело. Ты, Джека, катала Аллу с Иришкой на санках во дворе своего большого дома, а у нас никаких санок не было. Днём вырваться на гору почти не удавалось, а вечером, после выполнения домашнего задания, когда из тучного тела Спящей Красавицы начинал раздаваться свист и через пару минут громкий храп – сам Бог на ухо шептал: «Пора!» Страдали все, когда у «Красавицы» была бессонница, и она вызывала к столу проверять домашнее задание. Поманила пальцем меня. Стою и жду с чувством исполненного долга. Правда, коряво, но всё сделал. В дверь заглянул Шелуха и помахал коньками. Красавица ещё не свистела, но подозрительно долго расшифровывала мои каракули. Наклонился, заглянул ей в глаза. Открыты. Неужели преставилась? Поднёс промокашку. Кажется, ещё дышит. Наверно, куда-то вышла, а тело своё здесь забыла. На цыпочках забрал коньки и выскользнул в коридор, где дружок привязывал уже второй конёк. - Давай быстрей! Пока она выспится, мы уже вернёмся, и встанешь перед ней, как стоял. Не будить же? Сон старших беречь надо, сами такими будем.
Не успел я привязать первый конёк, как услышал тревожный сигнал друга, убегающего на коньках в свой класс.

– Чаща, атас!

От двери младшей группы в мою сторону выдвигалась Верзила. Мне показалась странной реакция друга. Она к нам относилась постольку, поскольку, и в необходимых случаях могла присмотреть, когда наших воспитателей не было на месте. Моя здесь, как всегда спит, да и уроки сделал, которые она во сне проверит, пока я катаюсь. Зачем убегать? Не стоять же около спящей в ожидании, пока проснётся? Верзила шла враскачку, широко расставляя ноги. Очень хотелось прошмыгнуть между ног и смыться от греха подальше, но удержался, считая себя правым. Только сейчас понял, почему о ней все молчали. Этого не расскажешь и не поймёшь, не испытав на себе. Как-то странно затрещали на голове мои волосы в её правой руке, когда она, вместе с непривязанным до конца коньком оторвала меня от пола. Чуть приблизила к себе и отбросила, сопровождая сильным ударом в лоб внутренней частью той же правой ладони. Ударов за свою жизнь получал много, но этим, хорошо отработанным трюком не восхититься не мог, пока летел несколько метров к другой стене коридора. На долю секунды влип в стену и посыпался на пол… Верзиле, видно, тоже понравилось, и она пошла на бис. Подойдя ко мне, тем же приёмом подняла меня с пола. В голове у меня мелькнуло: голова не выдержит, сзади стенка.

Мой конёк на лету развязался и валялся где-то в стороне. Идеально исполнить приём мешала стена за моей спиной, которая своим трением о мои хилые лопатки создавала определённую помеху. На этот раз я чувствовал у себя под ногами пол. Твёрдая опора снизу и за спиной давали надежду выжить. Кто-то изнутри шепнул: «Бей!» И я ударил, как будто это был последний удар в моей жизни. Верзила опустила руки и, покачнувшись, рухнула на пол. Из всех классов высыпала братва…
Три дня я держал оборону на чердаке, пропуская только Нельку с едой и друзей в гости. На четвёртый вызвали мать и через сестру пригласили к Графине. Она уже всё знала, но выслушала меня внимательно. Рассказывал всё, как на духу, не упоминая друга и крепкий сон «Красавицы».
– А где в это время была ваша воспитательница? – допытывалась Графиня.
– Не знаю, наверно, в туалет вышла.

– Ты это хорошо помнишь? - Кажется, помню, - насупился я. Очень не любил врать, но приходилось, когда вынуждали.

Как я понял, моё враньё ей понравилось.
– Свою воспитательницу выгораживаешь? Я промолчал, и она больше ничего не спрашивала, только просила больше не прятаться и впредь без разрешения из класса не выходить. Верзилу я больше не видел. «Красавицу» отправили на заслуженный отдых, а я, чувствуя за собой вину, просил друзей составлять мне компанию, когда шёл к ней в гости. Рассказывал ей все детдомовские новости. Нелли тоже приходила к ней со своими подругами. На младшую группу поставили молодую, но очень прыткую воспитательницу. В первый же день её почему-то прозвали – Чита. Наша группа осталась без воспитателя, и под личный контроль её взял сам Котя. Ко мне все относились, как прежде, хорошо, кроме Читы. Она, не зная меня, в первую же неделю, без всяких на то причин, мне выдала, что яблоко от яблони недалеко падает. Я не понял, к чему это, и в выходной день спросил у мамы. Мать задумалась…

– У твоей Читы не все дома! Можешь ей так и сказать. Уверена, что она к вам поставлена не без ведома органов. Речь идёт о твоём отце, но ты этим должен гордиться. Все они, вместе взятые, мизинца твоего отца не стоят! – Так и передать? Мать засмеялась. – Так и передай!
Я не раз задумывался над сказанным и, присматриваясь к поведению Читы, убеждался, что мать была права. Малейшие послабления со стороны коллег и даже Коти к обездоленным детям мгновенно пресекались Читой, имеющей на то особые полномочия. Учебный год закончился. Лето. Одни разъехались по разным лагерям, включая побережье Чёрного моря, другие, дожидаясь своего потока, работали в совхозах на безопасных работах или в своём хозяйстве. Интересно было то, что никогда, никто, нигде не филонил, на какую бы работу его не ставили. Трудно было удержать нашего брата в душных спальнях во время тихого часа, когда рядом, в нескольких кварталах

от нас бежали воды Кубани. Все знали, что мы сбежим, и относились к этому, как к неизбежному факту, но не Чита. На общем выходе из спален она повесила замок. Пришлось смываться со второго этажа по простыням через окна, выходящие на улицу. Соседи детского дома, увидев «каскадёров», рассказали Графине. Опасаясь несчастных случаев, Графиня запретила нас запирать. Но Чита не успокоилась. По всему было видно, что вся ответственность за порядок возложена на неё с перспективой должностного роста, и она лезла из кожи. Загнав всех в спальни, Чита приказала снять и отдать ей трусы. На странное распоряжение никто не реагировал. Стала обходить каждую кровать, начиная с первой. Мелюзга нехотя снимала, поглядывая на старших, отдавала ей трусы. Я осмотрелся. За мной лежал Церуханов, чуть дальше Павка Медведев, Шелуха и другие, которые умрут, но не сдадут. Впереди мелочь пузатая, но среди них два брата Каретниковы. Младший, моего возраста, уже оголился, а старшего ей не перепрыгнуть. Он был здоровее всех и смахивал на молодого Геракла. Подошла к нему и молча протянула руку. Он тоже молчал…
– Сдавай трусы! – не выдержала Чита.
– Возьми! – спокойно ответил Карета-старший.

Чита знала, что делает и без тени сомнения в своей победе вцепилась в его трусы. Геракл не менее её знал, что делает, защищая свою невинность. Положив свои огромные лапы на её «спички», встал и сделал шаг назад, оставив Читу ни с чем. Чита вновь бросилась за трусами, но Карета, как пушинку, поднял её, и показал всем, что путь на свободу открыт. Чита болтала над полом ногами, а в это время голожопая команда разбирала свои трусы и вытягивалась в цепочку за старшими в сторону Кубани. У берега плескались детдомовские девчонки, которые воспользовались происходящим у мальчишек и уже давно покинули свои спальни.
– Кто на тот берег? – спросил Бодзыч, самый бойкий из Нелькиной группы.
– Ты поплывёшь? – подошёл ко мне Павлик.

– Конечно!
Нелька подбежала ко мне и схватила за руку.

– Ты с ума сошёл? Куда плыть собираешься, если плавать не умеешь?
– Умею! – вырывался я.

Конечно, не умел. Если бы Павка об этом спросил, я сказал бы ему правду. Но он не спросил, а сестра не придумала подходящего предлога, чтобы остановить, и сразу раскричалась, да ещё при девчонках, показывая всем, что она старшая. Уже в третий класс перевели, а она, как квочка с цыплёнком. Мужик я или не мужик? Вырвался и побежал в воду, догоняя ребят. Главное руками и ногами махать, как делают взрослые. Я же плыл, когда тонул. Много проплыл, как поплавок, но тогда не махал, а сейчас должно получиться. Если не доплыву, ничего страшного, многие не

доплывают. Мало ли кого судорога схватит или сил не хватило. Лучше так, чем от стыда сдохнуть, держась за бабью юбку.

Шелухин в начале нашего разговора с сестрой понял, что ждать меня бесполезно, и уже с остальными старшими ребятами мелькал далеко в стороне, уносимый быстрым течением. Павка тоже, не желая вмешиваться в семейный конфликт, быстро отдалялся от берега. Хорошо, что никто не будет видеть, как утону. Главное, без паники! Зашёл в воду, подхватило и понесло… Слышу голос сестры: - Вовка, вернись, ты же не умеешь плавать! Неужели за мной плывёт? Она ведь тоже не умеет! Оглянулся. Точно, плывёт. Раньше видел, как она около берега по-собачьи что-то изображала, а сейчас, как я, руками машет. Надо быстрей плыть, чтобы не догнала. Начнёт хватать, и утонем вместе. В те годы Кубань была полноводной, и старожилы помнят, как река подтачивала берега, не вмещаясь в своё русло. Они поймут меня, как долго я махал руками и ногами, удирая от своей сестры. Даже когда силы совсем кончились, остановиться не мог, боялся, что из-за меня потонет и она. Тонуть никак нельзя! Берег совсем рядом, попробовал встать. Скрылся под водой. Нахлебался, и опять меня унесло в сторону. Надо плыть до конца, пока руки машут.
Выполз. Оглянулся. Нелли выбивалась из сил. По берегу в нашу сторону бежал Павлик. О нём, как и о Витьке Шелухине, я ничего не знал. У нас не принято было расспрашивать, как будто кто-то сверху на наше прошлое наложил своё табу. Даже самые близкие друзья принимали тебя таким, какой есть, не имея никакого права ворошить прошлое. Или все боялись переполнить свою горькую чашу чужим горем? Нель, не останавливайся! Греби, греби до конца! – кричал я, видя, как она повторяет мои ошибки. Помог ей выбраться на берег.

– Ты как переплыл? – переводя дыхание, спросила сестра.
- От тебя удирал! Если бы не ты, до половины бы не доплыл. А ты хорошо плаваешь! – похвалил я, пытаясь смягчить её гнев.

– Сволочь ты! Я никогда не умела плавать и никогда бы не поплыла.
– Видишь, как быстро тебя научил и сам научился. Спасибо скажи! Подошёл Павка. Нелли тоже относилась к нему с симпатией, и его появление было кстати. Сразу повеяло разрядкой.

– Пойдёмте в лес. Там ребята уже желудей поджарили, и компот доваривают, пока вы тут друг друга плавать учите.

– Вы идите, а я тут немного полежу, сил нет, - ответила Нелли.
Мне не хотелось оставлять её одну, похожую на морскую медузу, тающую на солнце.

– Пав, давай немного посидим, меня ноги совсем не держат.
– Нет, нет, идите! – поняла меня сестра, - на компот опоздаете! - Только назад Вовка чтобы через мост обходил.

– Не беспокойся, я прогуляюсь с ним, – успокоил Павлик.

В лесу пир был уже в полном разгаре. Одни лакомились поджаренными желудями, другие наливали себе компот с тёрном и другими ягодами из выжженной из-под краски и отдраенной до блеска речным песком банки. Вместо стаканов использовали тоже подножный мусор из брошенных на берегу консервных банок и донышки от разбитых бутылок. Витька Шелухин подсунул припасённые для нас банки и жёлуди, с улыбкой рассматривая только что приплывшего «камикадзе».
Вернувшись в детдом, все подходили к Гераклу, проверяя наличие его трусов, и успокаивались с надеждой, что эксперимент с трусами больше не повторится.

Пролетели два года, а наша группа, как прокажённая, оставалась без воспитателя. С Котей у меня складывались странные отношения. Понимали друг друга с полуслова и, всегда строгий, он частенько баловал меня своей затаённой улыбкой.

Начался третий год нашего пребывания в детском доме. Отдохнувшие, загоревшие в лагерях на Чёрном море, мы приступили к учёбе. Недалеко открылась спортивная школа, и несколько старших ребят записались, посещая её после занятий. Мне тоже очень хотелось, хоть я и не знал, что это такое. Вечером крутился около спортсменов, стесняясь спросить. Краем уха слышал, что в этой школе какие-то гимнасты занимаются на снарядах. Не мог понять, почему снаряды не взрываются, как в кино про войну. Узнал, что там бегают и прыгают. Но это не ново. Удрать всегда смогу, если придётся. А про бокс мне нравилось, когда один на один бьют морду и всё по-честному, никто никого не ругает. Можно, наверно, немного поднатаскаться, потом против двоих или против троих выступать. Но как записаться? Для себя решил, что в воскресенье не лягу спать, пока всё не узнаю.
В пятницу наши спортсмены пришли с тренировки раньше обычного и какие-то странные. Прошёл слух, что их избили. Весь детдом, включая девчонок, забурлил. Было задето самоё больное и неприкосновенное. Многим понятно чувство, когда наших бьют. Но это были не просто наши, связанные родственными узами, которые могут поссориться, подраться между собой и помириться. В этих НАШИХ ребятах бурлила боль прошлого, это был единый комок воспалённых нервов истерзанного существа, для которого не существовало преград в его мести. Сироты всегда были с обострённым чувством справедливости. Обстановка грозила выходом из-под контроля. Изнеженных и избалованных родительской заботой, насмехающихся над нами одноклассников мы называли кугутами, сами не

понимая, что это значит. Никогда не обращал на их насмешки внимание. Но каждый кугут хорошо знал, что никого из нас трогать пальцем нельзя, иначе заплачет вся школа, а из нас слезинки не выжмешь. Уже работал негласный штаб по разработке плана мщения, сдерживая инициативы желторотых. Подбирались шесть человек, так как обидчиков было шестеро, внезапно напавших на троих наших. Учитывая возможные последствия, в список мстителей не включались выпускники школы, запланированные после окончания учебного года в ФЗУ и другие училища. Не брали и тех, кто по своим биографическим данным на волоске висел от трудколонии. Круг резко сужался. Пригласили меня. Пятеро уже отобранных старшеклассников встретили меня дружеской улыбкой.
– Володя, ты моложе всех. Мы не знаем, чем всё это закончится, но ты можешь отказаться… В понедельник, в назначенное время отправились в засаду. Ждали недолго. Встретили…! Напомнили, как шестеро напали на троих. Били за тех и за весь детский дом, чтобы передали всем и обо всём… Убегающих догоняли и «награждали» за трусость. Сопротивляющихся молотили с уважением, от всей души. Успокоились, когда не было уже желающих бежать и сопротивляться.

Эту ночь детский дом спал с чувством глубокого удовлетворения. С утра вызывали по одному в кабинет директора первой школы. Внимательно осматривали каждого и допрашивали. Графини при этом не было. Она всегда держалась в стороне при подобных разборках. Мы догадывались, что ей нас жалко, что она была бы рада оказаться с нами в мстителях, но нельзя, и боится при всех обнажить свои чувства и слёзы. Увидев на мне ссадину, которая была для меня дороже любой медали, учителя сделали вывод, а не добившись ничего путного, «приговорили». Аналогично вычислив остальных, представили директору детского дома список с требованием к следующему учебному году хулиганов из лучшей школы города убрать. Судя по всему, сверху пришли и другие указания, на которые Графиня обязана была реагировать. В соответствии с этими указаниями нас разбросали: одних - в трудколонию, других – в детские дома других городов, а меня… Трудно сказать, что определило дальнейшее направление моей судьбы. Может быть, главную роль сыграли слёзы моей матери или удачный случай, который подбросила фортуна как раз для меня с приглашением одного из разгильдяев моего возраста для поступления в Воронежское суворовское военное училище. Чита, едва сдерживая злобу, передала мне, чтобы зашёл к директору, а от себя добавила: «Яблоко от яблони недалеко падает. Твоё место там, где сидел твой отец!»
Я был готов ко всему, и любое принятое решение меня устраивало. Вместо привычной для всех светской дамы я увидел за директорским столом уставшую, убитую горем и изнурительным трудом женщину, комкавшую в руке носовой платок, периодически поднося его к своему лицу. Подумал, что она больная, а мы со своими драками добавляем ей проблем. Позже понял,

что основная её боль – это мы, те, кто готовился к отправке в другие детские дома, в трудколонию, я и те, кто остаётся. Все мы для неё были родными детьми, и она чувствовала на себе ответственность за всех нас, принимала близко к сердцу всё происходящее с нами. Вышла из-за стола, прижала меня к себе и спросила:

– Поедешь, Володенька, в Суворовское училище учиться?

Я не знал, что это такое и спросил:

– Как там кормят?

Графиня улыбнулась.

– Не хуже, чем здесь!

– А как с характеристикой? Меня же могут не принять?

– При всём, что происходило с тобой в детском доме, ты заслуживаешь самую хорошую характеристику, и наш заведующий по учебной части Иван Павлович её уже написал. Я не избавляюсь от тебя, Володя. Уверена, что там тебе будет лучше. Я не видел её лица, но чувствовал, как вздрагивает её тело, как она плачет.

После того, как нас разбросали, наша графиня (Анна Евграфовна) сломалась, и когда-то недоступная для нас директриса стала водить к себе домой ребят и девчат из детского дома. Но это уже без меня. А я, с пересадкой в Ростове, добирался до Воронежа. Очень надеялся пристроиться в этом странном училище. Обратного пути не было из-за ультиматума директора первой школы. Колёса отстукивали монотонный ритм. За окном мелькали огни городов и посёлков, теряясь в ночной мгле. Вспомнил, как перед школой ездили с Юркой Плеховым и Вовкой Корчагиным на крыше поезда за раками в Коноково. Юрка учил меня идти по ходу поезда по вагонам и бежать в обратную сторону по ветру, широко расставляя ноги. Вагоны бросало из одной стороны в другую, пытаясь нас сбросить. Когда замедлял ход, приближаясь к станции, чтобы дежурный по станции не поднимал шум, приходилось прятаться между вагонами. Сейчас даже страшно об этом вспомнить, а тогда нам было море по колено. Лёжа на верхней полке, я мысленно шагал по вехам всей своей жизни. А колёса стучали, стучали, стучали, перелистывая страницы прожитого. Очень хотелось выпрыгнуть и бежать назад по шпалам днём и ночью к родному порогу. Обнять сестёр и мать, ещё хоть раз прижаться к Графине, увидеть улыбку Коти и своих друзей, но что-то сдерживало. Под стук колёс судьба уносила меня в неизвестность.

– Так, Джека, я прощался со своим детством.

Глава 3
Суворовцы

Во время пребывания у Хаустовых меня кормили как на убой. По выходным всей семьёй ходили в театр. Дядя Юра покупал красивые букеты роз и давал мне, чтобы я преподносил их артистам, которые мне больше понравятся. Я к этому никак не мог привыкнуть. Очень стеснялся, и мне казалось, что моя морда выглядит гораздо краснее этих роз, но дядя Юра говорил, что так надо, и я старался быстрей их кому-нибудь отдать, лишь бы быстрей от них избавиться. Всей семьёй меня учили, как надо правильно разговаривать. Алла по много раз меня переспрашивала, пока я не скажу правильно. В остальные дни недели, делать мне было нечего, и мы продолжали наши беседы с Джекой. Она помогала мне коротать время. У меня было, что ей рассказать, а она очень внимательно слушала. Как-то Хаустов спросил у меня про день моего рождения. Для меня это был очень странный вопрос. Я никогда не читал своих документов и не интересовался, когда меня родили. И вообще, какая разница, когда это произошло? Ответил, что не знаю, но через несколько дней дядя Юра попросил меня заглянуть к себе под подушку, где я нашёл авторучку с золотым пером. Так, первый раз в жизни меня поздравили с днём моего рождения. Дядя Юра просил запомнить дату – 4 октября 1945 года. Прошло больше месяца, как начался учебный год, и меня пригласили на повторную медкомиссию. Рост – 146; Вес – 34,5; Физическое разв. – слабое…

С цифрами спорить не мог. За три года в детдоме и в гостях у Хаустовых откормили, а запись о слабом развитии мне не нравилась, но я промолчал.

– Топай, парень, сдавай экзамены!
Хорошо понимал, что без протеже Хаустова топал бы по шпалам в обратную сторону без повторных комиссий. Хаустов, в ожидании командующего делал всё, чтобы поправить мои нервы. Началось с детского балета «Щелкунчик», который мне не очень понравился. Больше понравился антракт, когда в буфете с девчонками выбирали, что душе угодно. Я скромничал, а Алла с Иришкой работали на меня, загребая всё подряд. В следующие выходные смотрели «Фауста», и это мне понравилось больше. Через неделю ходили на оперетту «Поцелуй Чаниты» и т.д. Хаустов заставлял меня больше спать и ничего не делать, что могло бы меня огорчить или просто расстроить. За предстоящие экзамены переживал, но не очень. Не знал, что сдавать по физо, но был готов ко всему. За арифметику не беспокоился, считая, что пятёрка в кармане. Правила по русскому знал, но как пишется «карова» или «корова», мог перепутать.

После сдачи физо, арифметики и диктанта, не объявляя оценок, пригласили для сдачи русского устного. Удивился, не зная, что это такое и что могут спросить, но деваться некуда.

– Каких писателей и поэтов Вы знаете?
Ну и вопрос, подумал я. Сейчас я Вам выдам…

– Александр Сергеевич Пушкин!
– Ещё?
Задумался, не вспомнив больше ни одного имени и отчества, и решил завалить эту комиссию фамилиями:
– Лермонтов, Некрасов тоже стихи пишет.
– Про какого из Некрасовых Вы говорите?

– Который много написал, его все знают.
– А он ещё жив?

– Кажется, недавно умер.
– Не помните, когда именно?

– Забыл, - обронил я, чувствуя, как загоняют в угол.
– Очень хорошо, - продолжала пожилая женщина, сидевшая в центре членов комиссии, - кого Вы ещё знаете? - Знаю народных писателей и поэтов!
– Вы кого имеете в виду?

– Я имею в виду, когда говорят, что музыка народная, слова тоже народные.
Все заулыбались, и я понял, что мой ответ им понравился.
После короткой паузы допрос продолжался.

– Расскажите нам, пожалуйста, какое-нибудь стихотворение.
Этого ещё не хватало, если бы раньше, кто сказал, что будут спрашивать, можно было бы вызубрить. Знал много, но не для этой публики. Кажется, вспомнил:

На вокзале
В тёмном зале
Раздаются голоса

Сук…

Нет, это тоже не пойдёт…

Наконец осенило:

На стене часы висели,

Тараканы стрелки съели,
Мухи гири оторвали,

И часы ходить не стали!

Члены специально созданной для меня комиссии переглянулись. Мне показалось странным, что они не знают этого произведения. Может быть, не расслышали. Предложил повторить. Никто на предложение не ответил, но происходящее насторожило. Два офицера, сидевшие по обе стороны председательствующей женщины, быстро встали и, как будто им стало плохо, направились к выходу. Три женщины что-то пытались друг другу сказать, но у них не получалось. Вели себя странно, закрывая лицо руками. «Наверно, жалеют поломанные часы», – подумал я и стал успокаивать, объясняя, что это всего лишь стихотворение, и не стоит так расстраиваться из-за поломанных часов. Им стало ещё хуже, и я замолчал.
Наконец председательствующая, утирая платком слёзы, спросила:

– Чьё же это такое грустное стихотворение? - Конечно, Пушкина,- уверенно ответил я. Не сомневался, что если не знают этого произведения, то тем более не должны знать и автора. Низко склонившись, женщина качала головой из одной стороны в другую. Неужели не попал?..
– А, вспомнил! Это Лермонтов написал!
Опять качает головой.

– А может, Некрасов?

Не перестаёт мотать.

– Я совсем забыл, - продолжал гадать я, - это же НАРОДНОЕ!

Теперь кивала утвердительно, и мне стало легче. Взяв себя в руки, подняла голову и согласилась:

– Быстрей всего народное!
Пересевшие ближе к ней, после ухода офицеров, коллеги одновременно всхлипнули и, навалившись на стол, уже давно рыдали. Старшая тоже склонилась к одной из них, содрогаясь всем телом. Вернулись офицеры. Пытались узнать о произошедшем в их отсутствии, но ответить никто не смог. «Что они такие сердобольные?» – думал я. Из-за каких-то поломанных часов столько слёз. Может, смеются? Да! Конечно, смеются, как мухи гири отрывали… А если я что-то не то ляпнул и надо мной смеются? Точно, надо мной, но уже поздно, дело сделано, и ничего не исправишь.
Один из офицеров, потеряв надежду успокоить членов комиссии, спросил, что со мной делать. Старшая, не поднимая головы, замахала рукой, указывая

на дверь. Вот и всё, - подумал я и, не дожидаясь команды, поплёлся из класса. Вдогонку услышал:

– В бане Вас, товарищ суворовец, переоденут!

Оглянулся. Офицеры, улыбаясь, смотрели мне вслед. За дверью ждал меня старшина первой роты.

– Хватит людей смешить. Пойдём, пока наша рота моется.

Я не знал, что меня ждёт впереди, но успокаивал себя тем, что не огорчу своим возращением маму и сестрёнок, не доставлю лишних хлопот Графине.

Всё было для меня ново. Выданная форма мне нравилась. Глядя на широкий кожаный ремень с большой пряжкой, думал, что матери именно его не хватало для моего воспитания, а огромная звезда на пряжке могла бы отпечатать не одно созвездие на моей заднице. Нравилась гимнастёрка с алыми погонами и брюки с широкими лампасами, как у генерала. По душе пришёлся и строгий порядок. Теперь мог написать домой, что поступил и устроился нормально.

Со временем начал различать в этой строгой системе свои слабости и изъяны, без которых, наверно, не обойтись нигде.

Отношения ребят между собой в детском доме очень отличались от здешних в этой новой для меня среде. Почти незримо шла непрерывная борьба за лидерство во взводе и роте по тем или иным критериям, где разум, как правило, стоял далеко не на первом месте. В детском доме в основе всех отношений стояла порядочность каждого из нас и справедливость, всё, противоречащее этому, наказывалось коллективом. В любое время я мог кому угодно высказать своё мнение без каких-либо серьёзных последствий. В суворовском, также как и в детском доме, были собраны в основном сироты и беспризорники, но в детском доме отношения между ними были мягче. Наверно сказывалось присутствие девчонок. Здесь всё было очень строго. Наверно, иначе быть не могло из-за очень большого количества ребят. Не принято было перечить старшим. Любая оплошность по отношению к суворовцу старшей роты могла рассматриваться как неуважение к старшему брату и привести к печальным последствиям. Ошибки, особенно в первое время, были на каждом шагу. Первым регистратором наших промахов был старшина роты Н.Н.Черных. В первый же день он указал мне номер по алфавиту в списочном составе роты, под которым числилось за мной всё. Этот номер стоял у меня везде, начиная с головного убора, обуви, кровати, лыж и кончая салфеткой в столовой. Старшина тут же заносил этот номер в свой мозговой компьютер, и каждый мой промах записывал в талмуд, не

вынимая руки из кармана и не указывая фамилии. Мы не могли понять, как он это делает, и много было желающих стащить у него этот талмуд. Всё моё барахло, включая меня самого и мои грехи, числились у него под номером 71. Несмотря на то, что Черных Н.Н. был очень требовательным старшиной, его уважали все за справедливый характер. После него наблюдателями, ведущими контроль за нашим поведением, можно было считать командиров взводов, как правило, в звании майоров. Чередуясь между собой, они, особенно в первое время, появлялись везде и в самый неподходящий момент. Старшина привёл роту на обед, а один из взводных уже там. Даёт команду сесть и приступить к приёму пищи. Не успел я взять ложку, как слышу свою фамилию. Оглянулся. Неужели кто-то из знакомых? Откуда им здесь взяться? Наверно, показалось. Майор прохаживался по проходу ко мне спиной. Опять берусь за ложку. Слышу повторно:
– Суворовец Чащевой!

Трое сидящих за моим столом, хихикая, подсказывают, что надо встать, услышав свою фамилию. Встал. Стою. Майор молчит, и я молчу, не понимая дурацкой шутки во время жратвы. Наконец, майор не выдержал:
– Вы, что, сидящие рядом, не можете подсказать новенькому, как пользоваться салфеткой?
– Я, товарищ майор, аккуратно ем, и салфетка мне не нужна!
Все засмеялись. Майор тоже улыбнулся и разрешил сесть. Соседи объяснили, что есть не разрешат, пока не заправишь за ворот салфетку. Указали на подсалфетник, где стоял мой номер 71. Во время ужина опять подняли, когда неправильно взял вилку. Балдел, когда звучала чужая фамилия, чувствуя себя не единственным дубом в «дубовой роще». К любым замечаниям прислушивался очень внимательно.

– Товарищ суворовец Петухов! Во время приёма пищи не лежат на столе, как лежите Вы, уберите локти со стола и прекратите разговаривать!
– Я, товарищ майор…

– Не пререкайтесь! На приём пищи у Вас осталось десять минут. Садитесь!

Много лет спустя, на заседании сессии Житомирского областного совета народных депутатов, видя, как председательствующий в президиуме первый секретарь обкома партии зевает, не прикрыв рот, я вспоминал суворовское училище и жалел, что наши вожди не прошли такую школу или что-нибудь подобное и щеголяют перед всеми своим бескультурьем.
В первый выходной поставили меня в наряд. За неделю я присмотрелся и понял, что поддерживать в роте порядок, будучи в наряде, - это не щи ложкой хлебать. В детском доме мы тоже поддерживали порядок, но здесь были совершенно другие условия, и требовался совсем другой порядок. Инструктаж старшины был краток: - Паркет должен блестеть, как у кота…

чаши Генуя или по-нашему – толчки, то есть – солдатские унитазы, - тоже, как у кота…, писсуары и раковины – как у кота… и т.д. Что у кота, он не договаривал, да мы и не спрашивали. Самой горящей точкой в наряде считалось стоять у тумбочки дневального. Надо знать всех начальников в училище и выше, чтобы вовремя заорать во всю глотку: «СМИРНО!» Принимая от дежурного по училищу распоряжения по телефону, своевременно доводить их до старшины или командира роты. Отдавать всем, проходящим мимо тебя, честь, начиная от старшины и выше. Положено и суворовцам, но эти обойдутся. Попробуй отлучиться от своего места или через дневального свободной смены не вовремя передать, чтоб ротный прибыл в штаб на совещание, будешь иметь бледный вид и макаронную походку. Получив наряд вне очереди, усовершенствуешь свои навыки в следующий выходной, когда большинство уйдёт в увольнение или займётся личными делами в роте. Отстояв по очереди ночь у тумбочки, с утра повышал свою квалификацию на толчках в туалете. Вдруг услышал команду «СМИРНО!». Кого там принесло с утра пораньше? Зайдёт в туалет, а у меня ещё не всё блестит, как у кота… Третий дневальный прибежал за мной:
– Давай бегом, ЧеП вызывает!
ЧеПом все в училище звали нашего командира роты подполковника П.Р. Истомина. Любая встреча с ним превращалась в чрезвычайное происшествие, т.е. в ЧП. Так и прилипло к нему ЧеП. Страдали от него все: от суворовца до офицера, и старались обходить его стороной. Беспощадная требовательность к соблюдению уставных положений не являлась единственной причиной ненависти к нему. Знали, что когда-то, из-за чрезмерной строгости, его называли чеченом, но к нам он пришёл уже как ЧеП. Подавляющее большинство не могло терпеть его ехидства, с которым всё преподносилось. Рискнувший пройти рядом обязательно останавливался им:

– Товарищ суворовец! Вы, наверно, торопитесь в увольнение?
– Так точно, товарищ подполковник.
– А почему у Вас пуговицы плохо надраены? Вы, наверно, забыли, что наша промышленность выпускает асидол, или не помните, как им пользоваться?

– Товарищ под..
– А когда в последний раз чистили каблуки своих ботинок?

– Товарищ подполковник, пуговицы и ботинки чистил полчаса…
– Вы, товарищ суворовец, пререкаться вздумали? Придётся Вам вернуться в казарму и доложить своему командиру, что я объявил Вам, - подполковник ехидно показывал два пальца и спрашивал: – Сколько?
– Два наряда вне очереди!

– Никак нет, римская пять! Идите, товарищ суворовец. Я позвоню, проверю, как выполнили мой приказ.

Много о нём слышал, но ещё не сталкивался. Зачем я ему понадобился? Постучал. Захожу. В кабинете, кроме ЧеПа, вижу Хаустова в форме. Теперь ясно, кому кричали СМИРНО! Докладываю:
– Товарищ подполковник, суворовец Чащевой по Вашему при…

– Вы что, товарищ суворовец, не видите стоящего рядом старшего по должности и званию, к которому положено обратиться за разрешением, прежде чем докладывать мне? Выйдите и зайдите, как положено! Вышел. Неловко было перед Хаустовым падать лицом в грязь, но так уж получилось. Откуда я знал, что так надо? Зашёл снова… Хаустов разрядил обстановку:

– Володя, мои девчата по тебе соскучились и откомандировали за тобой. Сказали, чтобы без тебя не приезжал.

– Дядя Юра, я же в наряде!
Хаустов улыбнулся и посмотрел на командира роты…
– Сейчас выпишу увольнительную, - поспешил прогнуться ЧеП, - с наряда заменим! - А может, не надо? – возразил я, не желая пользоваться поблажкой. Хаустов меня понял и придержал командира.

– Хорошо, Володя! Не знаю, что мои дочери со мной сейчас сделают, но обещай в следующий выходной быть у нас, не дожидаясь приглашений. Я старался не надоедать новой родне своим присутствием, но она, чувствуя это, держала надо мной жёсткий контроль.

Мать на письмо долго не отвечала, как бы сомневаясь, что с моим характером можно где-то надолго устроиться, и она была права. Через месяц моего пребывания в училище стал вопрос о моём досрочном «выпуске». Со дня поступления в училище вел я себя скромно, как ягнёнок в стаде овец. Все, поступившие раньше меня, уже многое познали. Чувствуя своё превосходство, они смотрели на меня, как на салагу. За время пребывания в детском доме я привык к другим отношениям. Очень старался не придавать этому значения, но не всё зависело от меня. Прибыв со своим взводом на медосмотр, занял очередь к одному из врачей. Всё шло, как должно быть, пока передо мной не стал протискиваться парень чуть выше меня ростом. Во взводе его звали Царьком из-за фамилии Царинный. Давно я такой наглости не видел. В очередях за хлебом с Нелькой я и не таких отшивал. Аккуратно отодвинув его, я занял своё место. Царёк ударил меня по руке и опять полез вперёд. Все с любопытством наблюдали за происходящим, и даже медсестра, сидевшая за столом, с интересом ждала продолжения.

Я не хотел драки и лишь слегка обозначил удар по его руке, как тут же получил удар в грудь. С малых лет мама твердила мне слова из песни: «…при каждой неудаче умейте давать сдачи, иначе Вам удачи не видать». Это

невольно легло в основу моего характера, но хорошо это или плохо, до сих пор не могу понять. Первым я, как правило, никогда никого не бил, а только «давал сдачи». В то время я даже не предполагал, чем это может закончиться.

Как учила мама, выдал сдачи, не отходя от «кассы». Удара своего не почувствовал, как будто за меня, так же, как Верзиле в детском доме, кто-то хорошо врезал. Царёк упал. Его увезли в гарнизонный госпиталь, а на меня из штаба округа командующий запросил документы для отчисления из училища. Я за правое дело был готов ко всему. Больше всего не желал встречи с Хаустовым, но он приехал. Внимательно выслушал, а опрашивать свидетелей не стал.
– Володя, неважно, кто из вас прав, а кто не прав, главное, чтоб не было драк. Если мальчик останется без глаза, ничем не смогу тебе помочь. В лучшем случае тебя выгонят из училища, а в худшем… Хаустов продолжать не стал, но я и без него знал, о чём идёт речь, чего я избежал в детдоме. Был ему очень благодарен за всё, но в душе согласиться не мог. Как это всё равно: прав или не прав? А что мне делать, когда так…? Где справедливость? Но промолчал, надеясь когда-нибудь с этим разобраться. Про себя думал, что этот наглец получил по заслугам и, чем бы всё ни кончилось, надолго запомнит своё место в любой очереди.
Полтора месяца Царёк лежал в госпитале, а моя судьба висела на волоске. Родственников у него рядом не было, и Хаустовы всем семейством навещали его, балуя лакомствами. На приглашение составить им компанию я категорически отказался. Но Хаустов настаивал. Ради уважения к нему пришлось уступить. Всё семейство Хаустовых хорошо понимало, что для меня значила эта уступка и вежливое отношение к Царьку в лечебной палате. Дома полковник схлопотал по полной. Девочки кричали, что этому Царьку для симметрии не помешало бы второй глаз подправить, а меня назвали рыцарем без страха и упрёка. Нина спросила мужа, что он бы сделал на моём месте, а тот, сдерживая улыбку, ответил:
– Вот вышибут Вашего рыцаря из училища, тогда посмотрим, что скажете!
– Пусть только попробуют! – смеялись девчонки, - мы с мамой нагрянем к Вам в штаб и разнесём его в пух и прах, а командующему, если не отменит свой приказ, тоже не поздоровится!

На этот раз всё обошлось, и мои документы опять перекочевали в училище. Царёк вернулся в роту без потери зрения, и нас посадили за одну парту, чтобы притирались. Ко мне он относился доброжелательно, а я держал дистанцию. Со временем стал замечать в нём некоторое превосходство. Не мог не восхищаться его красивым почерком и жалел о пропущенных днях в школе, когда учили выводить кружочки и палочки. Он знал, как пишутся трудные слова, которые у меня вызывали сомнение. Он хорошо играл в баскетбол и виртуозно забрасывал в падении ручной мяч в сетку ворот. Словом, наши отношения понемногу смягчались. Я дал себе

слово: все конфликты обходить стороной, даже когда очень напрашиваются. Время шло. Выпал снег, и начались для меня новые испытания. Снега хватало и в Армавире. Помню сугробы выше ограды двенадцатой школы, но в родном городе на лыжах почему-то никого не встречал, а здесь приказывали на них встать и куда-то двигаться. Разделяя мою точку зрения, многие из нашей роты называли лыжи «гробами». Сколько на лыжне было коллег по несчастью, подсчитать не удавалось, так как постоянно находился в падении. Начали с километра. Что-то показывали, но пока пытался освоить, перешли на три километра. Только научился стоять и передвигаться, как переключились на пятёрку. Иногда организовывался праздничный лыжный кросс, который открывал сам начальник училища. За ним на лыжах семенила его жена под музыку духового оркестра и, наконец, мы – сперматозоиды первой роты. С небольшим промежутком после нас выпускали головастиков из второй, потом запускали сосунков третьей роты, четвёртую и так до седьмой. Главным было не только пройти, но и вовремя убежать от архаровцев шестой и дедов седьмой роты, которые умудрялись догнать и перегнать нас. Многим из них было за двадцать. Эти государственные питомцы, собранные в военный приют со всех уголков страны, имели почти схожую биографию. В соответствующих органах знали о каждом из них всё. Знали, где они потеряли своих кормильцев, и кем были их родители, но в стенах училища об этом молчали. Всплывшие наружу сведения о врагах народа быстро гасились и принимались негласные меры, незримые для окружающих. Мало чем отличались пришедшие в училище с войны, где числились сыновьями полков. Их боевые награды мы видели лишь на парадах, маршируя в общем строю по ранжиру. Большинство судьба привела с других фронтов, где воевали с голодом и разрухой, пытаясь выжить. У тех и других была хорошая закалка в преодолении трудностей. Именно это качество годами совершенствовалось здесь при подготовке будущих офицеров – защитников Родины. Целью всех занятий и тренировок было: вырвать победу в любых условиях и любой ценой. Экзамены при поступлении в суворовское училище имели чисто условное значение, смысл которых был в определении уровня развития каждого из нас. Это позволяло распределить одних в подготовительную роту, других – в нулевую, а более подготовленных – в первую и выше. Ко времени моего поступления принимали уже только по окончании четырёх классов в первую, и, как исключение, в старшие роты. В основу обучения суворовцев был заложен принцип образования в кадетских корпусах дореволюционной России, и не случайно все воспитанники звали себя кадетами. Проучившихся в училище шесть-девять лет мы называли архаровцами и дедами или паханами. Трудней всего, при нашем обучении и воспитании, было забыть, избавиться от нашего прошлого, научиться новым манерам и стилю в общении. За стенами училища каждый из старших кадетов являлся надёжной защитой для нас, и в городе об этом знали. В самом училище жизнь текла по другому руслу. Создавалось впечатление, что такой порядок тоже был предусмотрен

процессом нашего воспитания. Редко кому удавалось без ущерба проскочить мимо деда. Подвернувшись ему на узкой дорожке, такой, как лыжня на кроссе, испытаешь невообразимое впечатление и запомнишь его на всю жизнь.

Научившись стоять и передвигаться на лыжах, я, как и многие другие мои собратья из сперматозоидной роты, ковылявшие в хвосте, вынужден был постоянно оглядываться в ожидании очередного тайфуна. Метеоусловия нас не беспокоили, но прозевавший «чудное мгновение» мог оказаться в сугробе далеко от лыжной трассы в любую погоду или почувствовать на своей спине вес промчавшегося по ней «орангутанга». Деды не кричали: «Лыжню!» и не ждали, когда её уступят. Молча, со звериным ликом, шли к победе, не замечая никого и никаких преград. Все основные спортивные кубки города были завоёваны училищем и являлись его гордостью.

Как старшие братья, требующие к себе уважения, они не уклонялись от воспитания нас в любом, удобном для них месте. Увидев собрата, чётко чеканившего шаг и отдающего честь столбу, делаешь круг, огибая прокажённое место, и наблюдаешь со стороны, как где-то рядом, оскорблённый до глубины души старший брат считает: «Тридцать один! Тридцать два - не считать! Плохо оттягиваешь носок и низко поднимаешь ногу!» Для себя делаешь вывод, что дедам честь отдавать надо, не дожидаясь «оплодотворения». В раздевалке спортзала кого-то из наших, подвешенного на подтяжках, забыли снять с крючка. Из-под полуподвальной решётки какой-то штрафник поёт гимн Советского Союза. Какому-то пахану сказали, что я на него похож. Найдя меня в нашей роте, он сказал, что у своей мамы он был единственным и неповторимым, а появления своей копии он не потерпит. Вывел меня за казарму, чтобы изменить мою облицовку. Поставив у забора вместо мишени, он с десяти шагов расстреливал меня снежками. За каждое моё уклонение от снежка я должен был ему компот. Тринадцать компотов я задолжал и, когда относил их, видел, что я не одинок. Одни должники тащили дедам в завтрак сахар, другие – масло, а я в обед – компот. Если кому-то прислали из дома деньги, и он рискнул зайти в буфет, набрав сладостей, то эти сладости с удовольствием съедали «старшие братья», а он с таким же удовольствием их угощал и смотрел, как они хорошо кушают. Конечно, всё делалось с большой любовью, о чём знали все: и те, и другие. В нашу роту из старшей перевели четверых ребят. Причину никто не спрашивал, не желая схлопотать. Хоть и бывшие, но всё равно старшие! Распределили их по одному в каждый взвод, кроме первого, куда попали двое. Самый здоровый оказался в первом. Во второй попал самый толстый. Точнее, сам он не толстый, а его нижняя часть тела была чуть не вдвое шире плеч. В бывшей старшей роте все его звали «Жопа». Наши об этом знали, но боялись, и эта кличка со временем теряла своего владельца. В наш взвод попал

светленький крепыш. С прибытием этих «новеньких-стареньких» в роте мало что изменилось. Как и прежде, главенствовал Бес. Беспалова устраивала эта кличка, и он старался ей соответствовать. Вокруг него всегда крутилась стая прихвостней, напоминающих шакалов, которые всегда готовы были подобрать то, что обронил сильный хищник. Не по годам здоровый, парень с красивым телосложением, Бес не стремился к совершенству своего тела. Природа дала ему всё, и он этим пользовался по-своему. По коридору всегда шёл в центре, чтобы все прижимались к стенке, а стая за ним. Прибывший со старшей роты здоровяк – немного уступал БЕСУ. Он был гораздо скромней и даже не пытался соперничать с Бесом. Всё утряслось, и встало на свои места, пока меня опять не подвёл мой характер. Зимой я, пытаясь закалять свои нервы, обтирался по пояс снегом, но и это не всегда помогало. Порой с большим трудом держал себя в руках. Наверно, дело было не в нервах, а в чём-то другом. Весной, в свободное время после занятий две команды играли в баскетбол. В одной из команд играл я. Счёт был почти равный, но всех напрягало другое. Периодически мяч хватал не играющий, стоявший в стороне Жопа и, тряся своей огромной задницей, бежал, забрасывая мяч в кольцо. Все молчали, боясь сказать ему слово. Я попросил его взять напарника и войти в игру, чтобы не мешать, но Жопа продолжал свою игру. Я попросил его второй раз не мешать, но бесполезно. После того, как опять схватил…
– СРАКА, брось мяч! – не выдержал я.
Жопа бросил мяч со всей силы мне в лицо и повернулся уходить на своё место.

– Ты что творишь? - повернул я его за плечо.
– Что хочу! – ответил Жопа, ударив меня в зубы.

Я не знаю, как всё это произошло, и кто за меня опять ударил, но Жопа упал и лежал, пока из санчасти не приехал «УАЗ» и не увёз его в гарнизонный госпиталь. Я слышал, что ему зашивали губу и делали ещё что-то, но в училище я Жопу больше не видел. Хаустов, наверно, уже понял, что перевоспитывать меня бесполезно. Вся моя прошлая жизнь заложила в меня такой стержень, который не выдернуть никакими клещами и никакими угрозами. Как я понял, дядя Юра решил попробовать подойти к решению этой проблемы с другой стороны. Вызвал меня в канцелярию (офицерскую комнату) наш командир взвода и посоветовал записаться в секцию бокса. Я сказал, что пробовал, но там много желающих и уже никого не записывают, а я записался в кружок, где учат играть на пианино. Взводный улыбнулся и сказал, чтобы я шёл в секцию бокса, куда меня уже записали. Я пошёл, не догадываясь, что для меня здесь уже готов сюрприз. Тренировал боксёров Виктор Панькин. Такие, как я, ему только мешали, и уже через неделю или даже раньше он делал спарринги, выставляя нашего брата на ринг между собой. Получив по морде, многие сразу уходили в другие секции или кружки, а оставались только те, кто хотел получить ещё. Сам Панькин с

ринга почти не вылезал, оттачивая своё мастерство со старшими кадетами, к которым лучше было не подходить. Боксёрские мешки так избивались этими мальчиками, что их не успевали менять, а те, которые не сменили, сильно прогнулись и уже не разгибались. Через каждые два раунда Панькин вызывал на ринг следующего громилу, и бой продолжался. Иногда между раундами и сменой партнёра он ненадолго делал передышки и вызывал следующего. Ничего не подозревая, я в течение недели тоже со всеми разминался, делая незнакомые для меня упражнения, и ещё что-то изображал, глядя на остальных. Вдруг услышал:
– Чащевой, на ринг!
Я не понял. Подумал, что показалось, но опять услышал:

– Чащевой, на ринг!
Понял. Залез между канатов, как залазили другие, ожидая вызова ко мне другого сперматозоида, но Панькин с ринга не уходил и никого не вызывал. Подойдя ко мне, сказал:

– Подними руки, а то поднимешь ноги! - и начал боксировать. Только сейчас я понял, почему меня записали в эту секцию. Наверно, дядя Юра думал на ринге отбить у меня желание махать кулаками.
Зажав меня в углу, Панькин молотил меня, забыв, что это я, а не боксёрский мешок. Не скажу, что мне было очень больно. А может быть, он не очень старался, учитывая, что я ещё мало пожил на этом свете. Я вспомнил, как в детском доме мы со всех сил дубасили друг друга на льду, и никто никому не уступал, там было больней, но терпели. Все в боксёрском зале замерли, окружив ринг, но, не подходя к нему близко, смотрели на бесплатное зрелище. Не могли понять, как это и почему так яростно избивает Панькин сперматозоида. Мне как-то неудобно было сильно бить тренера, как бился с друзьями в детдоме, но из угла надо было выбираться. Сделал шаг в сторону - и крюк справа прямо в челюсть. Не знаю, кто опять мне помог... Панькин обмяк, опустил руки, но на ногах устоял. Наверно, помогла боксёрская закалка. Казалось, что он был здесь, в центре ринга, но о чём-то очень задумался… Ох, как неудобно, - подумал я. Чтобы как-то сгладить и выйти из этой курьёзной ситуации, сказал: - Надо быстрей убегать, пока не убили, - и нырнул под канаты.

– Молодец, Чащевой! Объявляю благодарность! - очнувшись от нокдауна, объявил Панькин. Я продолжал ходить в секцию и как-то, подойдя к раздевалке, услышал слова Панькина:
– Техники у Чащевого никакой, но его удар откуда-то из-под ноги, лошадь не выдержит. Я и сам не мог понять, что со мной происходит, и кто за меня так бьёт. Было такое ощущение, что за моей спиной всегда стоит мой отец и всех моих обидчиков наказывает за меня он – мой отец, которого я почти не видел. Любимчиком Панькина из нашей роты был Валерка Антонов. Я всегда любовался его техникой в боксе. Это был не только высший

«пилотаж», но и сплошной юмор. На ринге он играл с противником, как хотел, выставляя его в дурацком положении. Заканчивал свою серию ударов, как правило, нокдауном. У нас с ним всегда были хорошие отношения, и, когда нас поставили на соревнованиях соперниками, мы договорились играть по-честному. Я у Валерки выиграл, и больше Панькин нас вместе на ринг не ставил. Мне предложил уйти из первой полусредней в лёгкую весовую категорию, чтобы разойтись по весу с Валеркой. Валера был ниже меня ростом, и ему было бы проще это сделать, но спорить с Панькиным я не стал. Подумал, что за месяц-два я сброшу указанные тренером шесть килограммов. Прошло несколько дней, и Панькин объявил, что в субботу и в воскресенье будет проведено первенство Воронежа по боксу. Мне посоветовал поторопиться с моим весом, так как до соревнований оставалось четыре дня, и я должен весить не 63, а 57 кг. Что я только ни делал! Моя шинель не успевала за ночь просыхать. К пятнице оставалось сбросить ещё пару килограммов. После обеда в пятницу Панькин повёл меня в парилку. Он хлестал меня веником, выколачивая из меня душу, а мне приятно было вспоминать Нелькины розги, которыми лупила меня мать, и я балдел от этих родных до боли воспоминаний. Потом Панькин соскребал с меня половинкой мыльницы мои семь потов. Так к субботе мы мой вес подогнали, и я почувствовал, как меня качает ветром, которого нет. Выходя на ринг, я боялся, что могу упасть, если мой соперник чихнёт. Третий раунд закончился, и судьи по очкам признали ничью, но рефери, учитывая наступательный характер боя моего противника, отдал победу ему. Я был доволен тем, что мои ноги меня ещё держат. Устроившись рядом с дежурным фельдшером, смотрел бой Валерки Антонова. Попросил у фельдшера градусник, чтобы измерить температуру. Валерка на ринге издевался над своим противником, как хотел. Весь зал смеялся, а мне было не до смеха. Голова моя куда-то плыла. Градусник показал – 38,9. Фельдшер спросил, зачем я с такой температурой выходил на ринг, а я ответил, что неудобно было отказаться, ещё подумают, что испугался. Возвращаясь в училище, я сказал Панькину, какая у меня температура, а тот меня успокоил:
– За проигрыш не переживай, обещаю тебе встречу на ринге не с тем, кому отдали твою победу в этом бою, а с чемпионом Воронежа, который выиграет завтра у всех в твоей весовой категории. В воскресенье планировалось провести сразу полуфинал и финал. На следующий день я смотреть на соревнования не поехал. Мне было не до этого…

С моим новым весом, который мне надо было держать, я чувствовал себя, как не в своей тарелке. С одной стороны, уже привыкал, было очень легко, и порхал, как птичка. А с другой, всё время ограничивал себя в еде, видя, как остальные уплетают за обе щёки. Я с детства приучал себя равнодушно относиться к любой еде, и это мне хорошо помогало. То, что я проиграл на чемпионате Воронежа, мне не давало покоя. Всё время давил меня какой-то неприятный осадок, как будто чего-то не доделал или сделал не так, как надо,

и это меня тяготило… Как-то в ленинской комнате мы с кадетом нашего взвода Мужевичем играли в шахматы. Вдруг на нашу шахматную доску прилетела из-за моей спины шашка. Мужевич, сидевший напротив меня, тихо сказал:

– Бес бросает!

Вряд ли кто-то другой догадался бы это сделать.

Я повернулся, попросил Беса не мешать и продолжил игру.

Опять прилетела шашка. Я опять попросил его не мешать, заслонив собой шахматную доску. Конечно Бес знал, что я проиграл на соревнованиях, и… На третий раз шашка попала мне в голову. Я встал, взял шашку и запустил её в Беса. Тот тоже встал, направляясь ко мне:

– Что, давно не получал? - спросил Бес. Сейчас получишь! Он замахнулся, а я, увернувшись, опять не понял, кто за меня ударил. Из носа и рта у Беса хлынула кровь. Он задрал голову, чтобы её остановить, но это не помогало. В тот момент, когда он на меня наступал, в комнату зашёл его командир взвода майор Сероус Н.Г. и стал невольным свидетелем происходящего. Трудно было не заметить, что увиденное ему понравилось.
– Ну, что, Беспалов, больше не полезешь к Чащевому? – спросил майор? – Пойди, умойся! Я знал, что так просто всё это не кончится. Был уверен, что сам Бес уже «наелся» и больше не полезет, но его шакалы, потерявшие своё преимущество над всеми, должны были что-то придумать. Ночью я слышал, как собирается стая, и думал, как её встретить. Они налетели, а я вскочил, заорав на всю спальню:
– Убью, сволочи! - И все разбежались. На этом всё закончилось. В нашем третьем взводе первым командиром взвода (офицером-воспитателем) был майор Боганский А. И., о котором мы знали, что он боксёр, а учитывая его комплекцию, победу ему можно было давать без боя. Хотите – верьте, хотите – нет, но этого боксёра «победил» я, не желая этого.
Как-то на самоподготовке выключили свет. Все сидели тихо, и майор был этим очень доволен. Но учить уроки без света было невозможно, а сидеть, молча, было неинтересно. Я пересел на чужую парту и сдвинул третьего, который свалился с сиденья, и все засмеялись. Это всем понравилось, кроме майора. Он подошёл ко мне и поднял меня одной левой рукой за шиворот.
– А, это ты, боксёр?
Я сам не знаю, как умудрился уклониться от его правой, и в толстой штукатурке стены от его удара оказалась вмятина, а от неё шли в разные стороны трещины, указывающие на мощность этого удара. Я понял, что майор проиграл, и после этого «раунда» он сам написал рапорт и оставил должность. В то время до меня ещё не дошло, что можно выиграть бой, не сделав ни одного удара. На фото майор Боганский А. И. с нами.

Кадеты с других взводов приходили к нам, рассматривали, замеряли вмятину и трещины. Его сменил майор Шишов. Каждый из командиров взводов к своей работе относился очень добросовестно, и преподаватели в училище подбирались лучшие из лучших. Других здесь просто не могло быть. Слабые в этом коллективе долго не выдерживали. Как-то на самоподготовке майор объяснял задачу суворовцу Лаврову. Лавров был единственным в роте рыжим и называл себя золотым. После третьего раза объяснения задачи Шишов спросил Лаврова: «Понял?»

– Нет! – спокойно ответил золотой.

Железные нервы майора не выдержали. Не выдержал и огромный деревянный циркуль, которым майор ударил Лаврова по голове. Не выдержала и «золотая» голова Лаврова, покрываясь кровью. Шишов поднял с пола окровавленного суворовца и побежал с ним в санчасть. Больше ни Лаврова, ни Шишова мы не видели. Шишова заменил майор Смородов М.Н, которого мы прозвали ходячей энциклопедией. Мы уважали и Боганского, и Шишова, но они были над взводом, а М.Н. Смородов как-то сразу вошёл во взвод и остался там. Мы любили слушать, когда он рассказывал про Шаляпина, Есенина, Маяковского…, читая на память мало кому знакомые стихи. Я внимательно слушал «ПРЕДСКАЗАНИЕ» М.Ю. Лермонтова и почему-то переживал за майора. В те годы чтение такого стихотворения было похоже на самоубийство.

На фото наш взвод с командиром взвода майором М.Н. Смородовым

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год. России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;

Забудет чернь к ним прежнюю любовь;

И пищей многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнёт бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;

И зарево окрасит волны рек:

В тот день явится мощный человек.
И ты его узнаешь, и поймёшь,

Зачем в руке его булатный нож.
И горе для тебя! – твой плач, твой стон

Ему тогда покажется смешон;

И будет всё ужасно, мрачно в нём,

Как плащ его с возвышенным челом.

Нам трудно было понять, как поэт почти за сотню лет мог предвидеть, что произойдёт со страной в революцию и после неё. Пронесло. Этот командир взвода командовал нами до расформирования Вж. СВУ (Воронежского СВУ) и отправки нашей роты в Калининское СВУ.

Во взводе, как мне казалось, были ребята покрепче меня. Но на меня почему-то сразу повесили самое тяжёлое вооружение – РПД (ручной пулемёт Дехтярёва), который был гораздо тяжелее автомата и гранатомёта. Наверно, это для того, чтобы я высоко не взлетал, но взлететь пришлось. Мне приказали, и я ответил: «Слушаюсь!», получив должность заместителя командира взвода и звание старшего вице-сержанта, а РПД пришлось отдать другому. Это была неблагодарная должность. Одни завидовали, другие проверяли меня на прочность, третьи – на смекалку. Были во взводе и командиры отделений в звании вице-сержантов. На них не всегда можно было положиться. Чаще они были со взводом или сами с собой, в то время, как я обязан был, в интересах службы, идти против всех, требуя соблюдения порядка. Если в первом взводе явное лидерство было у Беса с его стаей, то в нашем многонациональном коллективе взвода открытой борьбы за лидерство, как таковой не было, но… Некоторые свои обязанности старшина роты Черных возлагал на заместителя командира первого взвода Геннадия Митрофанова. Заместителем командира второго взвода был скромный, всегда спокойный А. Ворончук. Трёшку, как называл наш взвод майор М.Н. Смородов, возглавлял я. С утра до вечера, строго по распорядку дня, быстро бежали день за днём, неделя за неделей. Подъём, зарядка, туалет, заправка постелей, утренний осмотр, завтрак, занятия, обед, тренировки в секциях, самоподготовка, ужин, прогулка, вечерняя проверка, туалет, отбой. И так каждый день. Строгий распорядок дня и почти постоянное пребывание в строю помогали нашим воспитателям укрощать нашего брата. В выходные дни нам давали билеты в театр. Иногда всех строем водили в цирк. В увольнение отпускали не всех. Получив замечание за плохое поведение или плохую успеваемость об увольнении можно было не думать. В увольнении я заходил к Хаустовым. Славик Волимерец из нашего взвода всегда с уважением относился ко мне. Он жил в центре города и знал

в городе всё. Иногда приглашал меня к себе домой. Завел он как-то меня в какой-то дом на проспекте. Я не сразу понял, что там делают люди, сидя в наушниках, с закрытыми глазами. Всё выглядело, как у нас в лингафонном кабинете, где мы изучали иностранный язык. - Садись! - скомандовал Славик, вручив мне наушники, и сел рядом. Началось… Симфоническая музыка известных композиторов. При первой возможности я забегал туда сам, но это случалось нечасто. Одним из командиров отделений, на кого я иногда мог положиться, был Славка Ванюков. Крепкий парень, он никогда никуда не лез. Быстрей всего потому, что к нему не лезли. Или потому, что этот добряк почти всегда улыбался, не замечая острых углов. Кроме него, в мой близкий круг входил Юрка Вершинин, Валерка Ковтунов и Васька Сычугов. Валерка отличался от других тем, что всегда витал в облаках, сочиняя стихи и поэмы. Его мать с самого раннего детства привила ему любовь к музыке. Он играл на пианино, баяне, аккордеоне и гитаре. Его добродетельная натура не всегда вписывалась в условия и формы нашей кадетской жизни, но при всём этом он умудрялся находить и здесь свою нишу. Васька от остальных не отличался ничем. Его почему-то звали Васькой Зё, и он откликался. Отличался от всех во взводе невысокого роста, коренастый, Витька Копыл. На переменах все бесились, а он готовился к следующему уроку, повторяя уже выученный материал. Ему связывали под партой шнурки на ботинках, и он падал, когда пытался встать и сделать шаг, а все смеялись. На самоподготовке он зубрил без перерыва. На перемене ему поджигали шнурки. Смеясь над ним, говорили, что он зазубрился до такой степени, что шнурки на ботинках уже дымятся. Но Витька ни на кого не обращал внимания, ни на кого не обижался и продолжал зубрить. Его рвению, целеустремлённости можно было позавидовать, но никто не завидовал. Наверно в то время у нас был ещё тот возраст, когда над проблемами других не очень задумываешься и видишь только свои. Мы незаметно для себя привыкали, когда кто-то из нас вдруг покидал стены училища. Мы даже не заметили, как Витька Копыл целую четверть провалялся в госпитале с воспалением лёгких и стоял вопрос о его отчислении, но вызванный в училище его отец заверил начальника училища, что его сын в учёбе догонит всех. И Витька догонял, а мы над ним смеялись. У меня с ним всегда были хорошие отношения, хоть я и шутил над ним вместе со всеми, но ему было ни до кого. В отличие от всех, он по взрослому, молча, делал своё дело. Забегая вперёд, скажу, что суворовское училище он, единственный из взвода, закончил с серебряной медалью, ещё позже – Ленинградское высшее общевойсковое командное училище закончил с отличием, а академию с золотой медалью. Виктор никогда ни с кем не конфликтовал и даже не спорил. Заводилой во взводе был В. Пасько, у которого был свой талант. Не знаю, чем это было вызвано, но он больше всех меня доставал, никогда не доводя до крайностей. Больше не сам, а через других. Успокоился немного он после повторных городских соревнований по боксу, которые проходили в большом спортивном зале нашего училища.

Среди зрителей был новый начальник училища генерал Дудоров Т.Д. со своей женой. Зал был переполнен: суворовцы и гражданские, офицеры и рядовые. Даже на балконе свободного места не было. Настроение у меня с утра было пакостное. Панькин, обратив на это внимание, подвёл меня к раздевалке, где переодевались приехавшие из города боксёры, и предложил послушать. - Ты долго с ним не возись. Уложи его, как в прошлом бою, в первом раунде, и не больше минуты… Панькин пояснил, что эти советы дают моему будущему сопернику, чемпиону Воронежа, который свой прошлый бой закончил нокаутом в первом раунде за 44 секунды.
– Это тот, кого я тебе обещал, - сказал Панькин. Настроение у меня поднялось. Гонг! И понеслось. Очень смело. Сразу, без разведки. Чемпион есть чемпион. У меня всегда с техникой почему-то было не очень. Как-то коряво получалось. Выручал, а может быть, больше мешал несгибаемый внутренний стержень. Крюк с правой… уклон, и мой встречный крюк с левой… Опять как будто вместо меня кто-то ударил. Чемпион упал, и рефери открыл счёт: – … Два! Три! Четыре!.. Восемь! Девять!.. рефери замолчал, а чемпион ещё лежит. Рефери пошёл советоваться с тренерами, оглядываясь на чемпиона, который только начинает пытаться встать. Прошло всего 24 секунды первого раунда. Если бы рефери продолжал счёт, уже досчитал бы до пятидесяти, но это правилами бокса не предусмотрено. Счёт кончается на цифре десять, и объявляется нокаут. Парня наказала его самоуверенность. Видно, тренеры дали добро на продолжение боя. Рефери помог чемпиону встать, предложив протереть перчатки. Я понимал, что он специально тянет, давая моему сопернику время хоть немного прийти в себя. Знал, что так нельзя, что это моя чистая победа нокаутом, и что для чемпиона это может очень плохо кончиться. Но промолчал. – Бокс! – Я видел, что передо мной уже не чемпион, а парень, который еле стоит на ногах. Его сейчас можно изуродовать донельзя и навсегда выкинуть из бокса. Нормальные боксёры, не теряя времени, и не давая очухаться, добивают. Но это нормальные. В детском доме мы лежачих не били и никогда никого не добивали. Почти не дотрагиваясь до него, я только обозначал удары, набирая очки. Между раундами мой секундант спросил, почему я не добиваю соперника. Я ответил, что лежачего не бью, а парень и так на ногах еле держится. Пошёл второй раунд, а он ещё не оклемался, и я опять вёл бой с тенью, не касаясь соперника. В третьем раунде соперник пришёл в себя, а я не мог взять себя в руки и нормально работать, понимая, что победа и так за мной. Ни одного серьёзного удара я не пропустил и продолжал наступать, но техника его мне очень нравилась. Я выиграл и сразу услышал своё новое звание. Вслед кричали: «Король крюков!» А Валерка Ковтунов назвал меня «Мистер крюк». Валера тоже уже занимался в секции бокса, но на ринге мы с ним не встречались.

Наверно, Витьке Копылу надоели наши насмешки и он пришёл в секцию бокса. Панькин, как всегда, решил избавиться от лишнего вызвав нас с

Витькой на ринг. Мы договорились сильно не бить. Вообще я не люблю, когда перед боем о чём-то договариваются, но так получилось. Я не понял, как очутился лежащим на полу ринга. Смотрю и вижу потолок. Я получил очень хороший урок о том, что в боксе не договариваются. В углу ринга стоял, улыбаясь, Панькин. Витька или сам не понял, как нарушил обещание, или это, помимо его воли, бала расплата за все издевательства над ним, но мне это понравилось. Пришла моя очередь. Витьку пришлось погонять по рингу. Позже он признался, что после этого боя голова у него болела два дня и с боксом он попрощался, перейдя в лёгкую атлетику, где добивался хороших результатов. Я не раз обдумывал свой бой с чемпионом. Ругал себя, доказывая, что бокс – это бокс, и в любую секунду можно нарваться на такую пилюлю, что станешь инвалидом. Что в боксе соперника никто не жалеет. Что в бокс нас насильно никто не тянул. Но мне кажется, что всё равно до конца я себя не переубедил.

В секцию пришёл Бес и стал заниматься. Я попросил Панькина сделать мне спарринг с Бесом, несмотря на то, что он в другой весовой категории и килограммов на 20 весит больше меня. Я хотел посмотреть, какой он в бою. Наверно, Панькин сказал Бесу о моей просьбе, и больше в секции я Беса не видел. Каждый год зимой и летом на каникулы можно было съездить домой. Нам выдавались проездные документы для приобретения билетов. До Армавира путь всегда лежал с пересадкой через Ростов. Стою в Ростове перед расписанием и смотрю, на какой поезд закомпостировать билет до Армавира. Слышу сзади:

– Каким бы до Армавира добраться?

Повернулся. Вижу девушку, которая, прищурившись, рассматривала расписание. Подумал, что у неё очень плохое зрение, раз так щурится. - Я тоже в Армавир, давайте я помогу вам закомпостировать билет вместе с моим в воинской кассе. Я, как гусар, хотел помочь даме, даже не подозревая, что ступаю «на минное поле». Познакомились. Оказалось, что она тоже из Воронежа, а в Армавир Зоя едет к родственникам. Сказала, что родственники живут где-то на окраине Армавира в кирпичном посёлке, где она ещё ни разу не была. Я пообещал ей помочь найти её родственников, чтобы Новый год не встречала в поисках. До Нового года оставалось около восьми часов. Все вокруг суетились, и мы с чемоданами никак не вписывались в предпраздничную суету. Договорились сначала заскочить ко мне домой, чтобы я переоделся в гражданское. Мать встретила нас охами и ахами. Сказал ей, что мы торопимся, и она стала быстро накрывать на стол. Я предложил с дороги перекусить перед поиском её родственников. Хотел помочь ей снять пальто, но услышал: - «Отстань!» Меня как кувалдой по голове. Я человеку пытаюсь сделать добро, а она мне: «ОТСТАНЬ!» Быстро набросив куртку, сказал Зое, что едем искать её родню, коль обещал, и тогда отстану. Нашли быстро. Познакомились. Очень приятные люди. Парень, наверно, наших лет, его мама и бабушка. Передал Зою в целости и сохранности и постарался быстрей уехать, уж слишком сильно меня ударило

её «ОТСТАНЬ!». Новогоднюю ночь провёл с друзьями, а к обеду приехал ко мне Юра – родственник Зои с извинениями за Зою и с приглашением к ним. У меня не было никакого желания, но Юра настаивал. Очень просил съездить, хоть на десять минут, чтобы девушка у меня лично смогла попросить прощения. Поехал: чёрт меня понёс. В Воронеж мы возвращались вместе. Меня уговорили помочь нести её чемоданы к ней домой, и я надеялся, что на этом всё закончится.
По пути в училище меня встретили два старших кадета и попросили забыть сюда дорогу во избежание неприятностей. Я сказал им, что очень люблю неприятности, но если Зоя мне скажет, чтобы не приходил, я не приду. Мне интересно было, кто осмелится преподнести мне обещанные неприятности, когда всё училище видело, как я уложил чемпиона в первом раунде. Я продолжал ходить к Зое, прекрасно понимая, что это нарушение устоявшихся традиций в отношении со старшими братьями. Правда, эти традиции начали нарушаться чуть раньше, когда команда по хоккею нашей роты, где я тоже участвовал, обнаглела и выиграла у команды старшей роты. Это была не простая игра, это было то, чего не могло быть. Я даже не ожидал от своих такой прыти. Бились, как мы в детдоме, только соблюдая правила хоккейной игры. После неё мы ждали продолжения вне хоккейной площадки, но не случилось. Я уже не помню, чтобы ещё когда-нибудь проводились соревнования по хоккею. Строевой плац, залитый на зиму водой, почти не использовался. Катались на коньках только желающие одиночки.

Согласно традиции, один раз в месяц в училище ставился большой концерт. Выступления были на разных иностранных языках. Многие номера остались в памяти на всю жизнь. Мне очень нравились испанские танцы. Программой нашего обучения были предусмотрены уроки, где нас учили танцевать вальс, липси, танго, румбу, фокстрот и что-то ещё, но то, что было на концертах, - это было незабываемо. Иногда в училище для встречи с нами приглашали артистов. Приехал как-то С. Филиппов. В нашем клубе киномеханик был копией Филиппова, и когда артист, отвечая на наши вопросы со сцены, вдруг увидел свою копию на балконе, сначала опешил, потом предупредил его, чтобы тот к нему в родню не клеился, так как у него (показал рукой) нос кривой, а у киномеханика – ровный, как у Буратино. Бывало, нас поднимали по тревоге и с полной экипировкой, мы шли на лыжах в летний лагерь. Раньше нас доставляли туда на машинах, а сейчас эти около 30 км мы должны были преодолеть на «гробах» своим ходом. По приходу оказались мокрыми насквозь не только шинели, но и вещевые мешки, висевшие за спиной с сухим пайком. Сухой паёк нам разрешали выбросить, чтобы легче было идти, но никто этого не делал. Прибыв на место,

~

разместились в пустых, заброшенных домиках, с выбитыми стёклами и без дверей. Эти домики летом могли использоваться для командного состава после их ремонта. Одни из нас избавлялись от своего сухого пайка, уплетая его, другие, достав из вещмешков телогрейки и ватные брюки, спешили переодеться в сухое. Пришли сумерки, и потянуло ко сну. К ночи все успокоились. Около трёх часов раздались выстрелы и взрывы. В разбитые окна влетели дымовые гранаты. За окном слышались команды командиров взводов о выходе из окружения. В полной темноте, натыкаясь друг на друга, задыхаясь от дыма, кто-то пробирался к двери, а кто-то вываливался в окно. Спасался кто как мог, занимая оборону и отражая наступавшего противника. Конечно, из окружения мы вышли и всех победили. Вскоре, «разбив врага», опять попытались уснуть, но уже не спалось. Летом, перед летними каникулами, каждый год мы выезжали в сосновый бор, где проживали почти месяц в палатках. Там тоже надо было поддерживать идеальный порядок. По передней линейке никто не имел права ходить. Это была совершенно ровная, чуть присыпанная песком, шириной метра четыре дорожка. По её обеим сторонам квадратиками из сосновых шишек выкладывался орнамент. На эту переднюю линейку дневальный, стоящий днём и ночью под грибком в любую погоду, должен был вызывать командира роты для встречи старших начальников. Полога всех палаток, кроме палатки дежурного по лагерю, могли подниматься для проветривания только по команде. Ежедневно шла непримиримая борьба с комарами. Основной смысл этого летнего лагеря, наверно, заключался в закаливании ребят и обучению жить в любых условиях. А условия действительно бывали разные и находили своё отражения в чьих-то песнях под гитару:

Ночью за палаткой льют дожди,
Ночью за палаткой грязь.
Ты меня к себе не скоро жди,
Далеко нас спрятали от вас.
А комар над ухом всё поёт,
Как звенящая струна,
По ночному лагерю идёт,
Стар-ши-на…

До речки было километра три, и каждое утро босиком по узкой песчаной дороге среди молодых сосен мы бежали к реке умываться и обратно. С непривычки было больно, когда наступишь на шишку, или когда сосновая игла застрянет в ноге, но потихоньку привыкли. Сзади, как правило, бежал взводный с тапком в руке, который обязательно прилипал к чьему-то заду, кто оказался последним. Однажды, когда мы возвращались в лагерь с речки к обеду, передо мной бежал Мужевич, очень спокойный и безобидный кадет. Мы обгоняли идущих шагом кадетов старшей роты. Один из них остановился, вытаскивая сосновую иглу из ноги, и на него нечаянно налетел Мужевич. Оба упали. Мужевич вскочил, извинился и побежал дальше. Все происходило на моих глазах. Видно, Богу было угодно, чтобы я увидел продолжение. Придя в лагерь, старший кадет нашёл Мужевича и начал на моих глазах его избивать. Я подошёл и потребовал, чтобы тот прекратил и извинился. Конечно, я понимал, что с моей стороны это была сверхнаглость. Старший кадет тоже так думал и замахнулся, чтобы меня поставить на своё место. Но сработала моя реакция, и он упал от встречного удара перед Мужевичем на колени. «Ну, вот, – сказал я, – не хотел просить прощение, теперь проси его, стоя на коленях», – и он попросил. Всё это происходило на глазах наших и проходящих мимо старших кадетов. Никто сразу никак не среагировал. Когда всё закончилось, я подошёл и сел в гнездо своей палатки, сделанное из досок. До обеда было ещё часа полтора. Через полчаса ко мне подошли человек пять или семь, возглавляемые Вихоревым, кадетом, из нашего взвода, которого перевели к нам когда-то из старшей роты. Остальные были почти все из окружения Беса. Видно они не могли смириться с тем, что их вожак Бес уже был не тот Бес, как раньше и виной всему я. У них появилась реальная возможность «меня покусать». Вихорев сказал, что они пришли меня бить за неуважение к старшим. Я, посмотрев на часы, ответил:

– У меня приём через пятнадцать минут в порядке живой очереди. Но Вихорев заявил, что бить меня будут все вместе. Любопытных было много, так как почти вся рота собралась уже к обеду. Я был поставлен в безвыходное положение. Что делать? Конечно отдубасят, но хоть одного успеть бы уложить. Рядом стены нет, около которой надо встать, чтобы сзади не нападали. Постараюсь уложить Вихорева, это он заводила, давно напрашивается. – Ну, что ж, если вы такие «смелые», давайте приступим, - сказал я, перепрыгнув через каркас гнезда палатки. Окружают. Кто-то сзади пристраивается мне под ноги, чтобы толкнули, и я упал. Так саданул ему пяткой, что он завизжал. На крик из дежурной палатки выскочил старшина Черных. Увидев происходящее, закричал:

– Сволочи! На одного!

Все разбежались, а я пошёл в свою палатку. Мне было очень обидно, что не нашёл поддержки в своём взводе, заступаясь за нашего кадета. Ведь на месте

Мужевича мог оказаться любой из тех, кто сейчас сидел в палатке и наблюдал, как я один пошёл против всей этой своры. Здесь - в нашей роте, почему-то не было: все за одного, как в детском доме. Здесь – каждый сам за себя. Наверно, боялись, что выгонят из училища или остерегались тех, кто сильней и наглей. В детском доме боялись только одного: чтобы не стать подлецом, от которого все отвернутся. Мы знали, что из детского дома могли выгнать только в Трудколонию, да и этого не очень боялись. Наверно, всех тоже можно понять. Они поступали в училище, чтобы учиться и стать офицерами, а меня сюда занёс случай вместо Трудколонии. Наверно, Хаустов был прав, когда говорил, что неважно, кто прав и неправ, главное, чтобы не было драк. А мне было всё равно: училище или Трудколония, главное, чтобы всё было справедливо. Кормят и в училище, и в Трудколонии, а как кормят – это неважно. В училище, кроме общеобразовательных предметов очень большое внимание уделялось строевой выправке, физическому развитию ребят, обучению иностранным языкам, тактике, огневой подготовке, оружию массового поражения. Иногда нам было очень несладко, но командиры взводов всё время нам «вдалбливали» слова А.В. Суворова: «Тяжело в ученье – легко в бою». Уровень учебно-воспитательного процесса в этом училище никак нельзя сравнивать с детским домам. Казалось, что здесь преподавали всё и сразу.

Периодически организовывались вечера отдыха, на которые приходили подруги суворовцев и все девушки, желающие весело провести вечер. Про один из таких вечеров кто-то написал:

Сегодня будет вечер в нашей роте.
Придут девчонки с нами танцевать,
Одетые по современной моде,
Которые умеют рок лабать.

Кадеты гладятся, спешат успеть на вечер,

Надраить пуговицы, причёску навести,
А в темноте осенней воет ветер,
И светят в темноте вечерние огни.
И вот приходят, в платьицах коротких,
Заходят в зал, садятся все и ждут,
Когда кадеты в брюках узких – модных
На первый танец танцевать возьмут.
И звуки дикие из мага раздаются,

Кадеты пляшут с бабами чарльстон,

Ручьи из пота уж по лицам льются,
Наверно, сделали кадеты подыхон.
Как только вечер кончился, кадеты
До остановки провели чувих,
И девушки по-модному одеты
Уехали, оставив их одних.

На одном из таких вечеров мне шепнули, что моя Зоя – это подруга кадета Ковалевского, из второго взвода нашей роты. Но сам Ковалевский ничего не говорил и никак не пытался отстаивать своё право. Я никому никаких вопросов не задавал, всё ждал хоть с кем-нибудь серьёзного, открытого и конкретного разговора на эту тему, но не дождался. Меня, наверно, стеснялись или не хотели беспокоить.

Что-то в роте произошло, и всех попросили пройти в ленинскую комнату. Когда я зашёл, там несколько человек из первого взвода по очереди скрупулёзно докладывали о своём расследовании. Речь шла о том, как БЕС со своими «шакалами» воровал у кадетов всё, что попадало под руку, и передавали украденное за забор училища на квартиру одного из них. Потом всё украденное продавалось, а деньги делились

между ними. Докладывали всё поминутно: где, кто, у кого украл, кто кому передавал, в какой дом и по какому адресу доставлялось. Мне это было неинтересно. Я и без того знал, что это за люди, и на что они способны. Но интересно было, как эти докладчики осмелились пойти против Беса? Всегда все дрожали перед ним и его шакалами. Или после моего урока, в этой ленинской комнате, когда Бес захлёбывался в своей крови, и они осмелели? Рота жужжала, как улей с пчёлами. Ночью меня разбудили и попросили помочь. Зашёл в бытовую (хозяйственную) комнату, куда меня просили зайти. Там стоял Бес, окружённый с трёх сторон желающими его «воспитать», но никто не решался начать первым. Это был уже не тот Бес, присутствие которого все боялись. Он весь дрожал, и на этого труса противно было смотреть. Но, даже в таком состоянии он ещё вселял страх. В другом углу своей очереди ждали его шакалы. Меня попросили начать. Мне противно было не только его пальцем трогать, но и на него смотреть. А в детском доме от такой банды за воровство и «косточек бы не оставили». Молотили бы все: и большие, и малые. Но сначала бы сделали тёмную. Тёмная – это когда набрасывают одеяло на голову, а потом бей – не хочу. Здесь всё по-другому. Все ждали меня, и я ударил. Бес упал. Всё остальное продолжалось без меня. Утром всю воровскую шайку с многочисленными побоями спрятали в санчасти, и началось расследование…
Спрашивали, кто их избивал. Пригласили меня. Конечно, Бес сказал, что я начинал. Мне пришлось врать, что таким образом Бес решил со мной рассчитаться за прошлое, свидетелем чего был его командир взвода майор Сероус, и меня оставили в покое. В санчасти воров продолжали избивать без меня, пока оформлялись документы на отчисление их из училища. Нами командовали в основном порядочные офицеры, прошедшие войну, и каждый из них понимал, что так просто в таких коллективах с ворами не прощаются.

Каждое утро зарядку с нами проводил старшина Черных, но потихоньку, и всё чаще, эти обязанности он возлагал на заместителя командира первого взвода Гену Митрофанова. Как заместитель командира третьего взвода, я командовал своим взводом, но однажды Геннадий попросил меня вместо него провести зарядку с ротой. Провёл. Закончил зарядку и привёл роту в казарму точно по распорядку дня. После обеда меня вызвал к себе в кабинет ЧеП.
– Вы почему, товарищ старший вице-сержант, зарядку с ротой закончили на пять минут раньше?

– Товарищ подполковник, вы можете спросить у дежурного по роте…
– Я не буду ни у кого спрашивать, – кричал ЧеП, – мне доложил дежурный по училищу. Почему Вы не исполняете, как следует, свои обязанности?
Я тоже кричал, что исполняю. Когда в кабинет зашёл командир первого взвода майор Сероус, он увидел, что ЧеП убегал от меня вокруг стола, крича, что не исполняю, а я за ним с кулаками, крича, что исполняю.

Остановился я и пришёл в себя только, когда ЧеП заорал новую фразу:
– Разжалую! Помню, что ответил:
– Спасибо! Я не собирался его бить. Но за правду, с кулаками, на баррикады меня понесло. Так я стал, как все, рядовым суворовцем, и мне это нравилось. Два раза в год - Первого мая и седьмого ноября - мы участвовали в парадах. Сначала парад с нашим участием проходил в Воронеже, потом нас стали возить в Москву.

Шёл уже пятый год моего обучения в этом училище. При всех изъянах нашего бытия можно было с уверенностью сказать, что система такого обучения и воспитания будущих защитников Родины себя вполне оправдала. Год за годом, как через сито, отсеивали нашего брата, оставляя тех, кому могли доверить самое главное. В этом, 1963 году, боксёры готовились к участию в спартакиаде суворовских училищ, которая должна была пройти летом в Ленинграде. Отправляя суворовцев на летние каникулы, поставили всех в известность, что наше Воронежское суворовское военное училище расформировывается, и две воронежские роты после отпуска должны прибыть для дальнейшего обучения в Калининское СВУ. Все уехали, а в училище оставались только боксёры и обслуживающий персонал. Мы готовились к спартакиаде защищать честь училища, которого уже нет. В штабе училища ещё что-то делалось, и в нём ещё можно было увидеть его руководство. Кормили нас очень хорошо, но меня это не касалось. Я держал вес, чтобы разойтись в весовой категории с Валеркой Антоновым. Очень жалко было расставаться с нашим училищем, и тренировками я почти не занимался. Не мог понять, кому оно помешало. Неужели в СССР уже не было сирот, из которых можно воспитывать преданных Родине её защитников или обучать этих ребят другим специальностям? Стены этого училища за пять лет стали для меня родным домом. Очень тяжело было думать, что этого дома у нас больше нет.

Представили нашу команду боксёров на медкомиссию в гарнизонный военный госпиталь. Пригласили меня к врачу. За столом сидел мужчина почтенного возраста в белом халате. Я стоял у двери, а он, взглянув на меня, сказал, что дальше могу не проходить, и что на спартакиаду я не поеду. Вопросов я не задавал и ни на что не реагировал. Мне было всё равно. Сопровождавший нас подполковник – начальник мед. службы училища – стал разбираться, в чём дело. Врач сказал, что у меня перегрузка на сердце и пару лет мне серьёзно спортом заниматься нельзя. Видно, на моей физиономии была написана большая скорбь по нашему училищу, которую врач совершенно справедливо принял за сердечную перегрузку. Нач. мед. спросил, как врач, в звании полковника, поставил такой диагноз, не осмотрев пациента, а тот ответил, что ему достаточно того, что он видит. Не выдержал стоявший за дверью Панькин. Зайдя, он стал убеждать полковника, что мне, для победы, достаточно только выйти на ринг. Но полковник не уступал, сказав, что меня на ринге бить не надо, что я в

первом раунде лягу сам. После комиссии поехали в училище. Начальник мед. службы училища предупредил меня, что если я не поеду, он составит документы на мою комиссацию, и в Калининское СВУ мне уже приезжать не надо. Я не знаю точно, что послужило причиной такого диагноза, но меня возмутило поведение нашего нач. меда училища, который в ущерб моему здоровью пытается заставить меня защищать честь училища, которого уже нет. После беседы с ним я сразу демонстративно направился в кабинет начальника училища и рассказал ему о произошедшем. Сказал, что готов умереть на ринге, если в этом есть какой-то смысл. Генерал приказал немедленно выдать мне проездные документы до Армавира и обратные в г. Калинин. Простившись с Валеркой Ковтуновым, Валеркой Антоновым, Сухомлиновым Андреем и другими боксёрами, я поехал на каникулы. Настроение было ужасное. Купил пачку сигарет и закурил. Кончился мой спорт, начались каникулы. Зашёл в детский дом. Все меня узнавали. Чита, увидев меня в суворовской форме, сказала: «Сразу было видно, что ты птица высокого полёта». Очень хотел зайти к Графине, поблагодарить её за всё, но стеснялся. Не смог пересилить себя, а она, видя, что я смотрю в её окна, тоже не пригласила к себе. После каникул ехал в Калинин и под стук колёс поезда вспоминал прожитое лето. В голову пришёл отрывок какого-то стихотворения, и я не мог от него избавиться:

…Когда лежишь на верхней полке

И пламя голубых костров

Врывается в окно осколком

Родных до боли городов,

И прожитое, не тасуя,

Беру крутые виражи,

А память образы рисует,

Да письма вслед,

И боль души,

И голубые двоеточья

Любимых глаз,

Обиду рук,

– Всё вспоминаю очень точно

Под монотонный перестук…

Я не помню, чьи это стихи, но всегда, куда бы я ни ехал в поезде, они всегда сопровождают меня. Во время моего первого приезда на каникулы из суворовского, мама подарила мне фотоаппарат «СМЕНА». В роте я оказался не единственным фотографом на все семь лет. Славику Ванюкову подарили такую же «СМЕНУ», и мы печатали фотографии для всей роты, а ещё больше – для своего взвода, оставляя всем память на долгие годы.

Коллектив Калининского училища нас встретил хорошо. С кадетами

из параллельной калининской роты познакомились быстро. Делить было

нечего. Вместе организовывали вечера отдыха, участвовали в парадах на Красной площади в Москве. Валерка Ковтунов нашёл своё место в музыкальном ансамбле с аккордеоном и в секции бокса. Царинный хорошо пел в том же ансамбле, Витька Копыл, после бокса увлёкся бегом с препятствиями и десятиборьем. Стал чемпионом Калининской области среди школьников по прыжкам в высоту, но про учёбу не забывал. Я филонил, спортом не занимался, как следует, и только ездил судить соревнования по боксу. Один раз выступил за честь училища по просьбе самого начальника училища. Ему доложили, что я «король крюков» и сачкую. Вызвал, побеседовал. Честь училища я защитил, выиграл, но фингал заработал. Познакомился и подружился с Тимкой Долотовым калининской роты. Сошлись характерами, как детдомовцы и боксёры. Здание училища нам показалось очень странным. В подвальных помещениях огромные двери, которые никогда не открывались. Какие-то лабиринты… Первое время мы блуждали в поисках столовой или учебных классов. В Воронеже всё было проще: зашёл, вышел, а тут могли заблудиться. До существования этого училища, в старом здании, построенном в 1878-1881 годах архитектором В. Н. Козловым, находилась Тверская духовная семинария. Боженька, видно, был не против, что в нём поселили сирот в суворовской форме. Всё как будто было неплохо, кроме одного. Командовать нашим взводом назначили огромного капитана, который по своему интеллектуальному развитию никак не мог заменить нам «ходячую энциклопедию», оставшегося в Воронеже. Над ним открыто смеялись, а он этого не понимал или не хотел понять. Я не знаю, кто кому что советовал, но по приезде в Калининское СВУ меня пригласили в канцелярию, где предложили стать опять заместителем командира третьего взвода. После меня эту должность никто не занимал. Я отказался, сказав, что уже пробовал в течение почти пяти лет. Спросили, кого поставить, и я посоветовал своего друга Славку Ванюкова, учитывая его крепкое телосложение и то, что с ним никогда, ни у кого не было конфликтов. Я обещал ему помогать, согласившись на

должность командира отделения в звании вице-сержанта. За месяц до ноябрьского парада нас, как всегда, привезли в Москву на тренировки, которые проходили ежедневно, в любую погоду, на территории центрального аэропорта.

Наше обучение после тренировок проходило в одной из школ Москвы, куда нас также доставляли на машинах, крытых тентом. Чтобы обувь выдержала наши тренировки, нам выдавали говнодавы, или сокращённо гэды - так называли мы кирзовые ботинки с железными набойками на подошве. Эти набойки гремели хорошо, но нужно было пройти много тренировок, чтобы с ними не загреметь во время парада на скользкой брусчатке Красной площади. Ненависть к нашему командиру во взводе росла с каждым днём. Наверно, он никому ничего плохого не делал. Но почему-то его уже терпеть не могли. Ехали в школу. Наша машина шла в общей колонне. Погода была мерзкая, как и настроение во взводе. Капитан ехал с нами в кузове на сидении у заднего борта. Машины то резко тормозили, то быстро набирали скорость. Каждый рывок машин усиливался желанием выбросить взводного из машины. Мне это всё не нравилось, и я не толкался, в какой-то степени гася усилия впереди сидящих. Рядом был Юрка Вершинин, который понимал меня и тоже не толкался. Капитан успел за что-то схватиться, чтобы не выпасть из кузова. Когда машина пошла ровно, он вскочил, бросился к Юрке, схватив его за шиворот, и на ходу выбросил из кузова. Не знаю, как Юрка не попал под идущую следом машину. Но после Юрки капитан бросился ко мне, увидев около меня свободное место. Оно было свободно потому, что я сидел, не принимая участия в толкании. Взводный хотел со мной повторить приём, только что отработанный на Юрке, но я сунул ему под нос свой кулак со словами: «Попробуй!» Капитан не ожидал и на секунду опешил, успокоившись, сел на своё место. В этот же день Юра Вершинин был отчислен из училища. Попытки мои и друзей встать на его защиту были тщетны. Нас просили назвать других виновных, которых надо уволить вместо Юрки, и мы умолкали. В нашем взводе Юрка был единственным белокурым блондином. К нему прилипла кличка «лапа». Своей лапой он легко ловил баскетбольный мяч и крепко удерживал его, очень хорошо играя в баскетбол и ручной мяч. Любил отличаться от всех. Если на урок по физподготовке взвод выходил в чёрных трусах, то он обязательно в белых под любым предлогом. Конечно, виновны были все. Пойти против взвода, у которого уже накипело, я не мог. Знал, что скажут Пасько и другие, что моя власть давно закончилась и нечего возникать. Конечно, я не надеялся, что те, кто толкал, пойдут и признаются, чтобы не выгоняли Вершинина, и это меня бесило. Доказывать, что виновными были те, кто сидел рядом с капитаном и толкал его, а не Юрка я тоже не мог. Приходилось тоже молчать, как у Шекспира: «… с волками жить – по-волчьи выть». Но не хотел я больше ВЫТЬ. Не хотел жить в таком коллективе и в таком училище, где на

шестом году обучения выгнали невиновного, отличного парня, и оставили на должности взводного – причину всех бед, который по счастливой случайности не убил Юрку, сбрасывая его на ходу из машины под колёса другой. И в этом я был не одинок. После парада, уезжая на каникулы, я отправил почтой рапорт в училище. В рапорте указал, что Юрку исключили из училища несправедливо. Что я не могу учиться в таком училище, где так поступают, и в училище больше не приеду. Домой я тоже не мог ехать, чтобы не травмировать мать и сестёр. В рапорте указал, чтобы документы выслали в Воронеж на адрес моей невесты Зои. Примерно также поступил и Валера Ковтунов. Он ещё до конфликта с Юркой не находил себе места из-за того, что его оставили в резерве, не включив в основной парадный расчёт. Я бы не придал этому значение, т.к. резерв был всегда и кто-то должен там быть, но Валерка переживал очень. Зоя, уверявшая меня раньше, что до гроба…, не очень обрадовалась моему приезду и спросила, чем я думаю заниматься. Я ответил, что буду доучиваться в вечерней школе и работать. У меня уже были из училища «корочки» связиста. Будущая тёща, которая не желала себе зятя лучше, теперь была в шоке, не зная, что ей делать. Отец Зои, капитан, лётчик – технарь в запасе, не сказал ни слова. Раньше, когда только познакомились, Зоя говорила, что у неё отец полковник, и что она 1947 года рождения, но позже выяснилось, что родилась она в 1944 году, а отец – капитан. Для меня всё это значения не имело, но я до сих пор не пойму логику этого вранья. Перспектива моей учёбы в вечерней школе и работы Зою не устраивала. Она сразу спросила, кому я такой нужен. Очень хотел уехать в Армавир, но не было на дорогу денег. Занимать у её отца, который всегда хорошо ко мне относился, было неудобно. Пообещал заработать на дорогу и по возможности быстрей уехать. Устроился в вечернюю школу. Через месяц от матери получил письмо с ответом на мой рапорт из училища. Из ответа следовало, что никакие документы мне никто не вышлет, так как на моё обучение потрачены большие средства. Мне предложено вернуться в училище и закончить своё обучение с последующим поступлением в высшее военное заведение. Такой ответ для меня был спасением, а Зоя опять стала резко меняться: конечно, слёзы и раскаянье за своё поведение. Забрала мои часы, а мне надела на руку свои с браслетом, чтобы не забывал её. Я чувствовал себя тряпкой, о которую вытирают ноги. Но всё делалось так быстро и нагло, что я не находил слов. Мне очень не хватало советов моего отца. Я никак не мог понять, как и зачем люди так кривят душой, врут друг другу и тут же выкручиваются, ведь правда всё равно всплывёт, а они опять врут и врут, глядя в глаза. Недолгие сборы, и я поехал. Без слёзных проводов не обошлось. По приезде в училище вызвали к начальнику генерал-майору Б.А. Кастрову. За глаза его звали БАКом по первым буквам инициалов и фамилии. Генерал сказал, что помнит, как команда боксёров во главе с тренером просила его посодействовать, чтобы я участвовал в городских соревнованиях по боксу, защищая честь училища. Помнит, как я оправдал

доверие. И внимательно выслушал меня. В конце нашего разговора он поблагодарил меня, не знаю за что, и пожелал в дальнейшем хорошей учёбы. Больше нашего капитана, командира взвода, мы не видели. Кроме командира роты подполковника П.П. Прохожаева, рота была укомплектована офицерами-воспитателями: первый взвод – майор Сероус Н.Г, прибывший с нами из Воронежа, второй взвод – майор Топорков М.И. и наш третий взвод – майор Пущин В.К. Все эти офицеры соответствовали своим должностям, были всегда выдержаны и рассудительны. Старшиной

роты стал старшина сверхсрочной службы В.К. Алфёров, хорошо знающий своё дело.

С самого прибытия нашей роты в это училище под командование подполковника П.П. Прохожаева мы узнали его клички: первая была «три П» или «П в кубе», но чаще его называли «шея». Невысокого роста, крепкого телосложения, крупные черты лица. Голос хрипловатый, командный, отрывистый. Взгляд суровый. Насколько нам было известно, с академией у него что-то не получилось, и он, утешая своё самолюбие, увлёкся заочным обучением, получив три или четыре высших образования. Что касается его кличек, то: «П в кубе» пошла от Петра Петровича Прохожаева. А «шеей» его назвали после посещения им спортивного городка, где один из взводов метал учебные гранаты и диски. Подполковник уже уходил из спорткомплекса, когда его догнал летящий за ним диск. Конечно, никто этого не хотел. Диск попал П.П. Прохожаеву в шею. Подполковник повернулся к испуганному суворовцу и строго сказал: «Товарищ суворовец, надо чётко управлять своими руками и всегда думать о последствиях». Когда подполковник пошёл дальше, потирая место ушиба на шее, взвод почти хором произнёс: «Вот это

шея!». С нашим бывшим ротным ЧеПом его сравнивать нельзя. При его внешней строгости я не помню ни одного случая, чтобы он на кого-то повысил голос или поступил несправедливо.

Через неделю после моего возвращения прибыл и Валерка Ковтунов. Я был встречен тихо, как говорят, без шума и пыли, а к Валеркиному приезду готовились. Почётный караул выставлять не стали, но всё училище перед ним построили. Стоит Валерка в подрезанной коротенькой шинельке без погон перед строем и выслушивает всё за себя и всё, что не сказали мне. Как только его не поносили за дезертирство! Я тоже стоял в строю уже с погонами и лампасами, от которых также, как Валерка, успел избавиться. Стоял, внимательно слушал, понимая, что всё сказанное и меня касается в полной мере, сочувствовал, что досталось всё ему одному. И опять всё стало, как было. Зимой и летом, весной и осенью нас вывозили за город на стрельбы. Прибыли как-то на ночные стрельбы ранней весной. Начали стрелять, совмещая на прицельном приспособлении две фосфорные точки. Очередь дошла до Челнокова. Он был самого низкого роста во взводе, и прозвали его «Пиписька». На спор Пиписька с пятнадцати метров из рогатки попадал в звёздочку на фуражке и так же метко стрелял из автомата. Все знали, что после стрельбы Пиписьки начнутся проблемы. И, как всегда, началось. Пиписька перебил лампочки, которые подсвечивали мишени, и, пока их меняли, совсем перестал светиться фосфор на насадках установленных на прицельных приспособлениях. Господа офицеры вспомнили, что забыли про фонари, чтобы подзаряжать фосфор во время ночной стрельбы. Майор Пущин ругал себя, что забыл зайти в караул за фонарём. Я сказал, что могу прогуляться и взять фонарь в карауле. Пущин недоверчиво посмотрел на меня и ответил: «Вперёд!» Надо было пройти по дороге ночного леса в один конец километров десять. Наверно, это было безумие, но именно в этом и был смак, и я пошёл. Все слышали и в местной газете писали, что в эту зиму по этой дороге ехал мужик на санях, и с деревьев на него прыгнула рысь. Лошадь привезла домой то, что от него осталось. На всякий случай выломал хорошую палку. Весна ещё не вступила, как следует, в свои права, а зима не уступала: то метелью закрутит из последних сил, то успокоится и заморосит дождём. Периодически сверкала молния, освещая дорогу и стволы деревьев. Казалось, что за деревьями кто-то прячется и вот-вот бросится. Надо встретить. Интересно подавлять в себе страх. Вспомнил, как в детском доме играли в войну и в штабе мне приказали идти в разведку. Как противник преследовал меня на крыше строящегося учебного корпуса. Уходя от него, мне пришлось прыгнуть с этого, уже почти достроенного корпуса. Тогда, перед прыжком с крыши этого здания, я тоже преодолевал свой страх и ушёл от преследования. После приземления мне казалось, что колени вылезли через плечи. Дождь то стихал, то превращался в ливень. Наверно, и дождь был запланирован для наших стрельб, чтобы учились воевать в любую

погоду. О чём можно думать ночью, в лесу, в такую погоду?

Шёл и вспоминал своё стихотворение:

Весенние грёзы

Быть может, это вчерашний вечер?
Какие-то странные голоса…
Как будто кто-то кого-то просит
Взглянуть мимоходом в его глаза.

Не надо жалеть, никого не любя.

К тому же ты знаешь, что всё слишком сложно.
Во всём и всегда ты была права,
Ты знаешь всегда, что нельзя, а что можно.

Трудно сказать: это сон или явь,
Бред или причуда виденья.
Можно подумать, что это любви
Скупые минуты – блаженства мгновенья.

В природе идёт всё своим чередом.
Льёт дождь ошалело, на лужах играя.

Прохожего бьёт по лицу, по спине,
Как демон, горящие стрелы метая.

Вот так и вся жизнь под дождём проливным:
В ней трудно понять, где капель, а где слёзы.
А память рисует безоблачный след,
Тепло твоих глаз и весенние грёзы.

Шумят беззаботно весною ручьи,
О чём-то задорно с природою споря.
И время летит, оставляя следы,
Следы серебра и печали море.

Наконец, пришёл в караул. Начальник караула удивился моему появлению и сказал, что ни один фонарь в карауле не работает, так как давно забыли, когда ставили их аккумуляторы на подзарядку. Я направился в обратный путь. А в голове крутились вопросы:
– Как наши опытные офицеры, собираясь на ночные стрельбы, могли забыть фонари?

– Как в караульном помещении могут быть незаряженные аккумуляторы для фонарей?

– Как фонари из караульного помещения могут отдавать на стрельбы, оставив караул без света в случае отключения ЛЭП?

– Почему в армии допускается такая халатность и безответственность?

Вернулся с рассветом. Доложил командиру и узнал, что стрельбы закончили, подзаряжая фосфор фарами автомобиля. Я остался доволен своей прогулкой и своим самовоспитанием, считая, что всё, включая эту прогулку, пойдёт мне на пользу. По выходным, одни из нашей роты брали увольнительные и ходили знакомиться с городом, а кое-кто в парк на танцы. Я любил ходить в театры, когда на спектакли давали билеты, но чаще смотрел по вечерам в субботу и в воскресенье кино в клубе училища. Однажды в выходной, когда я смотрел фильм, кто-то забежал в зал и крикнул, что на танцплощадке в парке наших бьют. Фильм шёл, но в зале уже никого не было. Перелетев через забор, чёрная рать неслась в парк к танцплощадке. В это время, все уже понимали, что такое «НАШИХ БЬЮТ». Примчавшись в городской парк, мы увидели, что танцплощадка окружена солдатами. Я попросил всех успокоиться и спросил у сержанта, что они здесь делают. Тот ответил, что из тюрьмы Вышнего Волочка сбежали уголовники и прибыли в этот парк порезвиться. Оказалось, что это они избили кадета, а воинскую часть подняли по тревоге для задержания преступников. Когда прошёл слух, что кадеты приближаются, многие

уголовники уже покинули танцплощадку, а оставшихся на ней окружили. Предложили нам уйти и не мешать задержанию. Я попросил ребят вернуться в училище, объяснив обстановку. После этого выхода в город количество кадетов в нашей роте уменьшилось. С самого начала нашего обучения это количество постоянно сокращалось, как уменьшалась шагреневая кожа из одноимённого романа Оноре де Бальзака. Одни вылетали из училища за дисциплину, другие – по неуспеваемости, третьи – по состоянию здоровья. Были, правда, и другие причины. Кажется, в первом взводе нашей роты был Цыганок с чёрными зрачками. Он где-то вычитал, что с чёрными зрачками легко научиться гипнозу. Нам было жалко его друзей, на которых он тренировался. – Вы расслабляетесь, вы засыпаете… Но он добился своего и вскоре куда-то исчез. Шёл последний год нашего обучения в суворовском. И мы, наверно, больше готовились к выпускному вечеру, чем к экзаменам. Ночью ловили по приёмнику хорошую музыку, записывая её на магнитофон. Я предложил сделать общую выпускную фотографию двух рот, и со мной все согласились. Чтобы заказать фото, нужны были деньги, а они были далеко не у всех. Однажды мать прислала мне в конверте три рубля, но я написал ей, чтобы впредь такого не делала, так как меня здесь кормят, одевают, обувают и в театры водят, а дома деньги нужны больше. За забором спортивного городка размещалась лесоторговая база или что-то подобное. Встретившись с директором, я, объяснив ему обстановку, спросил, можем ли мы в свободное от занятий время хоть что-то на этой базе заработать. Директор решил нам помочь, но чтобы об этом никто не узнал. Каждый день после обеда все безденежные из обеих рот с комбинезонами под мышкой шли в спортгородок «заниматься спортом». Переодевались в кустах и, перемахнув через забор, приступали к работе. Разгружали с железнодорожных платформ пиломатериал, складывали его в штабеля, выполняли всё, что скажут, и нами были очень довольны. Иногда я отпрашивался у ребят, и они работали за меня, а я, сделав заказ на фотографии в фотомастерской, выполнял просьбу фотографа, снимая своей «СМЕНОЙ» панораму реки и памятники города для этих общих фотографий. Офицеры, включая начальника училища, с одобрением отнеслись к затее с общим фото, и проблем с увольнительной у меня не было. По моей просьбе все офицеры и преподаватели шли в фотоателье, где их фотографировали для общей фотографии. Я уже посмотрел в черновике, что получилось. Снимая панораму реки, я повесил фуражку, которая мешала, на ограду. Фуражка так и осталась висеть на фотографии, и мне это нравилось. Не нравились мне общие фотографии без обложки, и пришлось искать типографию, где их сделают. Заработанных денег хватило не только на фотографии, но и на лимонад для преподавателей на экзаменах, и на что-то покрепче в выпускной вечер. Сейчас, вспоминая всё, поражаюсь, как я умудрился всё это прокрутить. До экзаменов оставалось совсем чуть-чуть, как вдруг в один из выходных дней с Васькой Сычуговым что-то случилось. Всё бы обошлось, но его начало крутить, выворачивая

наизнанку. Четверо не могли с ним справиться, а поднимать шум – значило выгнать Ваську из училища перед самыми экзаменами. Долго с ним мучились, но скорую вызывать всё-таки пришлось. Встретив врачей за училищем, тайно провели их, объяснив обстановку, попросили, чтобы об этом никто не узнал. Ваську привели в порядок, и он закончил училище. Но после сдачи экзаменов его всё-таки комиссовали. К экзаменам каждый готовился по-своему. Кто зубрил днём и ночью, кто берёг своё здоровье, считая, что оно дороже всех наук, а основная масса очищала сады и палисадники города от цветов, которые должны были стоять во время экзаменов на столах у преподавателей, закрывая от их неусыпного взора всё, что только можно было закрыть. Заходили и выходили мы из казармы через окно в спальне, чтобы не тревожить дежурного по училищу. В памяти осталось, как, спрыгнув с подоконника в спальне с большим букетом цветов, Володька Резун, кадет из второго взвода, напевая какую-то песенку про цветы, попал чуть не в руки прибывшему на подъём командиру первого взвода майору Сероусу. Майор не ожидал, что утром, так рано, в роте его будут встречать с цветами. Встреча была очень трогательной, и все долго смеялись, вспоминая о ней. Резун выделялся в роте тем, что и ростом, и лицом смахивал на молодого Бонапарта и пилотку часто носил концами в стороны, как у Наполеона. На выпускных экзаменах всех удивил Валерка Ковтунов, который написал сочинение поэмой. Тема была о героях Гражданской войны в романе Н.А. Островского «Как закалялась сталь». Преподаватель русского языка и литературы Н.М. Колясинская ходила по взводам, читая его произведение со слезами на глазах. Валерку вызвал к себе БАК. Пожав Валерке руку, генерал сказал, что он лично ставит ему пять и ещё раз пять! Преподаватели, с разрешения Валерки, размножили его поэму для себя на память. Закончило училище нас в нашей роте почти в два раза меньше, чем поступало в неё. Перед выпуском нас спрашивали, кто куда хочет поступить. В лётчики для меня дорога была закрыта из-за поломанной перегородки в носу. Не знаю, когда мне её сломали, но я всегда получал удовольствие, пропуская на ринге удары в свою физиономию. В беседе с БАКом сказал, что если не подхожу в лётчики, пойду в технари и попросил записать меня в какое-нибудь авиационно-техническое училище. Генерал со мной не согласился. Сказал, что запишет меня в самое лучшее училище Советского Союза – в Московское высшее общевойсковое командное ордена Ленина Краснознамённое училище имени Верховного Совета РСФСР (сокращённо МВОКОЛКУ). Спорить с генералом было бесполезно, наверно, он знал, что делал. На выпускной приехала Зоя и поселилась в гостинице. Я попросил её уехать, но она заявила, что бросится с пятого этажа гостиницы, если я буду её выгонять. Знал, что дури у неё хватит на всё, и смирился. Выпускной вечер прошёл. Гуляя до утра с Тимкой Долотовым и его подругой по г. Калинину, подошли к дому, где жила семья Тимкиной подруги. Зоя чувствовала, что это наш прощальный вечер, и капризничала. Очень просила после стажировки приехать в Воронеж, где 18 августа

отпразднуем её день рождения и заодно сыграем нашу свадьбу. Я просил её успокоиться, сказав, что со свадьбой она поспешила. Зоя пошла топиться в Волгу. Пришлось вытаскивать. Мокрые, дрожащие, мы заявились к родителям Тимкиной подруги. Зоя обещала повторить свой подвиг, если я не пообещал.., и я пообещал. Не знаю, что бы посоветовал мне мой отец, если бы был жив. Мне очень, очень не хватало его советов… На стажировке в Калининском учебном центре при воинской части кормили нас ужасно. В обед, чтобы разобраться в бачке, где первое, а где второе, необходимо было воткнуть черпак. Если упадёт, значит, первое, а не упал – второе. Но как в одном, так и в другом бачке сверху был какой-то тёмный слой, похожий на отработку машинного масла. Ложки, которые нам выдавали, не мешало бы поместить в музей изобразительного искусства. Некоторые из них были с дыркой и подписью - «учебная», на других надпись – «сука, ищи мясо», у третьих ручка скручена так, что ложкой не воспользуешься… Кадеты, привыкшие к нормальным условиям и пище, почти целый месяц ничего не ели. Курить было нечего, и у местного старшины искурили все вывешенные на просушку мочалки. Со стажировки Витьку Копыла и меня наш старшина Алфёров В.К. забрал в училище, чтобы помогли ему готовить для кадетов курсантское обмундирование. Работали на совесть, и старшина был доволен нашей работой. Когда закончили, он принёс бутылку водки, чтобы поблагодарить нас и попрощаться, так как другого подходящего случая не предвиделось. Выпили на троих. После голодной стажировки мы превратились в двух скелетов, и водка сильно ударила в голову. Хотели пройтись последний раз по г.Калинину в суворовской форме, но надо было сначала освежиться, чтобы хоть чуть отрезветь. Пошли в спортгородок. В кустах оставили форму и, перемахнув через забор, попали на пляж. Погода стояла теплая, и весь пляж был занят отдыхающими людьми. Я подошёл к реке, пробуя ногой воду. Кто-то сзади подхватил меня, как пушинку, и бросил в речку. Выходя из воды я увидел коренастого, шире меня вдвое, парня лет тридцати. Помню, что куда-то его послал, но ему это не понравилось. Подошёл второй, ещё здоровее первого и на голову выше меня. С живота свисали жировые складки. Кривляясь, на ломаном русском языке спросил: – Он, кажется, что-то нехорошее сказаль? Первый ответил, что я его послал, и повернулся к Витьке Копылу. Второй провёл своей лапой мне по лицу и спросил: – Может, первый начнёшь? Нетрудно было представить, что было бы со мной, если бы он начал первым. Я почти отрезвел, но очень сожалел, что выпил. Оглянулся. Народ смотрел со всех сторон в ожидании шоу. Других вариантов не было, и я ударил. Толстяк, прикрыв лицо руками и низко опустив голову, качался. Я был уверен, что завалил бы его, если бы был трезв. Можно было добавить, но опять сомневался, надо ли. Первый стоял ко мне спиной, что-то выясняя с Виктором. Не знаю, о чём они беседовали, но был уверен, что ничего хорошего ждать не приходится. Выбрав удобное положение прыжком в сторону, нанёс ему удар в челюсть. Второй ещё не очухался, а первый уже

куда-то улетел. Повернувшись ко второму, я ждал, что он ещё попросит, но он, подняв голову, или удивившись, или обрадовавшись, воскликнул:
– Боксёры?! Ну, парень, ты попал! Сейчас позовём друзей, и вам будет п….
Я вдруг услышал:
– Чаща, сзади! (кличка Чаща по моей фамилии ко мне прилипла ещё с детского дома). Оглянулся. С огромным камнем на меня шёл первый, но почему-то кругами. Мне показалось, что он сам боится меня ударить на глазах у всех, но быть безнаказанно избитыми каким-то скелетом в присутствии такого количества дам, отдыхающих на пляже, он тоже не хотел. Второй, встав боком ко мне, стал звать на помощь своих друзей. Те уже бежали к нам, а я готов был к встречному бою. Вокруг все с большим интересом наблюдали за происходящим. Подбежавшие ребята сказали, что всё видели, и стали отгонять своих друзей. Искупавшись и надев форму, мы прошли мимо этой компании, приветствуя их, чтобы знали, что нашего брата трогать нельзя: можно схлопотать!
Вернувшихся со стажировки, кадетов переодели в курсантское обмундирование и отправили в отпуск, из которого мы должны были прибыть в места распределения. Весь свой взвод я пригласил в Воронеж к 18 августа на свадьбу.
Разъехались кто куда, а я, как обещал, в Воронеж. Отец Зои был против свадьбы, говорил мне, что он со своей всю жизнь мучился и мне мучиться придётся. Я ответил, что обещал и обещание исполню. Переубедить дурака было некому. Кроме того, я был уверен, что стоит мне сорвать свадьбу, и Зоя пойдёт на всё. Она обгадит меня везде с ног до головы, и служба моя закончится, ещё не начавшись.

Всё готовилось к свадьбе. Приехала моя мать. На 18 августа собралась половина взвода во главе с заместителем ком. взвода Славкой Ванюковым. Пришли гости из соседнего двухэтажного дома. Я не понял, кто его приглашал, но на свадьбу прибыл и кадет из второго взвода Ковалевский, про которого мне когда-то говорили… Не стал у Зои спрашивать, чей это гость, зная, что выкрутится или что-нибудь устроит. Выпивали и закусывали. С Зоиным отцом мы много самогонки нагнали, качество которой пробовали и перепробовали, чтобы никого не отравить. Была и водка. Вышли покурить. Ко мне из-за угла дома подошли взволнованные кадеты.

– Володя, твоя Зоя за углом целовалась с Ковалевским. Давай ему морду набьём? Ему я и сам мог бы набить, только на мой взгляд, надо было бить не ему, а ей, но баб не бьём. – Не надо! Эта свадьба для неё. Я обещал. Пейте, ешьте, веселитесь! А там посмотрим. Очень не хотел перед соседями позорить её отца. Я знал, что Ковалевский живет где-то рядом с Суворовским училищем на Придаче. Зоя как-то мельком рассказывала, что до суворовского они учились вместе, но это мне было неинтересно, и я не слушал, зная, что, по возрасту, они не могли учиться вместе. К вечеру ребята

начали разъезжаться. Проводив их, я зашёл в спальню, но брачная постель была занята. На ней уже спал пьяный Ковалевский. Конечно, хотелось отмолотить, но опять не его. Очень жалко было смотреть на её отца, который был в шоке, и я сделал вид, что ничего не произошло. Вспомнил, как в Воронежское суворовское к начальнику политотдела пришла одна дама с жалобой, что её изнасиловал её друг – суворовец из старшей роты. Она требовала, чтобы тот на ней женился. Полковник попросил зайти в его кабинет суворовца из нашей роты, дежурившего в штабе посыльным. Когда тот зашёл, полковник вытащил из его шапки иголку с ниткой, которые обязательно были у каждого из нас в шапке на всякий случай. Вытащил нитку из иголки, отдав её даме, а иголку оставил себе. Полковник попросил девушку попасть ниткой в ушко иглы. Девушка попыталась это сделать, но полковник повернул иголку. Попыталась ещё раз. Опять повернул. И сказал:

– Вот так и в жизни. После свадьбы все разъехались, а мы с мамой, молодой женой и тёщей поехали в Армавир. Приехав домой, мать стала быстро накрывать стол. Она заранее приготовила всё, что смогла. На столе уже стояли хорошие для того времени вина: «Южные ночи», «Чёрные глаза» и другие. Было и чем закусить, но тёща скрипела зубами, не дотронувшись ни до чего. И, наконец, её прорвало:

– Где мы будем спать? – спросила тёща.
Мать спокойно ответила:
– Стены я не раздвину, а из того, что есть, я вижу такой выход: молодые в комнате на кровати, мы с Галиной - в другой комнате на этом раскладном диване, а Вы рядом с нами на - раскладушке. (Нелли в это время уже жила в г.Таганроге). Тёща вскочила.

– Ты как гостей встречаешь? - закричала она на мою мать. Обращаясь к своей дочери, заорала:

– Пойдём отсюда, нам здесь делать нечего! Выйдя во двор, продолжала кричать, чтобы все соседи слышали:

– Мы твоего с голым х… взяли, а ты предлагаешь мне на раскладушке спать? Не будет этого!

У выхода со двора я сказал Зое:
– Если сейчас уйдёшь, больше не возвращайся!

Зоя с тёщей уехали к своим родственникам. К сожалению, умные родственники объяснили им, что те наделали, а ко мне опять прислали «дипломата» Юру. Он просил простить Зою, но я не соглашался. Юра сказал, что Зоя сидит под деревом в посадке напротив нашего дома и никуда

не уйдёт, пока я её не прощу, и уехал. Зоя долго сидела под деревом, пока моя мать не послала меня за ней.

Глава 4
КРЕМЛЁВСКИЕ КУРСАНТЫ

В МВОКОЛКУ имени Верховного Совета РСФСР (сокращённо МВОКУ) я прибыл без опоздания. После суворовского нам дано было право поступать в высшие общевойсковые училища сразу на второй курс и в среднетехнические на первый курс без экзаменов. Курсантов, кто учился с первого курса, принято было называть «мишками». Это, наверно, потому, что полученное нами знание за семь лет в суворовском нельзя было сравнивать с полученным ими в училище за один год. Мы уже в любой обстановке знали все входы и выходы, а они, как неуклюжие медвежата, только пытались всё познать. С появлением в роте кадетов чувствовалось какое-то небольшое брожение, но вскоре всё успокоилось, и начался учебный процесс.

Старшая сестра Нелли (на фото слева) закончила в г. Таганроге строительное училище и работала в Ленинграде мастером по ремонту квартир. Младшая сестра Галина (на фото справа) закончила Армавирский механико-технологический техникум и работала технологом.

В октябре в Москву приехала Зоя и устроилась на квартиру. Расписаться, прописаться и устроить Зою на работу нам помогла тетя Тимки Долотова, проживающая в Москве.

Наше училище сами курсанты, из-за участия в парадах и других мероприятиях, связанных со встречей иностранных гостей, характеризовали как «строевое-балетное, паркетно-марафетное». Очень частые гости из других стран вынуждали поддерживать в училище идеальный порядок. Километр от городской автотрассы до училища курсанты называли «золотым», так как это была дорога в увольнение. Если зимой по сторонам этого «золотого» снег начинает темнеть, его срочно вывозили, и из леса завозили свежий. Паркет в нашей роте менял свой цвет не реже двух раз в месяц. Вся рота после обеда на карачках, чем придётся, скоблила красный паркет, чтобы сделать его жёлтым. Мы знали, что скоро, перед приездом другой делегации будем опять скоблить, чтобы паркет сделать красно-коричневым. Нетрудно было загладить горячим утюгом трещину в асфальте, подмести плац и убрать мусор, но это скобление уже достало всех. После него оставалось подмести, убрать, протереть, покрасить, просушить, нанести мастику, натереть, чтобы блестел, как у кота… Я предложил своему командиру взвода старшему лейтенанту Борисовскому В.С. усовершенствовать машинку для натирания паркета, чтобы она не натирала, а скоблила, и использовать для этой работы вместо всей роты человек восемь. Борисовский, посоветовавшись с командиром роты капитаном Глушко, выписал мне увольнительную, и я поехал за свой счёт покупать щётки, чтобы поставить на машинке железные вместо волосяных.
Всех отправили на занятия, а в моё распоряжение выделили 8 человек, и я приступил к работе. Одни ребята перетаскивали койки, чтобы освободить место для тех, кто увлажняет пол, другие аккуратно смачивали паркет, не брызгая на стены. Двое закрывали стены щитами от грязи, которая летела из-под моей машины. Те, которые увлажняли пол, после меня подметали и тут же наносили жидкий краситель для паркета, не дожидаясь его просушки. Командир роты и взводные смотрели, перенимая опыт. К приходу роты с занятий вся спальня была уже беленькая, готовая к нанесению мастики и натиранию полов. Так у меня появилась новое звание – «король паркета». Но в нашей роте был не только я – «король паркета», был ещё и «король клозета». Такое «высокое» звание получил Витька Скотников из нашего взвода. Перед приездом самых больших делегаций приводить в порядок ротный туалет доверяли только ему. Прежде, чем приступить к работе, он раздевался по пояс и на голову надевал белый платок, завязанный на четырёх углах. Это был суперпрофессионал своего дела. Соперников у него

не было. Все остальные вкалывали в других местах. Работы хватало всем. Однажды какой-то взвод чистил своё оружие, и кто-то для этой цели принёс полведра бензина. Скотников всегда запирался в туалете, чтобы никто не мешал, но на этот раз кому-то открыл и забыл закрыть. Почистили оружие, и ведро с бензином поставили в углу туалета, где в это время «король» наводил марафет, любуясь своей работой. Закончил. Всё блестит, как у кота… Увидел в углу ведро с водой и решил выплеснуть. Выплюнул изо рта окурок и плеснул… Читатель, наверно, уже представил картину происшедшего, но я только чуть-чуть добавлю. От взрыва хорошо тряхнуло всю нашу казарму и второй этаж. «Король» выскочил из клозета с квадратными глазами, весь чёрный, как негр. Блестели только его белые зубы, и резко выделялся на голове белый платок. На вопросы он открывал рот, но его не понимали. Стены в туалете были чёрные. Пришлось написать, что туалет на ремонте.

Я пользовался авторитетом среди курсантов, и меня избрали членом ротного бюро комсомола, и членом комитета училища. Спортом серьёзно не занимался, как советовал мне полковник в Воронеже, но того, что у меня уже было, мне хватало, чтобы выглядеть лучше других. Как-то приехала комиссия с проверкой физической подготовки, и командир взвода предупредил нас, что проверять полковник будет строго. Чтобы при выполнении подъёма силой на перекладине ноги не разводили, ногами не дрыгать, носочки оттягивать. Чтобы делали до тех пор, пока не скажет: «Хватит!», потому что может несколько раз не засчитать. На «отлично» надо было сделать семь раз. Пришла моя очередь, и взводный скомандовал: «Чащевой, к снаряду! (к перекладине!)». Это упражнение я делал так, как никто другой во взводе. С прямыми ногами, оттянутыми носками вылетал над перекладиной, как пуля, сразу на две руки. Кроме меня, поднимался тоже сразу на две руки только командир взвода, но он с короткой остановкой на полпути. Мой секрет заключался в скорости подъёма. Делаю и про себя считаю:

– …пять, шесть, семь. Не слышу, чтобы проверяющий, за моей спиной, сказал: «Хватит!». А может, он подъём сразу на две руки не считает? Начал делать, как все, поднимаясь над перекладиной, сначала опираясь на правую руку, потом на обе… четыре, пять, шесть, семь. Опять молчит. Но Борисовский же сказал… А может, по их правилам надо подниматься, сначала опираясь на левую руку?… два, три, четыре,… шесть, семь. Опять молчит. Не спрыгивая с перекладины, оглянулся назад. Полковник, не глядя в мою сторону, беседовал с командиром взвода. Я спросил: «Хватит?» Весь взвод засмеялся. Я спрыгнул и встал в строй. Мне сказали, что полковник, увидев, как я сделал первый подъём, сразу отвернулся и стал разговаривать со взводным, ни разу не повернувшись, пока я там выпендривался. Конечно, во взводе ребята были гораздо здоровее меня. Были и такие, телосложение которых не всегда, особенно в то время, можно было увидеть в глянцевых

журналах, но подтянуться на перекладине не могли. Особого внимания заслуживал Толик Осипов. С его головой он не в то заведение попал. Все лекции по высшей математике Толик спал, так как ему это было неинтересно. Я внимательно слушал, но не всегда всё понимал. Контрольные Осип (одни его звали Осипом, другие Окунем) решал только на «пять». Преподавательница спрашивала у него, откуда он взял такие формулы, которые она нам не давала, и Осипов показывал ей, как он их вывел. Самое больное место Толика было – физподготовка. На лыжах и кроссы он бегал с удовольствием, а за перекладину пальцы удержать его вес не могли. Мы с ним договорились, что я буду его тащить по физо, а он понатаскает меня по высшей математике. Он знал, что я и без этого неплохо решаю… и сказал мне об этом, но я ответил, что хочу лучше. Начали мы с бокса. Пару дней он в перчатках пытался меня бить, а мои руки за спиной. Я не убегаю, а только уклоняюсь от ударов. Ему быстро надоело ловить мою смеющуюся физиономию. У него никак не получалось дать мне по морде, но очень хотелось. Он попросил подключить одну руку, но потихоньку. Стал понемногу получать удары и привыкать к ним. После разминки боксом мы начали подходить к перекладине и уже хорошо за неё держаться. Через неделю подключили вторую мою руку, но я бил несильно. На перекладине стали уже подтягиваться с моей помощью. Дело пошло. Появилась заинтересованность и желание. Время от времени он подбрасывал мне задачки, и я их решал. Опять подсунул. Я говорю ему, что этого ещё не проходили, а он смеётся и показывает, как это делается. Прошло полгода, и в училище организовали соревнование по боксу. Выступать я даже не думал. Уже больше двух лет серьёзно не занимался, да и реакция была уже не та. Одно дело с Осипом, и совсем не то – с боксёром. Вызвал в кабинет командир роты. Ему уже кто-то ляпнул, что я «король крюков» и должен выступить. Я рассказал, что уже два года…, но он и слушать не хотел. Видно, сверху пришла команда выставить боксёров. Выполнять в любом случае надо, не выходить же на ринг самим.

Первый бой я закончил досрочно, а на следующий день в воскресенье моим соперником был, как мне сказали, чемпион Москвы, заслуженный мастер спорта Сидоров. Мне было как-то всё равно, кто он и что он. К тому же, часто больше наговорят, чем есть на самом деле. Сказали, что рефери на ринге его друг, а это было уже нежелательно. Прозвучал удар гонга. Мне нравилась его техника: легко уходит из любого положения. Мастер, ничего не скажешь, но и мы не лыком шиты. Главное – поймать и подцепить. Прошло два раунда, а поймать не могу. Третий раунд гоняюсь, и всё никак. Наверно, ему тоже подсказали, что под мою «кувалду» лучше не попадать, и он убегает мастерски, а бить не бьёт. Терпеть не могу такой бокс. Непонятно, за что мастера спорта получил, если только убегаешь и так прытко, что догнать не могу? Не дожидаясь конца третьего раунда, рефери останавливает бой и, удивляя всех, включая судей, объявляет победу Сидорову ввиду технического превосходства. Наверно, рефери боялся, что

судьи по очкам дадут победу мне, а не его другу, и не стал дожидаться конца последнего раунда. Весь зал кричал и свистел. Я бросил перчатки на пол ринга, плюнул в сторону рефери и ушёл под канаты. Около выхода стояла Зоя.

– Успокойся! Ты победил! Слышишь, что зал кричит? Я дал себе слово на ринг больше не выходить. А ведь правильно в народе говорят: «Не зарекайся!»

О новом нашем командире батальона майоре Н.Т. Чернопятове ходило много слухов. Одни говорили, что шрам на его лице оттого, что в его руке взорвалась граната, и он чудом остался жив. Другие говорили, что он зять какого-то маршала, и, судя по его кипучей деятельности, это похоже было на правду.

В центре училища стояли два длинных деревянных барака, которые начальник училища генерал-майор Неелов приказал нашему комбату за месяц убрать и посадить на их место травку. Не знаю, откуда что взялось, но на следующий день появилось столько техники, сколько в училище мы никогда не видели, и через неделю на месте бараков мы уже раскладывали дёрн. Весна уже всё чаще давала о себе знать. Солнышко припекало. Все наши шинели уже сдали в каптёрку. Старшина дал команду строиться на обед. Рота выполнила команду и ждала старшину. В нашей каптерке курсант старшего курса разыскивал свою шинель, перебирая все наши. Я тоже находился там, что-то решая со старшиной. Курсант уже всё проверил, но не уходил. Сказал, что будет проверять ещё. Старшина показал ему на открытую дверь, через которую было видно, что рота построена на обед. Предложил прийти после обеда, но старшекурсник и слушать не хотел. А рота стоит и ждёт… Старшина был таким же курсантом, как и мы, но по комплекции выше и почти в два раза шире меня. Он внимательно посмотрел на старшекурсника и сам связываться не стал, а попросил меня вывести его из каптёрки. Я взял нашего «гостя» за руку и попросил его выйти, указывая на открытую дверь. Но тот, как курсант старшего курса, не привык к такому обращению, и я тут же получил удар в зубы. В открытую дверь курсанты, стоящие в строю, видели, что произошло, и рота зашумела, передавая друг другу новости про этот удар в мои зубы. Я молча вытащил драчуна из каптёрки, повернул его и вернул ему то, что от него получил, как мама учила. Дверь кабинета командира роты распахнулась, он влетел в кабинет, и дверь захлопнулась. Старшина, не видя, что произошло в коридоре, пока он выходил и закрывал каптёрку, начал командовать ротой, но его никто не слушал. В казарму прибежали заглянувшие в окно к ротному со двора и сказали, что в кабинете офицеров нет, а драчун ещё лежит. Старшина спрашивал у курсантов, что произошло. Я, молча, стоял у двери кабинета командира роты и ждал, а вдруг ещё что попросит. Прибежали опять со двора и сказали: «Уже зашевелился». Вышел, взглянул на меня и бегом на

второй этаж в кабинет командира батальона. Чуть позже узнал от комбата, что я избивал старшекурсника до полусмерти на глазах всей роты, и что мне не место в лучшем учебном заведении Советского Союза. Наверно, мне на роду было написано, что мне не место быть в лучших учебных заведениях, как в первой школе города Армавира, в Воронежском СВУ, так и в МВОКОЛКУ. Десять суток на гауптвахте я отбывал в ожидании решения педсовета по моему «досрочному окончанию училища». С гауптвахты меня вызывали для исключения из членов ротного бюро, членов комитета училища и из комсомола. В своё оправдание в комсомоле мне сказать было нечего, так как все и без моих слов всё знали, понимали и сочувствовали, но делали, что им велели. На восьмые сутки мне разрешили встретиться с женой. Попросил Зою позвонить Хаустову и рассказать обстановку. Воронежский округ уже упразднили, и Хаустов в то время находился в Ленинграде. Насколько мне известно, возглавлял комиссию по противовоздушной обороне. Моего дядю Юру рассказ Зои не удивил, но он всё же позвонил и попросил начальника училища генерала Неелова Н.А. внимательно разобраться со мной.
На педсовете я рассказал всё, как было. Слово предоставили командиру взвода, чтобы тот зачитал на меня характеристику. Борисовский обливал меня грязью в своей характеристике без зазрения совести, исполняя указания комбата. Исключение меня из членов ротного бюро, членов комитета училища и из комсомола на педсовете преподносилось, как осуждение моих недостойных поступков коллективом товарищей и всеобщее презрение. Я не мог понять, как командир батальона мог встать на сторону этого слюнтяя, который прибежал к нему жаловаться. Мне трудно было представить, какой офицер будет из этого жалобщика. Ведь он ударил меня первым, а после получения сдачи побежал жаловаться, преподнося один удар, как избиение до полусмерти. Единственное, что было положительного в характеристике, это: «Физически развит хорошо». Выслушав Борисовского, генерал Неелов спросил:«Какие у этого разгильдяя взыскания?» Заглянув в служебную карточку, Борисовский ответил: «Неделя неувольнения за опоздания в строй». Неелов встал: «Ещё какие?» Борисовский пожал плечами. – У Вас в характеристике на Чащевого всё плохо, и у него только одно взыскание? В роте пьянки, самоволки, а вы за основу берёте опоздание в строй? Генерал повернулся ко мне:

– Ну, что, боксёр, хочешь учиться в училище?
– Хочу!

– Иди, будешь учиться!

Комбат сидел, молча, как оплёванный. Я вышел, но от двери не отходил и слышал, как начальник училища исполнял просьбу Хаустова. Досталось всем.

Я вернулся в роту, но в комсомоле восстанавливаться не стал. Это разве комсомол, если, наплевав на собственное мнение, на свои убеждения, исполняли распоряжение комбата, выдавая его решение за своё?

Во взводе всех доставал Юрка Шкабаро, который не мог спокойно провести ни одной перемены. Ему всегда надо было кого-то скрутить, приподнять, заломить, и звали его «богом войны». Надоел всем, и стали над ним подтрунивать:

– Что ты вечно хватаешь, кто тебя слабее, Чащевого попробуй на ринг вытащить!

Шкабаре понравилась идея, и он начал меня уговаривать. Я, как мог, пытался уклониться. Отдавал без боя ему победу, но бесполезно. Все подливали масла в огонь, сталкивая нас лбами. Я объяснял, что ринга нет, а без него драться опасно, но обещали всё предусмотреть, и Юрка настаивал. Правду говорят, что горбатого также, как и меня, могила справит. Не хотел, чтобы меня за труса считали. Спустя час после обеда, в одной из комнат спортзала собралась публика. Притащили тарелку, пробили и повесили её вместо гонга. Мы со Шкабаро надели перчатки. Нас окружили со всех сторон вместо канатов ринга, чтобы мы не ударились о стенку. Гонг! Шкабаро попер, как на буфет, где бесплатно дают сгущёнку. Пришлось уклоняться, но он не успокаивался, и я ударил. Он не улетел к стене, где стояли зрители. Он как-то высоко взлетел и плашмя, параллельно к полу, упал. От пола его опять почему-то чуть подбросило, и всё. Я много видел падений на ринге, но такое видел впервые. Мне показалось, что это опять не я, а кто-то за меня его наказал. Рефери открыл счёт:

– Раз! Два! Три!.. Девять! Десять!.. Пятнадцать!.. Я сказал, что нужен нашатырь и искусственное дыхание. Кто-то побежал в санчасть за нашатырём, а я, сбросив перчатки, делал искусственное дыхание. Устал, попросил меня заменить. Прибежали из санчасти с нашатырём. Дали понюхать. Веки задрожали, и глаза его открылись. Помогли Юрке подняться, посадив на лавочку. Кажется, пришёл в себя.

– Я хоть сопротивлялся? – спросил он.

– Сам ты дурак, Шкабаро, а шутки твои ещё дурнее, – ответил я.

Прошла ночь. Начались занятия. На уроке по физической подготовке командир взвода вызывал курсантов к снаряду. Очередь дошла до Шкабаро. Услышав свою фамилию, Юрка взбесился. Без всяких на то причин послал Борисовского, чего никогда никто не делал, и направился к выходу. Я за ним. Борисовский спросил у взвода, что со Шкабаро произошло? Ему рассказали про вчерашний бокс. Долго Борисовский со мной беседовал, разъясняя прописные истины. Я и сам понял, что до тюрьмы один шаг, что

любая, малейшая случайность – и уже ничего не исправишь. Пообещал ему держать себя в руках.

Пришла в училище новая техника – БМП-1 (боевые машины пехоты). Мы слышали, что в войсках эта техника уже давно не новая, из которой стреляют, которую водят. Но в училище специалистов по ней не было. Нас привели в автопарк, где она стояла, и разрешили по ней полазать. Полезли! Пощупали! Шкабаро нажал какой-то рычажок, и люк упал ему на палец. На этом изучение новой техники в училище прекратилось. Все, наверно, решили, что одолеем врага и на старой. Меня как-то нашла Тимкина тетя, которая помогала в прописке и устройстве Зои на работу и сказала, что у Зои на работе недовольны тем, что она очень часто отпрашивается и уезжает в Воронеж, а потерять такое хорошее место в научно-исследовательском институте не в Зоиных интересах. Про многие отъезды, о которых мне сказали, я даже не знал и вразумительного ответа не получил. Вскоре, до моего выпуска из училища, она забеременела и родила дочь. Приближался юбилей училища. Порядок нами поддерживался всегда, и к юбилею особого аврала не было. Приехало много гостей. Кроме генералов, и других больших начальников, присутствовали и рядовые ветераны, о которых не пишут в исторических документах. Нам рассказали, как 8 декабря 1917 года в здании Александровского училища, по указанию В. И. Ленина, была открыта первая Московская революционная пулемётная школа.

На трибуну вышла пожилая женщина, закончившая эту школу, когда её называли «1-е Московские пулемётные курсы РККА», которые были переведены на трёхгодичный срок обучения с присвоением имени ВЦИК. (Новое название«1-я Советская объединённая военная школа РККА им. ВЦИК»). Женщина рассказала, как она училась в этой школе, и никто не знал, что она – женщина. Как под различными предлогами уклонялась от общей помывки в бане. Тайна раскрылась, когда сам В.И. Ленин вручал курсантам награды, и она призналась ему, попросив не выгонять её из школы. В этот же день Ленину призналась и другая женщина, которая не знала о первой. Ленин распорядился, чтобы им выделили отдельную комнату, а курсанты их назвали Сашка-один, Сашка-два. Ветераны рассказали нам о причине передислокации кремлёвских курсантов из Кремля. Узнав о подготовке к государственному перевороту с участием кремлёвских курсантов, Сталин приказал расстрелять всех командиров: от командира взвода до начальника школы, а курсантов отправить в Сибирь. Задачи по охране Кремля передали батальону особого назначения. Курсанты школы дошли до Лефортово. В октябре 1945 училище продолжило свой путь из Лефортово в посёлок Кузьминки, Московской области. К моему прибытию для обучения в это самое лучшее училище Советского Союза (в 1965 г.), в нём только центральное здание и невзрачная столовая, совмещённая с клубом, не требовали сноса. Учебный корпус, новый клуб

и спортзал строились уже при мне, при мне и закончили их строительство. На стрельбы мы ездили в г.Ногинск. Вспоминаю, как ночью, в сорокаградусный мороз, в кузове с тентом и «утеплёнными» дугами возвращались мы со стрельб. Всю дорогу толкали друг друга со словами: «Не спи, замёрзнешь!» Приехав, помогали некоторым замороженным слезть с машины и считали, что всё это нормально. Время шло к выпуску. Недолго до него оставалось, как опять сверху поступила команда провести соревнования по боксу. Я считал, что на этот раз Борисовский меня прикроет, и выступать мне не придётся, но, наверно, именно он меня и подставил. Может быть, и не он, но никакие мои отговорки не помогали. Ротному я объяснял, что не занимаюсь боксом уже около пяти лет, что от бокса во мне ничего не осталось, что реакция уже не та и не хочу быть посмешищем. Всё было бесполезно. Перед боем мне сказали, что мой соперник имеет первый разряд, что он серьёзно занимается и входит в какую-то сборную. Мне это рассказывали, а я не слушал. Знал, что уложу его, если удастся хорошо подловить. В то же время знал, что если буду на это рассчитывать, то ничего не получится. Прозвучал гонг. Ему, наверно, тоже что-то рассказали обо мне. Все три раунда я за ним гонялся и не мог поймать. Меня это уже бесило. Когда тренировал Толика Осипова, держа свои руки за спиной, тоже уклонялся, как мог. У него не получалось попасть в мою физиономию, он психовал, а я смеялся. Сейчас мой противник не прятал руки за спину и не смеялся, но такой бокс, когда всё время убегают, я терпеть не мог. Мне уже не хватало моей реакции, чтобы его поймать. Мой излюбленный приём – бить встречным ударом, (когда он пытается меня ударить, а я опережаю его) не получался, потому, что он даже не пытался бить, а только убегал, уклоняясь от ударов и от боя. Чем-то напоминая мне мой бой с Сидоровым. Я понимал, что надо играть, что так легче поймать, но увлёкся погоней и не мог себя остановить. Судьи по очкам дали ничью, а рефери отдал победу ему за техническое превосходство. Может, он и прав. Но мне кажется, что это победа за трусость, я бы ему победу не дал. Начались выпускные экзамены. Погода стояла хорошая. Очень тянуло готовиться к очередному экзамену на Кузьминском пляже, где можно вовремя освежиться. Дорога на пляж лежала через забор училища Верховного Совета, а это уже – самоволка! Нас, «таких умных и шустрых» было трое. Кто-то «заснял» и доложил. Это было перед сдачей высшей математики. Борисовский предупредил: «Кто из вас сдаст ниже, чем на пять, получит распределение в десант». Про Толика Осипова он знал, что тот и на экзамене может спать, но всё равно получит пять. За меня и Сороколетова сомневался. Последняя оценка по вышмату в журнале у меня стояла двойка. Влепила мне её математичка за подсказку, и с таким злом, как будто я ей три рубля должен и не отдаю. Не знаю, чем я ей так насолил. Получил билет. Прочёл. Надо на все три вопроса ответить письменно. Первый вопрос был настолько простой, что не поднималась рука отвечать на него письменно. Остальные два расписал, как по нотам.

Поднял руку и сказал, что готов. Подошёл заведующий кафедрой. Посмотрел и спросил, где первый вопрос, я ответил, что рука не поднимается, и в двух словах раскрыл суть, попросив вместо него что-нибудь поинтересней. Тот подошёл к преподавательскому столу и сказал: «Пять!» Математичка вскочила, как ужаленная: «Я ему пятёрку не поставлю!» В её поведении что-то крылось. Очень симпатичная, молодая, кореянка или вьетнамка, и такая злая. Я не мог её ничем обидеть. Зав. кафедрой опять подошёл ко мне и написал на листке новую задачу. Я быстро решил её и поднял руку. Опять подошёл и, посмотрев, сказал, что я правой рукой почесал левое ухо, попросил почесать левой. Решил по-другому. Снова подошёл, посмотрев, взял листок и пошёл к математичке. «ПЯТЁРКА!» - громко сказал он, стукнув по столу, и вышел из класса. На этом экзамене Сороколет (так его звали во взводе) заработал десант, и теперь терять ему было нечего. Все понимали, что сейчас из училища никого не выгонят. Готовились к экзамену по основам научного коммунизма мы опять на пляже и опять залетели. Условия у взводного были прежними. На этот раз десант заработал и Осип. Мы не боялись десанта, но десантом нас пугали так же, как Забайкальем. Через много лет я тоже оказался в десанте, командуя в Забайкальских Дурбачах отдельным десантно-штурмовым батальоном армейского подчинения. Своего заместителя по воздушно – десантной подготовке майора А. Горбунова, я спросил: «Не встречал ли он по службе Сороколетова или Толика Осипова»? Тот ответил мне, что ему знакома фамилия Анатолия Осипова – заслуженного мастера спорта, чемпиона Советского Союза и мира по прыжкам с парашютом. Но мне ни Сороколетова, ни Осипова встретить за всю службу не довелось.

Нас спрашивали, кто куда желает попасть после училища, но направляли в основном не по желанию, а куда надо. Меня тоже спросили, и я ответил: «Куда пошлют!»

Глава 5
Лейтенант

Послали далеко! На Урале в Чебаркульской учебной дивизии получил взвод курсантов, обучающихся на должности командиров БМП-1. Взводом я уже командовал, будучи в Вж СВУ заместителем командира взвода, но сейчас ответственности было гораздо больше. Иногда во взводе и роте появляются негласные лидеры (ночные генералы), которые верховодят, подчиняя себе всех. Жертвами в первую очередь становятся те, кого баловали в детстве родители, воспитывали в тепличных условиях, кто не может за себя постоять. В моём взводе был один такой тихенький, маленький, скромненький Николай Дуркин. Как-то зашёл я после обеда в казарму и попал как раз в эпицентр конфликта. Не знаю, с чего всё началось, но видел, как этот тихенький, маленький, скромненький Дуркин классическим броском через себя легко бросил одного из самых здоровых парней в роте. Увидев такое, я подумал, что после такого броска Дуркин для многих уже не был таким тихеньким и маленьким. Этого парня родители хорошо подготовили к службе в армии, и себя он в обиду не даст. Парадокс, но я должен был учить курсантов тому, чему не учили меня. Мои сержанты, Валера Левин – заместитель командира взвода, Валентин Кущев – командир отделения и другие, которым я очень благодарен, знакомили меня с вооружением БМП-1, учили стрелять, приводить к нормальному бою и водить. Все предметы обучения курсантов были распределены между мной и сержантами так, чтобы дать обучаемым максимум. Я вёл полит. подготовку, тактику, оружие массового поражения, топографию, строевую, физподготовку, стрельбы. Изучение техники было на моём заместителе, вооружения БМП – на командирах отделений. Я не знаю таких слов, чтобы выразить всю свою благодарность этим сержантам. Мы понимали друг друга с полуслова. Одни - учили, другие - отрабатывали нормативы и навыки до совершенства днём и ночью, как требовала от нас программа обучения. Дивизионная газета выпустила листок «НА ЛЕНИНСКОЙ ВАХТЕ» под названием: «Каждый снаряд – в цель», в котором:

«Воины взвода, которым командует комсомолец лейтенант Чащевой, на прошедших боевых стрельбах показали высокую полевую выучку, умение грамотно решать огневые задачи. Особенно метко разили цели «противника» комсомольцы Мирсат Амиров, Николай Дуркин, Юрий Поплевин, Николай Шпилевой, Евгений Баров и комсгруппорг Владимир Горбачёв. Каждый снаряд, пущенный ими, достигал цели.

ВОИН! УЧИСЬ СТРЕЛЯТЬ ТАК, КАК СТРЕЛЯЮТ МАСТЕРА МЕТКОГО ОГНЯ!»

НА ЛЕНИНСКОЙ Вахте

Каждый снаряд — в цель

Воины взвода, которым командует комсомолец лейтенант Владимир Чащевой, на прошедших боевых стрельбах показали высокую полевую выучку, умение грамотно решать огневые задачи.

Особенно метко разили цели „противника" комсомольцы Мирсат Амиров, Николай Дуркин, Юрий Поплевин, Николай Шиплевой, Евгений Баров и комсгрупорг Владимир Горбачев. Каждый снаряд, пущенный ими, достигал цели.

Комсомолец лейтенант Владимир Чащевой.

Комсгрупорг рядовой Владимир Горбачев.

Воин! Учись стрелять так, как стреляют мастера меткого огня!

В этом листке немного загнули насчёт того, что я комсомолец. Но после сдачи экзаменов меня уже приняли кандидатом в члены КПСС. Совесть постоянно мучила. Нас не научили эксплуатации вооружения БМП, а то, чему меня учили мои сержанты, у меня вызывало сомнение, т.к. все их познания этого вооружения осуществлялось на ощупь, методом «научного тыканья». В ходе стрельб у меня возникало много вопросов, на которые ни у кого не было ответов, и все ответственные стрельбы проходили при условии крупномасштабного очковтирательства, о котором знали все: и стреляющие, и проверяющие. Главное, чтобы стрельба велась в правильном направлении. На экзамены мой заместитель организовал сбор денег с курсантов и в саквояже принёс мне спиртное с консервами. Я сказал ему, что и без этого сдадим экзамены на «отлично», а он засмеялся и сказал, что стрельбы взвода не начнутся, пока на вышке не будет накрыт стол. Если этого не будет, командир полка подполковник Арменополов вас сбросит с вышки, и стрельбы перенесут на другой день.

– Не забудьте взять фужеры и рюмки.

К началу стрельб командир полка привёз проверяющих и поднялся ко мне на вышку. Боевые машины, курсанты – всё было готово к стрельбам, но Арменополов заорал:

– Почему не готовы к сдаче экзаменов?

Я приподнял газеты на столе, где стояли фужеры и всё остальное. Командир успокоился и пригласил на вышку проверяющих…

Стреляли мои курсантики, как учили. Точно не помню, но из тридцати человек взвода четверо или пятеро выполнили упражнение на «хорошо», а

остальные на «отлично». По остальным предметам экзамены сдавали не хуже. Принимая тактику, подполковник из округа сказал, что курсанты мои готовы по своим знаниям к поступлению в академию. Взвод сдал экзамены лучше всех. Должны были занести этот взвод в книгу почёта округа, но… Чуть хуже меня сдал экзамены другой взвод старшего лейтенанта, который уже пятый год командовал взводом, и было принято решение в верхах записать в книгу почёта его взвод. Меня тоже не обидели, поставив командовать ротой. Командир полка подполковник Арменополов был повышен в должности, став начальником штаба дивизии. Через полгода, после окончания училища, стать командиром учебной роты удавалось далеко не всем. На Урал со мной приехала и Зоя. Комнату сняли у частника в Чебаркуле. Квартиру в военном городке нам обещали, но не сразу. Хозяева дома, выделившие комнату для проживания, предупредили, чтобы мы вели себя хорошо. На Новый год пригласили нас к себе за праздничный стол. Только выпили по 100 граммов, как в сенях что-то загремело, и в комнату вошла молодая женщина – дочь хозяев, приехавшая к ним на праздник. Поздоровалась и пошла раздеваться в другую комнату. Зоя вскочила и побежала в свою. Я подумал, что ей стало плохо после выпитого, и пошёл за ней.

– Ты что ей подмигиваешь? - спросила Зоя.

– Не понял. Кому?
– Да этой! Которая приехала.
– Я её первый раз вижу. Ложись спать! Тебе уже хватит пить! Зоя схватила утюг и бросилась с ним на меня. Раньше, в Воронеже и в Армавире, если что не по ней, она бежала бросаться под поезд, а я, зная, что дурь может на подвиги толкнуть, шёл уговаривать её. Сейчас, несмотря на то, что железная дорога была совсем рядом, тактика её действий изменилась. Надо было что-то делать, чтобы было тихо и не портить праздник хозяевам. Никогда не бил женщин и не думал, что придётся. Успокоил встречным ударом. Молча, упала на кровать. Оглянулся. За моей спиной стояли хозяева и всё видели. – Володя, она что, у тебя бешеная? Мы против тебя ничего не имеем, но такие концерты нам не нужны. Ищите другое место проживания!
Неделю хозяева отпаивали её молоком через трубочку, пока я занимался службой и искал новое место. Челюсти у неё не работали. С трудом нашёл жильё. Если его можно было так назвать. Нам сдавали узкую ванную комнату. На ванну были положены доски, а на них матрац для нас. Этой ванной никто никогда не пользовался по предназначению, а мне было всё равно. Не захотела жить в нормальных условиях, пусть живет в ванной, может быть, поумнеет. Она настояла, чтобы нашу дочь Майю оставили у тёщи, и я согласился. Это была одна из причин, чтобы чаще ей ездить в Воронеж. Иногда привозила дочь, но вскоре опять увозила к своим родителям. Заместителем командира полка по тылу был майор Пряменко. Он, успокаивая меня насчёт квартиры, рассказывал, как добивался своей,

когда приехал с семьёй на эту должность. Ему обещали дать в течение недели, поселив семью в солдатском клубе. Прошла неделя, а про него забыли. В субботу старшины рот привели солдат смотреть кино, а клуб закрыт. Майора в клуб жена тоже не пропускает. Собралось дивизионное начальство. Подняли караул. Окружили клуб и приказали ломать дверь. Форточка распахнулась, и из неё появилось ружьё. Прозвучал предупредительный выстрел. Майор сказал заместителю командира дивизии по тылу, что его жена – твёрдый орешек и пойдёт на всё. Квартиру быстро нашли, и на следующий день солдаты смотрели кино в своём клубе. Вскоре мне тоже нашли квартиру, и мы переселились с подселением, но в очереди на расширение продолжали стоять. Опять пришёл Новый год, и вторые наши бывшие хозяева пригласили нас за праздничный стол. Выпили по сто граммов. На этот раз ревновать было не к кому. За столом сидели старушки (хозяйка и её сестра), которым было уже лет по 70-80. Хозяин пригласил меня покурить. Я встал. Зоя тоже вскочила и сказала, чтобы я не ходил. Но разве такое бывает, чтобы гусарами бабы командовали? Я повернулся идти, а она отвесила мне пощёчину. Мне очень трудно было себя сдержать, но убивать не хотел и вышел с хозяином. Курили на кухне и слышали, как бабули хвалили меня и ругали её. Говорили, что она меня потеряет. После перекура сказал ей, чтобы одевалась, и мы пошли в военный городок. Новогодний вечер был испорчен. Автобусы уже не ходили, а до офицерских домов надо было идти около трёх километров. Все уже давно сидели за столами и пели песни, встречая Новый год и провожая старый, и только мы, не дождавшись боя курантов, топали в сторону своего жилья. Я попросил Зою, чтобы она так больше не делала. Сказал, что в следующий раз могу не сдержаться и окажется под столом. Зое, видно, не терпелось проверить, и она бросилась царапать мне лицо. Наверно, у неё появилось новое хобби – бросаться на меня в Новогоднюю ночь, и надо было с этим кончать. Как обещал, остановил её ударом. Шёл и не слышал сзади шагов. Вернулся. Лежит и не шевелится. Растёр лицо снегом. Открыла глаза: «Пойдём!» – Не пойду! Что делать? Очень хотелось оставить и уйти, ужасно надоели её капризы и эта дурь, но… Потащил за ворот шубы. Попыталась встать. Помог. Шли, молча, пока не вспомнила:

– Завтра подаю на развод!

– Наконец! Только до утра не забудь! Я бы сам подал, но сама знаешь, что у меня через день стрельбы, а служба превыше всего.

Красивая новогодняя ночь. Мороз немного щиплет щёки. Все нормальные люди празднуют, поздравляют друг друга, о чём-то мечтают и желают друг другу счастья в Новом году. А мы в эту ночь оба мечтаем о разводе. Правду говорят: «Как встретишь Новый год, так и проведёшь его».

Прошло немного времени, и в дивизию приехал служить подполковник Сурайкин. Слух о его родстве с командующим округом

генерал-лейтенантом Сильченко облетел всю дивизию. Говорили, что жена Сурайкина – сестра жены командующего. Судя по дальнейшим событиям, люди говорили правду. Сурайкину срочно потребовалась должность, на которую был поставлен Арменополов. Но чтобы поставить Сурайкина, необходимо снятие с должности Арменополова. Именно с этой целью командиром на наш мотострелковый полк прислали полковника Болдырева. Собрали партком для проведения партийного расследования «об организации распития спиртных напитков во время экзаменов». Все прекрасно знали, что без этого не бывает. Перебрав все возможные варианты, Болдырев посчитал, что из молодого лейтенанта, только что прибывшего из училища и впервые сдававшего лучше всех экзамены со своим взводом, легко будет выбить всё, что захочет. Вызвали меня на партком. Курсантам с получки через комсорга роты деньги, которые они собирали на спиртное, я отдал, и члены парткома об этом уже знали. Болдырев на заседании парткома спрашивал меня, кто пил во время стрельбы, а те, кто пил, стояли и сидели рядом с ним и вокруг него. Это были в основном политработники: замполит полка, пропагандист, парторг, комсорг и другие. Я молчал, как на допросе. Объявили перерыв. Вышел покурить и я. Ко мне подошёл подполковник – заместитель командира полка и «раскрыл карты». Объяснил, что весь смысл этой «комедии» состоит в том, что нужен компромат для снятия с должности Арменополова, чтобы освободить место Сурайкину. Что они всё равно этого добьются. Сказал, что из меня делают козла отпущения. Советовал рассказать всё, как было, никого не жалея. Стукачом я никогда не был. Да и «комедия» эта мне не нравилась. Я видел, как дрожат те, которые стоят рядом с Болдыревым. Нетрудно было догадаться о том, как чувствовал себя Арменополов, зная, что происходит в его бывшем полку. Противно было чувствовать себя марионеткой в этой игре, и я решил испортить им все планы, чего бы мне это ни стоило.
Я признался, что накрыл стол, но руководил стрельбой и не мог видеть, кто кому сколько наливал, и кто сколько пил. Партком (те, кто пил) принял решение объявить мне строгий выговор по партийной линии «За неискренность перед партийным комитетом, незаконный сбор денег с личного состава и организацию распития спиртных напитков во время экзаменов». (Они меня наказали за то, что я их не выдал). Позже я думал, правильно ли поступал в тех и других случаях. Мог ли молодой лейтенант, нарушая полковые традиции, не взять саквояж со спиртным и не накрыть стол? Это исключено! Не оставлять же спиртное во взводе, да и всё равно Арменополов заставил бы накрыть стол. Мог бы рассказать на парткоме всё, как было? Это тоже как-то неэтично. В детском доме меня бы не поняли. Но записанное мне, кандидату в члены КПСС, взыскание по партийной линии с такой формулировкой мне тоже не нравилось. По традиции деньги с курсантов на экзамены в Вооружённых Силах негласно собирались всегда и везде, включая Суворовское и училище Верховного Совета, а не только в этом полку. Топать в чужой монастырь со своим уставом как-то не

принято. Что касается организации пьянки в ходе экзаменов, тоже не клеится. Мог ли молодой лейтенант, без ведома руководства, в ходе стрельб, нарушая все меры безопасности, организовывать пьянку среди старших офицеров дивизии, округа и командования полка??? На мой взгляд, этот документ, находящийся до сих пор в моём личном деле, характеризует маразм наших военных начальников и партийно-политических работников. Услышав мои претензии к формулировке, её много раз изменяли, однако смысл оставался тот же. Но и это ещё не всё. Операция по назначению Сурайкина на высокую должность по вине какого-то «сопливого» лейтенанта сорвалась, и Сурайкин, конечно, временно, был поставлен командовать девятнадцатым кадрированным полком. Раньше такие полки в шутку называли улеем без пчёл, где мёд есть, а пчёл (личного состава), нет. Но это не то. Этот полк – не дорога в генералы. А упрямого лейтенанта решили жестоко наказать.
В помощь Болдыреву прислали из округа комиссию, которая подняла мою роту по тревоге. Мне приказали провести вождение боевых машин пехоты ночью по световым ориентирам. Погода сопутствовала этому «наказанию». Поднялась такая метель, что за метр ничего не было видно. По курсу вождения при таких погодных условиях любое вождение запрещено. Но подполковники из округа выполняли приказ и настаивали на вождении. В данном случае тоже нужны были какие-нибудь основания для снятия лейтенанта с должности, и я это прекрасно понимал.

Для принятия правильного решения мне не хватало наглости, очень мешала мне моя скромность. Меня не хватало на то, чтобы предложить проверяющим попробовать самим, не нарушая курса вождения, выполнить то, что требуют от меня. Это упражнение положено было водить с закрытыми люками, но снегом мгновенно слепило триплексы, и ничего не было видно. Вести БМП с открытым люком, по-походному, – считалось при выполнении этого упражнения нарушением курса вождения, но другого выхода не было. Я объяснил проверяющим, что вдоль всей трассы по сторонам находятся противотанковые рвы и танковые окопы. Если при такой видимости кто-то залетит в такой окоп на большой скорости, будут жертвы. Но проверяющие настаивали, мотивируя тем, что они выполняют приказ. Кое-как организовал световые ориентиры, которых всё равно не было видно. Жалко было гробить молодых ребят, и я заявил проверяющим, что командир роты обязан выполнять упражнение первым. Попросил, пока я не приеду, следующего не запускать. Проверяющих это устраивало. Поднял сиденье по-походному, и рванул. Понимал, что исполняю смертельный трюк, но другого выхода не было. Метель не успокаивалась. Лицо всё время слепило снегом, и вести машину, да еще на такой скорости, было самоубийством.
Сильный удар. Чуть выбросило из люка и опять вернуло назад. В глазах темно. Вздохнуть не могу. Вспомнил, что такое уже было, когда с дерева

падал на спину с отломанной веткой в руке. БМП заглохла. Пытался вздохнуть, но не получалось. Подумал, что правильно сделал, что поехал сам, а не послал курсанта. Кажется, чуть-чуть начинаю потихоньку дышать. Доложил по рации на вышку. Сказал, что попробую выбраться сам. Завёл. Работает! Наша техника! Включил заднюю. Потихоньку выполз из танкового окопа. Добрался до вышки, а вылезти не могу. Больно шевелиться. Вытащили и понесли в санитарную машину. На этом вождение в роте закончилось. Приказ командующего округа выполнен! В госпитале сказали, что у меня смещение седьмого шейного позвонка. Пока я месяц отлёживался дома, приводя себя в рабочее состояние, меня сняли с учебной роты и отдали приказом на кадрированную роту тридцатого кадрированного полка.

В этом полку офицеры часто ездили в командировки. Одних посылали на уборку урожая, других по военкоматам проводить занятия с офицерами запаса или за молодым пополнением для учебных частей…
В новом полку офицеры меня встретили хорошо.
Узнал, что нам выделили отдельную однокомнатную квартиру, и планы у Зои по поводу развода изменились. После переселения узнал, что меня направляют в командировку. Два месяца я должен был командовать ротой где-то в населённом пункте за Свердловском. Услышав об этом, Зоя заявила, что если поеду, могу назад не возвращаться. Объяснил ей, что поехать туда и приехать обратно меня обязывает моя служба. Сказал, что уже много раз слышал о разводе, и на этот раз, к моему приезду, чтобы её здесь уже не было. Ротой командовать пробовал, и неплохо получалось. Но здесь была не простая рота. Её собрали со всего округа для строительства каких-то складов. Естественно, что, получив команду откомандировать раб. силу, любой командир полка имеет хорошую возможность избавиться от самых отпетых разгильдяев, которые уже потрепали в полку нервы. Именно из таких прикомандированных разгильдяев и состояла эта рота. Всё усложнялось ещё и тем, что командиры роты менялись через каждые два месяца, а там хоть потоп. «Старички» встретили меня дружелюбно. Мой предшественник – лейтенант Володя Ященко – рассказал им, кто его заменит, пообещав наведение, после его отъезда, должного порядка. Они мне рассказали, как прямо перед Володей на входе в казарму открыли люк, в который Ященко чуть не упал. Больше в казарму Володя не входил и стал постоянным клиентом ресторана в другом населённом пункте. Ему прощалось многое. В Чебаркуле, пьяный, свесив ноги с крыши пятиэтажки, он давал концерт. Играл на гитаре и пел «Семечки калёные». Ему сошло с рук и то, что, вооружившись шашкой, привезённой из дома своего отца, пьяный, он гонял администрацию офицерского общежития, порубив при этом мебель. Отец, генерал Ященко, был областным военкомом, и это решало всё.

Передо мной в казарме тоже открыли люк и пригласили спуститься. Я посмотрел на них с недоверием, и «старички» спустились первые. Под полом оказалась небольшая комната с местом для отдыха. Открыли бутылку, разлив на всех, предложили выпить за знакомство и хорошую службу. Я сказал, что не пью. Но это им не нравилось.

– Мы тебе доверились. Рассказали и показали наши секреты. Теперь не можем выпустить просто так.
– Ребята, вы далеко зашли! Ваши угрозы – это уже уголовная статья. Чего вы добиваетесь?

– Хорошего отношения! И предлагаем за это выпить.
– Я не против хороших отношений, но это не значит, что вы будете нарушать устав, а я буду на это закрывать глаза. Вы требуете от меня то, чего я в любом случае делать не буду, и сами ставите себя в безвыходное положение. Вы можете выпить, но чтобы это было в последний раз. Считайте, что я тоже с вами выпил, – сказал я, – и, выплеснув содержимое своего стакана, полез, головой открывая люк. Старички не получили то, чего хотели, и приступили к другому варианту. Среди них был хороший боксёр. Ященко сказал им, что вместо него тоже приедет хороший боксёр и наведёт порядок. В роте появились боксёрские перчатки, и ко мне подошли с просьбой организовать соревнования по боксу. Я понимал, к чему всё идёт. Пытался объяснить, что без ринга это опасно, но уже выбрали поляну, убрав под ногами всё, что могло помешать. Начали боксировать. Есть неписанное правило: «Если не можешь это остановить, надо возглавить». Чтобы избежать ЧП, обязанности рефери пришлось взять на себя. Одна пара немного побила друг другу морды. Во второй паре был этот боксёр, которого пришлось останавливать после третьего его удара. Хорошо бил, жёстко. Продолжать бой было опасно. Все просили того, ради чего всё затевалось. Никаких моих отговорок не принималось. Все они по возрасту были почти моими ровесниками. Понимал, что так нельзя, но отказ ведь примут за трусость и всё скажется на службе. Надел перчатки, и понеслось. Чувствовалось, с кем имею дело. Мне нравилось, что он не уклонялся от боя и не убегал, чтобы за ним бегать. Это было по мне. Наконец, я встретил не только техничного, но и смелого соперника. Происходящее нельзя было назвать дракой. Это был хороший, красивый, равный бой. Хорошо поработали, узнав друг друга. Время никто не засекал, про него забыли. Всем было интересно смотреть на это зрелище. Давно я не получал такого удовольствия. – Ну, наверно, поигрались и хватит! – сказал я.

Обнялись, как достойные соперники, и поблагодарили друг друга. Теперь любое моё указание сразу попадало под контроль моего соперника и выполнялось мгновенно. Раньше, проверяя роту ночью, в казарме я никого не мог найти. Все устроились на квартирах и ночевали кто где.

Удалось и в этом вопросе навести порядок, и даже ночью дневальный дремал около тумбочки с телефоном. Лучшего порядка желать было нельзя, кроме одного. Мой боксёр, помогавший мне в наведении порядка по отношению ко всем остальным, наглел с каждым днём всё больше и больше. Капитана – заместителя командира полка – он предупредил, чтобы тот не подходил близко к его объекту, иначе опустит ему на голову бетонную плиту. По моему требованию рота стала ходить в столовую строем. Но боксёр ходил всегда вне строя. Дежурный по артиллерийскому полку сделал ему замечание, а тот ответил старшему лейтенанту ударом в челюсть. Когда дежурный пришёл в себя и вспоминал, что произошло, боксёр уже пообедал и ушёл в казарму. Об этом рассказал мне наш командир полка, чтобы я имел это в виду. Здесь, как я понял, к такому поведению солдат уже привыкли и считали нормой, не поднимая шума, так как эта рота как будто была, но официально, по документам, её не было. Я предложил командиру, используя эти два случая, поставить завершающую точку в наведении полного порядка в этой строительной роте. Командиру моё предложение понравилось, и он обещал мне во всём подыграть. Боксёру, придравшись к пустяку, командир объявил 10 суток ареста, и я увёз его на гауптвахту в другую воинскую часть. Ему и всем в роте объявили, что началось расследование для возбуждения уголовного дела по факту угрозы заместителю командира полка. Прошло пять суток. В роте даже разговаривать стали тише. Всем было как-то не по себе. Уж если этого посадили, то... что про остальных говорить.

Командир по моей просьбе направил к боксёру в камеру старшего лейтенанта, чтобы тот взял объяснительную у боксёра для материала уголовного дела. Приезжал к нему и я. Беседовал. Он пытался выкручиваться. Говорил, что свидетелей не было, и капитан, заместитель командира, ничего не докажет. Я сказал, что свидетелем придётся выступать мне, кому он сам всё рассказывал, как было. Кроме того, предупредил его, чтобы готовился отвечать и за старшего лейтенанта, которого нокаутировал. Сказал, что с того тоже берут объяснения и, когда вернётся из дисциплинарного батальона, чтобы не забывал ходить в столовую строем. Он не ожидал такого поворота и высказал мне, что я залез к нему в душу, а теперь в неё нас… Неприятно было такое слышать, но я ответил ему, что если сейчас его не остановить, то дальше будет гораздо хуже. В роте на организованном мной открытом комсомольском собрании обсуждали поведение боксёра. Здесь все давно забыли, что такое комсомол, но я напомнил и обвинил всех в том, что коллектив своим молчанием выбросил за борт своего товарища. Что теперь, когда, демобилизованные, они поедут домой, их товарищ будет мотать свой срок в дисциплинарном батальоне. Предложил коллективу взять его на поруки и просить командира полка не возбуждать уголовное дело до первого нарушения. На десятые сутки я приехал за нашим боксёром, но это был уже совсем не тот боксёр, которому всё было дозволено. Он, как я предсказывал ему, думал,

что с гауптвахты сразу повезу его на суд военного трибунала. Я рассказал, что коллектив взял его на поруки и просил у командира полка не возбуждать уголовного дела до первого нарушения. Боксёр заплакал.
Закончились мои два месяца, и пришло время возвращаться в свою часть. Командир полка не хотел меня отпускать и позвонил в округ, чтобы замены не было. Рота при мне стала «шёлковая». Приехал в Чебаркуль. Мне выдали получку и командировочные в обратный путь. Спросил у Зои: «Почему не уехала?» Промолчала. Опять уехал в командировку.
Напротив казармы, в которой размещалась моя рота, была школа. Среди молодых учительниц заговорили о новом командире роты «с голубыми глазами и стройными прямыми ногами», который приехал на второй срок. Казарма с моим личным составом находилась в длинном деревянном бараке. В комнатах второй половины этого барака проживали работницы разных строительных специальностей. Женщины разного возраста, с детьми и без них, которые тоже требовали к себе внимания. Среди них также кое-кто строил свои планы на лейтенанта, но в голове у ротного было другое.

Знакомство с Зоей и её мамой обогатило мои познания противоположного пола до такой степени, что я уже стал сомневаться, есть ли у женщин вообще хоть что-нибудь, похожее на совесть. До Зои, в отпуске, друзья знакомили меня с девчонкой, но мы быстро расстались. В голове у неё были только тряпки и шляпки. Узнал, что у женщин бывает мёртвая хватка, из которой не так просто вырваться, что они, притворяясь и обманывая нас, творят с нами всё, что хотят. Понял, что для достижения цели они способны пойти на любую подлость. Мне было не до них. Я думал о службе и готовился через два-три года поступать в академию, где, как мне сказали, надо было сдавать экзамены, кроме военных дисциплин, иностранный язык, физподготовку и высшую математику. О немецком языке я не беспокоился, о физподготовке тоже, а высшую математику не мешало бы почитать, несмотря на то, что в МВОКУ на экзамене я получил пятёрку.

Спросил у солдат, где можно достать учебник по высшей математике. Мне сказали, что есть учительница, которая преподаёт в школе и одновременно заочно учится в институте, у неё может быть. Из школы вышла учительница, и мне указали на неё. Познакомился. Света обещала посмотреть учебник у себя и у сестры. Знакомство с учительницей внесло некоторые противоречия в моих познаниях женщин. Я стал задумываться о том, что в любом случае с Зоей, которая взяла в привычку на меня бросаться, надо быстрей разводиться. Я боялся, что её поведение доведёт до трагедии. Хозяйку в доме иметь надо, чтобы нормально продолжать службу. Поговорил со Светой, и она была не против. Позвонил в Армавир. Моя мама хорошо знала о наших отношениях с Зоей, но никогда не вмешивалась. Услышав про Свету, она обрадовалась. Я попросил маму встретить и

приютить её в Армавире, пока я разберусь с Зоей. Отправив Светлану, я продолжал командовать ротой до окончания второго двухмесячного срока.

Светлана со своим классом

До своей замены я уже знал, кто меня меняет, и на вопросы отвечал коротко, что приедет старший лейтенант, мастер спорта. О том, что он мастер спорта по шахматам, они узнали чуть позже и перестали ходить строем в столовую, ночевать в казарме. Во время драки в этой роте убили одного из близнецов. Насколько мне стало известно, после убийства рота была расформирована, и мастер спорта был последним, кого туда посылали. Но это всё произошло чуть позже, а когда я вернулся с командировки Зоя встретила меня как ни в чём не бывало. На мой вопрос, почему не уехала, сказала, что никогда не уедет. Спросил её, подала ли на развод, ответила, что жить без меня не будет. Но её спектакли мне надоели и, пока я нечаянно её не убил, надо было быстрей разводиться. Расставались мы с Зоей, при активном участии её мамы, мягко сказать, грязно и некрасиво. Сразу развестись не удалось. Суд, по её просьбе, дал полгода на раздумье. Зоя после суда уехала в Воронеж.
Приближался 1970 год. Из Армавира приехали Света с моей мамой. На этот Новый год на меня уже никто не бросался. Прошло полгода, и Зоя подала апелляцию на решение Чебаркульского суда о разводе в областной Воронежский суд. Подруге прислала письмо, в котором просила мне передать, что, если я согласен, она готова приехать в любое время. Прошёл год, опять пересуды.

Пообещать и всё забыть…
На это женщина способна
Зачем ей словом дорожить,
Когда и без того удобно!

Глава 6
«Лучше война, чем целина»

Летом 1971г. меня направляют командиром взвода на уборку урожая в составе роты, которой командовал капитан Мутель. Рота (255 человек на 105 машинах) была сформирована из личного состава двух военных округов (Уральского и Среднеазиа́тского). Первое место нашего размещения для уборки урожая было где-то в степи за Алма-Атой. «Высокий урожай» в 2-3 центнера с гектара вынуждал роту стоять в песках без дела. Видно, там вверху, тот, кто планировал и направлял нас в это место, был очень пьян и не ведал, что творил, а мы расхлёбывали. Первая драка от безделья была крупномасштабной – округ на округ. Ввиду того, что все спали в кузовах машин, опасаясь в палатках скорпионов, фаланг и прочей нечисти, драка проходила прямо в автопарке. Сначала сбрасывали друг друга через борт машин, потом стали заводить и использовать машины для тарана, но подоспели командиры. В следующей драке оказались врагами между собой казахи и узбеки. Опять помешали офицеры. Позже я пытался разобраться, что они не поделили, но понять их было трудно. Ничего серьёзного в объяснениях не было. «Воевали» на этом месте в знойных песках долго. Я успел съездить в аэропорт Алма-Аты и встретить Светлану, которую без меня «заклевали» в Чебаркуле вопросами. В то время не принято было иметь гражданских браков, и даже когда они были, как у В.И. Ленина с Крупской, то их всё равно для остальных не было.
Светлана уже более сорока лет мне напоминает, как в аэропорту, где я её встречал, цветы нёс не я, а солдатик, который шёл со мной рядом. К цветам Хаустов меня так и не приучил. Наконец, нас перебросили в другое место, на границу Казахстана с Россией. Разместились в чистом поле недалеко от приграничной Русской Поляны. Совхозом в Амангельды командовал, по словам местных, бывший зек с 10-летним стажем. Всех без разбора крыл матом, и эта его прямая речь всем нравилось. Его отлично понимали без переводчика с полуслова, уважали и слушались. Солдатикам он тоже нравился. Не дожидаясь конца уборки, он прокрутил в своём пиджаке дырочку для ордена, так как, собрав одну четверть урожая, уже перевыполнил план. Но на верху, видно, хорошо понимали, что зекам ордена не к лицу и без надобности. Пришло срочное распоряжение перебросить роту в совхоз Суворовский, где вообще не было никакого урожая. Комбайны ссыпали зерно в поле, когда сотня наших пустых машин вытянулась в колонну, направляясь в совхоз Суворовский. Директор совхоза – зек с 10-летним стажем, провожая нас, смотрел нам вслед и плакал. В Суворовском от безделья тоже мучились. Офицеры дежурили по очереди днём и ночью, следя за тем, чтобы с автопарка не угоняли машины. Подошла моя очередь дежурства… В парке не хватало одной машины – «Газ-66». Иду искать. Красивая звёздная ночь. Слабенький прохладный ветерок напоминал, что уже пришла осень. Стоит «Газ-66» за клубом в высокой

траве, а водитель с подругой в кабине что-то ищет у неё под кофтой. Открываю кабину – и получаю удар ногой в грудь. Наверно, не вовремя подошёл, или он меня с кем-то спутал. Я удержался за ручку двери и, схватив водителя, выдернул его из машины. Он попытался сопротивляться, но недолго… Девушка, видно, приняла меня за соперника и не спешила покидать кабину. Я попросил её уйти домой к маме. Водитель очнулся, и высокая трава прогнулась под убегающим ухажёром. Отогнав машину в парк, я подошёл к бараку, где размещалась рота. Все уже спали, когда беглец, включив свет, призывал всех встать и идти меня бить. Я зашёл, чтобы далеко не ходили, и спросил, есть ли желающие. Все молчали, а беглец обещал прийти и зарезать ночью мою Светку. Я сказал ему, что на его угрозу, которую все сейчас слышали, есть уголовная статья и, если не хочет по ней сесть, чтобы немедленно ложился спать, а разбираться будем завтра. Попросил его не мешать, людям спать и, выключив свет, вышел. Утром представил беглеца для беседы его командиру взвода. Появились первые заморозки. В огороде у хозяйки, где нас поселили, зелёные помидоры на корню начали пропадать. Я попросил Свету сварить из них варенье, которое раньше она мне уже варила. Такое варенье здесь никто ещё не пробовал. Нашим офицерам и хозяевам, у которых мы остановились, оно очень понравилось. От офицеров поступил заказ, а местные жители посёлка тоже все стали варить такое варенье. Чтобы выполнить заказ офицеров мы со Светой поехали в соседний посёлок за сахаром. Остановившись около магазина, я увидел, что он ещё закрыт на обед, но в очереди стоит человек пятнадцать. Подал руку Светлане, помогая ей выйти из машины. Чувствую, что кто-то схватил меня за плечо и поворачивает. Здоровый мужик в солдатской форме, лет тридцати пяти, со словами: «А, Гришка!» – собирается меня ударить. Я понял, что он с кем-то меня спутал, но какая разница, вместо кого по морде получать? Света схватила меня за руку и кричит: «Не трогай его!» В другой руке у меня портфель под сахар. Мне очень трудно в таких ситуациях понять логику женщины. Его не трогай, а эта громила сейчас врежет, и костей не соберёшь. Меня трогать можно, а его нет??? Не понял! Бросил в сторону портфель и ударил левой. Он рухнул на колени и продолжает махать руками, пытаясь меня схватить. Я уже вырвал свою руку у Светы и, обхватив его голову обоими руками, нанёс ему удар коленом в лицо, опуская руками его голову вниз. Он уже лежит, но руками ещё пытается что-то хватать. Другой бы уже успокоился, а этот никак. Нанес ему ещё один удар. Наконец, усмирил «зверя». Подбегает второй. Я готов и его встретить, но он сказал, что всё видел и хочет забрать своего товарища. – Нет, парень, не спеши, твой командир роты его заберёт.

Я послал своего водителя, чтобы пригласил сюда командира этой партизанской роты, в которой избивают своих офицеров и тех, кто попадёт им под руку, таких, как я. Читателю, наверно, покажется странным такое количество драк на мою задницу. Но поставь себя на моё место, что бы делал

ты во всех этих случаях? Наверно, другим мужикам судьба меньше подбрасывает таких безвыходных ситуаций. Или где-то можно было уклониться, закрыть глаза? Мне казалось, что это не я ищу приключения, а они находят меня, а я только успеваю отбиваться. Мне это самому не нравилось. Подошёл к магазину занять очередь. Все женщины, оказавшись свидетелями происшедшего, кричали, перебивая друг друга. Говорили, что мало дал. Надо, чтобы все зубы выплюнул и знал, как на офицера бросаться. Пришёл командир роты. Представился: «Майор Сысоев». На мой рассказ в присутствии свидетелей, оправдываясь, кивал на отсутствие работы. Говорил, что меня спутали со своим офицером, которому постоянно бьют морду, когда выпьют. Просил шум не поднимать, так как он и без того с этими партизанами висит на волоске от партийного взыскания. При солдатах я сказал, что буду добиваться возбуждения уголовного дела.
На следующий день в нашей роте появился хромающий громила в солдатской форме. Подходя к каждому офицеру нашей роты, просил у них прощения за то, что вчера его избивал. Старший лейтенант М.Газизов его простил, но сказал, что не понял, о чём идёт речь. Старший лейтенант В. Шабунин знал о вчерашнем и встретил его угрозами:
– Да твоими лапами медведей можно душить, а ты на лейтенанта бросаешься. Это ты на добренького нарвался, полез бы на меня, да я бы тебя…! Направил его ко мне.
Я уже пришёл на обед. В комнату зашла плачущая Света и сказала, что меня ищет вчерашний… Что он хромает, и ему, наверно, больно. Прости его. Я терпеть не мог, когда она вмешивалась. Сказал ей, чтобы не лезла, куда не просят! Что этот партизан старше и здоровей меня. Пользуясь своим крепким здоровьем, он периодически избивает своего командира взвода Гришку, с которым меня спутал. И наконец, этого бандюгу остановили. Спросил, почему она жалеет его, а не того, кого избивает он? Но ей всегда было жалко солдатиков. Этот громила уже забыл, когда служил, а для неё он всё ещё солдатик. Я сказал ему, что свой рапорт о возбуждении уголовного дела я отдал его командиру роты майору Сысоеву, который при первом нарушении дисциплины даст ему ход. Партизан поблагодарил меня и обещал, что такого больше не повторит. Он, хромая, ушёл, а Светлана, глядя ему вслед, продолжала хныкать. Я ей напомнил, как вечером, ещё в Амангельды, подошли к реке и вдруг увидели, что на больших скоростях мчатся две машины, одна за другой. Вторая обогнала первую и перегородила ей путь. Я направился к машинам, подозревая, что одна машина из моего взвода. Из машины, которая обогнала, вышел замотех роты капитан Парижак, который, подойдя к другой, вытащил из неё пьяного Горбунова – солдата моего взвода. Горбунов ударил капитана так, что тот улетел в кювет. Я уже был рядом. С прыжка достал Горбунова, и тот отключился. Парижак, выскочив из кювета, бросился добивать его ногами, но я остановил капитана, сказав, что тот уже своё получил, и его надо приводить в сознание. Подтащили к реке и опустили лицо в воду. Горбунов

очнулся и почти протрезвел. Парижак рассказал, как пьяный Горбунов на большой скорости гонял людей по посёлку, и те разбегались от него в разные стороны. Горбунов молчал. Светлане, как ни странно, тогда тоже было жалко Горбунова, а не капитана, который на её глазах летел в кювет и рисковал своей жизнью, предотвращая ЧП. Я никак не мог понять женскую логику, если она вообще существует.
Из штаба батальона передали, чтобы я обмывал очередное звание старшего лейтенанта, и мне пришлось прилюдно доставать звёздочку из гранёного стакана с водкой. Офицеры не любили, когда их направляли на целину (на уборку урожая). Говорили, что лучше война, чем целина. На войне за неисполнение приказа по законам военного времени можно поставить к стенке и тебя оправдают, а на целине быстрей поставят к стенке тебя за то, что пытаешься прилагать все усилия для поддержания должного порядка. Как правило, из воинских частей на целину отправляли тех солдат, кто в части не нужен. Технику из частей представляли тоже ту, которую желательно было списать, и вместо неё получить новую. Машина в целинную роту принималась та, которая смогла дойти до определённой черты. Часто видишь, как её толкают к черте, а сами смеются, когда она вдруг завелась и доехала. Хором кричат:

– Принята!!!

Если рота формируется из партизан (из запаса), то по приказу Министра обороны, техника положена новая.
Больше двух раз подряд направлять офицера на уборку урожая запрещено: может не выдержать. Отношение солдат с офицерами в казарме воинских частей нельзя сравнивать с отношениями на целине. Здесь, за рулём, с тока на элеватор за 60 км, а то и больше, кругом соблазн. Из опергруппы пришёл сигнал о новом ЧП. По пути на элеватор голосовала девчонка. Солдатик остановился, чтобы её подвезти. Попросила остановиться у посадки, сказала, что в туалет. Пошёл за ней. Встретили трое и отмолотили. Машину угнали и разобрали на запчасти, зерно продали. Но и это никого не останавливало. Побеждал основной инстинкт. Особенно сложно держать дисциплину, когда нет работы. На уборке урожая 1971 года нашу роту, как специально, переводили туда, где работы не было. Такая организация работы целинных автомобильных рот приносила гораздо больше вреда, чем пользы. Почти всю целину офицерам приходилось с трудом сдерживать коллективные драки. Время на целине прошло в большом напряжении. Вернулись в Чебаркуль поздней осенью. Зима и весна прошли в командировках по военкоматам и за молодым пополнением для учебных частей дивизии. Пришло лето.

В выходной день на озере Сунукуль сижу с удочкой, но не клюёт. Подошли четыре солдатика. Разговорились. Оказалось, что они из летнего лагеря, который стоит на другом берегу, где формируются роты на уборку урожая 1972 года.

– Вы что, ребята, в самоходе?
– Да, в самоволке. Но нас никто искать не будет.

– Это почему?
– У нас вообще никто никого не ищет. Недавно утонул здесь один наш перворазрядник по плаванью, Крючков его фамилия, тогда только про нас вспомнили и тут же забыли.

Я был в штатском, и разговор складывался непринуждённый.
– У вас же есть, наверно, командиры взводов, роты, которые за вас отвечают?

– Никто за нас не отвечает. Ротный наш – ни рыба, ни мясо, а взводные… один пытается командовать, но его никто не слушает, а другие редко появляются.

– А почему его не слушают?
– Нас собрали здесь со всего Советского Союза, из ПВО (противовоздушной обороны) и других мелких частей, где за два года ни разу в строй не ставили, а он тут пытается поставить.

– А мне, ребята, кажется, что при хорошей дисциплине солдату лучше, и домой вовремя вернётся, в дисциплинарный батальон не попадёт.
– Мы и так не попадём, без дисциплины, - засмеялись.
– Не зарекайтесь. Дай Бог Вам после целины вовремя домой вернуться.
Солдаты ушли, но неприятный осадок остался. «Очень трудно восстанавливать порядок в подразделении после таких безответственных командиров, – подумал я, – особенно на целине».

Через неделю командира этой роты сняли и поставили меня. На построении роты услышал хихиканье, понял, что меня узнали. Командиром первого взвода был назначен капитан Чиканов, второго – лейтенант Бантыш, третьего – знакомый по прошлой целине старший лейтенант Газизов, четвёртого – старший лейтенант Комаров, начфином – сверхсрочник Филиппов и командиром роты я – старший лейтенант Чащевой. С капитаном Чикановым мы тоже были знакомы по двадцать пятому мотострелковому полку. Когда я командовал ротой, он был начальником артвооружения полка. Знал о нём, что любит выпить. По привычке смотрел на меня свысока, не желая подчиняться. После трёх замечаний сказал ему, что при таком отношении к службе премиальных он получать не будет. Какой процент премиальных нам могут начислять, я попросил рассказать ему Газизова. С тех пор замечаний к Чиканову не было.
Прибыли опять в Казахстан. Управление роты со вторым взводом Бантыша разместились в населённом пункте Мамлютка. Мне со Светой директор выделил комнату в конторе совхоза. Остальные взводы были размещены

по отделениям совхоза в других местах. Специально поставил около себя взвод лейтенанта Бантыша, считая его самым слабым звеном в роте. Видел, как лейтенант подавал команду на построение, но никто не реагировал. Сидели вокруг гитариста, не обращая внимание на команды своего командира взвода. Гитару пришлось разбить о колесо машины и объяснить всем, что служба у них ещё не закончена. Не всем это понравилось, послышались первые угрозы в мой адрес, но вынуждены были принять то, что есть.
Устроились и приступили к работе. Контролировал взводы днём и ночью. Прибыл к 6.00 часам в первый взвод. Капитан Чиканов сам с голым торсом обливает своих холодной водой. Гоняется за ними с полотенцем. Визжат, всем весело. Еду в третий взвод. Многие солдаты уже в штатском. Делаю Газизову замечание. Пообещал всем, что если ещё увижу - порву гражданскую одежду. Один, самый здоровый солдат, огрызнулся:
– Попробуй!
Вечером со Светой приехали в четвёртый взвод. Она в машине «Газ-69» смотрит в окно, а я зашёл в место размещения взвода. Солдаты сидели и играли в карты. Спросил:
– Где командир взвода.

– Комарик здесь не ночует, он от нас в лесу прячется.
– Ребята, мне бы не хотелось, но с таким отношением к службе кое-кто из вас вместо дембеля может оказаться в дисциплинарном батальоне.
– Это если ты отсюда выйдешь!
Чувствовал (а Света видела в окно), как за моей спиной кто-то демонстративно точит нож.
– А ты уже убивал кого-нибудь?

– Ты будешь первым.
– У меня была такая возможность на законном основании, но это не так просто сделать, и я этого не сделал, а тебе даже болтать об этом не советую.
– Может, расскажешь?
– Во-первых, мы с тобой детей не крестили. Может быть, плохой, но всё равно я ваш командир. Любой из вас на моём месте требовал бы порядок.

Это было зимой в Чебаркуле. Я заступил начальником патруля по городу. К 24 часам оставил своих трёх солдат около милиции, куда за ними из части должна была прийти машина, а сам пошёл домой. Не доходя до места своего проживания, встретил идущих навстречу мне таких же наглых, как вы, двух солдат, только они были поздоровее нас. Расстёгнутые, подвыпившие, идут прямо на меня. Попросил показать увольнительные записки. Засмеялись.

– В самтресте, а тебе сейчас морду набьем!
По разговору понял, что они из прибалтийских республик. От милиции

уже далеко отошёл. Что делать? Достал пистолет.
– Предупреждаю, что буду стрелять! – выстрелил в воздух.

– Стреляй, стреляй! – сказал один из них и замахнулся, чтобы меня ударить. Я уклонился, перехватил пистолет в другую руку, так как ремешок от него мешал развернуться, и ударил. Он упал, издавая какой-то странный храп. Второй побежал. Откуда ни возьмись, около часу ночи стали собираться люди.
– Бедного солдатика избили! Давайте этого лейтенанта отдубасим, чтобы знал, как солдата бить.
Я опять выстрелил в воздух, предупредив, чтобы не подходили. Но кольцо сжималось. Стрелять в людей не решался. На моё счастье, подошёл милиционер, и все стали расходиться. Я попросил его помочь мне дотащить бойца до милиции. Около милиции солдат очнулся и начал сопротивляться. Я спросил его, хочет ли ещё, чтобы я добавил?
– Нет! – и быстро зашёл в милицию.
Позвонили, чтобы прислали машину с сопровождающими.
Утром меня вызвали в комендатуру, где я рассказал всё, как было. Оказывается, мой боец по приезде на гауптвахту бросился драться на начальника караула, и тот, огромного роста старший лейтенант, ему ещё добавил. Второй его друг нарвался на другой патруль, и оба встретились на гауптвахте. (Рассказывая эту историю, я сказал, что по ним возбудили уголовное дело, но на самом деле всё замяли и ничего не возбуждали. У нас привыкли всё заминать и мусор из избы не выносить).
– Так что для нормального человека, даже когда ты прав, не так просто и на законном основании применить оружие.

– А где Вы видите здесь нормальных? – все засмеялись.
– Да вот, например, ты, уже с командиром роты заговорил на «Вы». - Все опять засмеялись.
– Появится Комаров, скажите, чтобы прибыл ко мне.

Закончился месяц. По выполнению плана первый взвод занял первое место, второй – второе, третий – третье, а четвёртый плёлся на четвёртом. На мои замечания старший лейтенант Комаров только просил, чтобы его заменили. По нему было видно, что он уже на пределе. Но выполнить его просьбу было почти невозможно. Любая замена была бы для роты ещё хуже. Она была сформирована так, что каждый день приносил нам чрезвычайное происшествие. Не успевали разбираться.

Приехала милиция. Искала, кто задавил совхозную лошадь и, оттащив её в лес, прикрыл ветками. Докопались: рядовой Чащин из четвёртого взвода Комарова. Не успели загасить шум с лошадью, как опять новость от Комарова. Не разъехавшись, на ровной дороге столкнулись «ЗИЛ-157» и «ГАЗ-51». Потолок кабины «ГАЗ-51» прилип к полу, и живых в

этой машине не должно было быть. Долго искали труп. Когда нашли водителя, он рассказал невероятную историю, как за доли секунды во время удара он почувствовал, что потолок кабины опускается и успел выскочить. Рассказ казался мне странным, и больше напоминал другой случай из первой целинной роты капитана Мутеля. Два брата в этой роте поспорили, у кого нервы крепче, и с большой скоростью пошли на лобовой таран. Когда на место поединка приехал капитан, он увидел две кучи металлолома, и двух охламонов, сидящих на одной из куч. Забрав у них права на управление автомобилем, Сулеймовский присел рядом с ними и стал кусать и глотать эти права. Куда только ни жаловались эти двое, что ротный у них съел права, но все, понимая капитана, никак не реагировали. Вот и я не знал, как это столкновение понимать и расценивать. Пока думал и гадал, опять появилась милиция.

В соседнем совхозе угнали бензовоз на базе «ГАЗ-51» и на поляне леса его разобрали, а на месте разборки оставили записную книжку с адресами. Один из адресов был девушки с Петропавловского элеватора. Она подсказала, где искать своего любимого. Оказалось, что база этого украденного бензовоза «по счастливой случайности» полностью совпадает с нашей изуродованной машиной «ГАЗ-51» из четвёртого взвода, и ребята хотели их поменять. Пришлось вернуть, восстанавливая машину, а на время восстановления прикомандировывать к совхозу свой бензовоз. Чуть лучше было в других ротах, которые формировались из одного соединения, но и там случалось всякое. Нашим целинным батальоном командовал подполковник Бабич. Начальником штаба был майор Ростовцев, а его заместителем – старший лейтенант Ибрагимов. В управлении батальона было тоже не скучно. Раздался как-то клич войны: «Наших бьют»! И рядом с управлением батальона в с. Явленка собираются войска из разных целинных рот для «воспитания» дубинками мирного населения. Когда вышеперечисленное командование прибыло на поле брани, драка была уже в разгаре. Окинув взором происходящее, Бабич громко скомандовал: – В две шеренги становись! Бойцы опешили, услышав командирский голос, а Ростовцев с Ибрагимовым уже подгоняли, чтобы быстрей становились в строй. Бабич продолжал:

– Равняйсь! Смирно! Палки бросать сюда! – указал рукой, и дубинки полетели. – Военные билеты сдать!
Ростовцев с Ибрагимовым быстро собрали военные билеты, складывая их в «УАЗ».

Подошли из штаба машины и развезли бойцов по ротам. Все военные билеты участников драки в штабе перебрали, убрав документы нашего батальона, а остальные отдали офицерам, приехавшим разбираться с дракой из опергруппы.
Вернувшись из Явленки, узнал, что три солдата из первого взвода ночью

залезли в аптеку соседнего посёлка и наглотались каких-то таблеток. В настоящее время в больнице они ползают по полу и ловят мух. Мне рассказали, что их командир взвода капитан Чиканов, посмотрев на них, сошёл с ума и бегает за всеми с ножом. Показали двухметровый забор, который мужик перепрыгнул, убегая от капитана. Мужик ходил около этого забора, не веря, что он его «перелетел». Чиканов находился в офицерской комнате отдыха. Когда я зашёл, капитан с ножом в руке стоял в центре комнаты, угрожая Бантышу, который сидел в углу за офицерскими кроватями и листал журнал. Увидев меня, Чиканов повернулся и закричал:
– Уйди, зарежу! Я прошёл мимо него и сел на кровать напротив:
– Саша, успокойся, никого ты не зарежешь! Прежде чем зайти в комнату, я послал за местным врачом, и сейчас надо было как-то тянуть время… – Всё, Саша, будет хорошо. В управление батальона приехали офицеры из Чебаркуля. Дома у тебя всё хорошо. Сейчас съездим в больницу, проверимся и, если больной, немного подлечимся.

– А если притворяешься – добавил Бантыш, – судить будем.
Я беседовал с капитаном, сидя напротив него в постоянной готовности, если бросится, остановить его ударом ноги, а там, как получится. Всё время смотрел ему в глаза. Таких глаз я ещё не видел. Даже у животных они кажутся умными и всё понимающими, а эти… как будто делились со мной своим безумством. У него на лбу выступили капельки пота. Я почувствовал, что моя фуражка на голове приподнялась и волосы зашевелились. «Неужели правду говорят, что волос встаёт дыбом», - подумал я, поправляя фуражку. Такого со мной ещё не было. Жуткое состояние вызывал не страх, а что-то другое, связанное с его состоянием, с его сумасшедшим взглядом и что-то ещё… Зашёл в белом халате врач.
– Ты кто? – спросил Чиканов.
– Врач.

Капитан схватил доктора за горло, приподнял его и стал душить. Нож, выпавший из руки Чиканова, воткнулся в пол. Все в нашей дивизии знали, что Чиканов перворазрядник по борьбе и по подъёму тяжести. Весил он за сотню килограммов, и доктор для него, так же как и мы с Бантышем, был не соперник. Доктора, надо было спасать. На этот раз за меня никто не бил, а ударил я – и капитан рухнул. Врач, «вернувшись с небес» на грешную землю, приступил к работе. Посмотрел зрачки, сделал укол и попросил быстрей связать Чиканова, чтобы он не развалил весь этот барак, когда очнётся. Сказал, что надо везти его в Петропавловскую психбольницу, до которой около 75 километров. Связали и погрузили в грузовой «ГАЗ-69», вручённый мне, как командиру целинной роты на время уборки урожая. Туда же я посадил солдата, чтобы вовремя предупредил меня, если что пойдёт не так. Поехали… Чиканов очнулся и зашевелился вместе с машиной, которая заходила ходуном. Ногой об ногу, капитан снял сапоги, и верёвки, которые связывали его руки и ноги, ослабли. Солдат, сидящий

в кузове с Чикановым, закричал:
– Товарищ старший лейтенант, капитан ногой дерётся!
Остановил машину. Сказал Саше, что, если ещё раз он стукнет солдата, придётся мне стукнуть его, и будет очень больно. Поехали дальше. Солдат опять закричал:

– Товарищ старший лейтенант, капитан опять ногой дерётся! Опять остановил машину. Чиканов попросил, чтобы его посадили на боковое сиденье.

Посадил капитана ближе к себе и, сидя боком к нему, я своей рукой держал его перевязанные руки, чтобы вовремя остановить машину. Поехали. Чиканов наклонился ко мне и прошептал:
– Давай, ты уберёшь водителя, а я – того. Они сейчас перевернут машину!
– Успокойся, Саша. Здесь все свои. Ты что, не узнаёшь моего водителя? Это же Васька. Видишь, какая у него вечно грязная шея? Как его ни гоняю, всё бесполезно. И тот тоже наш, из второго взвода. Всё будет нормально, успокойся. - Я закурил.

– Я тоже курить хочу! – попросил Саша.
Дал ему сделать затяжку, но он, ртом выхватив сигарету из моих рук, начал жевать её с огнём.

– Выплюни, а то сейчас врежу. Начал плеваться. Кое-как добрались и нашли психушку. Вышел врач. Я объяснил ему, в чём дело.

– Заводите!
Пришлось капитана, не взирая на страх и риск, развязать. Чиканов встал, упёрся спиной в тент машины и не выходил из неё. Что делать? Я залез в машину, встав, как удобней, для удара. Предупредил Сашу, что сейчас буду бить. Саша вышел и пошёл за врачом. Врач записал все данные Чиканова и нажал кнопку. Как из волшебного ларца, выскочили два крепеньких близнеца и схватили капитана под руки. Чиканов приподнял их, и они бегом побежали над полом. Врач, увидев эту картину, не смог удержаться от смеха и попросил, чтобы я помог его переодеть. Мои команды Саша исполнял почти беспрекословно. Надели на него рубашку с длинными рукавами и длинные штаны. Поднялись на второй этаж и завели в палату, где лежало человек шесть. Подвели к пустой кровати и стали его толкать, чтобы он лёг, но Саша шагал назад, сдвигая кровати. Попросили меня помочь. Я сказал Саше лечь, и он лёг. Близнецы мгновенно привязали концы рукавов и штанин к кровати. Саша задёргался вместе с кроватью, и я опять попросил его успокоиться. У меня самого от напряжения уже болела голова. Спустились на первый этаж, и я спросил врача, почему он меня слушает, неужели помнит, что я его командир. Врач ответил:
– Слушает Вас потому, что Вы его не боитесь. Если бы он увидел хоть на

мгновение Ваш страх, он бы тут же бросился, а после Вашего удара он уже ваш. Эти больные признают только грубую физическую силу. В ходе нашей беседы врач сказал:

– Если бы он вчера или позавчера выпил сто граммов водки, с ним ничего бы не случилось. Сказалось недосыпание и стрессовая ситуация. Вернулся в расположение роты я за полночь и с головной болью. Света растёрла мне виски спиртом, но заснуть долго не получалось. Перед самым отъездом в психушку мне сказали, что Ляпунов из второго взвода Бантыша разбил машину, а мне было тогда не до неё. Сейчас вспомнил и об этом. Рано утром в окно постучал начфин Филипов и сказал, что Ляпунов повесился. Когда я пришёл, ему ещё делали искусственное дыхание, и сердце работало, но, как сказал врач: «Мозг уже умер». Оказалось, что Ляпунов проснулся ночью и пошёл посмотреть на машину. Вернулся в казарму и на своём ремне повесился. Когда увидели и сняли его, было уже поздно. Доложил обстановку в батальон. Сказал комбату, что пора уже и меня менять, чтобы не пришлось отвозить в Петропавловск. Бабич ответил, что никакой замены не будет, так как с этой ротой, кроме меня, вряд ли кто справится, и приказал иногда давать возможность офицерам выпить.

Приехал ночью в третий взвод. На кровати около открытой двери в комнату командира взвода спал одетый в гражданскую одежду тот, который мне предлагал: «Попробуй!» Это был самый здоровый переросток в роте. Я попытался его разбудить, потянув за воротник его рубашки, а он, наверно, подумал, что я рву его одежду, как обещал. Подняв меня, постучал мной о стенку. Скажу прямо: «Это мне не понравилось». Не люблю, когда меня поднимают, лишая опоры, и тем более, когда мной стучат, как молотком. Хорошо ещё, что гвозди не заколачивают. Носком ноги я ударил его по голени, и он меня опустил, но не отпустил. После моего удара в челюсть переросток (призванный в армию позже своего срока), улетел в комнату командира взвода. Газизов вскочил с кровати, а я, подойдя к нему, спросил, когда он наведёт порядок в своём взводе. Взводный, не отвечая, бросился мимо меня и повис на металлическом кольце с печи, которым этот здоровый парень хотел меня ударить. Трудно представить себе картину, если бы это случилось. Пришлось ударить его ещё, и он лёг на этот раз за дверью комнаты командира взвода. Надеясь, что раунд закончился, я опять повернулся к Газизову, но услышал сзади шорох: солдат уже летел на меня с табуреткой. Я пригнулся, и табуретка прокатилась по моей спине, а я добавил ему и больше не отворачивался. Уж слишком ненасытный. Кажется, накормил.

– Катись отсюда! – сказал я. Он пытался ползти, но ни руки, ни ноги его не слушались. Всё происходящее Света видела через окно из машины. На следующий день, с утра, в роте стало происходить что-то странное. Чуть

позже до меня дошло, что сработал закон психиатрии: «Дураки признают только грубую физическую силу», но я не ожидал, что это так быстро распространится и скажется на всей роте. Всё как-то изменилось в отношениях командиров взводов с личным составом. Старший лейтенант Комаров не мог понять, почему его во взводе вдруг стали все слушать и беспрекословно выполнять все указания. Вместо Чиканова приехал капитан Никрошевич и не имел никаких проблем со взводом. У Бантыша тоже всё стало, как должно быть. К Газизову я заехал через три дня. Михаил сказал, что мой «крестник» не встаёт и ничего не ест. Зашёл к нему в спальню. С головой накрыт простынёй, как покойник. Снял с него простыню. Это ужас! На него страшно было смотреть. – Вот какой слух прошёл по роте, - подумал я. Веки, нос и губы были как одно целое. Одна красная с синими прожилками лепёшка. – Ну, и что скажешь? – спросил я.
– Конечно, боксёр избил небоксёра, – пробубнил «крестник».
– Ты что говоришь? Считаешь, что это нормально – бросаться на офицера и не выполнять указания командира роты? Или Вы только так понимаете? Только после этого в Вашем взводе все переоделись в военную форму. Молчишь? Подумай! Я мог бы с тобой не драться, а наоборот, подставить себя, а потом подвести тебя под дисциплинарный батальон. Тебе бы это больше понравилось? Думай и всё взвешивай. Моя главная задача – чтобы все вы, дураки, остались живы и вовремя домой уехали после целины, к своим родителям. А вы всё никак не перебеситесь.
Незаметно пролетел целый месяц. Командиры взводов приезжали с докладами о положении дел без происшествий. Мне уже стало не хватать остроты ощущений. Со Светой заехал к Газизову. Михаил просит у меня разрешение заменить своего заместителя командира взвода.
– И кого хочешь поставить?
– Да вы его знаете. Он сейчас мой первый помощник. Все мои распоряжения во взводе исполняются, благодаря ему, мгновенно.

– Пригласи, посмотрю, про кого говоришь.
Вызвал. Заходит громила, но, как-то неловко, как будто стесняясь своего величия. Света увидела, что у него глаз красный, и спросила, что это у него, а он, смутившись, промолчал. Я, видя его смущение, разрешил ему выйти.

– Ты что, Михаил, такого скромнягу хочешь поставить, что он тут как девица красная. Что у него с глазом?

– Это же Ваш «крестник». Глаз у него ещё не до конца прошёл. Но вы его полностью перевоспитали, и я на него не нарадуюсь.
– Смотри, Михаил, тебе видней.
Уборка закончилась, совхоз с нами рассчитался, но мне расчёт не понравился, и я высказал свои претензии бухгалтеру совхоза. Тот напомнил мне, что я командир, и просил не лезть не в своё дело. После

расформирования роты мне пришлось вернуться в совхоз и содрать с него ещё крупную сумму, отдав чек начфину части. Доказал, что командирам до всего есть дело.

Как в 1972, так и в 1973 году мне опять пришлось менять командира целинной роты, который не справился ещё при её формировании.
Это уже нарушало приказ Министра обороны, на что никто не обращал внимания. На этот раз роту сформировали из «партизан», многие из которых были старше меня. Собрали всех командиров целинных рот и комбатов на инструктаж в штабе округа. Я сказал, что меня направляют на целину третий раз подряд, что нарушает приказ Министра обороны, кроме того, в начале августа у меня рожает жена, а уборка урожая будет в самом разгаре… Военачальники надо мной посмеялись. Сказали, что не мне вытаскивать ребёнка, а самое главное я уже сделал, и теперь справятся без меня. Сказали, что на целину мне можно ехать со спокойной и чистой совестью, с чувством исполненного супружеского долга. Про нарушение приказа Министра пропустили мимо ушей, так как это для армии – нормальное явление.
Приехали в Оренбургскую область. Разбросал четыре взвода на обслуживание пяти совхозов. С самого начала уборки пришлось воевать с директорами совхозов. В одном совхозе директор во время уборки урожая бросил своё хозяйство и уехал искать жену, которая исчезла с его бухгалтером, а уборкой урожая руководить некому.

У другого в хозяйстве рабочий день на току кончался в 17 часов. На элеватор, работающий круглосуточно, машины грузить некому. Третий запил и т.д. Обратился со всеми этими вопросами в райком партии, и всё стало на свои места.

В Чебаркуле пришло время Светлане рожать. Соседка в час ночи вызвала из госпиталя скорую и отвезла её в городской роддом. В роддоме отказались принимать Светлану из-за отсутствия мест, посоветовав ехать в Миасс за 30 км от Чебаркуля. Воды отошли ещё дома. Фельдшер отказался ехать в Миасс, мотивируя тем, что машина должна дежурить при госпитале, а не разъезжать по городам. Шёл сильный дождь. Соседка с фельдшером уехали, оставив Светлану на пороге роддома. Наверно, персоналу этого роддома повезло, что меня отправили на целину. К утру я бы принял роды у всех сотрудников этого роддома, включая директора и дворника.
Во втором часу ночи моя жена сидела на пороге роддома, пока не вышла санитарка, которая поинтересовалась, что Света здесь делает. Услышав ответ, удивилась и попросила зайти. К счастью, всё обошлось, и 1 августа родился сын Андрей.
На целине я уже чувствовал себя как рыба в воде. Чтобы улучшить питание водителей, спросил у директоров совхозов, что они могут дать солдатам на

дополнительный паёк. Один предложил пару машин зерна. Другой показал картофельное поле, сказав, что могу взять картофеля, сколько соберу. Зерно перемолол на муку высшего сорта, рассчитавшись с мельником отходами. Картофеля собрал пару машин и приехал в трест столовых и ресторанов города Бугуруслана. Меня направили в одну из пельменных, на складе которой за муку и картофель я взял всё, что мои партизаны дома никогда не ели. Кормил я их уже не из солдатских мисок, а из ресторанной посуды. Копчёная колбаса и селёдка, зелёный горошек, джем и варенье разнообразили рацион партизанского пайка. Джем, копчёную селёдку и колбасу выдавали водителям вместо сухого пайка, когда те опаздывали к обеду или к ужину, а мёд ставили на солдатские столы по субботам и воскресеньям. Курящим бесплатно давали курево. Но в народе не зря говорят, что ни одно доброе дело не останется безнаказанным.
При управлении роты стояли два взвода. Приехав как-то под вечер в это расположение, увидел пьяного повара. Остановил его и спрашиваю, что с ужином. До ужина оставалось часа полтора, а повар уже накушался. Вместо ответа повар угостил меня ударом в зубы. Давно я не получал такого «удовольствия» и, конечно, ответил, как мама учила. На этот раз получилось как-то не так, и, вместо того, чтобы тут же лечь и немного отдохнуть, повар убежал в спальню, а весь личный состав пришлось кормить сухим пайком. На следующий день я увидел, что повар с фингалом под глазом не встаёт с постели, завтрак готовить не собирается, а собирает вокруг себя сочувствующих. Мужики, подавляющему большинству из которых было за тридцать, возмущались, что их уже начинают избивать. Я не обращал на всё это внимания. Искал замену повару, пока тот «умирал» от фингала. Не вставая с постели, он составлял тексты жалоб во все инстанции, начиная с газеты «Красная звезда», «Комсомольская правда» и кончая замполитом нашего целинного батальона. В нашем детском доме из такого жалобщика каждый день котлеты бы делали, а здесь его ещё кто-то жалел и помогал ему писать кляузы.
Приехавший замполит батальона собрал всех, выслушал претензии и угрозы в мой адрес. Жаловались, что от них требуют дисциплину, как с солдат срочной службы. Замполит пообещал принять меры. Он хотел забрать меня с собой, чтобы я ночевал в штабе батальона, но я сказал, что никуда не поеду и ночевать буду в роте с открытой дверью.
По распоряжению замполита провели партийное расследование и пригласили меня на партком при правлении батальона. Всё заседание парткома подполковник Сорокин, заместитель комбата по технической части, стучал палкой по полу, успокаивая свои нервы. Не выдерживал и заместитель по тылу майор Пряменко, предлагая закрыть этот балаган. На парткоме ни к чему не пришли. Замполит не успокаивался, назначив открытое партсобрание по моему персональному делу. На собрании негласно присутствовал корреспондент газеты «Комсомольская правда». Узнав о собрании, коммунисты роты приехали без моего ведома. Началось

обсуждение. В «бой» рвались мои водители. Они рассказывали, как во время дождя на элеваторе пропускают зерно через сушилку, и водители других рот стоят голодные по несколько суток, а нашим в термосах доставляется горячая пища. Рассказывали, что на полпути к элеватору всегда работает наше бесплатное кафе, где прямо с машины дают кофе с бутербродами и курево. Говорили, чем их кормят у нас, если кто опоздал из рейса на обед или на ужин. С этим собранием тоже ничего не получилось, больше меня хвалили, чем ругали, но из дивизии уже выслали мне замену.
Нашим полком в то время командовал подполковник Герасимов. Встретив в военном городке Свету с ребёнком в детской коляске, он рассказал ей, что я на целине избиваю солдат, что мне больше не будет ни должностей, ни званий. Довёл её до слёз, и молоко у Светланы пропало.
Капитан приехал принимать роту, и в помощь к нему из батальона прибыла комиссия во главе с майором Пряменко и подполковником Сорокиным. До обеда было ещё далеко, и я предложил им выпить чаю. Накрыли на стол.
– Володя, а эта колбаса копчёная, нам не положено, – сделал мне замечание Пряменко.
– Товарищ майор, это не колбаса, это подаренная мне картошка.
– И селёдка копчёная не…
– Это тоже картошка. И все мешки с мукой на складе, ящики с вареньем, бочонок с медом, сигареты… этого ничего нет. Я не знаю, что Вы приехали считать, когда паёк на этот месяц я у Вас ещё не получал, мне его ставить пока некуда. Так получается, что в стационаре вся рота очень редко питается, и чаще приходится кормить водителей сухим пайком и как-то его разнообразить. На эту еду никто не жалуется, всем нравится.
Роту я сдал и приехал в полк. Начальник штаба полка майор Дерябин по секрету сказал мне, что сверху пришла команда меня не наказывать, а даже повысить в должности, а с замполитом по приезде с целины разобраться. Видно, Богу было угодно, чтобы меня досрочно отправили с целины к жене и сыну.

Поставили меня на должность начальника штаба единственного в этом полку учебного батальона. Его командиром был лейтенант Леонид Хацкович Тавровский, два года назад закончивший военное училище. Целинная рота, вернувшись с уборки урожая, расформировывалась в нашем полку. Я спросил у партизан: «Как без меня закончилась целина?» Ответили:

– При Вас мы возмущались, почему в этой каше одно мясо, а после вас глодали кости от Вашего мяса. Партизаны старались обходить меня стороной и не смотреть мне в глаза. Новый командир роты пьянствовал. Рота после моего отъезда похоронила четыре человека.
В новой должности служить мне не нравилось. Все занятия, которые я планировал, согласно программе обучения, срывались. Личный состав ежедневно направлялся работать в соседние деревообрабатывающие

мастерские и ещё куда-то увозился с ведома комбата. Больше всего мне не нравилось поведение Тавровского, который, заходя в казарму батальона, громко хлопал дверью, чтобы все слышали, что он пришёл. Выходя из казармы, двери открывал, как правило, ногой, показывая дурной пример курсантам. Из Германии в нашу дивизию ехал лейтенант. Казалось бы, эка невидаль – лейтенант, когда каждый год прибывают пачками, и не только лейтенанты. Обычно все приезжали тихо, так, что их никто не видел и не слышал, а тут о нём, что он уже где-то едет, знала вся дивизия. Все уже знали, что лейтенант в Германии снял с должностей и привлёк к уголовной ответственности трёх командиров полков и трёх замполитов. Руководство дивизии призадумалось, какого командира полка не жалко. Решили подарить этому лейтенанту нашего Герасимова. Он всё равно уже из-за своих пьянок висит на волоске. Выехал лейтенант из Германии лейтенантом, а приехал к нам в дивизию уже старшим лейтенантом и прямо ко мне в заместители. Побеседовали. Рассказал всё, ничего не скрывая. Как удалось посадить высокопоставленных благодаря тому, что все законы знает. Что папа у него военный прокурор в звании полковника и учил его знанию законов с детства. Рассказал, что хорошо, с закрытыми глазами, играет в шахматы на нескольких досках и что английский язык знает в совершенстве. Мне понравилась в работе этого старшего лейтенанта пунктуальность. Он никогда не упускал мелочей. Получив задачу проверить в одной из рот оружие, он начинал с составления огромной ведомости, на которой указаны: номера всего оружия роты, составные части каждого автомата с пометками, если грязное или где номер составной части не соответствует номеру автомата. Аналогично скрупулёзно проверял химзащиту и выполнял любое моё поручение. Ему не надо было разжёвывать: понимал с полуслова. По выходным развлекал личный состав игрой в шахматы с закрытыми глазами. Быстро разобравшись в обстановке, мой заместитель начал издеваться над командиром полка (позже читатель поймёт, почему, без ведома моего ЗНШ, я не называю его фамилию). В ходе утреннего развода, когда командир полка произносил пламенную речь о воинской дисциплине, старший лейтенант начинал громко смеяться. Все знали, что после развода Герасимов пойдёт в автопарк, где ему нальют полкружки спирта, и до обеда его не буди. Командир сделал мне замечания по поведению моего подчинённого. Я тоже сказал своему помощнику, что дисциплину строя нарушать нельзя, и он стал доставать командира вне строя. Командир вызвал его к себе и приказал зайти в госпиталь провериться у психиатра. Исполнив распоряжение командира, старший лейтенант доложил ему, что психиатр признал его здоровым. Через пару дней командир повторил свой приказ, и результат был тот же. В третий раз старший лейтенант доложил командиру, что психиатр просит зайти к нему того, кто его посылает. Командир закричал:

– Выйдите из кабинета!

– Я выйду, но теперь обращусь к прокурору с жалобой по поводу издевательства.
Командир полка вызвал к себе меня и приказал, чтобы я написал плохую характеристику на своего подчинённого, но я ответил, что лучшего помощника найти трудно. В кабинет зашёл Тавровский, и командир приказал ему:

– Бери мой «УАЗ», вези заместителя начальника штаба батальона в Челябинскую психушку и не вздумай привезти его назад!
Тавровский всегда хорошо щёлкал каблуками… Придя в батальон, я рассказал своему подчинённому, что его ждёт, но тот ответил, что после его возвращения в этом полку больше не будет этого командира полка и замполита. Утром, на следующий день, я узнал, что Тавровский вернулся один.

Прошёл месяц. Я написал рапорт на имя комбата, в котором отпрашивался съездить в Челябинскую психбольницу навестить своего подчинённого. Комбат хотел порвать рапорт, но я предупредил, что у меня есть копия. Сказал, что, когда приедет его отец – прокурор и спросит меня, почему я не посетил своего подчинённого в больнице, я покажу ему копию рапорта. Тавровский выскочил из кабинета, как ужаленный. Нетрудно было догадаться, что он убежал советоваться с Герасимовым, и они обязательно что-нибудь придумают. Вернувшись в кабинет, комбат попросил меня купить ему в Челябинске цветы, так как уже было шестое марта.
Утром я шёл на электричку, когда увидел бегающих посыльных нашего полка, в котором (в честь моего отъезда в Челябинск) объявили тревогу.

В психбольнице лечащий врач, стройная женщина, лет тридцати пяти, узнав, зачем я приехал, сказала, что у них карантин и все посещения больных запрещены. Я спросил:

– Почему нет нигде объявления о карантине? Ответила:
– Сейчас повесим.
– Какой диагноз у моего подчинённого, и почему его считают больным, если специалисты в нашем госпитале признавали его здоровым? - продолжал спрашивать я. - А зачем Вы здорового сюда привезли?
– Я не привозил, а привезли те, кому он мешал. Какие у Вас доказательства, что он больной?

– На работу со всеми не ходит, только лежит и читает книгу на английском языке.

– Это не доказательство. Зачем ему ходить на работу со всеми, если ему не нравится эта компания? За то, что он у Вас не работает, лежит и читает книжку, ему в нашей воинской части начисляют все 100 процентов

его денежного довольствия. А что касается книжки на английском языке, то попробуйте Вы прочесть её так, как читает он.
– Ваш подчинённый говорит, что он в один день с А.С. Пушкиным родился, и, когда выйдет из психушки, напишет что-нибудь наподобие«Швейка», только поэмой.
– Это тоже не доказательство. Он, в самом деле, в один день с Пушкиным родился, и Ярослав Гашек написал «Швейка», выйдя из психушки. Ему больше ничего не остаётся, как только так шутить в свой адрес.
– А чем Вы докажите, что он был здоров? – спросила врач. - Он прибыл в нашу воинскую часть из Германии, где по его «милости» сняли с должностей и привлекли к уголовной ответственности трёх командиров полков и трёх замполитов. Я не думаю, что шестерых старших офицеров посадили в тюрьму по прихоти больного лейтенанта. Пока этот лейтенант ехал к нам, ему присвоили звание старшего лейтенанта. Мне кажется, что в Министерстве обороны не будут присваивать звания сумасшедшим. В нашем госпитале у специалистов есть доказательства, что он был здоров перед тем, как его отправили сюда, но этим будет заниматься его отец, военный прокурор в звании полковника.

Я попросил разрешения воспользоваться стационарным телефоном, чтобы вызвать машину, так как на улице было около двадцати градусов мороза и мёрзнуть, дожидаясь общественного транспорта, не хотелось. Разрешила. Она слышала, как я, умышленно громко, звонил в Челябинское телевидение Василию Васильевичу Павлову и просил его подъехать. Врач спросила:

– У Вас на телевидении знакомые есть?
– Да, хочу и Вас познакомить. Вы не передумали насчёт карантина? Мой ход с телевиденьем сработал…
– Подойдите через полчаса. С тележурналистом Василием Васильевичем Павловым мы познакомились при развёртывании нашего кадрированного мотострелкового полка. Он был одним из командиров взводов в моей роте. Этот лейтенант запаса не обращал внимание, когда над его командами, которые он подавал, смеялись все партизаны взвода. Я неоднократно говорил с ним о том, что в воинских уставах таких команд нет, которые подаёт он: «Ребята, повернитесь направо, пожалуйста! Ребята, шагом марш, пожалуйста!...» Но мои беседы не помогали. На одном из совещаний с офицерами запаса в нашей роте он предложил не ругаться. Как командир роты, я вынужден был поддержать этот благородный почин. Остальные офицеры отнеслись к этому предложению скептически, считая, что командирский язык и матерный – это одно и то же. На этом развёртывании полка мы за две недели должны были подготовить свои роты к крупным учениям с боевой стрельбой, с применением артиллерии и авиации, с бомбометанием. Ежедневные тренировки давали свои результаты. Генеральная репетиция учений проходила в полной экипировке с

боеприпасами и стрельбой по различным целям. Уже прошли пару километров в химзащите, преодолевая участки заражения. Партизаны, которым за сорок лет, еле волочили ноги, а мы всё наступаем в цепи и наступаем, преследуя отходящего супостата. Необходимо было следить, чтобы никто не отставал от всех, наступающих в цепи и запнувшись, нечаянно не послал очередь из автомата или пулемёта вдогонку своим товарищам. Вижу, что у Василия Васильевича в первом взводе назревает ЧП. Многие отстали, и всё может случиться в любую минуту. Командую по радиостанции: «Стрела-1, выровнять цепь!» Слышу, что Павлов командует: «Ребята, выровняйтесь, пожалуйста, в цепи!» Но бойцы его, как плелись, так и плетутся, и на волшебное слово «пожалуйста» никто не реагирует. Опять командую… Он повторяет свою команду: «Ребята, ну, выровняйтесь, пожалуйста…!» Ноль внимания. Не дожидаясь стрельбы в спину, нарушаю нашу договорённость, я командую: «Стрела-1, Ё… твою… мать…, …,… выровнять цепь!». Слышу такую же команду Павлова в своём взводе: «Ё… Вашу… мать…, …, выровнять цепь!». Вижу, как его взвод повеселел, быстро выровнялся в цепи и стал, как идеально ровная живая стрела. Чуть позже Василий Васильевич сказал мне:
– На этих учениях я впервые почувствовал и признал огромную силу русского мата.

Сейчас я решил не вовлекать Павлова в эту историю, пока не приехал отец моего ЗНШ (заместителя начальника штаба), если не будет крайней необходимости. Через полчаса мой помощник сидел в кабинете врача. Увидев меня, обрадовался. Рассказал, как приехали: – Встретил нас этот врач. Спрашивает: «Больного привезли?» Тавровский молчит. Я повернулся и вижу, как он моргает глазами. Думаю, что ничего страшного, проверят и выпустят, а пока проверяют, расширю свой кругозор про дураков. Через три дня проверки меня готовили к выписке, но приехал какой-то полковник. Я понял, что он из областного Челябинского военкомата. Покрутился тут и уехал, а меня начали усиленно «лечить». Три раза был в стадии клинической смерти. Он показал мне чёрные пятна на руках, куда ему ежедневно насильно колют уколы.

Врач сидела тут же молча, низко опустив голову, не говоря ни слова. Я спросил у неё, когда выписывают моего подчинённого. Она ответила, что у него была шизофрения, но теперь он почти здоров, и документы отправлены на комиссацию. Возвращаясь на электричке из Челябинска в Чебаркуль, я вспоминал наш разговор. Меня интересовал полковник из областного военкомата, после посещения которого начали усиленно «лечить». Вспомнил, как приехал в полк генерал Ященко – областной Челябинский военком – и обрадовал командира полка, что его сына должны отправить в Германию. Сказал, что перед отправкой у Володи будет свадьба, на которую приглашается наш командир полка. Офицеры в полку возмущались, когда в качестве свадебного подарка с лейтенанта Ященко,

одним росчерком пера, было снято более двадцати взысканий и документы отправлены на очередное звание. Всё стало ясно, о каком полковнике шла речь. Видно, именно так с командиром нашего полка рассчитался военком за оказанную услугу: «долг платежом красен». Утром меня вызвал к себе командир полка.

– Вы почему не прибыли по тревоге?
– Я по разрешению командира батальона ездил в Челябинск проведать своего подчинённого.

– Комбат Вас не отпускал.
– Спросите у него при мне. Он просил ему к 8 марта цветы в Челябинске купить, но мне некогда было с цветами возиться.

– Ну и как там Ваш подчинённый?
– Говорят, что почти здоров, но, по-моему, его там добивают.

– Ладно, прекратим о нём. Он не представляет никакой ценности для нашего полка. Иди и не болтай лишнего.
Наконец приехал отец моего заместителя и потребовал у командира полка прислать к нему в гостиницу того, кто ездил проведать его сына. Направляя меня, командир предупредил:

– Не вздумай говорить, что он был здоров.

Реакция отца на происшедшее меня удивила. Ему не нужны были ни моя помощь, ни доказательства. Выслушав меня, он сказал: – Здесь идёт игра генералов, и ничего не докажешь, даже если будешь тысячу раз прав. За армию мой сын никогда не держался. Я приготовил ему место работы лаборантом в научно-исследовательском институте, где он будет получать второе высшее образование, кроме работы. А справка, которую он получит из психушки, ему в жизни пригодится. Его не посадят, даже если он кого-нибудь убьёт. Наверно, военный прокурор лучше меня знал положение дел в нашей армии, не желая расследовать это преступление.

В батальоне шло отчётно-выборное партийное собрание. Присутствовало всё командование полка и командир дивизии генерал-майор КЛЮЕВ.

Как всегда, все друг друга хвалили, местами поругивая. Мне очень противно было слушать это враньё и лицемерие, всё вокруг да около и ни о чём. Я тоже попросил слово и спросил, когда мы хоть чуть-чуть будем учить наших защитников Родины. А пока наши курсанты хорошо освоили только, как открывать ногой двери и где-то на кого-то работать.
Я знал, что так нагло эксплуатировать личный состав комбат мог только с

ведома командира полка и выше. Хотел, чтобы все они это послушали. Уверен был, что после такого выступления меня в этом батальоне не оставят и могут даже понизить в должности, но каждый день видеть весь этот армейский бардак надоело. Так всё и случилось.

Начальник штаба полка извинился передо мной за то, что исполнил приказ вышестоящих и написал на меня плохую характеристику. В ней он указал, что я склонен к демагогическим рассуждениям. Из этого учебного батальона меня опять убрали в кадры, чтобы не путался ни у кого под ногами.

Пришло время новой целины 1974г. Роты сформировались и уехали. На этот раз я был спокоен. На прошлой целине показал себя неблагонадёжным, на людей бросаюсь, могу кого-нибудь убить. Ну и слава Богу, что без меня обошлись. Эти целинные командировки иногда длились по полгода и больше. Не каждая офицерская семья выдерживала такой срок разлуки. Были случаи, когда семьи распадались. Расскажу про один случай, о котором знали все офицеры и их жёны в дивизии.
По возвращению с уборки урожая одной из целинных рот её командир узнаёт, что жена после его отъезда получила от таинственного поклонника обольстительное любовное письмо. Что таких ласковых слов, какие она прочла в письме, от своего мужа за все годы их совместной жизни никогда не слышала. Незнакомец приглашал её на тайное вечернее свидание за Домом офицеров. Полдня жена капитана думала: идти на это свидание или нет. «И хочется ей, и колется», но любопытство и желание острых ощущений взяло верх. В назначенное время пришла в указанное место. Уже были сумерки, и под кронами деревьев почти ничего не было видно, но ей фонариком подсветили тропинку, любезно приглашая пройти дальше в кусты… Утром Она пришла к командиру дивизии жаловаться, что её изнасиловали трое в противогазах. Комдив спросил у неё: «Узнает ли она тех троих, если он построит всю дивизию в противогазах?»…. Закончилась эта «комедия» разводом. Но вернёмся к целине 1974 года. После отправки целинных рот не прошло и двух месяцев, как вызывают меня к командиру дивизии. Такое приглашение показалось мне очень странным. Орденов и медалей не предполагалось, а всё остальное за своё партийное откровение я уже получил. Что бы это могло значить? - думал я, направляясь к комдиву.

– Вам необходимо немедленно выехать в Оренбургскую область и принять роту, заменив командира. Там дело дошло до того, что солдаты избивают офицеров.

– Товарищ генерал, по приказу Министра обороны запрещается более двух раз подряд посылать на уборку, а меня хотите послать в четвёртый раз. Мои нервы не выдержат. Вы же знаете, что было в прошлую целину, а в эту я точно кого-нибудь убью.

– Если Вы откажетесь ехать, не будет Вам больше ни званий, ни должностей. Вы свободны!

Пришёл домой в раздумье: что делать? Следом, как по пятам, за мной пришёл ко мне начальник штаба полка майор Дерябин. – Володя, уже поступила на тебя команда, чтобы никаких званий и должностей. Я принёс тебе командировочное, и советую немедленно выезжать.

Прибыв к командиру целинного батальона в Оренбургской области, я услышал доклад начмеда о том, что в роте, которой мне придётся командовать, кроме дизентерии, чесотки и вшей, ещё триппер добавился. Увидев на моём лице улыбку, подполковник попросил меня выйти и спросил у своего начальника штаба, знает ли он меня. Ибрагимов ответил, что знает по позапрошлой целине. «Может быть, ты знаешь, - продолжал интересоваться комбат, - почему старший лейтенант улыбается, услышав сказанное начмедом». Начальник штаба сказал, что у комбата это первая целина, и для него сообщение начмеда – это ужасное ЧП, а у старшего лейтенанта Чащевого она четвёртая, а улыбается он потому, что попал в свою стихию, и для него любое ЧП – не ЧП. После этого разъяснения комбат поставил меня в известность, что в роте будет возбуждено семь уголовных дел за избиение рядовыми солдатами (призванными из запаса) офицеров. Я забрал у комбата собранный материал для возбуждения уголовных дел, сказав, что тоже с удовольствием бил бы им морды за то, что довели роту до полного разложения.

Осматривая расположение роты, я спросил у капитанов, командиров взводов, почему котлы для приготовления пищи грязные. Те ответили, что уже месяц готовить нечего, и из этих котлов никто не питается. Каждый ест, что достанет. Личный состав был полураздет, меняя у местных жителей одежду и запчасти с автомобилей на еду и самогон. Более половины машин были неподвижны. Необходимо было за неделю рассчитаться с совхозами и подготовить технику к погрузке на платформы для передислокации в Татарию. Рота была на хозрасчёте, а на её счету денег не было. Кормить личный состав было нечем. Пять совхозов, которые должна была обслуживать эта рота, оплачивать проделанную работу отказывались, заявляя, что рота не работала, а пьянствовала. Товаротранспортные накладные на перевозку сельхозпродуктов солдаты использовали вместо туалетной бумаги, и в совхозы для оплаты предъявить было нечего. (Согласно приказу МО, роты для участия в уборке урожая формировались из запаса на новой технике или из штатного личного состава на старой). Эта рота была сформирована в нарушение приказа МО на старой технике – на «гробах», несмотря на то, что 50 % личного состава были из запаса, что сильно осложняло положение дел. Читателю, наверно, трудно себе представить, что чувствовал я, обходя места проживания личного состава и офицеров: всё тело уже начинало чесаться. Собрал руководство роты на

совещание. Попросил начфина доложить обстановку. Старшина – сверхсрочник – ветеран ВОВ, не сдерживая эмоций и выражений, ругал всех капитанов – командиров взводов за то, что в совхозы ему представлять нечего, так как товаротранспортные накладные ему не представлены, и даже те копейки, которые они заработали, им никто не отдаст. Я прервал старшину:

– Товарищ старшина, прошу Вас впредь соблюдать субординацию.

– Какая может быть субординация, когда людей кормить нечем из-за этих долбоё... Не зря им морды бьют.

– Успокойтесь! В совхозах есть вторые экземпляры накладных.

– А кто их нам покажет?

– Вы что требуете от совхозов оплачивать, кроме перевозки сельхозпродуктов? - Ничего. - Почему не требуете оплату за доставку документов (один документ – 10 коп., комплект документов – 30 коп.), за амортизацию пологов, за открывание и закрывание пологов, за передислокацию подразделения? - Вы откуда это взяли? - Вы, товарищ старшина, я вижу, к уборке урожая плохо готовились. Давайте ваши документы, которыми вы руководствуетесь. Вот видите: главный документ по автомобильным батальонам, участвующих в уборке урожая. Эта книжонка есть у всех бухгалтеров, а теперь читаем и подчёркиваем то, что я сказал.

– Они не хотят оплачивать то, что я требую, а Вы хотите их ободрать.

– Я Вам помогу. - Слушаю заместителя по технике.

– Я не знаю, что докладывать, не представляю, как через неделю будем грузиться на платформы, и тем более не представляю, как на таких «гробах» будем работать в Татарии – доложил капитан.

– Товарищи офицеры, это я не представляю, как можно было роту довести до такой степени разложения. - А Вы, товарищ старший лейтенант, скажите нам, каким законом или приказом Министра обороны предусмотрена такая разношёрстная рота и на такой технике. Почему этот идиотизм должны расхлёбывать мы?

– А вы кому предлагаете расхлёбывать? - Посмотрим, что у Вас получится, товарищ старший лейтенант.

– Не у меня, а у нас. Завтра и послезавтра едем с начфином по совхозам. Всем командирам взводов и зампотеху заняться подготовкой

техники к погрузке на платформы. Готовить буксиры. Продумать, кто кого будет тащить. Завтра представить мне списки самых неисправимых разгильдяев из каждого взвода. Замполиту заняться приведением пункта хозяйственного довольствия в порядок. Чтобы котлы для приготовления пищи блестели, как у кота…

Утром с начфином выслушали насмешки от всех бухгалтеров пяти совхозов, после чего явились к главбуху района. Я объяснил ему обстановку. Сказал, что рота не из лучших, но людей кормить надо. Сказал о поведении бухгалтеров, с которых требовали оплату только за перевозку сельхозпродуктов. Теперь после такого отношения к нам мы будем требовать: за доставку документов, за открывание и закрывание пологов и за их амортизацию, за передислокацию подразделения…

– Откуда Вы это взяли?

– У вас есть вот такая книжонка?

– Конечно!

– Давайте почитаем её вместе…

– Очень интересно, Вы первые за все годы поднимаете этот вопрос.

– У нас совершенно нет времени, чтобы перетягивать канаты с вашими бухгалтерами, поэтому если завтра нас не рассчитают, то послезавтра мы будем разговаривать с главбухом области. Главбух района при нас стал обзванивать своих подчинённых с перечислением того, за что нам положено платить и где об этом надо читать. Предупредил всех: кто завтра не рассчитает нас, тот послезавтра уже будет сдавать свою должность.

На следующий день с утра все бухгалтеры встречали нас с чеками около своих правлений, и в этот же день мы уже готовили пищу в своих котлах, отдраенных до блеска, как у кота… Через неделю рота грузилась на платформы, подтаскивая одной машиной по две-три, а по Оренбургской области пошёл слух, что эта рота пропьянствовала почти два месяца, но рассчитываясь, ободрала пять совхозов до такой степени, что на деревьях не осталось листьев. В батальоне признали, что на счету в этой роте денег стало больше, чем у остальных. Погрузив технику на платформы и личный состав в вагоны, я попросил командиров взводов построить в командирском вагоне всех разгильдяев, согласно представленным спискам. В беседе с разгильдяями я рассказал, что за каждым из них закрепляется по пять машин с водителями (на каждую машину по два водителя). Сказал, что у каждого из них есть возможность доказать, что он не «чмо ходячее», а лучше него нет и быть не может. Ни в коем случае никто никого не бьёт.

План выполнять и перевыполнять, как это делается, я вам подробно расскажу. Поломанные машины ремонтируете сами. Это ваша основная задача. Моя задача вас кормить, как на убой, как вы дома никогда не ели. Я в вас верю. Надо всем доказать, что наша рота не самая плохая, как о нас говорят, а самая лучшая. Теперь задавайте вопросы:
– Как на поломанных «гробах» выполнять и перевыполнять, если ни одной запчасти нет?

– Ребята, первоначальная помощь в ремонте и обеспечении запчастями за мной. Но больше мы ничего не пропиваем и не продаём. - Ещё вопросы?

– Как перевыполнять план?

– Через командиров взводов я передам вам бланки актов вынужденного простоя, в которых ваши водители будут фиксировать все вынужденные простои, не зависящие от них: на переездах, на элеваторе, на току… за подписью ответственного на этом объекте лица. Если отказывается подписывать, указываете, что от подписи отказался. Благодаря этим актам, начфин будет корректировать наш ротный план. Это не делалось нигде и никогда, но так должно быть. Мы не можем отвечать за то, что от нас не зависит. Я уверен, что мы всё сделаем, выполним и перевыполним.

Приехали в Сармановский район Татарской АССР и разместились в совхозах повзводно. Только начали обустраиваться, как вдруг все директора совхозов отвернулись от командиров взводов, с ними не разговаривают и не решают никаких вопросов. Один из взводных мне признался, что это его вина. Не найдя директора в конторе, капитан пошёл к нему домой. Директор, увидев капитана в сапогах у себя на пороге, пришёл в ярость. Капитан не знал, что разуваться надо было около калитки, чтобы не осквернить семью директора. Пытаясь решить эту проблему, я, замполит и начфин приехали в райком партии. В двухэтажном кирпичном здании, кабинет первого секретаря райкома размещался на втором этаже. Начиная с первого этажа, все стены райкома изрисованы были свастикой и другими неприличными рисунками и словами, которые обычно рисуют и пишут в уличных туалетах. Постучались и зашли к первому секретарю. На нас посмотрели сидящие за столом шесть человек и продолжили пить чай. Мы постояли. Решили сесть. Хозяева о чём-то не спеша вели беседу на своём языке, иногда поглядывая на нас. Прошёл час, два. Мы встали и ушли. Я сказал своим, что завтра опять поедем. Замполит и начфин запротестовали, но на мой вопрос, что они предлагают, молчали. Рассказал им свой план действий. Подготовили спектакль и отрепетировали. Приехали, картина та же. Немного посидели. Начфин – ветеран ВОВ по моему сигналу встал и заорал на весь райком: – За что я кровь проливал? Это не райком партии, это гестапо. Все стены в свастике. За что мои товарищи погибали?.. Старшина хорошо вошёл в роль. Казалось, что на его губах вот-вот появится

пена. Его уже трясло, а он продолжал: – Мне здесь больше делать нечего!!! Таких руководителей стрелять надо!!! Мы с замполитом тоже встали, успокаивая старшину, но по плану он успокаиваться не должен, и он продолжал:

– Я лично расстреляю этих фашистов, которые здесь окопались! Я сказал, что нам пора на выход. Едем в обком! Гостей ПЕРВОГО секретаря как ветром сдуло. Мы направились к двери, но около неё впереди нас оказался ПЕРВЫЙ секретарь райкома.

– Пойдёмте, решим все Ваши вопросы.

– Нет! - сказал я, - мы уже второй день здесь баклуши бьём. Хватит!

– Я вам обещаю, что такого больше не повторится, - заверял нас ПЕРВЫЙ.

– Вы нас тоже извините, - остужая обстановку, сказал я. Мы готовы извиниться за своего капитана, за то, что, не зная Ваших обычаев, мы их нарушили. Но дело тоже не должно страдать.

– Я с вами полностью согласен, давайте решать ваши вопросы.

– Мы уже работали в Оренбургской области, - начал я. Техника старая. Многие машины требуют ремонта, и нужна помощь Ваших завгаров.

Второй вопрос: у нас два комплекта водителей, и мы собираемся работать днём и ночью. Для этого я должен улучшить питание личного состава. Желательно, чтобы наших ребят подкармливали молоком, сметаной, яйцами или мясом, чем смогут, ваши директора совхозов.

Третий вопрос: раз в неделю мы будем подводить итоги, отмечая лучших водителей. Желательно, чтобы кто-то от вас и руководства совхозов вручал им недорогие сувениры, красивые шариковые ручки или небольшие премии. (Ручки были очень нужны для заполнения актов вынужденных простоев).

– Очень хорошо! Все вопросы решаемы. Я Вас попрошу, если сегодня какой-нибудь Ваш вопрос не будет решаться, завтра поставить меня в известность.

Объезжая места размещения наших взводов, мы видели, как там уже мелькают бидоны с молоком и сметаной, уже ремонтируются наши машины в совхозных мастерских.

Ещё в поезде при следовании в Татарию мы с замполитом составили текст обращения наших автомобилистов к воинам-автомобилистам Краснознамённого Уральского военного округа, работающим на вывозе сельскохозяйственных продуктов. В этом обращении мы от имени нашей роты выступаем с почином, призывая всех воинов-автомобилистов нашего военного округа, работающих на вывозе сельскохозяйственных продуктов, выполнять и перевыполнять план по перевозке сельхозпродуктов. Соблюдать воинскую дисциплину. Бережно относиться к вверенной технике. Своевременно…

Прибыв на место, это обращение мы направили в областную газету. Секретарь обкома партии позвонил начальнику опергруппы и спросил:

– Что это за рота у Вас выступает с почином? Начальник опергруппы звонит командиру батальона и задаёт этот же вопрос. Ему комбат отвечает, что это самая худшая бандитская полураздетая рота, в которой больше половины запчастей на машинах разграблено и машины стоят неисправны. В этой роте заменили командира. Приехал новый, который всё время улыбается. В Оренбургской области при расчёте «ограбил» пять совхозов и теперь здесь выступает с почином.

Начальника опергруппы из обкома поставили в известность, что этот почин уже печатают в БЮЛЛЕТЕНЯХ, а через полмесяца эту роту приедет смотреть сам первый секретарь обкома. Начальник опергруппы сказал комбату, чтобы обеспечил эту роту новым обмундированием и запасными частями для ремонта автомобилей. Если чего в батальоне не хватит, чтобы прислал к нему. Машины за обмундированием и запчастями у нас уже давно ждали этой команды. Я просил замполита взять под жёсткий контроль, чтобы в каждом взводе в столовой висел лозунг: «ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!». Чтобы все повара были в белых рубашках и чепчиках. Чтобы они научились улыбаться и приглашать гостей отведать пищу. Чтобы все одеяла были вытрушены, а кровати нормально заправлялись. Чтобы во всех автопарках стояли флагштоки, на которых флаг должен подниматься еженедельно в честь лучшего водителя… Чтобы всё это было отработано до мозга костей. Когда на следующий день мы приехали в райком партии сказать, что всё сдвинулось с места, райком было уже не узнать. Свастики нигде не было. За ночь стены оштукатурили, а к утру и покрасили.

Через полмесяца на вертолёте прилетел ПЕРВЫЙ со свитой. Ко мне приехали его встречать представители опергруппы и батальона. Проехали по всем взводам. Все автомобили были в рейсе, а второй состав водителей обедал. Весь личный состав роты был одет в новое обмундирование. Особенно членам комиссии понравились повара в белых рубашках и чепчиках, которые приглашали их пообедать. - А как у них с выполнением

плана? - спросил ПЕРВЫЙ. - За эти полмесяца рота выполнила трёхмесячный план, - доложил начфин батальона.

– Это как? Наверно, план так составлен, что его можно так перевыполнить? - Нет! План составлен правильно, но в роте ведётся повсеместный строгий учёт всех независящих от водителей вынужденных простоев и, исходя из этого, осуществляется корректировка плана. Такой учёт подстёгивает нерадивых работников на токах и на элеваторе, которые вынуждены подписывать акты простоя по их вине.

– Надо и нам по всей области завести такой порядок учёта, - заявил ПЕРВЫЙ секретарь, отправив вертолёт, чтобы привезли переходящее знамя и 300 рублей премии для лучших водителей роты. Это очень красивое бархатное переходящее знамя из роты больше никуда не переходило, а перед нашим отъездом в Чебаркуль ПЕРВЫЙ попросил заменить его на шёлковое, которое мы увезли и сдали в музей дивизии.

Из Татарии в Чебаркуль мы шли своим ходом. На первой машине колонны развевалось наше красное знамя, говорящее всем, что это едут не простые солдаты, а самые лучшие, лучше которых не было, нет, и не будет, и вся техника у них исправна. Они выполнили все свои обещания, которые были указаны в почине. По приезде с целины я узнал о присвоении мне очередного воинского звания «капитан» и о том, что нашего начальника штаба полка майора Дерябина Сергея Андреевича перевели в Елань на должность командира мотострелкового полка. Что он приглашает меня к себе на должность командира учебного батальона по обучению операторов боевых машин пехоты.

Глава 7
Комбат

Недолго подполковник Сурайкин командовал кадрированным девятнадцатым полком в Чебаркуле. Не найдя для него достойной должности в этой дивизии, командующий округом назначил его на должность заместителя командира дивизии в Елань, а к моему приезду он уже командовал этой дивизией. Принимая батальон и знакомясь с офицерами, неожиданно для себя увидел знакомое лицо. Это был мой будущий начальник штаба батальона майор Сысоев, с которым довелось встретиться на целине ещё в 1971 году, когда солдат из его роты хотел меня избить, а он просил меня шум не поднимать. Тогда его вид, в галифе и в кроссовках, оставил у меня неприятное впечатление, и я подумал, что с внешнего вида майора начинается бардак в его роте. Он был старше меня по званию и по возрасту, но я уже привык командовать старшими. Майор рассказал, что замполита этого батальона недавно устроили в психбольницу за то, что выступил против очковтирательства, и должны назначить в батальон другого.

Большой опыт по очковтирательству в ходе стрельб с боевых машин пехоты у меня уже был, и это, в какой-то степени, облегчало возможность сделать свой второй операторский батальон «отличным». Первым командирским батальоном командовал тоже выпускник МВОКУ, с которым мы учились в одной роте, и он также, как и я, был большим профессионалом по очковтирательству в ходе стрельб, имея «отличный» батальон. Таким образом, благодаря общим усилиям очковтирателей, наш полк, которым командовал, уже в звании подполковника С.А. Дерябин, был «отличным» полком. Раскрывая читателю военную тайну про очковтирателей в армии, про отличные батальоны, ради справедливости я должен кое-что уточнить. Говоря об очковтирательстве, я рассказываю о стрельбе с боевых машин пехоты. Это не касается остальных предметов обучения, и сказанное мной о том, что легко сделать отличный батальон, не совсем соответствует истине. Процесс обучения в полку начинался с распределения личного состава по батальонам. Всех умных и хорошо говорящих на русском языке распределяли, как правило, в первый командирский батальон, где готовили командиров экипажа БМП-1. Трактористов и водителей – в третий батальон, где обучали и выпускали механиков-водителей БМП. А всех остальных, где подавляющее большинство – «моя, твоя не понимает», в мой – операторский батальон. В этом батальоне курсантов необходимо было научить хорошему знанию стрелкового вооружения и инструкции по эксплуатации вооружения боевой машины пехоты. Основа обучения этой специальности – это меткая стрельба из всех видов вооружения БМП. Были и другие предметы обучения, которым не просто было обучать иноязычных, но основу основ составляла стрельба в любую погоду и в любое время суток. Находясь на этой высокой и

ответственной должности, я пытался разобраться, почему при выполнении всех правил выверки и приведения вооружения БМП к нормальному бою в ходе выполнения упражнений учебных стрельб курсантами мы далеко не всегда добиваемся должного результата? Почему не все поражают цель с первого выстрела. Почему далеко не все из курсантов, ориентируясь по ушедшему в сторону выстрелу, делают поправку и поражают свою цель вторым или третьим выстрелом? Почему приходится выкручиваться и обманывать? Много лет спустя мне пришлось участвовать в проверке Досатуйского мотострелкового полка в Заб. ВО. В ходе стрельб проверяемого батальона только два оператора выполнили упражнения стрельб на удовлетворительно, остальные – на неуд.

Отличники (операторы и командиры БМП) в нашей армии делались именно с помощью очковтирательства, и других способов не было. На фоне всеобщего очковтирательства в армии мы занимали достойное, самое высокое место. Те, кто пытался бороться с этой системой очковтирательства, занимали тоже своё, не менее достойное место, в психбольнице. Ленивое большинство лишь только обозначало свою службу. Оно не стремилось в отличники и не пыталось противодействовать очковтирательству по принципу «моя хата с краю, ничего не знаю». Отвлекали от службы и бытовые проблемы. Трудно было жить на одну капитанскую зарплату. Устроить сына в детский сад было невозможно. Друг другу передавали, что устроить ребёнка в детский сад можно через начальника политотдела, но слишком дорого. После того как привлекли к уголовной ответственности начальника политотдела Чебаркульской дивизии, в этом можно было не сомневаться. Светлана устроилась на работу швеёй в швейную мастерскую, и сын в три года стал оставаться дома один. Однажды, придя домой, она увидела перевёрнутый ножками вверх телевизор. Андрей рассказал, что он залез под него и стал вставать, а тот упал. После этого я стал сына брать с собой. Андрей превратился в сына полка. Иду как-то на директрису боевых машин пехоты, где стреляла одна из моих рот, и вижу, что кто-то ведёт

беспорядочную стрельбу трассирующими с БМП. Моросит дождь. Думаю, что сейчас вместе с командиром роты кто-то схлопочет по самые...

Подхожу и вижу, что командир роты на плечах тащит с БМП моего сына и докладывает, что отстрелялись отлично. Получили оба. Прошёл по учебным местам. Курсанты плохо знают устройство автомата. Приказал построить роту перед вышкой. Вывел Андрея на площадку второго этажа и попросил рассказать устройство автомата. Андрей в свои три года знал устройство автомата лучше любого курсанта:

– Автомат состоит из следующих основных частей: ствол со ствольной коробкой, прицельным приспособлением и прикладом, крышка ствольной коробки, газовая трубка со ствольной накладкой,… После того, как Андрей закончил, спрашиваю у курсантов:

– Не стыдно Вам? - все смеются. Сказал, что через неделю Андрей будет у всех принимать зачёт. Зашёл с сыном на огневой городок, где стреляла другая моя рота. В это время три БМП произвели залп. Андрей вздрогнул, открыл рот - и не может сказать ни слова. Вечером об этом узнала Света. Всю ночь не спали, пытаясь найти выход из этой проблемы. Утром позвонил Юре Селивохину в Москву. С ним вместе учились в суворовском. Он обещал перезвонить. Через полчаса позвонил, чтобы я привёз Андрея в Свердловск, где нас на вокзале встретит доктор медицинских наук и повезёт Андрея к себе. В Академгородке покажет его всем врачам, и они примут меры. Академгородок оказался бессилен в решении этой проблемы. Наши друзья Сосновские из города Богдановича (с Галиной служили в одном полку в Чебаркуле, а позже случайно, в день смерти её отца, встретились в Богдановиче) взяли Андрея к себе, чтобы показать его своим врачам. Прошла неделя, две, месяц… Все усилия врачей вернуть Андрею нормальную речь оказались бесполезными. Света узнала, что в Верхней Пышме есть бабушка, которая лечит людей. Взяли у Дерябина «УАЗ» и поехали её искать. Нашли Пышму. Местные подсказали, где она живёт. Сказали, что денег не берёт, а если её лечение поможет, мы можем её чем-нибудь отблагодарить. Света поинтересовалась, что у них в дефиците. Нам сказали, что не помнят, когда в магазинах была колбаса и ситец. Подъехали к деревенскому домику. Капитану, коммунисту, не положено по бабкам ходить, давно забыл, как в детстве бабка лечила, но ведь тогда был ещё беспартийным. Света одна повела в дом Андрея. Прошло полчаса. Выходят, смеются и болтают оба без остановки. «Ну, как после этого не верить в Бога?» - подумал я, забыв про свой партийный билет. Кому нужна такая беспомощная, бесплатная медицина? Бабуля просила через месяц показаться и дала бутылку воды, чтобы иногда протирали Андрея. Через месяц мы поехали к ней с подарками. Вскоре кому-то срочно потребовался отличный полк, и Дерябина вызвали в отдел кадров округа. Там спросили, не желает ли он поехать в жаркие страны. Любой из нас рад был бы поехать хоть к

чёрту на кулички, чтобы как-то поправить своё финансовое положение. Дерябин согласился, но ему сказали, что надо заплатить 700 рублей. Сергей Андреевич не знал, что жаркие страны так дорого стоят и что в штабе округа надо за что-то платить. С собой таких денег не имел. В то время это были очень большие деньги. Ему сказали, что в таком случае никакого разговора не было. Вернувшись в дивизию, командир полка узнал, что с должности отличного полка его уже сняли и перевели за штат, а на его место командиром полка назначен прибывший из академии молодой капитан Лепёшкин. Лейтенанта Тавровского на подполковничьей должности в Чебаркуле я уже видел и капитан на должности полковника меня не удивил. Вместе с отличным полком Лепёшкин получил звание майора, а через пару месяцев - подполковника. По его документам, о чём узнали все офицеры полка, было видно, что в академию Лепёшкин поступал с должности командира роты. Пока сдавал экзамены, пришёл приказ, что он уже начальник штаба батальона, а по окончании академии прибыл к нам на отличный полк. Офицерам не нравилось, что звания ему присваивают быстрее, чем космонавтам, но всё было покрыто мраком. Вскоре Дерябин, находясь за штатом, стал получать получку только за своё звание. Прокормить семью (двух дочерей и жену) на эту зарплату было очень сложно. Обращаясь во всевозможные инстанции с вопросом: «За что?», он вразумительного ответа не получал. Издевательство длилось около года. В конце концов, отдали приказ назначить Дерябина начальником штаба кадровой дивизии. Отношения с семьёй Дерябиных у меня всегда были хорошие. Они приглашали, и мы часто бывали у них в гостях. Офицеры полка не могли понять, как можно так просто снять с должности, без законных оснований, командира отличного полка и поставить на эту высокую должность командира роты? Все очень переживали за Дерябиных. До того, как из полка убрали Дерябина, я третий раз пытался поступить в академию. Два раза по конкурсу не прошёл, но хорошо знал, что мои знания здесь ни при чём. На этот раз всем поступающим в академию уже пришли вызовы на сдачу экзаменов, а мне – нет. Дерябин начал звонить, искать, где находятся документы его командира отличного батальона. Оказалось, что они давно вернулись из академии и находятся в отделе кадров дивизии. Терять мне было нечего. Взял отпуск и поехал в Москву, чтобы узнать, кто там так плохо шутит. Неделю добивался приёма к начальнику академии им. Фрунзе генералу армии А.И.Радзиевскому. Через неделю сказал начальнику отдела кадров академии, что если Радзиевский меня не примет в понедельник, то со вторника буду встречать его у входа в академию. Мне ответили, что через 20 минут перезвонят. Пригласили. Начальник академии сказал мне, что я не прохожу по анкетным данным. Я попросил его сказать, по каким именно. Радзиевский замялся: – Ну, сейчас вы по всем анкетным данным проходите, поступайте в следующем году.

– В следующем году в нашем полку в академию поступают два комбата, и

на пятки я им наступать не буду. Троих комбатов из одного полка никто не отпустит.

– Ну, что ж, я подпишу, поступайте, но трудно Вам будет поступить в нашу академию, - закончил нашу беседу Радзиевский. После этого разговора можно было даже не пытаться, но я поехал и по конкурсу опять не прошёл. Слишком много скопилось во мне в то время вопросов, на которые сам себе не мог ответить. Мне было непонятно:

1.Почему нам приходится заниматься очковтирательством вместо того, чтобы как следует разобраться во всём и готовить для страны действительно классных специалистов?
2.Почему даже отличный батальон или полк, которые при всех издержках армейской системы являются её авангардом, не гарантируют служебного благополучия и продвижения по служебной лестнице?
3.Почему говорят, что сын за отца не отвечает, а делают всё наоборот? Зачем врут и выкручиваются?
4.Почему Министр обороны допускает такое откровенно наглое продвижение по служебной лестнице генеральских сынков и пасынков?
5.Почему в военном гарнизоне не предусмотрено штатом лечение офицерских семей?

6.Почему в выходные и праздничные дни приказывают назначать в казармах ответственных офицеров, не предусмотренных положениями уставов, вместо того чтобы как следует организовать службу младших командиров и работу комсомольских организаций?

7.Почему много говорят о дедовщине, а для её устранения ничего не делают?..

Поднял всю документацию по БМП, которая была в полку, и стал разбираться, почему гранаты из пушки «Гром» боевой машины летят не туда, куда должны лететь, согласно таблице. Почему пулемётные цели поражаются не всегда, как должны поражаться?

Всё оказалось очень просто. Когда в войска пришли БМП, их изучение происходило ускоренными темпами методом «пол, палец, потолок», так как никакой документации на эту технику ещё не было. Когда пришла документация, её никто не читал, так как все уже считали себя профессорами. Уже водили, стреляли и учили других. Я тоже отлично стрелял, корректируя огонь по первому выстрелу, и приводил вооружение БМП к нормальному бою, но опыт подсказывал, что в наших знаниях чего-то не хватает. Что в ходе боевых действий время на корректировку огня по первому выстрелу может не быть, а цель должна поражаться первым выстрелом. Теперь я узнал, что надо перед ночными стрельбами проверить

совмещение дневной и ночной сетки прицела с помощью диафрагмы, которая одна на десять машин находится в ЗИПе на БМП. Узнал, что именно от этого зависит результат стрельбы, когда ночью поражаем одни цели с дневным прицелом и переключаемся на ночной для поражения других. Что это является причиной несоответствия того, что должно быть. Узнал, что перед выверкой прицела необходимо провести работу по проверке совмещения осей орудия и прицела. Узнал, как пользоваться прицелом БМП в соответствии с инструкцией по эксплуатации вооружения БМП. Изучив всё это, пришёл в кабинет нового командира подполковника Лепёшкина и стал ему рассказывать, что желательно сделать для качественного обучения курсантов. Лепёшкин смотрел на меня, как на идиота. Зачем ему было что-то менять, когда в личном плане у него и без этого всё идёт, как нельзя лучше? О своём открытии я рассказал Дерябину, и он подсказал мне, где в полку я смогу найти ЗИП с диафрагмой на десять машин для проверки совмещения дневной и ночной сеток прицела. Внимательно изучая требования курса стрельб, я тоже не совсем был согласен. Некоторые статьи у меня вызывали сомнение. Обучение определению расстояний до цели и выставление оценок (согласно курсу стрельб) должно было осуществляться с учётом процента допущенной ошибки. Это как? Вместо того, чтобы обучать курсантов, командир отделения будет подсчитывать проценты допущенных ошибок? Он замучается считать, чтобы выставить оценку каждому обучаемому. Кому могла прийти в голову такая чушь? Но раз чёрным по белому написано, надо что-то делать. Пришлось сделать блиндаж с электронным тренажёром по обучению определения расстояний до цели. Обучаемый, определив расстояние до цели, должен нажимать на клавишу под соответствующей цифрой, и автоматически, с учётом допущенной ошибки, высвечивалась оценка. Руководителю на этом учебном месте оставалось только подавать команду на подъём целей и разъяснять обучаемым, в чём их ошибки, а не заниматься арифметикой.
Осталось придумать, «как повернуть реки вспять» для грамотного обучения курсантов, и не познакомиться со своим замполитом в психушке. Надо было готовить неопровержимые доказательства.

В классах на огневом городке сделали электронные тренажёры по решению простейших огневых задач в соответствии с требованиями инструкции по эксплуатации вооружения БМП-1. В боксе для стрельбы условными выстрелами установили тренажёры и табло, на котором высвечивались поражённые курсантами цели и оценки. На учебных местах директрисы БМП сделали огромные стенды по правилам подготовки БМП к бою в соответствии с инструкцией по эксплуатации вооружения боевой машины пехоты. В классе сделали ЭТН (электронный тренажёр наводчика) для решения любых огневых задач из всех видов вооружения БМП (из пулемёта, из пушки кумулятивной и осколочной гранатой, поражения

бронированных целей ПТУРСом). На этом тренажёре можно было проверить знание по решению огневых задач как обучаемого, так и обучающего. При нажатии руководителем занятия клавиши с номером варианта задачи на табло, размещённом над доской, высвечивалась цель, по которой ведётся огонь в соответствии с условиями задачи. Одновременно на этом же табло начинал работать электронный секундомер, засекающий установленный норматив на поражение этой цели. У обучаемого на столе огромная сетка прицела боевой машины, а над ней загораются лампочки, указывающие на цель, время суток (день или ночь), направление движения цели и скорость, температуру воздуха, направление и силу ветра, направление и скорость движения БМП…

Решив огневую задачу, обучаемый нажимает клавишу нужного ему боеприпаса, которым собирается поражать цель, на сетке прицела нажимает необходимую клавишу прицела и кнопку «ВЫСТРЕЛ». При поражении цели в её центре на табло загорается лампочка, при промахе лампочка загорается сверху, снизу или сбоку цели, в зависимости от того, куда ушёл выстрел. Одновременно с выстрелом останавливается электронный секундомер, и в зависимости от поражения цели и выполненного норматива на поражение этой цели высвечивается оценка. Все тренажёры уже работали. Курсанты моего батальона с удовольствием решали огневые задачи и выполняли работы по правильной подготовке вооружения БМП к бою. Чтобы теория совпадала с практикой, необходимы были только воля и распоряжение командира полка. Подготовка вооружения к стрельбе всегда осуществлялась неправильно, так как пулемёты перед стрельбой получались в батальоне обеспечения и устанавливались каждый раз на разные машины, подгоняя их к каждой стрельбе заново. Это было основной причиной того, что регулировки прицельных приспособлений на всех БМП в полку были выведены из строя. Для приведения боевых машин в должное состояние необходимо было вызывать специалистов по ремонту, но никто этого не делал, так как специалисты сразу бы выявили основную причину и доложили на верх.

На фото подполковник Дерябин с нашим Андреем, рядом Галина Сосновских, я и Светлана

На полковое отчётно-выборное партийное собрание приехал полковник – корреспондент газеты «Красная звезда»в сопровождении ЧВС (Члена Военного Совета) округа и командира дивизии полковника Сурайкина. Выступали, как всегда, ни о чём. Я тоже записался на выступление, но мою фамилию «перешагнули», зная о чём…, и:

– Если ни у кого нет вопросов, поступило предложение слово предоставить Члену Военного Совета и на этом закончить прения. Прошу проголосовать за это предложение… С некоторых пор я возненавидел эти политические трюки, и:

– У меня есть вопрос, - не выдержал я. - Почему я записывался на выступление, а меня пропустили?

– Товарищ капитан, Вас пропустили случайно. Вы что, настаиваете на своём выступлении?

– Да, настаиваю!

– Сейчас слово предоставляется Члену Военного Совета округа, а потом, если Вы не передумаете, предоставим слово Вам. Политработники давно назвали себя инженерами человеческих душ, присвоив высказывание известного советского писателя Юрия Карловича Олеши. Они решили, что это именно про них. Осваивая эту профессию, быстро научились виртуозно обманывать людей. Вот и сейчас. Ведь знают прекрасно, что после ЧВС никто не выступает, а мне предлагают.

Со всех сторон передают записки, чтобы я отказался от выступления. Я и сам хорошо знал, что такого в наших вооружённых силах не бывает, чтобы кто-

то выступал после ЧВС. Ну, что ж, не было - так будет! ЧВС закончил.
– Владимир Михайлович, Вы выступать будете?

– Конечно! – Иду к трибуне.

– Здесь много говорили о работе парткома, а я убедился, что никакой работы парткома в нашем полку нет. Все прекрасно знают, что мы готовим и выпускаем «липовых» отличников боевой и политической подготовки. У меня тоже был отличный батальон, но даю вам слово, что больше «липу» гнать не буду. Мы готовим специалистов для себя, а не для нашего вероятного противника. Пусть я выпущу троечника, но буду уверен, что в любое время дня и ночи он цель противника уничтожит. Я не раз обращался к командиру, замполиту, в партком о том, что так готовить специалистов, как готовим мы, нельзя. Наши гранаты с БМП летят не туда, куда должны лететь по таблице, а всё потому, что мы учим курсантов неправильно. Любой из Вас зайдите на директрису БМП и проверьте свои знания на тренажёре. Уверен, что больше двойки никто не получит. Благодаря безграмотной эксплуатации вооружения БМП, мы угробили уже все механизмы прицельных приспособлений, и никто их не собирается ремонтировать. Как мы умудряемся учить курсантов на такой технике? Я считаю, что такой партком нам не нужен….

После моего выступления объявили перерыв. Ко мне подошёл полковник из «Красной звезды» и пожал мне руку. - Таких выступлений в нашей армии я ещё не слышал. – Спасибо!
Собрание закончилось. Выходя провожать гостей, Сурайкин сказал Лепёшкину, чтобы никто не расходился и ждали его. Проводив, Сурайкин при всех коммунистах полка приказал командиру меня «репрессировать». Я встал и сказал, что сейчас не тридцать пятый год, когда репрессировали моего отца, а через двадцать лет после его смерти реабилитировали. Моё спокойствие Сурайкина взбесило.
– Связать этого капитана и отправить в психушку! Все коммунисты полка сидели молча, не шевелясь, как будто боялись попасть под горячую руку и тоже схлопотать психушку…

Лепёшкин отправил меня в свой кабинет, сказав ждать его. Партийное собрание закончилось около 22 часов. Комдив воспитывал коммунистов полка ещё минут 30. Зайдя к себе в кабинет, Лепёшкин «обрадовал меня», сказав, что сейчас за мной пришлют санитарную машину и повезут…

Я ответил, что живу на третьем этаже и всех гостей буду встречать там, спуская с лестницы, а домой доберусь пешком. Посоветовал командиру прочесть написанную на меня характеристику в МВОКУ, в которой указано, что я хороший боксёр. Вдогонку Лепёшкин крикнул, что меня не отпускал. На что я ответил, что они совершают преступление, и это даёт мне право ни у кого разрешения не спрашивать.

Пришёл домой. Света сказала, что звонил Дерябин и сообщил, что при нём Сурайкин приказывал начмеду госпиталя связать меня и отвезти в психушку, но тот ответил, что хорошо меня знает и уверен, что я здоров. Выполнит этот приказ только в том случае, если он будет письменным. Сурайкин бросил трубку, но может приказать кому-нибудь другому, предупредил Дерябин. На следующий день о произошедшем знала вся дивизия.

Перед моей последней попыткой поступления в академию, чтобы исключить все возможные придирки к моему здоровью, я пришёл к начмеду госпиталя и попросил его, чтобы меня, как следует, осмотрели со всех сторон и, если что подозрительное найдут, немедленно вырезали или отрезали. Он засмеялся и отправил меня к хирургу. Хирург сказал, что всё нормально, а на маленькое пятисантиметровое расширение вены на ноге не должны обратить внимание. Этот ответ меня не устраивал, и я попросил его убрать всё, что может вызвать хоть малейшее сомнение. Хирург что-то рисовал на ноге, а я спросил: «Зачем?» - Если тебе отрезать по ошибке внутреннюю вену, то нога у тебя высохнет, вот я и отмечаю, где у тебя идут внешние вены, чтобы не сделать тебя калекой. Сейчас привяжем тебя, чтобы не дёргался, и начнём кромсать. - А можно не привязывать, я дёргаться не буду. Буду рассказывать Вам анекдоты. - Такого ещё не было, давай попробуем. В Чебаркуле, после смещения седьмого шейного позвонка и упражнений на перекладине, меня принесли домой. Я долго не мог привести себя в норму. Ко мне зашёл старший лейтенант Мирча из нашего полка и принёс книжонку с упражнениями Йогов. Сказал, что лучше этих упражнений меня ничто не поднимет. Света всё переписала и помогала мне их выполнять. Первую неделю делал со слезами. Вторую – без слёз, но зубы скрипели. Третью уже порхал, как птичка, и продолжал заниматься еще полгода, пока не отправили на целину. В конце ежедневных упражнений надо было выполнять позу трупа, при которой внушаешь себе, что ты уже там или почти там. Лежишь и смотришь сверху на себя, как на бревно. Вот и сейчас, во время операции, я смотрел на себя со стороны, всё своё внимание сосредотачивая на анекдоте. Но анекдоты анекдотами, а чувствую, что у меня что-то не то тянут. Кажется, что потянули мою внутреннюю вену. Говорю хирургу, что не ту вену он тянет. Он спрашивает, откуда я знаю.

– Вена моя и мне ли не знать, если я её чувствую!

– Да, хорошо, что вовремя сказал. Точно была внутренняя. Анекдоты я им рассказывал, пока не увидел, что помощник хирурга прислонился к стене, бледнеет и потихоньку опускается на пол. Сказал хирургу, что его ассистент уже спать укладывается. Хирург засмеялся, а я попросил на него посмотреть. Сестра схватила тампон с нашатырём и начала приводить ассистента в порядок. Конечно, я чувствовал, как сделали четыре надреза, как спицу засовывали в вену и как её вытаскивали вместе с куском отрезанной вены, но

не заострял на это внимание. Для меня это была тренировка. После операции меня положили в палату, где с ангиной лежал сын начмеда госпиталя. На следующий день все сотрудники госпиталя захотели хоть одним глазком взглянуть на ненормального, который во время операции рассказывает анекдоты. Дверь постоянно открывалась и закрывалась, а я занимался лечением мальчика по системе Йогов, у которого была температура, и болело горло. На третий день мальчика выписали, а начмед благодарил меня за своего сына. Теперь, когда Сурайкин приказывал ему доставить меня в психушку, он, вспомнив меня, ещё раз отблагодарил за своего сына и не исполнил преступный приказ комдива. Я уже давно знал, что сделанное человеку добро или зло всегда вернётся к тебе бумерангом. С утра в одной из рот проводил стрельбы на директрисе. Прибежал посыльный и сказал, что меня вызывает командир полка. Лепёшкин вручил мне командировочное предписание в отдел кадров округа. Нетрудно было догадаться, что Сурайкин обратился за помощью к своему вышестоящему родственнику, генерал-лейтенанту Сильченко, и это уже опасно. Началась игра генералов, противостоять которой не решился даже военный прокурор в защиту своего сына.

В отделе кадров меня встретил полковник Болдырев. Наверно, Болдыревых развелось очень много или это мой старый знакомый, который в мотострелковом полку Чебаркуля допрашивал меня:

– Кто пил во время стрельб? - Тогда он пытался меня сломать в поисках компромата для снятия с должности Арменополова. Из-за моего упрямства освободить место Сурайкину не получилось. Теперь он со мной рассчитается по полной.

– Товарищ капитан, вы должны лечь в госпиталь на медицинское обследование.

– Товарищ полковник, могу ли я узнать, с чем связано это медицинское обследование?

– Вы должны пройти обследование на предмет годности для прохождения службы в районах Крайнего Севера.

– Товарищ полковник, такое обследование все проходят в дивизионном госпитале.

– А мы решили обследовать Вас в окружном госпитале.

– Мне, наверно, нужно направление на это обследование?

– Да, да, сейчас будет.

Получив направление, поехал я посмотреть на то место, где меня ждут. Обошёл, посмотрел и поехал в гарнизонную поликлинику, где

проверяют старший лётный офицерский состав. В течение двух дней прошёл всех врачей, и в справке мне указали, что я годен для прохождения службы в районах Крайнего Севера. Со справкой прибыл в отдел кадров к Болдыреву.

– Ты где пропадаешь? Тебя весь округ ищет.

– Я проходил медкомиссию. Вот справка о том, что я годен для службы в районах Крайнего Севера. Полковник хотел порвать справку.

– Вы можете её рвать, у меня есть вторая, для прокурора. Вы что, не верите этим врачам?

– Не верим!

– А как же они проверяют старший лётный офицерский состав?

Полковник выскочил из кабинета. Наверно, пошёл докладывать. Вскоре вернулся и вручил мне пропуск из штаба округа. В Елань я приехал поздно, около 23 часов. С электрички в военный городок шёл с попутчиком капитаном-артиллеристом. Только прошли КПП, как за нашими спинами стало вдруг быстро рассветать. Оглянулись. Со стороны Белоярской атомной электростанции поднимался огромный бордовый шар, похожий на большое солнце. Артиллерист спросил:

– Что это?

– Наверно, какой-нибудь цех атомной электростанции рванул. Сейчас нас взрывной волной к подъездам подбросит, – пошутил я.

– Ты помнишь, как в прошлом году что-то зависло над нашей дивизией во время дивизионного развода суточного наряда и в дивизии стало светло как днём? Потом выключили прожектор и мгновенно исчезли.

– Помню, об этом много болтали. Дома Света ждала около окна и всё видела. Она тоже спросила, что это.
Через два дня опять вызвали в отдел кадров округа. Наверно, опять что-то придумали. На этот раз я тоже придумал и взял с собой сына Андрея. По пути до Свердловска в электричке инструктировал:

– Сынок, слушай меня очень внимательно. Ничего не бойся. Всё будет хорошо. Вот тебе мои часы. Зайдём с тобой в штаб округа, и ты останешься на лавочке около часового. Там все дожидаются, пока на них закажут пропуск. Когда большая стрелка часов будет вот здесь, а маленькая - здесь, начинаешь кричать во всё горло: «Где

мой папа?» Плачешь, топаешь ногами и кричишь: «Позовите моего папу!» Всё понял?

– Понял, только с часами не всё… - С часами я тебе ещё в штабе всё покажу, а сейчас повтори, что будешь делать…

Болдырев встретил угрозами:

– Если, капитан, не желаешь ехать ложиться на обследование, я сейчас вызываю бригаду из психушки, тебя крутят и везут насильно.

– Зачем насильно? Я сам поеду, если прикажете, только на входе сидит мой сын, ему три с половиной года, пока меня обследуют, пусть у Вас побудет.

– Зачем ты его привёз?

– Я же знал, что Вы со мной делать будете, вот и приехал с охраной. Полковник опять выскочил из кабинета, а вернувшись, выписал пропуск на выход из штаба.
На этот раз опять я выиграл, но они не отступят. Рано удалось вырваться. В электричке народу было немного. Андрей сам не понял, как спас отца и дремал, прижавшись ко мне. Настроение паршивое в ожидании завтрашнего дня. За окном электрички льёт, как из ведра, дождь.

Осень. Вот и лето прошло.

Поливают дожди полуспящую землю обильно.

Потемнели поля, птицы ввысь поднялись.

Полетели куда-то, обидно.

Как хотелось бы мне вместе с ними лететь,
Позабыв все заботы, печали,
С высоты их полёта на землю смотреть,
И лететь, забывая о прошлом, лететь.

Всё забыть, улететь - это просто и сложно.
Забывая о прошлом, забудешь себя.
Разве можно прожить без забот, без печали?
Разве можно прожить, никого не любя?

Пусть летят перелётные вольные птицы,
Унося с собой звоны прошедшего лета.

Быстро вьюгой промчится седая зима,
И опять будут пары гулять до рассвета.

С таким настроением вернулся я с сыном домой.
После первого выезда в Свердловск я отправил письмо Министру обороны по поводу безграмотного обучения в учебных дивизиях, очковтирательствах и выводу из строя прицельных приспособлений с кратким описанием причин.

После второго посещения Свердловска Лепёшкин мне сказал, что больше меня не отправит в штаб округа, пока не будет письменных распоряжений. Не могу сказать точно, или его замучила совесть, или он уже пытался спасти свою шкуру. Я настолько был стеснительным, что считал неудобным представить начфину полка командировочные и билеты на электричку для оплаты и все эти прогулки в штаб округа осуществлялись за мой счёт. Прошло ещё три дня. На этот раз телефонограммой приказали мне опять явиться в отдел кадров округа.

В электричке, по пути в Свердловск, я вспоминал, как первый раз противоречил Лепёшкину, когда тот назначил совещание на 20.00 часов. Сидят все четыре комбата и молча, слушают указания на выходные дни о назначении ответственных офицеров в каждой роте. О проведении спортивных мероприятий… О… Я вызывающе смотрю на часы, которые показывают уже 22.00. Лепёшкин не выдержал:
– Что, капитан, домой торопитесь?
– Товарищ подполковник, время уже 22.00. В батальонах нас с Вашими указаниями ждут командиры рот. Когда мы им обо всём расскажем и ещё добавим своё, будет уже около часа. После получения наших указаний они будут ставить задачи командирам взводов и сержантам. А завтра вы опять, как сегодня, начнёте с нарушения распорядка дня.
– Капитан, Вы закончили?
– Нет, товарищ подполковник, Ваши указания о назначении ответственных офицеров в роты я выполнять не буду. Они противоречат уставу и подрывают авторитет младших командиров. У меня хорошо работает сержантский состав и комсомол. А у офицеров есть семьи, и своих детей тоже надо воспитывать.

– Вы, капитан, берёте на себя очень большую ответственность.
– Я знаю, товарищ подполковник, должность обязывает.
– Все свободны.
В воскресенье в 11.00 часов Лепёшкин вызывает меня к себе.
– Ну, что, товарищ капитан, почему ваши хвалёные младшие командиры своих спортсменов на соревнования без ответственных офицеров не представили?
– Такого не может быть, товарищ подполковник, сейчас разберусь.

– Быстрей разбирайтесь и ко мне за получением взыскания.
Не успел я дойти до своего батальона, как меня догнал посыльный и вернул к командиру полка.
– Я прошу меня извинить. Мне неправильно доложили. Оказывается, Ваши самые первые были представлены на соревнования, а потом расставлены в помощь судьям.
Лепёшкин потихоньку привыкал к моим «выкрутасам». Он знал, что я запрещал своим офицерам после 18.00 находиться в казарме, если не проводят ночных занятий, заставляя их укладываться в рабочее время.

Знал, что мои бывшие разгильдяи и любители выпить комсомольцы – командиры взводов больше боялись не моих взысканий, а приглашений на беседу в бюро комсомола, где с них спрашивали их подчинённые в моём присутствии и брали их на поруки. Один из таких взводных сказал мне, что ему лучше повеситься, чем ещё хоть раз попасть на такое бюро.

На этот раз в штабе округа меня завели в отдельный кабинет, где сидели восемь офицеров, шесть из которых полковники и два подполковника. Все они вместе должны были мне разъяснить, что психушка для меня – это именно то, что мне сейчас очень необходимо. Спрашивали меня, почему я, капитан, на подполковничьей должности, не исполняю приказ и не ложусь на обследование. Несколько раз пытались звонить в психушку, чтобы вызвать бригаду, но было занято. Видно, слишком много таких психов, как я, развелось в округе, что дозвониться до больницы было невозможно. Больше всех на этот раз усердствовал подполковник – председатель окружной ВВКК (военно-врачебной квалификационной комиссии) со знакомой мне фамилией Сидоров. Я предупредил, что любую бригаду буду встречать в коридоре штаба, чтобы видели все, происходящее в этом штабе, а платить за этот концерт рано или поздно придётся им. Посмотрев на часы, сказал, что пошёл на перекур. Закричали, что меня никто не отпускал.
– Вы сидите, а я перед Вами стою с 9.00 часов до 17.00 без перерыва на обед и считаю, что Вы надо мной издеваетесь. Это даёт мне право ни у кого разрешения не спрашивать. Я пошёл курить!

Вышел на лестничную площадку, закурил. Что делать? Видно, на этот раз поступила команда не выпускать. Если взять урну, разбить окно и выскочить из этого ада, тогда точно дам им повод не церемониться со мной. Да и стекло в окнах здесь быстрей всего не простое, вряд ли его разобьёшь. Надо возвращаться, уже конец рабочего дня. Офицеры штаба спускаются с других этажей. Подошла группа из отдела боевой подготовки.
– Чащевой, ты, что здесь делаешь? Твой батальон без тебя стреляет?
– Тут меня пытаются по блату в психушку устроить, а я не люблю, когда по блату.
Всё поняли и прошли мимо. Зашёл туда, откуда выходил. В кабинете остался

один полковник. Спросил у него:
– Товарищ полковник, Вы, наверно, самый терпеливый? Уже конец рабочего дня, может, принесёте мне пропуск на выход?
Полковник принёс пропуск. Когда я вышел из штаба округа, я не верил, что мне это удалось. Думал о том, что делать солдату в поисках справедливости, если так поступают с капитаном? Перешёл дорогу и оглянулся на штаб. Вдруг около меня с визгом развернулся «УАЗ», из которого вышел высокого роста полковник, и подбежали ко мне два подполковника, скрутив мне руки. Полковник не спеша подошёл и представился, назвав себя главным психиатром округа. Я обратился к нему:

– Товарищ полковник, если эти двое меня сейчас не отпустят, я начну их бить. Некрасиво будет выглядеть картина, как офицеры дерутся на улице в Свердловске. Но я уверен, что их обоих уложу.
Полковник приказал меня отпустить. Один из подполковников удалился. Главный психиатр попросил меня пройти с ним на беседу в штаб. Я сказал ему, что в этом штабе со мной без перерыва беседовали с девяти утра до семнадцати, уговаривая лечь «отдохнуть». Мне до сих пор не верится, что удалось выйти из этого здания. Полковник снял свою папаху и попросил поверить его седой голове. Сказал, что ничего плохого он со мной не сделает. Я ответил, что верю его седине, и мы пошли в штаб, а за нами засеменил председатель комиссии. Зашли в тот же кабинет, где меня мурыжили целый день. Полковник повесил свою папаху на вешалку и, не раздеваясь, попросил меня коротко рассказать о своём детстве. После моего рассказа спросил о причине конфликта. Я рассказал о безграмотном обучении, о том, как изобретал тренажёры, чтобы доказать и правильно учить. Назвал номера и числа газет окружной и «Красной звезды», где печатались мои фотографии с тренажёрами. Рассказал о том, как полковник из «Красной звезды» пожал мне руку, а Сурайкин приказал при всех коммунистах меня «репрессировать». Полковник спросил у меня, как я понял эту команду - «репрессировать?» Что со мной, на мой взгляд, должны были сделать? Я ответил, что, наверно, должны были сделать невыносимой мою службу. Полковник взял свою папаху, презрительно посмотрел на подполковника и сказал: «Я обещал вам ничего плохого не делать. Исполняю!» Попрощался и вышел. Подполковник подошёл ко мне и обнял за плечи:
– Ну, что, Владимир Михайлович, поедем, ляжешь, отдохнёшь…
– Товарищ подполковник, после того, как со мной побеседовал главный психиатр округа, признав меня здоровым, я могу и в морду Вам дать за приставания.
– Ну, знаешь, если тебе потребуется моя помощь, я никогда не помогу.
– Не надо помогать, выполняйте свои обязанности, как положено, а я буду выполнять свои. Пожалуйста, принесите мне пропуск.
На следующий день я узнал, что приехала комиссия из Министерства обороны, и, уже не разбираясь, влепили нашему командиру полка

взыскание: «Предупреждение о неполном служебном соответствии занимаемой должности». Начали очень круто, видно, хорошо поняли, о чём идёт речь. Комиссию возглавлял Герой Советского Союза генерал-полковник Салманов. Меня вызвали на директрису БМП. Полковник – специалист по БМП из состава приехавшей комиссии получил двойку за решение огневых задач на тренажёре. На его вопрос: «Почему табло тренажёра показало промах по цели и выдало двойку», я молча открыл инструкцию по эксплуатации вооружения БМП и указал на подчёркнутое место. Полковник прочёл, заматерился, сказав, что не знал, и взял другой вариант задачи. Учитывая все исходные установки (по направлению и скорости движения цели, температуре воздуха, направлению и силе ветра и т.д.), выбрав прицел, полковник нажал кнопку «Выстрел». Табло выдало центральное попадание в цель и оценку – 3.

Полковник спросил: «Почему всего 3 балла?». Я указал на время электронного секундомера, указывающего на скорость решения огневой задачи, и на то, что норматив этого упражнения выполнен всего лишь на три балла. Полковник спросил: «Почему сам знаешь, а других не учишь?» Я ответил: «Чтобы правильно обучать, необходимо правильно готовить к стрельбе технику». «Кто мешает?» - допытывался полковник. Рядом стоящий командир полка подполковник Лепёшкин опередил меня, скомандовав: «Молчи!». «Молчу», - ответил я. Полковник приказал собрать офицеров первого батальона, обучающих курсантов стрельбе с БМП, и раздал им листки с нарисованными мишенями и исходными установками. По решению огневых задач они все получили двойки.
Эта комиссия проверила по решению огневых задач всех офицеров двух учебных дивизий Уральского военного округа, которые обучают командиров и операторов БМП, кроме моего батальона, и все получили двойки.
Началось то, что следовало ожидать. Нет, уважаемый читатель, никто не застрелился, не повесился и с должности никого не сняли. Но на этот раз все узнали то, что и до этого хорошо знали. Никогда ни для кого не было тайной, что во всех учебных дивизиях СССР, где обучают операторов и командиров БМП, втирают очки. Исходя из этого, приняли решение провести учебно-методические сборы Главкома Сухопутных войск для командиров учебных частей на базе Чебаркульской дивизии. У меня поинтересовались, что ещё мешает правильному обучению курсантов? Этим вопросом меня задели за самоё больное место, и я сказал всё, что думал по этому поводу:

– Мы выпускаем из учебных частей специалистов, не научив их взаимодействию. Они не только не умеют, но даже не знают, как каждый из членов экипажа (командир, оператор-наводчик, механик) должен вести себя в ходе боевых действий. В учебке их не учат, кто из них следит и помогает оператору обнаруживать цели слева, кто справа и прямо, как подавать команды на поражение главной цели в ходе боя… В войсках: наряды по кухне, по роте, караулы, заготовка овощей,.. слаживанием экипажей

заниматься некогда. Необходимо для качественного обучения составить новую программу и обязательно обучать младших специалистов в составе сводных экипажей. Это позволит качественно обучать и выпускать настоящих, а не «липовых» специалистов. Такой метод обучения даст большую экономию электроэнергии, моторесурсов и ГСМ. Такие сводные экипажи при выпуске уже будут готовы к боевым действиям. Для уничтожения целей противника должны взаимодействовать все члены экипажа, а не один наводчик. Забегая вперёд, скажу, что эксперимент по обучению в составе сводных экипажей в этой дивизии дал хороший результат, и в 1985 г. (через 8 лет) на сборах в населённом пункте Адажи (недалеко от Риги) командование Сухопутных войск рекомендовало командирам учебных дивизий перейти на этот метод обучения, но… кому это нужно?

После того, как комиссия Министра обороны уехала, мне стали предлагать должность старшего офицера отдела по рационализаторской и изобретательской работе округа, а я написал рапорт, чтобы меня перевели для прохождения дальнейшей службы в любой другой округ. Меня убеждали, что от таких предложений не отказываются, так как это академическая должность, но я не мог больше служить в этом болоте, где так просто устраивают добросовестных офицеров в психбольницу. Ещё четырежды спрашивали, не передумал ли я, и после этого сказали, что меня направят туда, от чего я сам откажусь – в Забайкалье. Все в армии знали, что Забайкалье – это край непуганых идиотов. Очень много анекдотов ходило про Заб. ВО. В одном из них рассказывается, как молодых офицеров из Москвы (с дикого Запада) на самолёте везут служить на Восток. Прилетают в г.Горький. Им объявляют, что стоянка самолёта 10 минут. Встречает лейтенантов автобус с дежурным офицером по гарнизону. Прилетают в Свердловск. Объявляют, что стоянка пять минут. Встречает лейтенантов на «УАЗ»е пьяный сверхсрочник. Приземляются в Чите на одну минуту. Пурга заметает люк самолёта, и никто не встречает, а лейтенантов, которые по распределению должны служить в Чите, пинками выталкивают из самолёта. Подлетают к Борзе и предупреждают, что над аэродромом они будут находиться на высоте в 200 метров, чтобы быстрей выпрыгивали. Уговорам спуститься ниже не поддавались. За ящик водки согласились опуститься на 50 метров, сказали, что ниже нельзя, так как служащие здесь будут запрыгивать.

От Забайкалья я не отказался. Получил направление в г. Борзя, где размещался штаб армии. Перед заменой в другой округ меня отправили в отпуск. Собрался с сыном к сестре в Ленинград, а по возвращении сразу в Заб. ВО (Забайкальский военный округ). Не успели мы выехать в Ленинград, как ко мне на квартиру позвонил дежурный по части и сообщил, что звонили из округа и приказали меня откомандировать в Чебаркуль для производства

своего тренажёра. Сын слышал, что мне говорил дежурный, и спросил:
– Что, папа, в Чебаркуль едешь?

– Наверно, придётся съездить к тебе на Родину. Через минут пять звонит Лепёшкин.

– Владимир Михайлович, мне позвонили из округа и сказали, что на базе Чебаркульской дивизии будут проходить сборы Главкома Сухопутных войск для командиров учебных дивизий и их заместителей. Сказали, чтобы на этих сборах в каждом мотострелковом полку был ваш тренажёр. Для этого мне приказали Вас откомандировать вместе с Вашими операторами, которые делали эти тренажёры, в Чебаркуль. Я доложил, что Вы уже в отпуске и улетели в Ленинград, так что имейте в виду. Ваших операторов туда уже увезли. Сын опять спрашивает:

– Что, папа, уже не едешь?

– Нет, Андрей, быстрей всего дядя Лепёшкин сейчас по шее получит, и придётся всё-таки ехать. Минут через двадцать опять звонит Лепёшкин.

– Владимир Михайлович, мне опять позвонили из округа и приказали отозвать Вас из отпуска, где бы Вы ни были, и отправить в Чебаркуль, только долго там не задерживайтесь, так как всё пойдёт за счёт Вашего отпуска. Командировочное Вам сейчас подвезут. В Чебаркуле меня встречали командиры сразу трёх полков. Каждый из них хотел быстрей сделать у себя этот тренажёр, чтобы на него не давили сверху. Моих операторов уже разместили, и они приступили к работе. Когда мы делали тренажёры у себя, все детали по заявке операторов, покупал я за свой счёт, ничего не говоря жене. Здесь одно слово – и любые детали доставлялись мешками. У ребят были все схемы, по которым всё делалось. Моя задача заключалась только в том, чтобы методически грамотно поставить вопрос в огневых задачах, чего не могли без меня сделать мои операторы, и дать на него не только правильный ответ, но и четыре неправильных (перелёт, недолёт, отклонение влево, отклонение вправо). Надо было согласовать правильный ответ с оценочными нормативами в работе электронного секундомера при выставлении оценки. После «ценных указаний» своим операторам мы с сыном уехали в Ленинград. По возращении в тот же день всей семьёй должны были ехать в аэропорт, но меня вызвал командир полка. Я сказал, что уже опаздываю в аэропорт, но за мной прислали «УАЗ» и повезли на директрису, обещая, что в аэропорт всю мою семью доставят вовремя. На директрисе меня ждал полковник Карабут из отдела боевой подготовки округа и гражданские из научно-исследовательского института. Попросили вкратце рассказать суть тренажёра, так как поступило распоряжение из Москвы тренажёр запустить в производство. Рассказал, а гражданские удивились:

– Это же ЭВМ! (электронно-вычислительная машина). Просили сказать, что бы я хотел изменить в этом изобретении. Рассказал. Полковник Карабут обещал, что и моя фамилия тоже будет указана в документации на ЭТН (электронный тренажёр наводчика). В аэропорт мою семью доставили вовремя.

Глава 8
ОПУЛАБ (отдельный пулемётно-артиллерийский батальон)

В городе Борзя мы узнали, что про наши места в Забайкалье слагают не только анекдоты, но и пишут стихи:

Пекину триппером грозя,
Стоит красавица Борзя.
Но красоваться ей не вечно -
Растёт и ширится Безречная…

Из Борзи,в штабе армии, нас направили в Билитуй, где стояло управление Ура (Укрепрайона), а оттуда в Шахалинор, на границу трёх государств (Советский Союз, Китай и Монголия). Этот гарнизон, которым командовал капитан Сулеймовский, считался самым лучшим из всех гарнизонов Забайкальских УРов. Однако ничего особенного я там не увидел. Мне не хотелось в лучший, больше желал бы в худший, где сразу видны плоды твоего труда. Офицерские жёны говорили Светлане, что из этого гарнизона мы уедем на трёх машинах, но Светлана ответила, что её муж не такой. Начал знакомиться с гарнизоном и его боевыми сооружениями. Меня провезли вдоль границы, которая проходила в километре от военного городка, показали казарму БД (боевого дежурства), ДФСы (Долговременные фортификационные сооружения) и прочие инженерные сооружения, которых я раньше никогда не видел. Рядом находилась наша погранзастава, личный состав которой, как мне рассказали, вырезали когда-то без единого выстрела. Здание этой заставы строилось ещё при Д.М. Карбышеве, когда он был назначен главным руководителем всех оборонительных работ Восточного фронта и возглавлял здесь оборонительное строительство. После уничтожения личного состава этой заставы было принято решение: для наведения уставного порядка снести здание казармы и рядом построить новое. Это, наверно, сделать было проще, чем как следует организовать службу. Лет через пять, при нарушении государственной границы рядом с этой заставой, мне пришлось принимать участие в разбирательстве. Выяснилось, что на дежурной машине порвался ремень вентилятора, за которым в Даурию уехал начальник заставы. Сработала сигнализация охранной системы. Я спросил у замполита, почему он не поднял заставу в ружьё и не совершил маршбросок для задержания преступника. Замполит молчал, а полковник, прилетевший на вертолёте, ответил, что это он и я так бы сделали, а замполиту никак нельзя, тогда же и самому пришлось бежать, а они это делать не привыкли. Старое здание взрывали, расстреливали из пушек, но оно, расстрелянное, продолжало стоять, как памятник бывшему кадету, великому военному инженеру, профессору, Герою Советского Союза, генералу Д.М. Карбышеву, или как братская могила непуганым… Ложась спать в этом гарнизоне, каждый вечер мы задумывались, стоит ли

раздеваться, находясь в такой близости от Китайской границы, но здешние уже привыкли, и ни на что не обращали внимание. Даже когда не хочешь, невольно вспоминаешь, что это край непуганых идиотов. Бывший комбат этого батальона не хотел уезжать по замене и поехал в округ к начальнику штаба просить, чтобы его оставили. Меня перевели в Дурбачи. Недолго нам пришлось жить семьёй в двухкомнатной квартире на втором этаже Дурбачей, где были свои «прелести». Во время дождя Андрей, не слезая с кровати, мог пускать кораблики на полу. Все имеющиеся тазы и вёдра быстро переполнялись, а по стенам, журча, бежали ручьи. Жаловаться было некому. Командиры отдельных батальонов в этом гарнизоне жили своей жизнью, не решая гарнизонных проблем. Лезть со своими предложениями и замечаниями, не имея никаких полномочий, я не мог, но много видел и слышал. Видел, как мать одного солдата приехала искать своего сына, от которого давно не было вестей. Мне рассказали, как её возил командир роты вдоль границы, показывая наши боевые сооружения, но мать просила показать ей её сына. Показали кровать, на которой он спал, и где он сидел в столовой, но мать просила показать ей сына. Труп сына нашли позже около стога сена по пути в Билитуй. Нетрудно догадаться, почему он там оказался. Вскоре вызвали меня в Борзю. Командующий армии генерал Воронцов читал моё личное дело, подчеркивая в характеристиках странные фразы красным карандашом.

– Кто вам писал такие дурацкие характеристики?

– Товарищ генерал, характеристики получились дурацкими потому, что их приказали написать плохими, но те, кто писал, с этим был не согласен, вот и получились дурацкими.

– Мы хотим поставить Вас на самый худший гарнизон, который находится за системой инженерных пограничных заграждений. Чтобы в него проехать, надо пересечь КСП (контрольно-следовую полосу). Из этого гарнизона с Китаем, как таковой, границы нет, и зимой пьяный комбат, по льду реки Аргунь, ходит на прогулку в Китай. Возникают пограничные конфликты. В этом ОПУЛАБе (отдельном пулемётно-артиллерийском батальоне) разморожено отопление, нет воды, не работает канализация, к гарнизону идёт ЛЭП (линия электропередач), но не работает, дизели неисправны. Вы справитесь с этим батальоном?

– Товарищ генерал, я справлюсь с любым батальоном!

– Мне нравится Ваш ответ. В Вашей характеристике написано, что Вы склонны к демагогическим рассуждениям, езжайте в этот гарнизон и занимайтесь там этой демагогией, сколько хотите. Приехал в Досатуй, где размещалось управление этого УРа, узнав, что и здесь без поэзии не обошлось:

Бог придумал Сочи,

Чёрт – Магочи,
А какой-то…

Придумал Билитуй и Досатуй…

С командиром Укрепрайона подполковником Августиновичем поехали в мой гарнизон. Подъехали к погранзаставе «Мысовая». Пограничники проверили наши документы, высадили из машины и предложили пешком перейти КСП. Оставляя погранзаставу за спиной, мы поехали дальше. С нами ехал в этот батальон, прибывший по замене, прапорщик Павел Мога. Подъехали к штабу: стоит длинный деревянный барак, в котором одну половину занимал штаб, а вторую - санчасть. В штабе окна были, но все без стекол, кроме окна оперативного дежурного и секретки за железной решёткой. В санчасти было чуть лучше. Из-за угла штаба выглянул пьяный комбат майор Руденко:

– А, принимать приехали? Ну, давай! Махнул рукой и, вместо того, чтобы подать команду «Смирно!» и доложить командиру Укрепрайона, как положено, пошёл в другую сторону. Из-за неуставных взаимоотношений и дезертирства в батальоне солдат было гораздо меньше, чем должно быть. В карауле, который должен сменяться каждый день, никто не сменялся или сменялся частично. Личный состав казармы боевого дежурства должен меняться каждую неделю, но менять тоже было некому, и командиры рот выкручивались, как могли. На следующий день после моего приезда в батальон приехал генерал-майор Корсаков и пригласил меня проехать в мою казарму боевого дежурства, где я ещё не был. В штабе армии этого генерала называли генерал-полковником, так как его за «выдающиеся заслуги» понизили, сослав в Заб. ВО с генеральской на полковничью должность, не лишая звания генерала. Вот и получился «генерал-полковник». Но, как мне показалось, он не очень огорчался и с юмором относился к своему служебному положению. Осмотр казармы боевого дежурства оставил неприятное впечатление. От сырости и протекания крыши во время дождей все стены были покрыты плесенью. Грязные солдаты прятались по углам. Бокс, в котором под землёй стояли танки, был похож на свалку. Негатива добавил марафон, организованный Корсаковым. Генерал пожелал посмотреть НП (наблюдательный пост). Солдатик зажёг газету, и мы «полетели» за ним. Первым (по подземному проходу в 300 метров) за солдатом почти бегом шёл генерал, за генералом – я, за мной – мой начальник штаба капитан Образцов, за Образцовым – замполит батальона капитан Волков, а за Волковым – командир взвода боевого дежурства старший лейтенант Судаков. В этом проходе было не только темно и скользко, но и воды по щиколотку. Газета у солдата сгорела, и он, затормозив движение, зажигает вторую. У него всё рассчитано: две газеты

по проходу в одну сторону, и две в обратную. Это для начальства, а сами на ощупь, без газет.

Опять пошли ускоренным, пока генерал не поскользнулся. Подхватил его я, как младенца, а он, вместо «спасибо», вспомнил какую-то мать, и мы продолжили путь. На НП нас ждали двое. Рассказали, как наблюдают за сопредельной стороной с помощью наблюдательного прибора, и мы опять зажгли газету, направляясь в обратный путь. Я шёл, хлюпая по воде, и думал, как же солдаты зимой в мокрой обуви несут службу на этом НП, добравшись до него по этим лужам? После провода «генерал-полковника» на следующий день я узнал, что бывший командир этого отдельного батальона сразу после отъезда командира Укрепрайона угнал из гарнизона машину и пьянствует в пгт. (в посёлке городского типа) Приаргунске. Что его жена, работавшая в гарнизоне продавщицей, загрузила батальонную хлебовозку из склада солдатским пайком и только что поехала торговать им в Приаргунск.

В батальоне, пока не были подписаны приёмопередаточные акты, я был на птичьих правах, и Руденко был вправе, пока не сдал должность, давать указания и распоряжаться. Но с продажей солдатского пайка они перегнули. Я послал прапорщика, чтобы нашёл, где пьянствует майор Руденко, и угнал у него батальонную машину. Позвонил начальнику погранзаставы, попросив не выпускать хлебовозку с женой Руденко через систему инженерных заграждений, пока не подъеду с автоматчиками и не составлю акт содержимого хлебовозки. Не дождавшись своей жены, с похищенным солдатским пайком в Приаргунске, Руденко нашёлся сам и позвонил мне:

– Ты что там творишь? Где машина? Давай машину сюда, я тебе батальон ещё не сдавал!

– Послушай, майор, внимательно. Сейчас твоё имущество с твоей женой грузят на машины, и я отправляю твоё барахло в управление Укрепрайона. Твою жену с солдатским пайком, который она везла на продажу, я задержал и составил акт. Если ты здесь появишься и будешь хулиганить, я отдам акт похищенного солдатского пайка в прокуратуру, пусть разбираются, чем вы тут личный состав кормили. Руденко всё понял и больше не выступал. Пришлось мне батальон принимать у самого себя путём беглого осмотра. Этот ОПУЛАБ (отдельный пулемётно-артиллерийский батальон) отличался от обычного батальона или моего бывшего учебного тем, что имел своё большое хозяйство. Кроме обязанностей командира батальона на меня возлагались и уставные обязанности начальника гарнизона, не смотря на то, что должность была та же подполковничья, как и в учебном батальоне. В гарнизоне построена новая кирпичная казарма, но те, кто из этого батальона ещё не сбежал, продолжали жить в землянке или перетащили свои матрацы в колодцы, где

проходила и даже, наверно, когда-то работала система отопления. Новая большая кирпичная столовая тоже стояла без дела, так как в ней установлены паровые котлы для приготовления пищи, а пара, также как и отопления, в гарнизоне не было, и новые котлы для приготовления пищи стояли без надобности. Пищу готовили по старинке, как во время войны. Построена, но не пущена в эксплуатацию, без отделочных работ, солдатская баня-прачечная. В этой бане-прачечной не было холодной воды, не говоря о горячей. Стоял заброшенным учебный корпус с пустыми стенами и три офицерских дома, в которых половина квартир были бесхозны и разграблены. Казалось бы, кому грабить? Как протащишь унитаз или раковину через КСП? Но ведь тащили! Как можно было украсть хлебовозку, полную солдатского пайка? Но ведь крали! Как можно было через КСП сбежать солдату из этого гарнизона, где жрать не дают, а по морде бьют? Здесь совсем просто. Грузят на машины, и на «железку» заготавливать на зиму уголь. Пока машина делает рейс и в гарнизоне разгружают другие, можно удирать пешком, можно поездами, которые разгрузили уголь, можно на попутных… В гарнизоне было много треснутых чугунных отопительных батарей и секций в котлах отопления, которые необходимо было разбирать и что-то с ними делать. Воду на водовозке привозили из ближайшего посёлка Старый Церухайтуй. Там же я договорился с директором совхоза о взаимовыручке. Он приехал ко мне в гарнизон познакомиться, а рядом стоял прапорщик Музыка. При подъезде директора Музыка по звуку определил, что в карбюраторе его «Волги» болтается гайка. Я пообещал директору, что прапорщик посмотрит его машину, а директор обещал мне своего сварщика, который заварит в гарнизоном чугуне все трещины. Я слышал когда-то, что чугун варят, накручивая на электрод медную проволоку, и спросил у директора, какие нужны электроды и какая по толщине медная проволока. Но тот ответил:

– Электроды нужны те, которые не нужны Вам. Он варит любым электродом и без проволоки.

– Да такого же не бывает! - удивился я.

– Сами увидите, что бывает. Чугунные батареи и секции с котлов мы только успевали подносить, а он электродом №6, которых мне удалось достать много, варил без остановки. Я спросил его:

– Почему никто так чугун не варит, как варит он?

– Они не смотрят, как плавится металл! - ответил сварщик. С помощью этого сварщика я запустил отопление в гарнизоне. Заработала и новая столовая, а старую решил переоборудовать под теплицу. Зима не ждала и, торопя нас заморозками, шла за нами по пятам. Разбирался и с канализацией. Этой проблемы не могло не быть при отсутствии нормального

водоснабжения, с которым тоже пришлось срочно разбираться. Прапорщик Мога оказался профессионалом на все руки. Не зря он имел такую фамилию. Павел быстро устранял неполадки электроснабжения с помощью ЛЭП и ремонтировал неисправные дизели, которые устанавливались здесь для подстраховки, в случае отключения ЛЭП. Всё указывало на то, что кто-то здесь очень хорошо поработал, готовя гарнизон к зимнему вымерзанию. Не оставил в гарнизоне ни малейшей возможности для выживания. Чтобы мы ни делали, следом всё ломалось. Только запустили отопление, и перешли в новую столовую, как забегали кочегары в поисках большой утечки теплоносителя. Обыскали всё. Воды в котельной не хватало на подпитку отопления. Затушили котлы. Опять нависла угроза разморожения только что восстановленной системы отопления. Наконец, услышали странный звук в запертой на амбарный замок старой столовой, где хотели делать теплицу. Открыли и увидели взломанную ломом внутреннюю систему отопления. Чтобы погнуть трубы с диаметром в дюйм, надо было иметь очень хорошее, крепкое здоровье. Когда ставили в гарнизоне самодельные светильники в форме больших ландышей, кто-то выковыривал их ломиком. Когда достал стекло и застеклили все рамы, ночью всё разбили. Пришлось налаживать караульную службу и спрашивать с начальника караула за каждое разбитое стекло. Ночью на складе боеприпасов, вблизи гарнизона, часовой открыл стрельбу. При осмотре оказалась нарушено внешнее колючее ограждение…

Переселить солдат в казарму было очень сложно. В землянке было теплей. Отопление уже как будто работало, но почему-то почти не грело. Надо было искать причину. С переселением в казарму помог случай.

Один из водителей стирал своё ХБ (хлопчатобумажное обмундирование). Устроился в землянке, как у себя дома. Замочил ХБ в ведре с бензином и ждал, когда оно откиснет и станет, как новенькое. С сигаретой в зубах зашёл в землянку другой водитель. Читатель, наверно, уже представил себе картину происшедшего. Взлёт через крышу землянки и приземление обоих «водителей-космонавтов» были без моего присутствия, а всё остальное - с моим непосредственным участием.

Пришлось построить всех, включая караул, на плацу и перевязку поджаренному, с многочисленными ожогами, делать при всех, чтобы надолго запомнили, как стирать в бензине. На вошедшем с сигаретой в зубах не нашли ни одной царапины. Так, в одно мгновение, исчезла землянка, и расставленные в казарме койки стали занимать постояльцы. Прапорщик Мога попросил меня зайти в казарму, обещая показать мне живое одеяло. Подвёл к кровати, на которой шевелилось одеяло. Спросил у Павла, зачем он ужа под одеяло спрятал, а Павел попросил меня хорошо присмотреться к одеялу. Присмотрелся… В одеяле кишели вши. «А вон на подоконнике живые трусы прыгают!» - продолжал Мога. И в самом деле, прыгали. Не знаю, кто от них избавился, положив на подоконник. Я не мог даже

подумать, что такое может быть. На обед пришёл домой, и казалось, что на мне уже тоже всё прыгает. Никак не мог избавиться от картинки увиденного одеяла и трусов. После обеда построил всех. Приказал раздеться по пояс. Многие с синяками, говорят, что упали. У одного большое синее пятно на груди, сказал, что испачкал. Я засомневался и хотел потрогать, но он отпрянул. Позже я узнал, что рукояткой штык-ножа ему пытались забить в грудь пуговицу от гимнастёрки. Дал команду раздеться до трусов. В глаза бросались разодранные язвы по всему телу, особенно на ногах и везде, где можно достать и разодрать. В бровях, в голове, на ногах, куда ни посмотришь, везде у всех вши. Фельдшер батальона, прапорщик Слива, сказал, что для Укрепрайона – это нормальное явление, что в УРе нет ни одного батальона без вшей. Я спросил у него:
– Как можно от вшей избавиться?

– Теоретически можно, а практически нет,- ответил прапорщик.
– Рассказывай свою теорию.

– В виду того что из прачечной Приаргунска привозим выстиранное бельё с бельевыми вшами, мы от них не избавимся, пока не будем всё стирать сами. Для этого надо срочно доделывать прачечную, на которую документы давно подписаны бывшим комбатом, что её приняли в эксплуатацию. Конечно, надо доделывать и баню. Матрацы, подушки и одеяла желательно где-нибудь хорошо пропарить. Заставить всех соблюдать личную гигиену. Если хоть на одном останутся вши, он поделится ими со всеми. Вы провели с солдатами занятия, как пользоваться туалетами. Рассказали им, что в унитазы нельзя бросать консервные банки, тряпки, газеты, но продолжают бросать. Тем, кто призван из деревень, срока службы не хватит, чтобы им избавиться от своих привычек. А Вы хотите заставить их каждый день умываться. Надо сначала с водонасосной разобраться, почему не работает. Так что практически всё это неисполнимо, и все это знают.
– А может, неисполнимо потому, что никто не исполняет? Прапорщик пожал плечами. Надо срочно и с дедовщиной что-то делать, чтобы никто «не падал» и пуговицы в грудь не заколачивали.
Чем больше пытался сделать, тем больше всплывало проблем. Быстрей сделать воду, свет уже в гарнизоне есть, делаем его в казарме БД (боевого дежурства). Сначала доделать надо прачечную, потом добиться получения стиральных машин. В боксе есть шкафы для подогрева машинного масла зимой. Если по этой же системе пустить вместо теплоносителя пар и в этих шкафах выпаривать матрацы, подушки, одеяла…

Приказал подстричь всех налысо, а в казарме поставить ринг. Приготовить из каждой роты команду боксёров, в которую должны входить все деды-мордобойцы. На ринге они до потери пульса должны защищать честь своей роты, а я буду рефери. Не всем удавалось с ринга уйти без синяков, но после этого чемпионата мордобои закончились. Все знали, что

если они продолжатся, за гарнизонным чемпионатом по боксу последуют «олимпийские игры». Один из самых злостных мордобойцев (любитель заколачивать пуговицы), получил больше всех под оба глаза. Кто-то сразу окрестил его Зорким Соколом. Он просил дать ему дембельский аккорд подальше от всех, чтобы его в таком виде не видели. В то время мы, перед въездом в гарнизон, совхозным экскаватором поднимали дамбу, которая должна была обеспечивать нормальный въезд на территорию гарнизона в любую погоду, в любое время года. Одновременно, вырытое экскаватором планировали под пруд для разведения карасей. Исполняя просьбу «Сокола», направил его в помощь к экскаваторщику с совковой лопатой подправлять берега и дамбу, чтобы были ровными. Дембельских аккордов никому не давал, т.к. эти золотые ребята и без того сами знали, что делать, и делали, но здесь был особый случай.

Приехала комиссия из округа по жалобе за стрижку личного состава налысо. К этому времени в гарнизоне уже всё работало. Всё выпаривалось, личный состав уже купался, заставлял друг друга ежедневно умываться, чтобы ещё раз не подстригли и не ехать на дембель лысыми. Бельё, привозимое из прачечной Приаргунска хорошо проглаживалось под контролем прапорщика Сливы. В гарнизоне уже была оборудована гостиница для проверяющих. Вот они и приехали, а я им сказал, что какое бы взыскание я ни получил, но найду в батальоне хоть одну вошь, опять подстригу всех налысо. Уехали, а я, построив гарнизон, предупредил, что если попадётся мне хоть один вшивый, подстригу всех не только на голове, но и ниже пояса. Напомнил им, как жили все в грязи, и в язвах. Спросил, не соскучились ли по вшам, раз жалуются? Кричат, что они не жаловались. Читатель, наверно, спросит, где я доставал всё, чтобы что-то делать. Всего не расскажешь, так как никто мне не давал на восстановление гарнизона ни копейки. Подбирали всё, начиная с порванных шин вдоль дорог, которые использовали для освещения при работе ночью. Торопились сделать максимум до сильных морозов.

Главный инженер КЭЧ (квартирно-эксплуатационной части) попросил меня отдать ему корпус разграбленной санитарной машины, которую необходимо было укомплектовать и сдать в управление Укрепрайона на списание. Взамен обещал мне отдать на списание свою укомплектованную санитарную машину с прогнившим кузовом и, кроме неё, пару ящиков стекла, пару ящиков гвоздей, электроды и краску на панели в учебный корпус, десять мешков цемента… Я понимал, что всё обещанное и без моей санитарки должно было уйти на мои объекты, но все документы на приём в эксплуатацию подписывались комбатом через стакан водки, и сейчас никому ничего не докажешь. А делать надо: зима не ждёт.

Всё, кроме машины на списание, я получил и уже пустил в дело, но из УРа (укрепрайона) требовали машину, которую майор обещал отдать через

неделю, а прошло уже две. Мне сказали, что главный инженер уже разъезжает на нашей укомплектованной санитарной машине и собирается в отпуск. Приехал к его начальнику с вопросами…
– Уважаемый Владимир Михайлович, в течение этой недели отдаст Вам машину, куда он денется? В отпуск его не отпущу, пока с Вами не рассчитается. Мы же джентльмены! – успокоил меня начальник Приаргунской КЭЧ.
Главный инженер ушёл в отпуск, а машины как не было, так и нет. Опять приезжаю к начальнику напомнить о джентльменском соглашении.
– Владимир Михайлович, вот как договаривались, так и разъё…
– Хорошо, товарищ подполковник, придётся мне забрать у Вас мою машину.
– Владимир Михайлович, дохлый номер, у меня там очень хорошая охрана.
– Поживём – увидим! Через пару дней в три часа ночи подъезжаем на летучке к автопарку КЭЧ (летучкой называли крытую машину со стрелой, предназначенную для мелкого ремонта техники). На проходной горит свет, а охрана режется в карты. Не спят, видно, начальник КЭЧ предупредил, что буду угонять машину. Накануне я уже был здесь, внимательно изучил ворота и пришёл к выводу, что с помощью стрелы их легко можно снять с петель и поставить в сторону. Со мной было пять крепеньких солдатиков, проинструктированных и готовых к любому проступку за правое дело. Сказал водителю, чтобы полчасика поездил туда и обратно, пока охрана привыкнет к гулу машины. После чего мы пошли «на дело». Ворота сняли и тихо, не заводя двигатель, выкатили нашу «санитарку», поставив ворота на место. Стали пристраивать к ней жёсткий буксир, чтобы не возиться здесь возле ворот, если не заведётся. По закону подлости наш буксир не подходил, так как крюки на машине были не как обычно, загнуты вверх, а наоборот, вниз, и чтобы закрепить буксир, нужна проволока. Один из моих солдатиков полез через поставленные ворота опять в автомобильный парк КЭЧ. Вышла охрана, и к нему с вопросом, что здесь делает. Я с остальными ребятами стоял у ворот. Мой солдат ответил им, что ищет проволоку закрепить буксир к машине. Я тоже попросил охрану помочь. Быстро нашли проволоку, выпустили моего солдатика, и мы, буксируя «санитарку», поехали домой. Утром в автопарке КЭЧ завгар распределял людей на работы. Проходя место, где стояла «санитарка», вздрогнул… Ведь начальник предупреждал, и охрану инструктировали… Вызвали к нему ночной наряд, который уже позавтракал и укладывался спать после добросовестного ночного бдения. Стал расспрашивать. Рассказали, как искали проволоку, чтобы закрепить буксир на «санитарке». Завгар доложил начальнику КЭЧ, а тот командующему армии о моём хулиганстве. Командующий прежде, чем меня наказывать, расспросил у него все подробности, особенно о нашей последней встрече. Начальник ему рассказал всё, как было, а командующий ответил начальнику КЭЧ его же фразой: «Вот как договаривались, так и разъё….». Смеялся весь штаб армии, а ко мне явилась целая делегация с

вызванным из отпуска главным инженером, который не успел уехать на «дикий запад». Просили вернуть «санитарку» и с новыми обещаниями. Сказал, что верну за дополнительную мзду: 60 листов ДСП для оформления электрифицированных стендов в учебном корпусе; 80 литров водоэмульсионной краски для покраски этих стендов, пять ящиков стекла для теплицы, десять мешков цемента для бетонирования прохода на НП в казарме БД, пять ящиков гвоздей… и только после доставки мне другой санитарной машины в комплекте. Сразу привезли ДСП, краску и остальное, кроме машины. Женщины моего гарнизона (офицерские жёны) попросили меня, пока не отдал «санитарку», свозить их на ней в г. Краснокаменск, где в магазинах Московское снабжение. Поехали через Досатуй, где мне надо было зайти в управление УРа. Зашёл на пять минут решить вопросы к начальнику штаба. Выйдя из штаба и, подходя к своей «санитарке», увидел майора, который обходя её, мотает головой. Я не понял, чем он может быть не доволен. Машина моя, бабы тоже мои, а он головой машет…

– В чём дело, товарищ майор?

– Вы, товарищ капитан, куда путь держите с дамами на этой машине?

– В г. Краснокаменск, а что?

– Эта машина никуда отсюда не выйдет, товарищ капитан! Очень хотелось послать, но обидится. Что-то сдерживало от грубости, а майор пристально, глядя мне в глаза, спрашивает:

– Что, Володька Чащевой, не узнал? Это я, Витька Корнилов из Калининской суворовской роты! Обнялись.

– А ты что тут тюльку гонишь, что я никуда не поеду?

– Я здесь зампотехом в мотострелковом полку. Ты посмотри на свои колёса. Видишь, какие дыры около шпилек? Не знаю, как у Вас колёса не отлетели, пока ехали в Досатуй, но до Краснокаменска Вы точно не доедете. Сейчас твои дамы пусть часик погуляют, машину загоняем ко мне в автопарк, «разуваем» её, привариваем заплаты на твои дыры и просверливаем для шпилек новые. И только после этого я буду уверен, что с Володькой Чащевым всё будет в порядке, и до Краснокаменска он доедет.

– Витя, а как ты умудрился меня в звании обогнать?

– Уметь надо. Это длинная история. Потом расскажу. Давай сначала машину на ремонт поставим. Как ты на таких машинах ездишь?

– Ты бы, Виктор, посмотрел на мой гарнизон. Не знаю, за что хвататься. И всё главное. Скоро морозы, а городок к зиме толком не готов, и не могу понять причин плохого отопления.

– Нет, Володя, здесь я тебе не помощник. Продолжали мы свой путь в Краснокаменск с хорошим настроением. Вызывало только сожаление, что с такими отремонтированными колёсами «санитарку» отдавать придётся. Не доезжая до Краснокаменска, увидели огромную свалку, которую я с удовольствием перетащил бы к себе за систему инженерных пограничных заграждений. Пришлось остановиться и внимательно осмотреть. Огромные катушки разного кабеля я уже мысленно прикидывал на освещение прохода к НП на казарме БД. Когда служил на Урале, такой многожильный кабель я не мог найти для своих тренажёров, а здесь лежит на свалке, никому не нужен, и лежать всё будет, пока не сгниёт, а мне в учебном корпусе электрифицированные стенды делать надо. Какие-то металлические изделия из уголка тоже бы мне пригодились, не говоря об изделиях из труб. Чуть отъехав, увидел завод и узнал, что на этой свалке собраны остатки от строительства этого сернокислотного завода. По дороге из Краснокаменска мучила одна мысль, как немного почистить эту свалку для пользы общества, чтобы не лежало всё это добро здесь без дела. Технику («Урал-375») под боеприпасами мы уже отремонтировали и проверили на готовность. Думаю, что если на день их разгрузить, то пока пять машин мне хватит, чтобы загрузить их на свалке. Нужен кран. Срочно заказать в Уре для установки поваленных столбов ЛЭП в гарнизон и на казарму БД, которые я уже поставил летучкой, не просить же для воровства на этой свалке. Стрела с летучки катушки с кабелем, наверно, не поднимет. Совесть, конечно, мучила. Оправдывал себя тем, что всё это здесь сгниёт без пользы. Я не себе дачу строю, а наших пацанов спасаю, и всё это у меня в дело пойдёт. На казарме боевого дежурства уже очищают крышу от земли, завезли глину и солому, которые будем мешать и по рубероиду укладывать на крышу, а потом положим дёрн. Плесень на бетонных стенах и потолке выжигаем паяльными лампами. В казарме БД тоже нужна небольшая тепличка для зелени и обязательно зарытая в сопке большая утеплённая ёмкость для воды и душ. Проход на НП надо электрифицировать обязательно. Пол в проходе затрамбовать камнем или битым кирпичом и залить раствором, а деревянные стены в проходе хорошо побелить – должно всё высохнуть. Надо привести в казарму БД, когда всё сделаю, заместителя командира УРа по тылу, чтобы выклянчить у него новую мебель и новое обмундирование для ребят, которые здесь службу несут.

Четыре машины я уже загрузил и отправил подальше за сопку, а при загрузке пятой к нам подошёл пожилой мужчина и сказал, что он завскладом, а всё это тоже его имущество. Попросил меня пройти с ним в кабинет к директору завода. Познакомились с директором. Рассказал ему свою плачевную обстановку при подготовке гарнизона к зиме, и он

распорядился, чтобы завскладом провёл меня по складам и выдал мне всё, что мне понадобится. Очень наглеть я не стал, а довольствовался тем, что уже загружено на пяти «Уралах». Санитарную машину в комплекте мне вернули, и я доставил её на списание в Укрепрайон, но вскоре вышел приказ о финансовом наказании всех комбатов и удержании с каждого из нас по одной трети оклада. Очень хотелось спросить, за что? Но знал, что слишком много техники укрепрайона куда-то когда-то исчезло, и надо было всё это списывать, кого-то наказывая. Да и ругаться с вышестоящими надоело, зарабатывая очередную характеристику с упоминанием о моей склонности к демагогии. Не требовал положенную мне новую санитарную машину взамен списанной. Другие комбаты ездили на «УАЗ»ах, а мой «УАЗ» тоже под кем-то бегал, но мне неловко было спрашивать командира, спорить и доказывать, требовать то, что должно быть по штату. Считал, что начальство должно само понимать моё положение и без напоминания обеспечивать меня всем, чем положено. Через месяц нашу казарму БД посетило руководство погранотряда. У меня спросили разрешение провести в этой казарме показные занятия для начальников погранзастав и их заместителей. Наверно, Бог знал, что делает. У меня появилась реальная возможность получить для казармы БД новую мебель и переодеть солдат в новое обмундирование. То, что зависело от меня, я сделал, и даже сделал больше, чем всё. Осталось совсем чуть-чуть. Я немедленно доложил командиру Укрепрайона о желании руководства погранотряда. Ко мне, также немедленно, поехала новая мебель и новое обмундирование, а в гарнизонную прачечную привезли большие новые стиральные машины. В казарме БД уже везде горел свет. В резерве стояла отремонтированная, готовая к запуску для подачи напряжения электрогенераторная установка, работал душ, и в теплице начинала расти зелень. Весь проход на НП был освещён, луж уже не было, но побеленные стены в проходе до конца ещё не просохли. Построение начальников погранзастав и их заместителей было в танковом боксе на разрисованной под ковёр дорожке перед танками. Командир погранотряда спросил у своих офицеров:

– У кого из Вас дома такой же порядок, как в этой казарме? И сам ответил, что это бывает не у любой хорошей хозяйки. Солдаты уже не прятались по углам, а гордились тем, что всё это сделано их руками, что все они чистенькие и в новом обмундировании. Все стены очищены от плесени и сверкают белизной.

Слух о нашей казарме БД быстро дошёл до командующего округа, и ещё через месяц мне от него вручили часы за лучшую казарму боевого дежурства в округе, а командование погранотряда предложило мне перейти к ним, наградив меня знаком отличия пограничных войск, но я от их предложения отказался. В классах учебного корпуса развешивались электрифицированные стенды. Таких наглядных учебных пособий не было при мне ни в Чебаркульской, ни в Еланской учебных дивизиях. В одном из

классов, почти на весь класс, делался электрифицированный макет нашей местности со всеми сопками, точным размещением наших НТОТ (неподвижными танковыми огневыми точками) и эСПС (стрелково - пулемётными сооружениями). Весь наш мыс на макете омывала река Аргунь, мелькая огнями. Из всех НТОТ к руководителю выведена связь, по которой через шлемофоны можно проводить тренировки по управлению и корректированию огня. В другом классе делался электронный тренажёр для решения огневых задач на НТОТ, подобно тому, какой делали для БМП. Руководил всей этой работой прапорщик С. Каравайнов. Когда тренажёр был готов к работе, его проверил генерал-майор Белоусов. Долго восхищался, но сказал, что запустить его в производство ввиду малого количества Укрепрайонов не удастся: слишком дорого будет стоить.

В конце концов, с отоплением разобрались, устранив местные сопротивления. Провёл занятия с кочегарами, как правильно топить котлы и поддерживать в них давление. Мой заместитель по тылу майор Крыжелясков считал, что это не его дело, так как этому их не учили, а у него и без этого дел хватает. Наверно, ему можно поверить, ведь в МВОКУ меня тоже этому не учили. Кремлёвских курсантов, как это ни странно, не учили лазать по колодцам и разбираться с проблемами отопления, канализации, водоснабжения, сутками торчать в котельной, следя, чтобы правильно собирали секции котлов, но приходилось вникать: «не боги горшки обжигают». Не велика наука по устройству водопроводной трубы, но ещё проще прикинуться шлангом и ничего не делать. Ночью в батареях послышались громкие щелчки. Я вскочил и потрогал батарею. Обжёгся и побежал в котельную. Меня встретили кочегары смены Батищева. Сам он бегал, испуганный, по котельной, не зная, что ему делать. Спросил его: «В чём дело?»

– Мы устранили в трассе всё, что Вы сказали, сейчас по всему котлу разбросал уголь равномерно, как Вы учили, и сижу, курю, а оно как затрещит. Смотрю на градусник, а там уже паровое отопление. Мы вскочили и не знаем, что делать, такого у нас ещё не было. Ведь и раньше столько же угля забрасывали и не могли дома обогреть. После устранения в теплотрассе местных сопротивлений результат оказался ошеломляющим. Посоветовал ему чаще смотреть на градусник и не переусердствовать, а пока выключить поддув и собрать в котлах уголь в кучу, чтобы немного загасить.
Когда запустили паровые котлы в новой столовой, стали и там всё делать красиво. Стены зала сделали под ограду замка, а на дверях при входе в зал висели из чеканки большие рыцарские щиты. В центре зала сделали большую клумбу, в которой цвели каллы. В углу сцена для эстрады и почти рядом огромный аквариум на 200 литров с рыбками. Перед входом в зал – раздевалка и умывальник, где из пастей трехглавого змея текла по желанию холодная и горячая вода.

Во время посещения приёма пищи я заметил, что в каше у солдат очень мало мяса. В прикухонном хозяйстве у нас свиней и поросят развелось достаточно, чтобы хорошо кормить солдат, и мы один раз в месяц, празднуя день рождения солдат, родившихся в этом месяце, особо подкармливали их мясом. Кроме того, офицерские жёны специально для них пекли торты, и в честь них наша эстрада исполняла во время обеда песни. Но мяса и без того должно быть в любой каше. На мои вопросы, где мясо, сержант срочной службы узбекской национальности, исполняющий обязанности заведующего столовой, ответить не мог. Я пообещал при всех, если ещё один раз не увижу в солдатском бачке мяса, надену этот бачок ему на голову. Через день этот сержант подошёл ко мне и попросил, чтобы я исполнил своё обещание. Сказал, что так ему легче будет разговаривать с дембелями. Я спросил, кто ещё достаёт его с мясом, и он ответил, что ночные смены кочегаров. Пришлось распорядиться о дополнительном питании ночных смен кочегаров, чтобы мясо, хлеб и сахар выдавали им из склада, а свежее молоко из-под коров, которых развелось уже тоже достаточно, чтобы выдавать молоко кочегарам. Я знал, что к весне они харкают угольной пылью, и пытался хоть как-то облегчить их участь. От свежего молока кочегары отказались и попросили меня, чтобы свежее молоко оставалось детям, а им, если можно, по одной банке сгущённого молока из каждого ежемесячного офицерского пайка. Я попросил председателя женсовета Лаврову собрать офицерских жён и решить этот вопрос. Все проголосовали «за». Оставалось решить вопрос в столовой и надеть бачок на голову сержанта. Конечно, мне было сержанта жалко, но мы хорошо понимали друг друга.

При всех во время ужина я посмотрел в миску и, не найдя там мяса, надел эту миску сержанту на пилотку. Больше из кухни мясо никто не тащил.

Через две недели из округа приехала комиссия по поводу надетой миски сержанту на голову. Оказалось, что вечером на ужине, когда всё это происходило у всех на глазах, никто ничего не видел. Сержант, начальник столовой, утверждал, что такого никогда не было, солдаты тоже всё отрицали. Я рассказал, как всё было на самом деле, и комиссия уехала с докладом командующему округом. Солдаты и сержанты почему-то меня быстрей понимали, чем некоторые прапорщики и офицеры. Беглецы из батальона, узнав, что в батальоне происходит, потихоньку возвращались. Уголь необходимо было в батальон возить почти ежедневно. Этим занимался прапорщик Баскаков. Пришла как-то машина пустая, а он, оставив солдат «на железке», вывалился из машины пьяный и быстрее в общежитие спать. Приказал доставить его ко мне. Знаю, что с пьяными не рекомендуется разговаривать, но этим они и пользуются. Легко советовать и осуждать, когда за спиной нет никого, за каждого из которых в ответе перед его родителями. Пришли и доложили, что уже спит. Приказал принести вместе с кроватью и по пути «нечаянно» раз пять опрокинуть, чтобы проснулся и

отрезвел. Несут. Он под одеялом, а сверху на нём котёнок. Кровать «нечаянно» переворачивается. Прапорщик в кальсонах вскакивает и опять в кровать под одеяло, а котёнок опять на него. И так пять раз «нечаянно». Назад, после беседы и последнего предупреждения, шёл своим ходом, а котёнок - своим.

В три часа ночи мне позвонил начальник караула, что в штабе оперативный дежурный старший лейтенант Сверчков стреляет из пистолета по телефонам и по графинам. В наш штаб уже приятно было зайти. Застеклены все окна, и везде наведён должный порядок. Приказываю обезоружить, а начальник караула спрашивает: «Что, в него стрелять?»
– Подожди стрелять, сейчас приду.
У меня других вариантов не было, как только идти и обезоруживать. Конечно, в голове были вопросы и сомнения. Это не капитан Чеканов с ножом. Этот с пистолетом. Помнил слова врача с Петропавловской психбольницы: «Слушается Вас потому, что Вы его не боитесь». Пистолет забрал. Вызвал замполита и начальника караула с караульным. Сверчков схватил стул и бросил его в окно. Я с трудом держал себя в руках. Для батальона этот старлей ещё палец о палец не ударил, а сколько уже нагадил. Приказал связать его. Он замахнулся на солдата, но я остановил. Предупредил его, что если пальцем солдатика тронет, я лично ему повыбиваю все зубы. Связали руки и ноги, положив трезветь здесь же у разбитого окна. За дверью начальника караула попросил, чтобы чаще его проверял, особенно чтобы не отекли руки. Вызвал старшего лейтенанта Кржжановского и приказал ему заступить оперативным дежурным. Но Кржжановский отказался заступать дежурным. Мне трудно было понять, что это значит. Круговая порука или ещё что-то, чего я не знаю. Казалось бы, что всем всё должно быть ясно: в гарнизоне с каждым днём становится лучше, и этого нельзя не видеть. Но почему такое отношение? Приказывать другому, - тоже откажется, зарабатывая ложный авторитет. Этого допустить нельзя. Объявил в гарнизоне тревогу. Проверив работу посыльных по вызову офицеров и прапорщиков, приказал замполиту, не объявляя отбоя тревоги, провести партийное собрание по персональному делу Кржжановского за отказ исполнять распоряжение начальника гарнизона. После объявленного строгого выговора по партийной линии Кржжановский попросил поставить его в наряд, но я уже не имел права этого делать и приказал заступить другому. Позже узнал, что в округ ушли две жалобы. В одной говорилось, что я приказываю солдатам связывать офицеров колючей проволокой, избивать их и зубы крошить. В другой, что я приказывал партийное собрание проводить в три часа ночи. На первую не среагировали, быстрей всего, уже зная меня по прошлым жалобам и проверкам, не поверили в мой садизм. Про вторую мне по секрету рассказали, что ЧВС округа генерал А.Д. Лизичев ответил, что, очевидно, на то была революционная

обстановка. Кржжановский написал рапорт с просьбой о переводе его в другой батальон, и я его подписал.

Мне доложили, что в классе учебного корпуса кто-то испортил электронный тренажёр НТОТ. Проверил. Так испортить мог только тот, кто хорошо разбирается в электронике. Необходимо было набирать по очереди все варианты задач и замыкать их, чтобы сгорели все лампочки на табло и исходных установок.

Когда я с семьёй прибыл в Забайкалье и попытался понять особенности местного климата, мне объяснили: «Июнь – ещё не лето, июль – уже не лето». Но такой зимы я на Урале за 10 лет службы не видел. Температура воздуха опустилась уже за пятьдесят.

Рано утром прибежали ко мне кочегары.
– Товарищ капитан, кто-то ночью перекрыл задвижки за котлами, котлы перегрелись, и прокладки между секциями, наверно, сгорели. Оба водяных котла потекли. Городок замёрзнет!

Ругать ребят за потерю бдительности было поздно. – Надо думать, что делать. Времени при таких морозах у нас вообще не было.
Я доложил обстановку командиру Укрепрайона и попросил прислать ко мне представителя особого отдела. Мне нетрудно было вычислить того, кто всё делает, и готов был поделиться своими соображениями с особистами. Надо было срочно искать прокладки и что-то делать, чтобы не заморозить гарнизон, пока разбираем и ремонтируем котлы. Казалось, что вариантов уже нет. Принял очень рискованное решение о переводе городка на паровое отопление. Для этого необходимо было, нарушая все меры безопасности, значительно увеличить нагрузку на клапаны паровых котлов. Эти паровые котлы низкого давления предназначены для подачи пара в столовую давлением в половину атмосферы, а для отопления желательно было хотя бы две атмосферы. Такого давления котлы могли не выдержать. Чтобы хоть чуть обезопасить работу котлов, в каждом здании приказал сделать отверстие в стене для выброса пара из обратки внутренней системы отопления через приваренный сгон. Предупредил поваров, чтобы внимательно следили и сами регулировали давление пара в котлах для приготовления пищи. Работа в котельной шла без передышки днём и ночью в две смены. Одну смену возглавлял сержант Березин, другую – рядовой Батищев.
Ко мне в кабинет прапорщик Слива привёл огромного кочегара из бригады Батищева и самого бригадира, который по своей комплекции был раза в три меньше. Они смотрелись, как Пат и Паташонок. У здоровенного «Пата» на голове запеклась кровь. Я попросил рассказать, в чём дело. Оказалось, что Батищев оценивает обстановку, как военное положение, и за неподчинение приговорил своего подчинённого к удару лопатой по голове.

– Батищев, ты хорошо понимаешь, что ты сделал, так ведь и убить можно?
– Товарищ капитан, если ещё будет сачковать, когда остальные вкалывают не покладая рук, добавлю ещё!
– Ну, а ты, здоровяк, что скажешь? Тебе не стыдно? Ты со своей комплекцией должен за троих работать, а ты сачкуешь. Думаешь всю жизнь за чужой счёт прожить? Ты хоть понимаешь, какая сейчас обстановка, и чем мы рискуем?

– Понимаю, больше не буду.
– Слива, забери его, приведи в порядок!
Прапорщик Слива был очень добросовестным фельдшером в нашем батальоне и хорошо исполнял свои обязанности по своим возможностям, но далеко не всё от него зависело.
Приехавшему особисту я доложил подробно обстановку по каждому случаю, назвав фамилию прапорщика Музыки. Делая зарядку по утрам, он легко поднимает двухпудовую гирю. Только он мог гнуть ломиком дюймовые трубы в нашей бывшей столовой и выворачивать забетонированные фонари. Музыка может ремонтировать цветные телевизоры и, не сомневаюсь, что именно он испортил тренажёр. Когда я проводил занятия с кочегарами, рассказывая им, как могут навредить в котельной и вывести из строя котлы отопления, откуда ни возьмись, появился Музыка. При его осведомлённости во всех вопросах он задал слишком несерьёзный вопрос. Представитель особого отдела сказал, что подозрения к делу не пришьёшь, чтобы привлечь по такой серьёзной статье, нужны неопровержимые доказательства.

На улице уже 52 градуса мороза, а в домах гарнизона почти столько же тепла. Начальник караула просит разрешения нести ему службу в одних трусах с портупеей и вооружением. Что-то не то сделали рабочие при строительстве караульного помещения. Быстрей всего бетонные плиты на крыше никак не утеплены, и сейчас большой контраст наружной и внутренней температуры проявлялся большим конденсатом в виде капель с потолка. Не было ни грома, ни молнии в караульном помещении, но дождь шёл постоянно. «Шутки» строителей встречали на каждом шагу. То в системе отопления в трубу вварен ломик, который под покраской не отличишь от трубы и долго ищешь проблему в отоплении, то офицер жалуется, что в его квартире из-под пола несёт, как будто там стоит вентилятор. Разобрали пол, а там вместо утеплителя записка: «Хозяин, извини, что утеплитель не положили. Его вовремя не подвезли, а мы торопимся на дембель». В подвале под новой столовой обнаружили установленный огромный вентилятор и около него такой же огромный радиатор. Решили, что этот вентилятор должен гнать куда-то тёплый воздух. Вентилятор не был подключён, и мы его не только подключили, но и включили. Загудел и куда-то погнал… Повара бегают в поисках, куда он дует, и найти не могут. Отправил им в помощь прапорщика Могу, который

всё может. Пришёл и доложил, что дует в розетки и в выключатели. Стали думать и разбираться, куда он должен дуть. Пришли к выводу, что при входе в столовую он должен обдувать входящих тёплым воздухом и поддерживать в тамбуре тёплую температуру, но выход для тёплого воздуха замурован, вот он и дует, куда придётся. Пришлось методом научного тыканья искать…

Конечно, нашли.

Две недели перебирали котлы. Собирали, запускали, опять разбирали, устраняя течи, и опять собирали. Светлана еду мне приносила на мой командный пункт, в котельной. Там же пыталась подкармливать кочегаров, но я их и без неё баловал, и поджаренное мясо на противне у них не кончалось. Наконец, котлы запустили, поставив заглушки на сгоны в домах для выхода пара. Без сгонов паровые котлы не справлялись, а ещё больше нагружать клапаны и рисковать я не хотел. Перемычку в колодце с паровых труб на водяное отопление сказал на всякий случай оставить, но поставить на неё вентиль и перекрыть его. Прибежал посыльный от оперативного и сказал, что к телефону меня вызывает из округа какой-то генерал.
Генерал спрашивал о капитане, который уже больше года должен был работать в этом батальоне по инженерным вопросам. Я ответил, что такого у меня нет. Генерал спросил мою фамилию, а я задумался. Не помню, когда спал последний раз, а он фамилию спрашивает. Как я скажу генералу, что не помню свою фамилию? Постучал по телефону, обозначив плохую связь. Но генерал не отставал, требовал фамилию. Наконец, я вспомнил и доложил.
Через несколько дней забегали повара. Кто-то открыл перемычку с отопления на паровые котлы, и вместо пара в половину атмосферы в котлы для приготовления пищи пошёл теплоноситель в три атмосферы, и котлы затрещали по швам. Вовремя повара среагировали, перекрыв давление на котлах. Но факт остаётся фактом, заставляющим ещё раз задуматься.
Пока держали городок на паровом отоплении, выпуская пар в воздух и обогревая всё Забайкалье, шёл очень большой расход угля, и весь запас, заготовленный на зиму, быстро закончился. Несколько дней гоняли машину на железную дорогу, где обычно загружали уголь, но там ничего не было. Дал команду понемногу жечь деревянный забор с тыльной стороны гарнизона. Послал прапорщика Могу по всему Приаргунску искать, у кого большие запасы угля. Мога с поставленной задачей справился, и на эту базу вместе с Могой поехал я предъявлять претензии: почему они не отдают нам уголь, который у нас занимали. (Просить у них уголь взаймы – это был мой второй вариант, на который надежды было мало. Больше надеялся на - морду лопатой и вперёд на баррикады: «Уря!!!»). Меня спросили, сколько они нам должны угля. Я, прикинув (пол, палец, потолок), ответил что у них долг 350 тонн. Полистав свои бумаги, они что-то нашли или не нашли и начали со мной спорить. Утверждали, что не 350, а всего 300 тонн. Я спорить не стал и прислал машину для погрузки. Этого нам хватило, чтобы дождаться прибытия своих платформ с углём.

Из штаба Ура приехал начальник штаба с первым заместителем и приказали срочно накрывать стол. Светлана накрыла. Наполнили мне полный гранёный стакан водки, которую привезли с собой, и бросили в него майорскую звёздочку, которую я должен достать, опустошив стакан. Вскоре замполит Волков тоже получил звание майора.

Чтобы нам легче всё делалось, решил разобраться, какая из гражданских организаций у нас числится шефами. Поехал с замполитом в Приаргунский райком партии. На нас как-то странно посмотрели и спросили, зачем это нам. Подняли какие-то документы. Долго искали. Наверно, для отчёта в бумагах делалась какая-то работа. Назвали совхоз в посёлке Бырка. Приехали в Бырку. Директор совхоза нас встретил с подозрением, не понимая, зачем мы ему нужны, и что нам от него надо. Я рассказал, как понимаю нашу взаимовыгодную шефскую работу. Сказал, что мы можем приехать к ним в совхоз с выступлением художественной самодеятельности. Можем оказать какую-нибудь разовую помощь, можем у них в совхозе делать для себя заготовку овощей. А что могут они - решать им. Директор согласился попробовать и сказал, что сейчас для них горячая пора с посевной, потом с уборкой, а в начале января следующего года попросил привезти к ним художественную самодеятельность. Зима уже закончилась, и я попросил директора совхоза из посёлка Старый Церухайтуй проборонить нам рядом с гарнизоном соток пять и поставить большую ёмкость для полива, чтобы наши женщины могли сделать себе грядки и посадить, что хотят. Как всегда, первой в бой пошла Света. За Светой делать грядки пришла жена одного из командиров рот Голубева, потом потянулись остальные. Прибыв в Забайкалье, я заметил такую особенность: если стоит дом и вокруг ничего не растёт – там живёт русский, если растут яблони, груши… – там живут китайцы. А в гарнизоне мне рассказали анекдот, как один офицер приехал из Заб.ВО на Кавказ в отпуск. У него спрашивают: «Там у Вас в Забайкалье хоть что-нибудь растёт? - Нет,- ответил майор. - А виноград сажать пробовали? - Ну, ты даёшь, ещё поливать скажешь!» Из управления УРа пришла команда направить к ним из всех батальонов бензовозы. У меня бензовоз по своей ёмкости на базе «Урала» был больше всех. И это не потому, что на базе «Урала» (у всех такие же), а потому, что такая особая конструкция у него получилась после «родов».

Приехал как-то водитель из рейса и попросил сварщика приварить к раме опору под рессору, которая отлетела. Только сварщик дотронулся электродом до рамы, как огромная ёмкость бензовоза ожила и началось что то странное. Сначала ёмкость задрала свою «задницу», оторвав крепления от рамы. Потом прогнулась и начала расширяться в объёме, как будто вот-вот родит. Сварщика и водителя с площадки перед автомобильным боксом унесло за угол бокса, и всё это они наблюдали уже из-за угла. Отлетели крепления для шлангов, которые были приварены на искусственной утробе с обеих сторон. После этого улетели запоры на люке сверху, и люк

распахнулся. Как из лампы Аладдина вылетел джин в виде огромного факела. Ёмкость выровнять мы не могли, зато всё остальное уже смело приваривали на свои места. При первой же заправке убедились, что ёмкость приняла в себя на полтонны бензина больше обычного. Через неделю водитель на бензовозе заехал в батальон пообедать, сказав, что соскучился по нашей пище. Я спросил, что так долго они делают в Уре, и он рассказал, что разгружают целый железнодорожный состав девяносто пятого бензина, сливая его в сопки. У меня не укладывалось в голове, как это может быть, когда в совхозах во время уборки урожая всегда «задыхаются» без бензина, а мы сливаем его в песок сопок. Поехал в УР к заместителю по тылу. Тот объяснил мне прописную истину:

– Уважаемый Владимир Михайлович, Вы, наверно, знаете, что у нас в стране плановая экономика?
– Знаю!
– Так вот, по плану нам пришёл этот состав девяносто пятого бензина, а все ёмкости в Укрепрайоне полные. Что делать?
– Отправить назад.
– Отправил пять телеграмм, чтобы перепланировали кому-нибудь другому, но мне ответили, что этого не будет. За простой железнодорожного состава с меня сдерут в пятикратном размере, а это будет для меня дороже, чем этот бензин.
– А почему не договориться с совхозами и дать им в долг, всё лучше, чем сливать его в сопки.
– Владимир Михайлович, на тебя мало жалоб пишут?
– Много.
– Если напишут на меня, что я слил бензин в сопки, с меня вычтут в наказание треть оклада, и про это забудут или объявят строгий выговор. А если напишут, что я продал его в совхоз (ведь не поверят, что отдал даром), то могут и посадить за хищение или ещё за что, «была бы шея, а петля найдётся».
Я поехал к своим шефам и попросил директора совхоза помочь нам своими и нашим бензовозом разгрузить этот состав в свои ёмкости для пользы дела, и директор это с удовольствием сделал.

Позвонили из округа и сообщили, что ввиду очень сложной обстановки с Китаем и волнениями в приграничных районах к нам 11 июля 1979 года приедут представители обкомов под руководством члена ЦК ВЛКСМ с целью своими глазами увидеть и на местах рассказать, что даже в таких условиях люди живут и ничего не боятся (как непуганые …).
Меня просили хорошо встретить гостей, чтобы были бутерброды с чёрной и красной икрой, и чтобы самое главное не забыл.

Встретил и ничего не забыл. Посетили казарму боевого дежурства и заглянули в НТОТ. Обошли весь гарнизон и сфотографировались с нами на детской площадке. Все остались довольны. Комсоргу в казарме БД Фекличев (из ЦК ВЛКСМ) подарил наручные часы.

Недолго мы жили без гостей. Провожали одних и встречали других. На этот раз встречали эстрадный ансамбль из Прибалтики. Всех поражала простота в общении наших гостей. Сказать, что нам очень понравился их концерт – это не сказать ничего. Перед тем, как исполнить песню Владимира Высоцкого про цветы с нейтральной полосы, они рассказали о своих ощущениях при подъезде к границе, переходе КСП (Контрольно-следовая полоса – полоса местности, предназначенная для фиксирования следов нарушителей границы) и дальнейшем следовании к нам. Рассказали, что когда прошли КСП, поняли, что они уже не у нас в СССР, но раз едут к нам, то ещё и не у них в Китае. После обеда гостей проводили. Через неделю к нам прислали другой эстрадный ансамбль. Когда он приехал и разгружался, я предложил прислать солдат в помощь для разгрузки и переноса музыкального инструмента в клуб, но гости отказались от помощи.
Я подумал, что хорошие специалисты не доверяют свой музыкальный инструмент посторонним, но тут же увидел, что из музыкальных инструментов у них один баян. Назревало посмешище. Срочно приказал начальнику штаба строить личный состав гарнизона. Замполиту шепнул, чтобы гостей вёл в клуб, а сам тихо беседовал со своими. Очень просил не осмеивать наших гостей и не смотреть на них свысока. Отправил бригаду в сопки за цветами. Среди сопок росли очень красивые красные и белые Марьины Коренья (дикие пионы). Когда гости зашли в наш клуб со своим баяном и увидели на сцене ударный инструмент и электрогитары, настроение у них совсем упало. Зал быстро заполнился в ожидании концерта, но гости начали с извинений. Пришлось мне разряжать обстановку:

– Я предлагаю сейчас послушать Вас, а потом, если гости не возражают, выступит наш ансамбль. После концерта приглашаем гостей к нам на обед. Если ни у кого возражений нет, давайте начнём… Конечно (как инструктировал), бурные аплодисменты и много-много цветов, не меньше, чем досталось гостям из Прибалтики. Наш концерт им тоже понравился, и кушали мы с гостями в солдатской столовой с большим аппетитом.

Лето пролетело быстро, и опять наступала осень. Перед заготовкой овощей мой заместитель по тылу отпросился в отпуск. Подошла его жена, работавшая в штабе секретарь-машинисткой, и попросилась ехать с мужем не на свой короткий срок отпуска в 12 дней, а на срок отпуска мужа в 47 суток, пообещав всё отработать. Учитывая всю сложность пребывания в Забайкалье и, особенно в этом гарнизоне, я пошёл им навстречу. После возвращения капитана Крыжеляскова из отпуска через 47 суток его жена задержалась ещё на две недели. На мои вопросы заместитель по тылу только махнул рукой, а его жена под различными предлогами уходила от встречи со мной. Началась заготовка овощей. Все офицеры участвовали в ней, работая почти круглосуточно, помогали заместителю по тылу. Жене Крыжеляскова не нравилось, что её муж так работает, и она написала жалобу на меня в округ. В своей жалобе не указала истинную причину своего недовольства, а жаловалась, что она отгуляла в отпуске вместо своих 12дней и двух выходных, а 47 суток плюс две недели, и за всё это ей произвели полную оплату без вычетов. Опять приехала окружная комиссия разбираться со мной. Отрицать мне было нечего. Спросили меня, знаю ли я, что за всё это вычтут из моего кармана. Ответил, что, конечно, знаю. Комиссия уехала, и доложили командующему. Говорят же, «не делай добра – не будет зла». Позже мне рассказали о реакции командующего, который, заматерившись, спросил:

– Разве бывают такие люди? – и приказал с меня не высчитывать. Ни разговаривать со своим заместителем по тылу о поведении его жены, ни мстить им за их поведение я не мог. У меня тоже не укладывалось в голове, как такое может быть. Директор совхоза с Бырки попросил оказать им шефскую помощь по приведению кошар в порядок. Посмотрев эти кошары, я ужаснулся. Наверно, со времени их постройки после овец здесь никто никогда не убирал. Пол поднялся почти к потолку. Попросил директора закупить для нас побольше ломиков, совковых и штыковых лопат и к девяти утра прислать за нами три автобуса. В один из автобусов мы загрузили свою эстраду с музыкальным инструментом, чтобы веселее было работать. Сам я поехать не мог, но мне рассказали, как мои архаровцы работали. Собрался смотреть весь совхоз, тут же подключаясь к работе в помощь солдатам. Директор использовал всю имеющуюся в совхозе технику. К вечеру никто не мог поверить, глядя на сделанное, что всё это можно было убрать за один день. Конечно, покормил директор моих солдатиков, ничего не жалея, а женщины несли из подвальных заготовок все свои запасы. Большую работу

делала весь день и наша эстрада. Такой весёлой работы в совхозе никогда не видели. В то время в Советском Союзе мэров ещё не было, но мой замполит Волков, опережая ход истории, уже тогда любил называть меня мэром. Не знаю, как он дома называл себя, но его жена, судя по её поступкам, сидела на высоком троне. Офицерские жёны пожаловались мне, что жена замполита в день привоза товара приходит в магазин для примерки и, пока она не примерит и не пересмотрит весь товар, продавщица магазин не открывает. После жены бывшего комбата Руденко место завмага заняла жена начальника связи Никонова. Я побеседовал с ней и предупредил, что уволю, если повторится. Но, видно, жена замполита Волкова с ней тоже беседовала, и всё повторялось. Пришлось встретиться с начальником военторга майором Дубом, который считал себя единственным дубом на всю Маньчжурию. Он предложил Никоновой уволиться по собственному желанию, а на её место приняли жену начальника штаба Аллу Образцову. В округ на меня ушла очередная жалоба за подписью трёх женщин. Подписали её жена капитана Никонова, уволенная с должности завмага, жена прапорщика Сливы и жена замполита майора Волкова. Ввиду того, что на меня поступало слишком много жалоб и по тексту письма в округе не могли понять, на что именно жалуются женщины на этот раз, приехала большая комиссия, которую возглавил генерал. Чтобы все проблемы решить на месте, генерал прихватил с собой представителей из Укрепрайона и из военторга. При мне спросили первую, поставившую свою подпись, на что она жалуется, и Никонова ответила:

– Как начальник гарнизона, майор Чащевой на своём месте, а как мужчина, он меня не устраивает! Члены комиссии переглянулись. Генерал сказал ей, что здесь присутствуют не только представители из округа, которые уже привыкли к жалобам на Чащевого, но и майор Дуб из военторга, а также и представители руководства Укрепрайона.

– Вы думаете, о чём говорите? - а если об этом узнает Ваш муж? Я попросил разрешения пояснить, о чём идёт речь:

– Письмо в округ подписывалось и отправлялось давно и к сказанному отношения не имеет, а вчера эта женщина мне звонит и спрашивает, будет ли ей машина сейчас выехать в Приаргунск. Я ответил, что в гарнизоне все знают и записываются в журнал с вечера, кому куда надо выехать. Поэтому Вам машины не будет. Она спросила: «Как так?» А я ответил: «Вот так» и положил трубку. – Вы, наверно, это имели ввиду? – Да, именно это! Генерал попросил её подождать в другом помещении, где уже собирались все офицеры и их жёны, а к нам сказал пригласить жену прапорщика Сливы.

– Вы чем недовольны? - спросил генерал жену прапорщика. - Я всем довольна, - ответила она. - А почему Вы подписали эту жалобу? - Меня попросила жена замполита, и я подписала. Я рассказал комиссии об

истинной причине этой жалобы, которая была связана с примерками в магазине. Генерал спросил у начальника штаба, все ли собраны, и после его ответа пригласил нас пройти с ним. Давно мы не видели таких многочисленных высокопоставленных гостей. Генерал поздоровался и спросил: «У кого есть какие жалобы или вопросы?» Все молчали. Жена замполита подняла руку, и генерал предоставил ей слово:

– Товарищ генерал, у нас в гарнизоне ежемесячно с каждого офицерского пайка по банке сгущёнки отдают кочегарам. Я считаю, что это незаконно. Генерал посмотрел на меня, и я попросил слова:

– Товарищ генерал, эта женщина не видела, как солдаты, которые дают всем нам тепло, харкают угольной пылью в котельной. Я дал команду, чтобы им выдавали свежее молоко от наших коров, но они попросили, чтобы это молоко отдавали нашим детям, а им, если можно, по банке сгущенки из офицерских пайков. На женсовете это обсудили и одобрили на общем собрании наших жён. Генерал спросил: «У кого ещё есть вопросы?» - все молчали. Тогда спросил у меня:

– Я видел Ваши теплицы. Как вы ими пользуетесь?

– Товарищ генерал, овощи идут на салаты солдатского стола. Цветы тоже в солдатскую столовую. Если в теплицу зайдёт женщина с ребёнком и захотят сорвать что-нибудь, им никто не запретит. На дни рождения в офицерских семьях и прапорщиков берут овощи, и никто не запрещает. Генерал не выдержал и прервал меня:

– Майор! Если Вы ещё хоть один раз дадите сидящим здесь бесплатно хоть один лепесток лука или ещё чего-нибудь из теплицы, я Вас самого заставлю за всё платить. Они тут у Вас зажрались! Поэтому на вас жалуются. Поехали отсюда, товарищи офицеры! Генерал со своей свитой уехал, а надо мной ещё долго везде посмеивались, спрашивая, когда я буду устраивать своих женщин в батальоне, как мужчина. Осень уже уступила зиме свои права и с каждым днём всё чаще в батальоне речь шла о подготовке к празднованию Нового 1980 года. Готовилась праздничная художественная самодеятельность, повара думали над новогодним меню. Прапорщик Музыка взял на себя обязанность обеспечить все семьи и солдатскую столовую ёлками и за сутки до Нового года уехал с водителем на «Урале» за ними. Прошли сутки, а Музыки всё не было. Заместитель по тылу привёз в солдатскую столовую ёлку, а Музыки всё нет. В войсках принято было проверять боеготовность частей перед праздниками. Я объявил тревогу. Водители бросились в автомобильный бокс, где стояли «Уралы», загруженные боеприпасами, и стали их заводить. Месяц назад я проверял боеготовность, и все они заводились, как говорят водители, с полуоборота. Но сейчас ни одна машина не завелась. Притащили паяльные лампы, чтобы

прогреть масло в поддонах, но и это не помогало. Послал разобраться прапорщика Могу. Приносит и показывает мне фильтр от сигареты, который был засунут, в одной из машин, в трамблёре между контактом и центральным проводом, что однозначно указывало на умышленное вредительство. С остальными машинами надо было тоже разбираться. Опять прибежал Мога и пригласил меня в бокс. В боксе командир роты старший лейтенант Судаков рассказал, что в одной из его машин кто-то вырезал патрубок, ведущий с двигателя на глушитель, и наложил туда испачканную в машинном масле ветошь. При запуске двигателя ветошь воспламенилась, и водитель, не понимая, что происходит, бросился её тушить. Нечаянно он толкнул ногой паяльную лампу, которая упала, бензин разлился по полу и тут же вспыхнул. Водитель в панике начал тушить его ногами, которые тоже воспламенились. Именно на такой случай и был расчёт того, кто это делал. После этого должны были загореться машины и взрывом боеприпасов уничтожить весь гарнизон. Инструкция по хранению таких машин с боеприпасами тоже взята «не с потолка» и в ней рекомендуется на бампере каждой машины иметь мешок с песком. Сейчас всё это сыграло свою роль. Когда командир роты старший лейтенант Судаков увидев, что его водитель «пляшет» в огне, схватил вещевой мешок с песком и высыпал его на голову этого водителя. Всё погасло.
Одновременно с событиями в автомобильном боксе без каких-либо видимых причин вдруг начал сначала дымиться, потом воспламенился спортивный зал. Бросились тушить. До Новогоднего ужина оставались считанные часы. Меня не оставляла мысль, что эти два пожара связаны между собой. Что горящий спортзал должен был отвлекать всех от главного пожара в боксе. Если бы спортзал начал гореть чуть раньше и офицеры из бокса побежали бы к спортзалу, оставив водителей в боксе одних, гарнизона бы уже не было. Чуть-чуть Музыка не рассчитал по времени. Сомнений по Музыке у меня не было. Отсутствие при всём этом его самого указывало, на то, что он не хотел взлететь со всеми нами в этом гарнизоне и где-то ждал большого фейерверка. Я стоял в стороне (меня попросили отойти) и смотрел, как мои мальчики работают по тушению пожара. Думал, что им всем при жизни надо памятники ставить. За то, что терпят бестолковых командиров, за то, что в этих сложных Забайкальских условиях пытаются выжить. За то, что по моим просьбам, приказам и распоряжениям восстанавливают этот городок и приводят в порядок свои боевые сооружения, несут службу на боевом дежурстве и в карауле. Ровно в 19.00 часов все сидели за праздничными столами. У одних были перевязаны обожжённые руки, у других – уши или голова со сгоревшими волосами. Прапорщик Слива хорошо постарался обслужить наших героев. Я поблагодарил и поздравил всех с Новым 1980 годом, и наша эстрада приступила к своей работе.

Не дождавшись взрыва нашего гарнизона, Музыка вернулся на третий день после праздника без ёлок. Причина задержки банальная –

застрял в лесу, и еле выбрались. Водителя пытать тоже было бесполезно. Прибежали с водонасосной, которую уже привели в порядок и поставили там автоматику. Сказали, что её взорвал Музыка. Позвонил в УР и доложил командиру о взрыве в водонасосной. Попросил командира, чтобы прислал особиста. Особисту при мне водитель рассказывал, как мыл карбюратор в бензине около автомобильного бокса. Как подошёл к нему только что приехавший Музыка и посоветовал идти мыть карбюратор на водонасосную, где гораздо теплей. Водитель сказал ему, что дежурная по водонасосной не пустит, но прапорщик настаивал, чтобы он шёл в водонасосную и обещал сейчас подойти. Дежурная по водонасосной требовала, чтобы водитель вышел, но зашёл Музыка и толкнул ногой ведро с бензином на открытые обогреватели. Присутствовавшие не знают, как Музыка, стоявший у входа, вылетел из насосной, но после взрыва опять зашёл и спросил:

– Что здесь происходит? Кругом уже горела проводка от автоматики, и было дымно. Дежурная сказала ему, что он только что толкнул ногой ведро с бензином на обогреватели, но Музыка ответил, что его здесь не было. Не дожидаясь очередного взрыва, я приказал загрузить имущество прапорщика Мызыки на машины и отправил его с семьёй в управление Укрепрайона. Позвонил командиру Ура и начальнику погранзаставы, чтобы из списков на пропуск за систему инженерных пограничных заграждений его вычеркнули.

Выезд с концертом в шефский совхоз никто не отменял, и к этому серьёзно готовились. Подошло время ехать, но мне позвонили из Укрепрайона, чтобы именно в это время и в этот день я был на торжественном собрании, где мне и моему замполиту должны за наш батальон вручить какие-то награды. В нашей концертной группе участвовали офицерские жёны, которые впервые готовились выступать перед таким коллективом. Они заявили мне, что без меня и без 100 граммов выступать в совхозе не будут. Я их понимал. Едут впервые выступать куда-то, и неизвестно, как их там примут. От этого очень многое зависело в наших отношениях с шефами. Согласны были ехать без замполита, но не без меня. Сказал замполиту, чтобы извинился за меня перед командиром УРа и поехал представлять совхозу «ансамбль Советской Армии». По приезде взял у парторга список фамилий ветеранов ВОВ и лучших работников совхоза. Началось то, чего в совхозе никогда и никто не видел. Объявляют исполнение песни в честь присутствующего здесь ветерана Великой Отечественной войны Петрушина… «Шёл солдат». Слушая песню, все искали глазами ветерана. Рядом сидела его жена и плакала. Ветеран тоже вытирал рукавом слёзы. Разве могла его жена подумать, что в честь её мужа когда-нибудь исполнят такую хорошую песню?.. Этот концерт, как выразилось управление совхоза: «Вывернул весь совхоз наизнанку». Попросили помочь им в организации такой же самодеятельности. Вернувшись в гарнизон, от своего замполита я узнал, что мы с ним

награждены орденами «За службу Родине третьей степени». Орден мне вручал командир скромно, в гордом одиночестве. Но до этого, на следующий день после концерта в совхозе, от командира Ура я выслушал всё, что он обо мне думает…
Он давно разрешил мне не ездить на все его совещания, считая, что я и без них всё делаю правильно, но в данный момент: «… ты променял вручение тебе государственной награды на прогулку со своими бабами в совхоз…».

Чуть позже мы ставили совместный шефский концерт в доме культуры пгт. Приаргунска, и райком партии Приаргунска вручил мне красное знамя райкома за лучшую организацию шефской работы в районе. Знамя мы разместили в штабе нашего батальона. Шефы подарили нам новый ударный музыкальный инструмент и электрогитары. Бывшего комбата майора Руденко из «Мысовой» убрали с понижением на должность начальника штаба батальона, но вскоре поставили опять на другой отдельный батальон. Что-то в его новом батальоне не клеилось, и мне приказали из моего батальона 30 человек отправить к нему в помощь. В наш батальон уже вернулись все «дезертиры», кроме одного, который долго сомневался, пока его не выловила прокуратура. На суде я выступал в его защиту, доказывая, что судить надо командиров, от которых бегут солдаты, но от дисциплинарного батальона парня спасти не удалось. Пришлось выполнить приказ и отправить в батальон к Руденко своих ребят. Через пару недель из этого батальона мои гаврики группами стали бежать в свой батальон. Спрашивал, почему и кто разрешал. Рассказали, что свои солдаты комбата не слушают, потому что никто не видел его трезвым. Они днём и ночью валяются на кроватях, а моих прикомандированных заставляют работать. Немаловажной причиной их побега было и то, что надоело им кормить вшей в этом батальоне. Назад я их не выгонял, а когда командир УРа мне сказал, что надо их вернуть, я ему сказал всё, что думаю по этому поводу: «Хватит над людьми издеваться и подтирать….». Старшего лейтенанта Крыжжановского по его просьбе перевели, так же, как прапорщика Музыку, в батальон Руденко. Через пару месяцев я услышал про Музыку, что поначалу в этом батальоне он отремонтировал всю технику и на него не могли нарадоваться. Но, очевидно, учитывая мои доклады в особый отдел, через две недели опять проверили технику под боеприпасами, и ни одна машина не завелась. Ему грозила статья «За измену Родине» или что-то подобное. Музыку ни разу никто не видел пьяным, но на этот раз, видно, так надо было. Пьяный за рулём «Урала», он на большой скорости давит мотоцикл с коляской, где сидели муж с беременной женой и ребёнок. Все насмерть. Статья другая – 7 лет.

Руденко с Крыжжановским без моего ведома и во время моего отсутствия приехали в батальон. Не знаю, что их принесло, но когда вечером я приехал из УРа, мне доложили, что гости смотрели учебный корпус, казарму и столовую, заглянули в теплицу. Прошли по штабу и зашли к

оперативному дежурному. Зайдя в штаб и увидев гостей, я спросил у оперативного дежурного, почему у него в комнате оперативного дежурного посторонние? Руденко стал мне хамить. Сказал, что я приехал на всё готовенькое, за орденами. Я знал, что от этого визита ничего хорошего ждать не приходится. Позвонил командиру УРа, попросив его указаний, чтобы этот подвыпивший майор покинул батальон и больше здесь не появлялся. Командир попросил дать телефонную трубку Руденко. Выслушав командира, Руденко ударил телефонной трубкой мне в лицо. Я бы себя не простил, если бы не ответил, как мама учила, и он упал. Я его толком не знал, но видел, в каком состоянии он оставил гарнизон, видел, как он пытался обокрасть солдат, и для меня лежащий сейчас на полу был не офицер, а что-то хуже любого животного. Крыжжановский, увидев своего командира на полу, обхватил меня сзади, чтобы я не добивал его, но я и не собирался этого делать. Знал, что лежать Руденко будет ещё долго. Командир Укреп.района что-то слышал по телефону и спросил, что произошло? Я рассказал и предупредил командира, если ещё Руденко попытается махать кулаками, я разукрашу его так, что его не только родная мать не узнает, но и его батальон. Командир все свои указания дал Крыжжановскому. Психиатр Петропавловской психбольницы был прав, что дураки признают только грубую физическую силу. Очнувшись, Руденко встал, не говоря ни слова, вместе с Крыжжановским сел в машину, и больше я их не видел. Мне удавалось быстро восстанавливать гарнизон потому, что я старался использовать врождённые способности каждого или их гражданскую специальность. Если якут – значит должен уметь рисовать. Говорит, что не пробовал, а хорошо стреляет. Но я не мог дать ему белку, которую он будет бить в глаз, а картинки «Ну, погоди!», чтобы разрисовал детскую площадку, я ему нашёл. У него всё получилось, потому, что якут. Другие специалисты делали на детской площадке фонтан с лилией по центру и динозавром около него, качели и карусель. Из лилии и изо рта динозавра текла вода в фонтан, в котором плавали пойманные в Аргуне рыбки. У нас, как у военных, дети тоже должны быть военными, и стали они рыбок в фонтане расстреливать камнями. Пришлось собирать всех детей на совещание «Военного Совета», где были распределены все должности и обязанности между ними. Одни отвечали за рыбок, чтобы никто их не бил, другие – чтобы на детской площадке никто не бросал бумажки от конфет, третьи – чтобы никто не рвал цветы на детской площадке, четвёртые отвечали за порядок в жилом городке и. т.д.. Все получили высокие должности и были довольны. Мне тоже доставалось. Бежит, бывало, за мной одна из таких начальниц и кричит:

– Товарищ командир, а Катюха цветок на площадке сорвала. Надо её наказать!

– А ты ей сказала, что так нельзя, что будет там у Вас некрасиво, если каждый будет на детской площадке цветы рвать?

– Сказала, а она мне язык показала.

– Хорошо! Мы сейчас с её папой побеседуем. Пусть он её воспитывает… После нашего шефского концерта в Приаргунске и вручения нам знамени я почувствовал к себе какое-то уважительное внимание со стороны руководителей предприятий этого посёлка городского типа. Меня пригласили на сыроваренный завод Приаргунска, где провели со мной экскурсию. Там я узнал, что можно почти даром забирать отходы сырного производства и вместо воды давать их свиньям и коровам. Мы и в свинарнике навели хороший порядок. Свиноматки, как принцессы, валялись в своих тёплых и чистых клетках. Кормили всех до отвала, а поили сывороткой из огромной ёмкости, куда завозили её водовозкой. Оперативный доложил мне, что много «УАЗ»-ов проехали мимо гарнизона на свинарник. Пока я туда добирался, увидел, что показные занятия с командирами батальонов и их заместителями нашей армии уже заканчиваются. Командующий армии принял решение показать комбатам, что на этом свинарнике порядок лучше, чем у них в кабинетах и в гарнизонах. После свинарника все поехали в гарнизон. В учебном корпусе, глядя на работу электрифицированных стендов, кто-то из комбатов сказал, что мне, наверно, в батальон дают одних гениев, которые могут делать такие стенды и хорошо знают электронику. Сопровождающий наших комбатов начальник штаба УРа ответил, что, действительно, он, распределяя призывников, гениям даёт гениев, а дуракам – дураков. От шефов в теплице уже появился улей, где росли помидоры и огурцы, цвели цветы. Мой работник теплицы с высшим образованием (по специальности агроном) не советовал сажать в одной теплице помидоры с огурцами. Пришлось рядом строить вторую теплицу под огурцы, и улей перекочевал туда. В помощь работнику теплицы поставил Никонову, которую я не устраивал, как мужчина. Как начальник гарнизона и командир батальона, я не имел право быть злопамятным и мстить тем, кто на меня жалуется. Наказав Никонову, я понимал, что она была между двух огней, а в этом случае слабые люди больше боятся подлецов и тех, кто наглей. Предложил ей работу оператора-моториста на водонасосной. В её обязанности входило посменно сидеть в насосной и следить за работой насосов, а главное – никого в водонасосную не пускать, участвовать в профилактических мероприятиях и хлорировании ёмкостей. В довесок ей – оказание посильной помощи в теплице. Приезжали к нам комиссии и из Москвы. Полковник по инженерному обеспечению во время обеда сказал: «Никто в Москве не поверит, что в Забайкалье в январе месяце я ел свежие огурцы и помидоры». В то время по всему Советскому Союзу в зимнее время это была большая редкость.
Были и другие гости. Не знаю, зачем и почему, но человек десять прошли и посмотрели всё. Зашли в казарму. Обошли заправленные кровати. Один из полковников кричит: «Товарищ генерал-лейтенант, в бытовую загляните, здесь всё на кавказский манер». Генерал ответил: «Вижу, что всё красиво и

что комбат на своём месте». Повёл свиту в солдатскую столовую. Понравилось, но сделал замечание: «Где моют руки, в солдатской столовой мало зеркал». Полковник из его свиты мне тут же шепнул, что у Министра обороны Устинова, родственника этого генерал-лейтенанта Варенникова, на даче зеркал действительно побольше, чем в этой солдатской столовой. Уехали, так и не сказав, зачем приезжали. Иногда летом, согласовав с пограничниками, вывозил семьи прапорщиков и офицеров на р. Аргунь позагорать. В кустах с двух сторон всегда находились автоматчики для нашей охраны. Считалось, что до половины Аргуни – это наша территория, а вторая половина – Китай. Все наши офицеры и их жёны знали, что при приближении их к середине реки наши автоматчики открывают по ним огонь без предупреждения.

Время шло. Гарнизон, где уже никто не вредил, с каждым днём становился всё краше. Сын мой вырос, и надо было как-то решать проблему с поступлением его в школу. Я перебирал все возможные варианты. В наших условиях отправлять сына в первый класс для обучения в Приаргунске, до которого около 60 км, было невозможно. При малейшем нарушении границу перекрывали и не открывали проезд через систему и КСП, пока не разберутся. Устраивать его в чужой семье – тоже не выход. Решили и согласовали с моей старшей сестрой, что Андрей начнёт своё обучение у неё.
Наконец, мне дали отпуск. Надо было сына везти к Нелли, которая уже жила и работала мастером по ремонту квартир в Ленинграде. Кого за себя оставить? Конечно, начальника штаба капитана Образцова. Но была проблема. Таких образцовых офицеров, как этот Сергей Образцов, в армии найти очень трудно. Он краснел, если рядом кто-то заматерится, и я был уверен, что, оставаясь за меня, он может не справиться. Позже у меня ещё раз был такой идеальный офицер – мой заместитель, у которого было чему поучиться – это подполковник Пушкевич, но в армии это иногда мешает. Замполитов не принято было оставлять за командиров, да и Волков уж слишком скользкий…

Последний раз со Светой мы были у Нелли, когда я был ещё старшим лейтенантом и Андрея вообще не было. Помню, как нас пригласил в гости Аркадий, знакомый Нелли. При подходе к его двухэтажному дому Нелли рассказывала, что этот скромный без архитектурных излишеств дом до революции принадлежал главному архитектору царя – отцу Аркадия. Но пришла Советская власть, и семье главного архитектора батюшки царя осталась от дома одна комната с общим коридором и санузлом. В коридоре бросился в глаза большой сервант с резными головами оленей и русалками, который в комнате Аркадия негде было ставить. Зайдя в комнату, увидел по центру большой овальный стол на «львиных лапах», необычный диван и за ним на всю его длину огромное узорное зеркало. Вверху на всех стенах висели картины. По словам Аркадия, все подлинники семнадцатого и

восемнадцатого веков. Взглянув на всё, я сказал, что это уже где-то видел. Аркадий возражал:

– Такого не может быть: всё это только у меня можно было увидеть, а Вас здесь не было.

– Видел и этот маленький портретик, нарисованный карандашом и эти все картины, ещё видел какой-то музыкальный ящик с барабанщиками и бабочками, и японскую живопись по шёлку.
Пришло время удивляться Аркадию:
– На этом портрете я в детстве, а вот в углу музыкальный ящик. Повернул ручкой пару раз - и заиграло «Боже царя храни». Барабанщики бьют по барабанам, а бабочки крыльями машут. Пошёл за шифоньер и выносит оттуда японскую живопись на шёлке. Рассматривая этот шедевр, я пытался вспомнить, где всё это я мог видеть. Аркадий и Нелли со Светой уже не сомневались, что всё это я уже видел где-то, и в том, что этого не могло быть. Я сел на диван и перебирал в памяти все музеи и выставки, которые посещал в детском доме, в суворовском и в училище Верховного Совета. Вдруг прояснилось: в детском доме, пятнадцать лет назад, проснувшись, я восхищался красивым сном, как будто где-то в гостях мне всё это показывали и рассказывали.

На фото: Нелли, Андрей и моя мама

В этот же приезд нам удалось встретиться и с Хаустовыми. Алла спросила меня, видели ли мы на Урале летающие тарелки. Я не понял, о чём идёт речь, а Алла, назвав меня дремучим, говорила, что у нас они обязательно должны

были себя проявлять потому, что рядом Белоярская атомная. Обещала принести нам почитать три лекции про НЛО. Позже мы видели на Урале то, что читали в лекциях. Теперь в Ленинград ехали без Светы. Добрались с сыном до Читы и сели в самолёт. Стюардесса попросила пристегнуть ремни, и мы взлетели. Расслабился. Мне не верилось, что гарнизон «Мысовая» остался где-то там, а я с сыном уже взлетел, и никаких проблем. Неужели я в отпуске? Меня вдруг всего затрясло. Все мышцы на лице, на спине, в ногах и по всему телу вдруг задёргались. Нервный тик длился минут пять. Такое со мной было впервые. Подумал, что сын и стюардесса, проходящая мимо, могут испугаться. Закрыл лицо руками и низко опустил голову. Наверно, всё, что накопилось во мне за службу в этом необычном гарнизоне при преобразовании его из самого худшего в самый лучший, всё пережитое должно было выйти именно таким образом и именно в такое время.
XXII Летние Олимпийские игры в Москве, проходившие с 19 июля по 3 августа 1980 года, уже закончились, а у нас с сыном всё ещё только начиналось.
В первый класс школы мы проводили Андрея с большим красивым букетом цветов. Нелли стала для него второй мамой. Мы не знали, когда сможем его забрать. Проводить внука в школу приехала из Армавира и бабушка. Возвращаясь в свой гарнизон, на погранзаставе узнал, что комиссар Волков напивался в моё отсутствие до такой степени, что КСП своим ходом перейти не мог, и его переносили на носилках. В батальоне мне сказали, что по пьянке он требовал, чтобы ему в квартиру подали эстраду. Это было как раз то, чего я боялся. Образцов с этим наглецом справиться не смог, но во всём остальном был на высоте и порядок в гарнизоне поддерживал.
Кроме сказанного, я узнал, что в батальон на вертолёте прилетал новый командующий округом Герой Советского Союза генерал армии Салманов, комиссия которого в Елани помогла мне доказать, что из наших учебных дивизий мы выпускаем липовых отличников. Он обошёл весь гарнизон и шёл не туда, куда приглашали, а куда несли его ноги. Командующий был восхищён порядком в батальоне, который поддерживался в отсутствие его командира. Когда оперативный доложил на заставу, что в гарнизоне командующий округом, те не поверили и спросили, как он туда попал. Проморгали, а могли бы его вертолёт и сбить. Или не могли? Быстрей всего, не могли. Когда у нас над гарнизоном завис вертолёт без опознавательных знаков, и я, дозвонившись до Укрепрайона, спросил разрешение на открытие огня, там с испугом ответили, что ни в коем случае. Пока они дозвонились до Читы, а те до Москвы, прошло много времени. Хорошо, что с вертолёта не сбросили что-нибудь «горяченькое» на наш склад с боеприпасами. Не прошло и часа, как звонят и спрашивают, где вертолёт. Облёт гарнизонов командующим округом сопровождался работой окружной комиссии по проверке их боеготовности. Всё это воспринималось, как должное, и, несмотря на полный развал и завал, никто

не охал и не ахал, не дрожал и не ждал понижения в должности. Всё-таки не зря эти места называли краем непуганых идиотов. Здесь никого уже ничем не испугаешь, так как хуже, наверно, нигде не бывает. А идиоты, наверно, потому, что им было все до фени. Через несколько дней я приехал решать вопросы в управление Укрепрайона. В Досатуе заместителя командира Укрепрайона я встретил около офицерской столовой, и к нам подошёл полковник из округа. Разговорились. Полковник рассказал, что окружная комиссия закончила проверку всех Укрепрайонов, и пришла к выводу, что боеспособных батальонов, кроме одного, в округе нет. По этому поводу вышел приказ командующего округом. Заместитель командира УРа спросил его: «Какой батальон признан боеспособным?» Полковник как-то изменился в лице:

– За КСП у Вас стоит батальон, который мы проверяли при отсутствующем комбате, который был в отпуске. Если бы в этом батальоне было что-то не совсем так, как надо, и даже при этом ни у кого из членов комиссии не поднялась бы рука, чтобы поставить этому батальону неуд. Я стоял тихо, как мышка, и слушал. Мелочь, а приятно. Полковник посмотрел на меня и спрашивает:

– А ты, майор, что улыбаешься, когда плакать надо?

– За КСП стоит его батальон, товарищ полковник, - прояснил обстановку заместитель командира.

– Да? Наверно, очень приятно такое о своём батальоне слышать. Молодец, майор, так держать! - закончил полковник и пошёл в штаб.

Прибыв в батальон, дал команду на построение. Поблагодарил всех за то, что в моё отсутствие поддерживали порядок и боеготовность батальона. Вдруг слышу из строя:

– Я с этим замполитом в бой не пойду.

Для батальона, который стоит за системой инженерных пограничных заграждений, такое заявление – это ЧП. Сказано было сержантом Березиным в присутствии всего батальона. Я попросил его назвать причину такого высказывания, но он молчал. Мне никак нельзя было оставлять этот вопрос открытым, не разобравшись, в чём дело. Что заставило сержанта, старшего одной из смен в котельной, пойти на такое? Этот сержант сутками вместе со мной почти без сна восстанавливал котлы, спасая гарнизон – и вдруг такое. Я бы тоже не хотел в бою иметь рядом этого замполита, но не от меня это зависит. Не будь меня, этот замполит от Березина и мокрого места бы не оставил в назидании всем. Я чувствовал, что за этим поступком сержанта кроется что-то очень серьёзное. Как заставить его говорить? После построения приказал ему взять боксёрские перчатки и явиться в подвальное помещение под столовой. В подвале под казармой мы уже оборудовали тир

для стрельбы из пистолета, где иногда проводили соревнования по стрельбе среди офицеров и их жён.

На фото готовы к бою Алла Образцова и Светлана Чащевая.

Большие комнаты под солдатской столовой пока пустовали.
Замполит видел, как я вслед за сержантом с боксёрскими перчатками направился в подвальное помещение.
– Надевай перчатки! - скомандовал я Березину.

– Товарищ майор, я не буду с Вами драться.
– Я не спрашиваю тебя, будешь или не будешь, выполняй команду!
– Так, теперь подними руки, а то поднимешь ноги. Бокс!
Начал молотить его потихоньку по корпусу, зажав в углу. Он мне шепчет:
– Замполит заглядывает. Это для меня команда – усилить удары, и я старался. Опять шепчет:
– Замполит ушёл.

Я снял перчатки, обнял его и скомандовал:
– Пойдём умываться!
Позже узнал, что в округ ушла анонимка об избиении мной сержанта Березина.

После умывания пошли в мой кабинет. Объяснил ему, что в этом батальоне пройти мимо такого заявления, не разобравшись, я не могу. Попросил его рассказать всё, что заставило его пойти на такой поступок.
– Товарищ майор, все мы видим, сколько усилий Вы прилагаете, чтобы нам здесь жилось и служилось хорошо. Знаем, сколько суток Вы провели вместе с нами в котельной. Знаем, что было до Вас, и что стало. Благодаря Вам,

замполит вместе с Вами получил орден. За Вашей спиной он пишет на Вас кляузы, заставляя солдат подписывать. Тем, кто отказывается, он угрожает. Разве это замполит? Где его совесть? Если придётся воевать, мы его первого пристрелим!
– Ты, Березин, если хочешь вовремя демобилизоваться, с такими мыслями притормози. Не мне решать вопрос с этим замполитом. Тебе проще. Твоя служба уже почти закончилась, так что не делай никаких глупостей, чтобы я вовремя отправил тебя домой. Подумай, что ещё надо сделать в котельной, чтобы ребятам там легче было службу нести.
– Товарищ майор, лучше, чем сейчас, наверно, уже не придумаешь.
Через пару недель начальник штаба отвёз демобилизованных в Досатуй. Решив вопросы в штабе Укрепрайона, подъехал к ним и я, чтобы попрощаться на вокзале. Березин опять высказался при всех:
– Товарищ майор, я бы очень хотел, чтобы мой сын служил у Вас в нашем батальоне! - Его слова для меня были дороже любой награды.
Подъехав к заставе, узнал, что «в гости» ко мне едет начальник отдела кадров округа. Я уже привык к любым гостям, но встречать генерала и докладывать пришлось. Видно, после прошлой жалобы о том, что я не устраиваю своих женщин, как мужчина, командующий округом решил пожалеть меня. Генерал не задавал мне прямых вопросов про избиение Березина, а, чтобы выявить автора анонимок, попросил дать характеристики и рекомендации каждому офицеру батальона. В присутствии начальника штаба капитана Образцова и замполита майора Волкова я характеризовал всех офицеров, рекомендуя одних на повышение в должности, других для поступления в академию. Говорил, что даже те, кто раньше служил плохо, в последнее время проявили себя очень хорошо и достойны повышения в должностях, кроме замполита. Генерал попросил рассказать про замполита, и я при Волкове рассказал генералу всё, что говорили мне на погранзаставе, рассказал историю с Березиным, которую он, как я понял, хотел и от меня услышать. Генерал спросил у Волкова:

– Что Вы скажите, товарищ майор? - Товарищ генерал, майор, наш командир батальона, тут пьянки устраивает. - Что, сам пьянствует? - Нет, сам не пьёт, а вот приезжали тут представители областей… - Товарищ генерал, разрешите поясню, - не выдержал я. - Перед приездом этих гостей из политуправления округа мне звонили, как их встретить и что на столе должно стоять. Генерал попросил Волкова выйти, а мне дал слово, что пока Волков в Заб. ВО, ему не будет повышений ни в должностях, ни в звании.
Меня почему-то никогда не интересовал вопрос смены Министров обороны СССР, командующих округов и армий. Я довольствовался тем, что они в этом гарнизоне не мешают мне делать то, что считаю нужным. Занудой себя никогда не считал, но и здесь, так же, как на Урале, имел слишком много вопросов, на которые мне никто не мог ответить:

1.Основная ударная сила моего отдельного пулемётно-артиллерийского батальона была - НТОТы (неподвижные танковые огневые точки). Устройство простое: железобетонный погреб для укладки трёх б/к (боекомплектов) через люк в днище танка. Над погребом установлен и забетонирован тяжёлый танк (в моём батальоне ИС-2 и ИС -3). ИС-2— советский тяжёлый танк периода Великой Отечественной войны. Аббревиатура ИС означает «Иосиф Сталин» — официальное название серийных танков выпуска 1943-1953 гг. Танки этого типа сыграли большую роль в боях 1944-1945 годов, особенно при штурме городов. Используя эти танки в качестве НТОТ, из него, после установки их на погреб, извлекался двигатель и всё, что помешало бы на место трансмиссии уложить один боекомплект снарядов. Последний – пятый б/к размещается в башенной боеукладке. Казалось бы, всё просто и ясно. Но… Экипаж каждого НТОТ - 4 человека, два из которых находятся в батальоне, а ещё два проживают где-то на Кавказе. Они должны призываться из запаса и доставляться ко мне при объявлении мобилизации. При объявлении повышенной боевой готовности силами этих двух членов экипажа (в каждый НТОТ), я должен загрузить по пять боекомплектов. Читатель, прикинь на себя. Один б/к НТОТ – 28 снарядов,

каждый по 25 килограммов к 122 мм орудию. Эти снаряды раздельного заряжания (снаряд отдельно, а гильза с метательным зарядом отдельно). Считаем вес: 28 х25= 700 кг. – один б/к., а 5 б/к. = 700 х 5 = 3500 кг., которые надо разгрузить с машины и загрузить в НТОТ. Из них 3 б/к в погреб НТОТа через люк в днище танка, 1 б/к в трансмиссию, где раньше стоял двигатель, и один б/к в боеукладку. Если вспомнить, что они родимые раздельного заряжания, то каждый снаряд станет немного легче, но работы станет в два раза больше. А если подумать про три б/к через лючок в погреб и подсказать

читателю, что лучше сначала грузить в башенную боеукладку танка по одному б/к, а потом из неё в погреб, то читателю станет дурно ещё до загрузки. Но и это не всё. Пока с Северного Кавказа или другого места «Дикого Запада» едут два других члена экипажа на каждый мой НТОТ (это если им дадут доехать в век ракетно-ядерного оружия), здешние двое со своими левыми и правыми соседями должны заминировать фланги между НТОТ и МЗП (малозаметные препятствия) вокруг своего НТОТ. Впопыхах мы забыли ещё загрузить патроны к пулемётам, гранаты, аккумуляторы… но думаю, что этим двоим всё это уже не понадобится. Чтобы не обманывать себя, я проэкспериментировал загрузку пяти б/к. После пятой замены ребят издевательство над ними прекратил.

2.Не всё мне было ясно и в другом важном вопросе. Мыс, на котором стоял мой батальон, омывается р. Аргунью с крутыми высокими берегами. Вдоль всего берега стоят мои НТОТы, которые предназначены вести огонь только по территории Китая. Когда и как я должен открывать и вести огонь? Кто и как мне должен дать команду на открытие огня? Если наши милые и очень трудолюбивые соседи, про которых мы раньше пели: «Русский с китайцем – братья навек», а теперь начинаем иногда постреливать, как на острове Даманском, на своей территории подойдут к реке, а зимой по льду дойдут до половины Аргуни, я не имею право по ним стрелять. Но когда пойдут дальше, для моих НТОТ уже будет мёртвая зона, где я не смогу поражать своего противника, и делай со мной всё, что хочешь. Забрасывай дымовыми гранатами, выкуривая из НТОТ, и расстреливай в упор. Никто на мои вопросы ответить не мог. Но эти вопросы желательно решать до того, как «петух клюнет». У начальника погранзаставы я спросил, что он будет делать, когда услышит, что у нас стреляют? Смогу ли я отправить кого-нибудь за КСП с нашими семьями? Он засмеялся и ответил, что включит по системе заграждений высокое напряжение, и никто никуда не пройдёт, а он будет ждать подкрепление из погранотряда. Больше вопросов к нему не было, всё просто и ясно. Я сам себе не мог объяснить предназначение своего батальона, и для чего он здесь поставлен. Со стороны всё смотрелось неплохо, может быть, для этого и поставлен? Или я чего-то не знал, а может быть, неправильно понимал, но, назначив на такую ответственную должность офицера, ему, наверно, должны были растолковать всё на все случаи жизни.

3. ЭЛЕКТРООБОРУДОВАНИЕ танка было выполнено по однопроводной схеме. Напряжение 24 и 12 в. Источники: генератор ГТ-4563А мощностью 1 кВт, две аккумуляторные батареи 6-СТЭ-128 емкостью 128 А.ч каждая. Потребители: электромотор инерционного стартера СА-189 мощностью 0,88 кВт, электромотор поворота башни, радиостанция и ТПУ (танковое переговорное устройство), электромотор вентилятора, контрольные приборы, лампы освещения шкал и перекрестий прицелов, приборы звуковой сигнализации, аппаратура внутреннего и внешнего освещения,

электроспуски пушки и пулеметов. Все танки ИС оснащались приемопередающей симплексной телефонно-телеграфной радиостанцией ЮР или 10РК и внутренним переговорным устройством ТПУ-4-бисФ на четыре абонента. Если мы выбрасываем из танка двигатель и генератор, то на сколько нам хватит зарядки этих двух аккумуляторных батарей, чтобы обеспечить поворот башни, работу радиостанции и ТПУ, работу вентилятора, лампы освещения шкал и перекрестий прицелов, электроспуски пушки и пулеметов, …??? А ведь китайцев, если эти ребята пойдут к нам «в гости», их очень много. Они настырные и не ленивые. Я думаю, что этот вопрос продуман архиплохо. Можно, конечно, и без аккумуляторных батарей, и без радиостанций, а без вентиляции долго не протянешь - задохнёшься, и без прицелов можно - целиться по стволу орудия, по китайцам не промажешь… Всё можно, но не нужно.
Все эти вопросы и сомнения требовали ответов, нельзя дожидаться боевых действий и гибели батальона. Большая половина этих проблем касалась и остальных батальонов всех Укрепрайонов. Нельзя было рассчитывать на то, что китайцы глупее нас и всего этого не понимают. Осенью 1980 года приехал принимать должность новый командующий армией В.С. Краев. Объезжая все отдельные батальоны Укреплённых районов армии, ко мне в гарнизон со своим сопровождением он прибыл вечером.

Я, как положено, встретил, подал команду: «Смирно!» Докладываю:

– Товарищ генерал,.. в гарнизоне «Мысовая» происшествий не случилось!
Генерал не слушает меня, а смотрит по сторонам и говорит:
– Это Сочи! – Никак нет, товарищ генерал, Это «Мысовая»!

– Нет, это Сочи! – настаивал генерал, разглядывая всё вокруг. Командующий приказал собрать в клубе весь личный состав батальона. Зайдя в клуб, командующий увидел на сцене ударный музыкальный инструмент и электрогитары. Краев спросил у меня: «Что это, откуда?» Я сказал, что у нас свой ансамбль, а всё, что на сцене, нам подарили наши шефы. Догадывался, что Краеву по пути в этот батальон уже рассказали, что этот гарнизон был самым худшим в округе и как он становился самым лучшим. Сейчас городок как днём, так и ночью выглядел очень красиво. Всё в нём было отремонтировано и усовершенствовано. На случай отключения ЛЭП всегда в готовности к подключению три отремонтированных дизеля, а перед гарнизоном завершался подъём и расширение дамбы, одновременно с углублением пруда. Встретившись с личным составом батальона, командующий рассказывал про свои первые впечатления о нашем гарнизоне, говорил, что нигде, в других батальонах армии, он такого не видел. Благодарил солдат за то, что всё это сделано их руками. Говорил, что уйдя из армии, они никогда не забудут этот уникальный батальон. Зашёл оперативный дежурный и, спросив разрешение у командующего, доложил мне, что к нам прибыли от шефов 25 машин с картофелем, спросил, где их

разгружать. Командующий спросил меня, откуда столько машин и зачем так много картофеля. Я доложил, что это ещё не заготовка, что это подарок от шефов. Но заготавливать будем ещё, так как такое большое прикухонное хозяйство надо чем-то кормить. Командующий поинтересовался численностью свиней и коров и зачем так много. Я ответил, что при любой обстановке на границе, сколько бы ни держали закрытыми ворота охранной пограничной системы инженерных заграждений, я всегда смогу прокормить батальон своим пайком. Отпустив личный состав, командующий попросил собрать в клуб всех офицеров, прапорщиков и их жён. Долго благодарил всех за этот оазис среди сопок. Потом сказал мне, что заночует здесь. Я дал команду женщинам, чтобы быстро готовили ужин на всех гостей, и всё закрутилось. Сопровождающие командующего предупредили меня, чтобы ни в коем случае не было на столе спиртного и чтобы всё было как можно скромней. Рассказали, что в одном из батальонов комбат поставил бутылку, а командующий разбил её чуть не на голове этого комбата, сказав, что надо порядком в батальоне заниматься, а не пьянствовать. Зашли в гостиницу: в центре одной из комнат, большой накрытый ужином стол. Совсем скромным его никак назвать было нельзя. Командующий пригласил за стол меня с замполитом и всех женщин, кто накрывал этот стол. Когда все заняли свои места, Краев сказал, что в этом батальоне он не может не выпить, если у хорошего хозяина что-нибудь найдётся. Что-нибудь сразу нашлось, и командующий предложил выпить за того, кто командует этим батальоном… Утром, встав пораньше, я решил пройтись посмотреть, всё ли в порядке, а Светлана тоже направилась пораньше за свежим молоком. Около своего дома встретили командующего, который обошёл уже весь городок. – Осмотрел я Ваше княжество, - сказал Краев.

– А на детской площадке были?

– Был, видел твоего динозавра и рыбок в фонтане. И долго ты думаешь этим княжеством командовать?

– Заканчиваю с дамбой, залью воду в пруд и запущу туда карасей, поставлю арку с надписью, что здесь жил князь Владимир, и можно будет меняться на дикий запад, до замены немного осталось.

– Считай, что арку ты уже поставил, заменяться будешь или со мной, или после меня, а сейчас тебе 15 минут на сборы и поедешь спасать бедные Дурбачи. Пять лет этот гарнизон заморожен, и никто ничего сделать не может. Отопления нет, канализация не работает, подвалы домов с электрощитами залиты грунтовыми водами, освещения никакого нет, в воде обнаружены палочки дизентерии и тифа.

Светлана заплакала:

– Опять будут на него жалобы писать во все инстанции.

– Ничего, Светочка, потерпим, но людям надо помочь.

Через пятнадцать минут в машине командующего меня увозили в знакомые мне Дурбачи из отдельного пулемётно-артиллерийского на отдельный

десантно-штурмовой батальон. Заехав в г.Борзя, командующий распорядился, чтобы к нашему приезду на плацу в Дурбачах стоял весь личный состав гарнизона (пять отдельных батальонов, из которых четыре относились к Билитуйскому Укрепрайону). Позже от генерал-лейтенанта Владимира Степановича Краева я узнал, что он родился в семье комиссара кавалерийской дивизии на Дальнем Востоке. В конце 1938 г. отец был арестован, осуждён как «враг народа» и провёл в лагерях около 17 лет, выйдя на свободу в марте 1955 г. В этом же году Владимир закончил среднюю школу с серебряной медалью в городе Спасск-Дальний. По совету отца подал заявление в Благовещенское военное училище. Сначала его не приняли, как сына «врага народа», но после реабилитации отца (которому восстановили членство в КПСС и воинское звание подполковник) его заявление было принято.

Глава 9
ОДШБ (Отдельный десантно-штурмовой батальон)

Командующий представил меня, как нового командира ОДШБ (Отдельного десантно-штурмового батальона) и начальника этого гарнизона. Сказал, что мой приказ или распоряжение – это его приказ и распоряжение, и пусть кто-нибудь попробует его не выполнить. Закончил тем, что приказал заместителю командира ОДШБ по тылу тельняшку мне не выдавать, пока не прыгну с парашютом. Все засмеялись. В этом гарнизоне должность у меня была всё та же, подполковничья, а работёнки прибавилось. Во время знакомства с офицерами я узнал, что крыши в домах текут также, как текли во время моего временного пребывания в этом гарнизоне, что батальоны периодически идут в атаку на батальоны с участием пьяных офицеров, но побеждает всех всегда десант, а офицеры делятся в кулуарах впечатлениями и «подвигами»: кто кому пасть порвал, а кто череп пробил. Военная прокуратура не успевала разбираться. Узнал, что в гарнизон ежедневно приезжает один из заместителей командующего армией и контролирует подготовку гарнизона к зиме. В его присутствии меняются размороженные трубы отопления, холодной и горячей воды в лотках. На третий день я увидел, что в трёхэтажном здании штаба одну кирпичную стенку через день разбирают и в другом месте её устанавливают. Потом опять разбирают и ставят туда, где она стояла раньше. Поинтересовался, что это значит? Командир одного из отдельных батальонов капитан Плещенко доложил, что эту стенку переставляют уже пятый раз. Сказал, что начальник штаба армии генерал-майор Шабриков говорит, что он командует штабами и требует, чтобы кабинеты были на первом этаже такие, такие и такие, а стенка должна стоять здесь, а завтра приезжает первый зам. командующего, который требует, чтобы кабинеты были такие, такие и такие, а стенка чтобы стояла вот здесь, вот и выполняем его указания. Выслушав внимательно комбата о требованиях генералов, принял решение поставить стенку не там, куда требуют, начальник штаба и первый заместитель, а туда, где будет удовлетворять одновременно требованиям обоих генералов, не нарушать симметрию этого этажа штаба, и не закрывать второй выход с верхних этажей, соблюдая пожарную безопасность. Комбат сказал, что стенку ему поставить недолго, уже натренировались, вот только кто завтра отвечать будет перед первым заместителем. Успокоил его, что отвечу я. Утром приехал генерал и сразу пошёл в штаб. Посмотрел и железным, угрожающим, генеральским голосом спросил: «Почему???»

– Начальник гарнизона приказал, - поспешил доложить капитан Плещенко.

– Кто это здесь начальник гарнизона, который отменяет мои распоряжения?

– Майор Чащевой, назначен приказом командующего армией, - спокойно ответил я.

– Это как понимать, товарищ майор?

– Товарищ генерал, эту стенку по Вашему требованию и по требованию начальника штаба армии переставляют перед каждым Вашим приездом уже пять раз. Я выслушал все Ваши требования и, с учётом противопожарной безопасности в штабе, принял решение, удовлетворяющее всех. Вот кабинеты, которые требуете Вы, а это, которые требует начальник штаба.

– Хорошо, но если ещё раз не выполните мой приказ, будете на гауптвахте.

– Товарищ генерал, я с удовольствием там отдохну от генералов, которые мешают мне работать.

– Ну, ты наглец! Ты с чем-то не согласен?

– Товарищ генерал, я каждый день встречаю одного из заместителей командующего, хожу за Вами и щёлкаю каблуками, но всё, что мы сейчас делаем, я буду переделывать.

– Что именно?

– Очень многое, почти всё. Например, то, что мы сейчас укладываем в два лотка, я положу в один. Это будет гарантией, что ничего зимой не замёрзнет. Лоток по своей ширине позволяет просторно разместить все четыре трубы. Размещать горячую воду, которую здесь принято давать по часам, и холодную в одном лотке, а подачу и обратку отопления в другом - в этих забайкальских условиях большая глупость. Надо, чтобы эти трубы друг друга грели.

– А Вы согласовывали этот вопрос с главным инженером КЭЧ?

– Зачем согласовывать с тем, кто всё это уже заморозил? А освободившиеся лотки у меня запланированы в другое место. Генерал сел в свою «Волгу» и уехал. Больше никто из заместителей командующего армии не приезжал. Мой заместитель по ВДП (по воздушно-десантной подготовке) майор Горбунов сообщил, что завтра батальону в четыре часа утра надо выезжать на прыжки. Показал мне, что надо дёргать, чтобы парашют раскрылся.

Колонна батальона тронулась с опозданием, и, прибыв на место прыжков, я предупредил всех, что такого больше не будет. Все опоздавшие

впредь будут догонять колонну марш-броском. Надо мной тоже был постоянный контроль в лице домашнего прокурора.
На первом вертолёте должен прыгать первым командир. Летим. Сидящие в вертолёте, не скрывая любопытства, смотрят на меня. В своей жизни я испытал столько, что эти прыжки для меня были всё равно, что прыгнуть со стула. Загудел сигнал: команда на прыжки. Мой заместитель приглашает меня к выходу.

Смотрю на нашу прекрасную, необъятную землю, покрытую снегом, но, смотри не смотри, а прыгать всё равно надо. Заместитель кричит: «Первый, пошёл!» Пытаюсь прыгнуть, но кто-то сзади держит, а заместитель что-то кричит. Опять пытаюсь нырнуть в открытую сдвижную дверь. Опять кто-то держит. Горбунов на ухо кричит: «Пригнись!» Я понял, что парашютом цепляю за верхний обрез двери. Пригнулся и нырнул. Лечу и считаю: «тридцать один, тридцать два, тридцать три». Пора бы уже открыться. Подожду ещё немного. Рывок, и захлёст всем телом. Резкая боль. Мне забыли сказать, что с вертолёта надо шагать, а не нырять с него, как с вышки в бассейн. Кажется, что на секунды потерял сознание, сказалось давнее смещение позвонка. Кажется, прошло. Балдею. Рядом летят такие же «птички». Свистят, поют, кричат друг другу. Быстро летит на меня земля. Инструктируя меня, мой заместитель говорил, что ноги надо держать вместе. Приземлился одной ногой в углубление пашни, а другой - ударом по первой. Резкая боль. Встал, встречая своих, которые помогли освободиться от парашюта и надеть на меня другой. Если отказаться под любым предлогом, могут неправильно понять, но нога болит. Прыгнул ещё два раза. Приказал заместителю с начальником штаба продолжать прыжки, а сам со Светой поехал восстанавливать гарнизон, считая, что здесь и без меня справятся. Специалисты по воздушно-десантной подготовке скажут, что сделать в

один день три прыжка нельзя, так как собирать и складывать парашют должен каждый сам себе, а это не минутное дело. По секрету признаюсь, что прыгал я ещё ни один раз, но парашюты сам себе не укладывал, мне было не до этого.
Уезжая в гарнизон я ещё не знал, что в среде офицеров и прапорщиков десантников есть обычай: кто прыгает первый раз, тот «угощает» всех. В гарнизон колонну с личным составом батальона привёл прапорщик, доложив, что командный состав немного задержится. Где и на сколько задержится, он не знал.

В два часа ночи в мой кабинет постучали. Прибыл командир десантно-штурмовой роты старший лейтенант А.Лоншаков и доложил, что

весь командный состав ОДШБ находится на гарнизонной гауптвахте. Рассказал, как прибыли в ресторан города Борзя и как, накушавшись, начали песни петь. Кто-то сделал им замечание, а они выбросили его в окно. Ресторан был окружён гарнизонным караулом, который сопроводил всех на гарнизонную гауптвахту. Мои заместители, видно, постыдились мне докладывать о происшедшем и поручили это сделать командиру десантно-штурмовой роты. Ротный посоветовал начальнику караула его отпустить, чтобы остаться с оружием и неповреждённой челюстью, и тот его послушал.

Я знал, что этот батальон формировали со всего округа. Нетрудно догадаться, кого в него собрали. Про этого ротного говорили, что служил он в Даурской дивизии. Последнее его выступление в Даурии было, когда туда приехал цирк, и он с медведицей под ручку гулял по гарнизону. Встретившемуся командиру дивизии отдал честь и заставлял это сделать медведицу.

Утром командующий приказал доложить ему, где находится командный состав батальона. Сам В.С. Краев был из десантников. Это помогло мне в какой-то степени оправдаться. Сказал ему:

– Товарищ генерал, я же не знал, что у десантников такая традиция, кто первый раз прыгает, тот всех угощает, и доверился своим заместителям, уехав в гарнизон заниматься неотложными делами.

Пришлось командующему беседовать самому с теми, кого он мне «подсунул». Но к десанту он был неравнодушен, считая, что у них действительно голубая кровь, и им многое можно простить. Я со своими заместителями в своём кабинете беседовал молча, и мы друг друга поняли. Ничего подобного они больше не допускали.

Быстро освобождались лотки из-под труб и перебрасывались для арыка на детскую площадку и для фонтана с подсветкой. Вычищались канализационные колодцы, и две ассенизаторские машины высасывали из подвалов офицерских домов «грунтовые воды», которые на весь подъезд «очень приятно» пахли фекалиями. Когда около каждого канализационного колодца образовались большие кучи из газет, ваты, половых тряпок, трусиков и комбинаций, бутылок и консервных банок, построил около

одной из них всех офицеров гарнизона и их жён. Предложил внимательно посмотреть, где чьё. Зашептались:

– Вон трусики Валькины из Германии. А та комбинация Наташки…

– Товарищи офицеры, последний раз вам солдаты подтирают за…! Больше ни разу, ни один солдат в колодец не полезет. Дорогие офицерские жёны, если канализация будет опять забита, в колодцы полезут Ваши мужья, а Вам придётся нюхать, что принесут они с собой домой. Одна ассенизаторская машина бала гарнизонная, а другая ежедневно приезжала из Борзинской КЭЧ. Гарнизонная работала круглосуточно со сменой водителей. К пятнице почти всё из подвалов откачали, так как вода на дома была перекрыта, и за ней ходили на водонасосную. Останавливать откачку из подвалов нельзя было ни на час. После чего необходимо было восстановить все вырванные канализационные трубы в подвалах домов и заварить прогнившие трубы водопровода, через которые питьевая вода смешивалась с фекалиями, и после всего этого отремонтировать электрощиты. Но водитель машины из КЭЧ собрался уезжать домой на субботу и воскресенье до понедельника. Это означало, что с понедельника откачивать всё придётся заново. Оперативному приказал его не выпускать, и направить ко мне.

– А если не послушает?

– Если не послушает, прострелишь ему одно колесо и приведёшь его ко мне. Привёл бледного и дрожащего. Наверно, думал, что будут расстреливать. Налил ему стакан водки и дал приготовленный для него солёный огурец. Сказал мужику, что машину сейчас отремонтируют, и она до понедельника поработает с другими водителями, а его отвезут в Борзю. Если кто будет ругать, чтобы всё валил на меня.
Через три часа меня вызвал к телефону командующий армией:
– Расскажи мне, Владимир Михайлович, что за пальбу ты там устроил?

– Товарищ генерал, у меня другого выхода не было. Люди уже две недели сидят без воды. Подача воды на дома перекрыта. Если бы я отпустил его, то с понедельника мне пришлось бы всё начинать заново, а людям зад… не заткнёшь. Колесо заклеили, машина уже работает. Думаю, что завтра мы уже закроем тему про грунтовые воды с запахом фекалии и восстановим электрощиты в подвалах. Командующий сказал, что с КЭЧ ко мне больше никого не загонишь, и очень просил больше никого не расстреливать.
Чтобы самому меньше лазать по колодцам и учить солдат, как закрываются и открываются задвижки, мне нужен был хороший помощник. С разрешения командующего, забирая свою семью с Мысовой, забрал себе в помощь и Батищева, сделав его прапорщиком и предупредив, чтобы лопатой в Дурбачах никого не бил.
Уезжая за семьей, взял с собой пару офицеров старшими машин, чтобы они

смогли посмотреть своими глазами, что можно сделать с гарнизоном. Посмотрели. Охали и ахали. В теплице увидели очень много огурцов длиной по 20-30 сантиметров. У нового комбата я спросил разрешения после загрузки вещей на следующий день взять немного из теплиц огурцов и помидоров, чтобы показать в Дурбачах, что можно сделать. Комбат ответил:

– Конечно, это же Вы выращивали.

Зайдя в теплицы после загрузки вещей на следующий день мы увидели, что помидоров и огурцов в теплицах уже почти не было. Нам и этого хватило. Сорвали три огурца, немного помидоров и уехали, понимая, с кем имеем дело. Восстанавливая теплотрассу, я учитывал все недостатки в её планировании, которые встречались и здесь, и на Мысовой. Для устранения местных сопротивлений в трассе нужны были отводы (загнутые отрезки труб). Поехал на склады КЭЧ. Увидел целые горы этих отводов. Спросил у завсклада, как мне украсть у него штук 10 или 15. Тот ответил, что могу забрать все, так как их никто не использует, но списывают и те, что здесь лежат, за ним не числятся. Набрал, сколько мог положить в свой «УАЗ», который подарил мне командующий. Всё время не давала покоя мысль: как специалисты, во главе с главными инженерами КЭЧ, допускают планирование и укладку теплотрасс без отводов с большим количеством местных сопротивлений. Неужели не понимают, что это влечёт за собой большой расход горючего материала (в нашем случае угля), больше тратится электроэнергии на более мощные циркуляционные насосы, которыми пытаются преодолеть эти сопротивления, для нормальной циркуляции теплоносителя, но и это не помогает, так как с увеличением мощности насосов усиливается сопротивление. Выполняя и перевыполняя планы пятилеток, гораздо проще, прокладывая теплотрассы, делать один сварочный шов при отводе (без отвода) теплоносителя на объект от центральной теплотрассы и один при отводе (без отвода) обратки от объекта к центральной теплотрассе, чем приваривать отводы, делая два сварочных шва, и расход электродов в два раза больше. Так можно и без премиальных остаться и план пятилетки не выполнить. И в чертежах этих теплотрасс отводов нет, так как рисуют чертежи под линейку, а не под лекало. Придраться не к чему, никакой уголовщины, а то, что в домах при наличии отопления мёрзнут люди (особенно в конце теплотрасс) из-за плохой циркуляции теплоносителя по всему Советскому Союзу, так к этому уже привыкли. Всё равно за отопление платят. Параллельно с отоплением в Дурбачах делались и крыши, и освещение городка. Быстро преображалась и солдатская столовая. Под рыцарскую харчевню делалась офицерская столовая для холостяков и гостей. С фонтана на детскую площадку по подземной трубе стекала вода из рта огромного крылатого змея в арык. По одну сторону арыка около шалаша сидел Зоркий Сокол и курил трубку, по другую – Чингачгук. По центру детской площадки

стояло большое чудовище на длинных ногах, изо рта которого можно было катиться по горке, протирая штаны. Вся детская площадка была ограждена частоколом со смотровыми башнями, окна которых с вечера, также, как глаза чудовища, светились. Качели и карусели на площадке чередовались с клумбами цветов. Один из лотков служил мостиком через арык. В арыке, посреди песчаных сопок, по вечерам квакали лягушки. Закончив всё с отоплением, расставил офицеров для проверки по всем объектам я приказал запускать систему. Сварщик мне заявил:

– Товарищ майор, если вы будете проверять мою работу, ничего я варить больше не буду.
Я не ожидал такой наглости от сержанта, но на ногах устоял.

– Попробуй, сержант, объяснить, в чём дело.

– Я работал до армии на авиационном заводе. Вот моё клеймо. У меня, с моим клеймом, работу никто не имеет право проверять. Вы поломайте иголку, и я её заварю любой сваркой. Обточите сварку и поломайте заново. Она поломается в другом месте, но не там, где я заварил. С иголкой мы быстро организовали и убедились, что его клеймо много значит.

С первых дней в Дурбачах чувствовалась сильная ненависть между комбатами и личным составом батальонов. С приближением Нового года эта вражда почему-то обострилась ещё сильней. Я вызвал к себе командиров и замполитов батальонов и приказал всем готовиться к совместному проведению праздничного Новогоднего вечера отдыха. Командиры протестовали, но я приказал на вечере быть с жёнами и предупредил всех строго-настрого, что спрошу с каждого из них за каждого офицера. Во время этого праздника вражда таяла на глазах. В ходе него уже планировали без меня такой же вечер на 23 февраля. На старый Новый год для сплочения гарнизонного коллектива я ничего не планировал. То, что я уже сделал для его слаживания, кому-то на небесах показалось мало.
К полуночи с 13 на 14 января (в старый Новый год 1981г.) по всем законам подлости в гарнизоне пропал свет. Если на Мысовой нам удалось восстановить ЛЭП и отремонтировать для подстраховки три дизеля (для обеспечения гарнизона хватало мощности одного дизеля), то здесь ЛЭП никогда не было, и дизель был только один, который пожелал нам всем долго жить. Три новых мощных (корабельных) дизеля уже установлены, но специалисты их ещё не испытали и не запустили.
Когда восстанавливали в гарнизоне отопление, я, как предчувствовал и инструктировал комбатов, заставляя их проводить занятия с офицерами на своих объектах, по сливу теплоносителя из системы отопления в случае длительного отключения электроэнергии, чтобы не разморозить систему. Разбираясь в причине остановки дизеля, убедились, что своими силами нам не справиться. Коленчатый вал двигателя был, как бритвой, срезан пополам,

указывая на производственный брак. Доложил оперативному дежурному штаба армии и послал офицера на машине к начальнику КЭЧ, за новым дизелем. В это время все офицеры гарнизона работали чётко, по инструкции, как их учили. Сливали с объекта теплоноситель, после того как температура в регистрах становилась критической. Всю ночь в штабе я принимал доклады от комбатов, в каком состоянии закреплённые за ними объекты, и где уже слит теплоноситель. Эта ночная совместная работа убеждала всех, что именно в таких дружеских отношениях можно выжить. В восемь часов утра на горизонте показался наш «ЗИЛ» с дизелем, работающим на ходу. К этому времени теплоноситель уже был слит со всех домов. Чуть тёплый остался только в теплотрассе. В результате проделанной работы в гарнизоне к утру была разморожена только одна секция одного регистра, несмотря на то, что в этой батарее тоже уже не было теплоносителя. Регистр (батарею) разобрали, секцию выбросили, батарею собрали и повесили на место. После подключения дизеля систему заполнили теплоносителем.
Командующий отругал меня за то, что я ночью не доложил ему. А я ответил, что риска никакого не было, была очень хорошая тренировка по спасению системы отопления гарнизона. Все офицеры убедились, что это при хорошей организации делается просто. Так мы провели свой второй совместный «вечер отдыха», и все остались им очень довольны.

Поступила команда всем командирам десантно-штурмовых частей прибыть на сборы Воздушно-десантных войск в Казлу-Руде. На инструктаж меня вызвал к себе командующий. Он сказал, что на вокзале в Каунасе меня встретит полковник Коршун, который везде провезёт, всё покажет и расскажет. Полковник встретил меня, как своего родственника. Рассказал, как на дивизию, где он был заместителем комдива, была возложена задача построить в десятилетний срок учебный центр для десантников в лесисто-болотистой местности. Через восемь лет про него вспомнили и, убедившись, что ничего не сделано, начали раздавать «подарки». Командир обвинил в бездеятельности своего заместителя, а сам ушёл на повышение. Заместителя, полковника Коршуна, приказано было исключить из партии и выгнать из армии. Вместо ушедшего на повышение комдива прислали В.С. Краева. Краеву удалось остановить расправу над полковником и вместе с ним за два оставшихся года выполнить десятилетний план. Здесь был построен аэродром для приема военно-транспортных самолетов Ил-76. В Казлу-Руде создан специальный учебно-боевой комплекс для подготовки десантников. Построены защищённые и заглублённые пункты управления. Дивизия была переведена на новую систему боевой подготовки, позволяющую сократить время готовности к боевому применению в 2-3 раза. Приехала приёмная комиссия и, осмотрев сделанное, сказала, что здесь должна работать другая комиссия. Приехала другая комиссия и попросила у В.С. Краева список тех, кто принимал

активное участие в строительстве этого учебного центра для награждения их государственной премией. Список из десяти человек возглавил заместитель командира дивизии полковник Коршун. В список вошли офицеры и прапорщики, которые действительно принимали активное участие в строительстве. Одиннадцатым в список был включён председателем комиссии сам В.С. Краев, который, не получая премии, отдал её в фонд мира. Полковник Коршун провёл меня по всему учебному центру. Привёз и показал ЗКП (заглубленный командный пункт), который снимали в фильме «В зоне особого внимания». Коршун рассказывал, что в дополнение к плану строительства учебного центра Краев начал строительство огромного профилактория для десантников. Командующим Воздушно-десантными войсками СССР в то время был Маргелов Василий Филиппович, который попросил Краева (при отсутствии финансирования) закончить строительство, обещая все расходы на это строительство покрыть.

Моя жена Светлана под надёжной охраной

Пришёл приказ на Краева о назначении его на должность заместителя командующего армии. Маргелова с должности командующего Воздушно-

десантными войсками СССР перевели в группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, и В.С. Краев остался с огромным непогашенным долгом, который долгие годы пришлось выплачивать ежемесячно. На сборах, проходивших в Казлу-Руде, нам зачитали доклад, посвящённый юбилею существования этого учебного центра, но ни одного слова о тех, кто строил и получил за это государственную награду, сказано не было. Чуть позже я был в гостях у Краевых и то, что я увидел, меня ужаснуло. У лейтенанта в квартире больше необходимых вещей, чем у генерал-лейтенанта. Егор Тимурович Гайдар как-то писал о Краеве, назвав его Суворовым нашего времени. Прослужив под его руководством ни один год, я не могу с этим не согласиться. По его просьбе я прослужил в Заб. ВО вместо положенных пяти лет более восьми и заменился только после его отъезда. Сейчас я и сам удивляюсь, как мне удавалось так быстро всё делать. Уверен, что без божьей помощи не обошлось. Бог помогал мне делать добрые дела, а я его никогда не благодарил, коммунисту не положено. А может быть, помогало ещё и то, что все видели сделанное их руками, и им это нравилось, все понимали, что это делается для них и принимали в этом активное участие. Как-то вечером, проходя домой мимо работающего фонтана с подсветкой, увидел около него много солдатиков нерусской национальности. Подошёл и спрашиваю:

– Что, ребята, собрались? Может быть, что-нибудь надо?
Показывают на фонтан и говорят: «Хорощё!!!» Ради этого «Хорощё!!!», - подумал я, - можно пахать днём и ночью.

В десантном батальоне я использовал свой опыт в организации шефских связей. Поставил у них в клубе аналогичный концерт, в ходе которого половина зала плакала, услышав посвящённые им песни.
Руководство совхоза для нас накрыло большой праздничный стол и в ходе трапезы требовало сказать, чем можно нас отблагодарить. Сказали, что готовы для нас сделать всё. Я скромничал, но попросил сделать для офицерской харчевни огромные шестиметровые столы с лавками, немного обожжённые и покрытые лаком. Попросил немного (на три дома) рубероида, битума и кое-что ещё. Сделали всё, что просил. В гарнизон из Москвы приехал знакомый полковник с проверкой инженерного оборудования. Обедая в офицерской харчевне и, восхищаясь, сказал:
– Если скажу в Москве, что в военном городке в Забайкалье я ел в такой столовой, которая красивее любого московского ресторана, мне никто не поверит. Я напомнил ему его слова на Мысовой. Полковник внимательно посмотрел на меня и потребовал немедленно ему налить. Поднял тост за тех, кто, где бы ни служил, везде оставляет после себя свой благородный след.
В наш гарнизон привезли перенимать опыт всех политработников нашей армии. Внимательно осматривая детскую площадку, спросили у меня, почему у лягушек в арыке голубые головы. Пришлось «раскрыть военную тайну», что за лягушками на речку Борзянку, чтобы наши дети среди

сопок слышали звуки природы, я отправлял своих десантников, которые всех пойманных лягушек приняли в свой коллектив, нарисовав им голубые береты.

Многое уже изменилось. Холодная и горячая вода без палочек дизентерии и тифа поступала в дома, крыши не протекали, в домах появился свет. В подвале под штабом можно было проводить соревнования по стрельбе из пистолета и по метанию ножа. У солдатской столовой уже стоял памятник, на котором старик, выходящий из скалы, вручает солдату, стоящему на колене, меч. И слова: «Никто не забыт, ничто не забыто». Мне кажется, что в каждом военном гарнизоне должны быть памятники нашим павшим отцам и дедам, чтобы внуки и правнуки их помнили.

Памяти павших

Прошло немало мирных лет.

Уходят наши ветераны,

Но на земле не зажили

Войной оставленные раны.

Дочь без отца, жена без мужа,

Мать, пережившая детей.

А сколько их, по всей России

Войной истерзанных семей!

Стоят на площадях безмолвно

По всем дорогам той войны

В гранитных памятниках, обелисках,

России верные сыны.

Гремят салюты в день Победы.

В густой тени плакучих ив

Спят вечным сном сыны Отчизны,

Её собою заслонив.

Хочу поклон отдать я низкий

Тому, кто за Россию пал.

Кто жизнь свою по капле крови

За мир в Европе отдавал.

Я предлагаю всем, кто верен

России – матери своей,

Почтить молчанием минутным

Её погибших сыновей!

Как я ни старался организовать в этом гарнизоне нормальную службу, ничего не получалось. На постах все спали. Рассказ о том, что рядом граница, что на Шахалинорской погранзаставе весь личный состав когда-то был вырезан без единого выстрела, должного результата не дал. Надо было что-то делать.

Вызвал к себе в кабинет пятерых десантников и рассказал им цель пребывания их на гарнизонной гауптвахте и план действий:

– Завтра на утренний гарнизонный развод Вы приходите с опозданием, нарушая форму одежды. Я при всех объявляю Вам по пять суток ареста и с комендантом гарнизона отправляю на гауптвахту. В три часа ночи проситесь у часового, который Вас охраняет, чтобы отпустил к начальнику караула. Ключи, в нарушение Устава, наверняка будут у него. Отпустит. Его обезоружить - и в камеру. У часового охраняющего караульное помещение просите закурить, обезоружить - и в камеру. Один стоит в коридоре и держит под шинелью два автомата, остальные четверо у начальника караула просят, чтобы отпустил. Он отправляет Вас в камеру без сопровождения или пытается вызвать сопровождение. Двое обезоруживают его, а двое вместе с пятым, наставив автоматы на бодрствующую смену командуют: «Руки вверх, лицом к стенке!» - и всех в камеру. Потом отдыхающую смену – в камеру. Одного оставляете охранять караульное помещение, остальные снимают спящие наряды по автопаркам и по ротам. В последнюю очередь на гауптвахту устраивать оперативного дежурного. После выполнения этого прибыть ко мне в кабинет за получением холостых патронов ракет и взрывпакетов для расстрела спящего гарнизона. Если кто подаст уставную команду, например: «Стой! Стрелять буду!», выполнять эту команду. Знал, что со мной будет при малейшей оплошности ребят. Знал, что эта авантюра не для подражания,

но очень хотелось показать всем, что может случиться, если не выполнять требования Устава. Всё шло, как предполагал. Начальник караула, увидев свой пистолет в руках арестованного, вдруг вспомнил, что он за него расписывался. Оперативный дежурный проснулся, когда его заталкивали в камеру. Единственный, кто пытался оказать сопротивление, - это старший сержант – помощник начальника караула. Увидев губарей с оружием, он крикнул: «Караул …» и был остановлен нокаутом от удара в челюсть. Часовых сказал не снимать, слишком опасно, но всех сняли.
У одного из дежурных по автопарку спал часовой, которого хорошо скрутили, высунули его голову из двери с пинком под зад, сказали, чтобы звал соседнего часового. Колька звал Петьку, а Петька звал Ваську…
Позвонил начальнику штаба ОДШБ, пригласив к себе в кабинет. В казарме на этажах уже стреляли. Отправил туда начальника штаба посмотреть, что происходит, сам всё время находился на связи. Все проснулись, но никто не шевелился в ожидании своей очереди на тот свет. Прибежал начальник штаба и спрашивает: «Что делать?» Сказал, чтобы выгнал стрелков на лестничную клетку, и подал команду: «Тревога!»
Опять прибежал, сказал, что ключи от ружпарков вместе с дежурными на гауптвахте: «Что делать?» Даю команду всё ломать, как реально действовали бы в такой обстановке.
В гарнизоне взрываются взрывпакеты, летят ракеты, кругом стреляют, но все офицеры сидят в квартирах, ожидая своих посыльных, которые скажут им заветное слово: «Тревога!» - Нас так приучили. Но посыльные тоже забыли, что им надо куда-то бежать и что-то говорить. Пришлось напоминать им их обязанности.
Без лишних слов в гарнизоне и солдаты, и офицеры в эту ночь поняли и прочувствовали, чем может закончиться неисполнение требований Устава.
Построил весь личный состав гарнизона, и десантники рассказали, кто, кого, как отправлял на гауптвахту. Все с гауптвахты стояли в центре.
Вызвал из этого строя помощника начальника караула и объявил ему 10 суток отпуска. Приказал сегодня же на моём «УАЗе» доставить его на вокзал.
После подведения итогов прошедшего мероприятия доложил командующему. Краев спросил:
– Жертвы есть?
– Нет!
Генерал положил трубку. Кто-то из «доброжелателей» позвонил Члену Военного Совета армии генерал-майору Вольхину, и тот прислал членов партийной комиссии, чтобы собрать материал для привлечения меня к партийной ответственности.
Собрали всех политработников гарнизона и стали их расспрашивать. Те сказали, что ничего не видели, ничего не знают, но давно надо было это

сделать. Кто-то из них шепнул членам комиссии про сержанта, помощника начальника караула, которого ударили. Вызвали его и спросили: «Откуда у него ссадина на челюсти?» Тот ответил, что почти неделю назад дурачились с ребятами, и заработал эту ссадину. Комиссия уехала ни с чем. Но позже, когда ЧВС ставки Герой Советского Союза генерал-полковник Дружинин приехал в гарнизон, из его окружения я узнал, что генерал Вольхин (ЧВС армии), минуя округ, доложил Дружинину о хулиганстве майора Чащевого. Дружинин спросил Вольхина:

– Чащевой пьянствует?
– Нет.
– Он плохо работает?
– Нет.
– Вы в округ докладывали?
– Нет.

– А почему так спешите мне доложить? Не вздумайте наказывать! Разве мог генерал-полковник, старый вояка, не посетить тот гарнизон, где «ведутся боевые действия»? В беседе с ним я пожаловался, что мои десантники плохо обеспечены десантным вооружением, техникой и обмундированием. Он посоветовал мне обратиться с письмом в ЦК КПСС. Сказал, что если обращусь от своего имени, то могу стать лейтенантом или младшим лейтенантом, а если от имени партийной организации десантно-штурмового батальона, то что-то может получиться.
Как запорожцы писали письмо турецкому султану, так и мы с парторгом батальона капитаном М. Плотниковым, в присутствии всех коммунистов батальона, написали в ЦК. Через несколько дней я выслушал от командующего нарекание за то, что прыгаю через голову. Но отвертелся, сославшись на партийную организацию. Не долго ждали, как пришёл железнодорожный состав с десантной техникой, обмундированием и вооружением. Пришли указания о сдаче не десантной техники в другие воинские части. Прилетел самолёт для обучения личного состава, из которого забрали аккумулятор и оставили самолёт нам для тренировок.

На армейской партийной конференции генерал Вольхин выступил с критикой в мой адрес. Говорил о том, что я уже замордовал своих офицеров и личный состав. У них, говорил он, нет ни выходных, ни проходных. Я слушал и удивлялся словам генерала. Ведь до меня были и пьянки, и драки, и… Думал выступить, но меня опередил майор Мамонтов, замполит одного из наших гарнизонных отдельных батальонов. После его выступления необходимость в моём выступлении отпала. Он, подтверждая слова Вольхина, сказал:

– Действительно, новый начальник нашего гарнизона майор Чащевой, как здесь уже сказано, нас совсем замордовал. У нас и в самом деле сейчас нет ни выходных, ни проходных. Раньше у нас было время пьянствовать и бить друг другу морды. Сейчас у нас этого времени нет. В то время, как многие гарнизоны вокруг уже заморожены, у нас в квартирах жара, есть холодная и горячая вода, и всё это делали мы. Мы действительно без выходных и проходных. То у нас марш-броски, то вечера отдыха, то празднование дней рождения солдат, то утренники для детей… Нам больше нравится быть замордованными, не имеющими ни выходных, ни проходных, чем пьяными и замороженными, как мы жили раньше… Выступил и командующий. В мой адрес он сказал:

– Вы, майор Чащевой, когда палку гнёте, смотрите, чтобы не поломалась. Предупредил всех: «Если у кого в гарнизоне часовые будут спать на постах, пришлёт к ним майора Чащевого с его десантниками».

Перед батальонным партийным собранием ко мне подошёл парторг капитан Плотников и попросил транспорт, чтобы его жену с больным ребёнком срочно доставили на вокзал в Борзю для отъезда в Читу. Старшим «УАЗ»а я назначил одного из командиров рот старшего лейтенанта Хельму. Ночью с железнодорожной станции он позвонил мне, что на обратном пути «УАЗ» перевернулся, и водитель рядовой Владимир Гусев погиб. От командующего я «выслушал» за использование «УАЗ»а не по назначению. То, что я делал, нравилось не всем. Мой начальник штаба капитан Вячеслав Никифоров попросил разрешения обратиться к командующему армией. Я не спрашивал, зачем, но разрешил. По возвращении капитан доложил, что он ездил, жаловался Краеву на меня. Говорил, что я работаю на гарнизон, и работы в гарнизоне не кончаются, а батальоном в основном приходится заниматься ему. Сказал, что сделав одно, начальник гарнизона приступает к другому и конца не видно. Командующий ему рассказал, что А.В. Суворов, когда в войсках от безделья начались беспорядки, приказал вывести их в пустыню. Приехав к ним, сказал:

– Императрица Екатерина приказала нам здесь море выкопать. Как выкопаете, доложите, а я проверю. Долго копали. Когда всё было готово, опять приехал:

– Простите меня, старого дурака, - сказал Суворов, - я перепутал. Это надо закопать, а выкопать в другом месте. Опять приступили к работе. Я с самого начала пребывания на этой должности чувствовал, что на неё рассчитывал начальник штаба, но не получилось. Конечно, поездкой к командующему он остался недоволен. Но вскоре появилась реальная

возможность показать своё преимущество. В казарме по моему распоряжению поставили ринг. Построив батальон в две шеренги, я распорядился:

– Со мной выходит на ринг любой желающий из заместителей. Первая шеренга работает на ринге, со второй в порядке живой очереди, по одному раунду в 3 минуты. - А сейчас желающий встретиться со мной – на ринг, рефери – командир десантно-штурмовой роты старший лейтенант Лоншаков. Заместитель по тылу, гораздо выше меня ростом, с широкой костью, закричал: – Только не я!

А начальник штаба уже на ринге, наверно, боялся, что кто-нибудь его опередит. Крепкий, коренастый, наверно, очень хочет избить комбата. Появилась реальная возможность собственноручно, на законном основании показать, кто здесь чего стоит. Прозвучал самодельный гонг. Никифоров пошёл в атаку. Комбат сам напросился… Командующий не помог, так хоть сейчас, на ринге, всё в моих руках… По всему было видно, что Никифоров дорвался до бесплатного… Шёл, как бульдозер, которого невозможно было остановить: слишком велико было желание. Но это именно то, что мне очень нравится. Пришлось встречать. Я не любил бегать за соперником, мне нравилось то, что делал Никифоров. У меня уже был похожий бой. Ещё в Воронежском суворовском училище ездили на соревнования, а мой соперник отказался выходить со мной на ринг, и поставили другого, гораздо старше и намного тяжелей меня. Мне он показался каким-то странным. Как будто его только что выпустили из тюрьмы, чтобы на ринге меня избил. На бой вышел он с голым торсом. Подстрижен налысо, на его груди были наколки Ленина и Сталина, а на руках голые женщины. Когда прозвучал гонг, он сразу пошёл меня убивать. Раунды засекал с секундомером кадет, которому шепнули: «Сейчас Вашему будет писец». Получив два встречных удара, он успокоился, у него пропали всякие желания, и всё пошло «в одни ворота». Кадет с секундомером даже забыл про время, так ему понравился бой, и дал минуту лишнюю. Но здесь желание у Никифорова не пропадало, и одна атака сменялась другой, как будто это был последний и решительный бой. Правда, я не очень увлекался. Всех до боя заранее предупредил, чтобы не очень молотили друг друга, и старался в этом показать пример. Но Никифоров продолжал атаковать, а мне ничего не оставалось, как только встречать ударом. Раунд закончился, и я заменил рефери на ринге. Кровь текла рекой, но всем это нравилось. Утром на следующий день в гарнизон приехал командующий армией. Встречал я его со своими заместителями. Последний из них подошёл Никифоров в чёрных очках. После моей команды «СМИРНО!» и доклада, о том, что в гарнизоне происшествий не случилось, командующий спросил у начальника штаба:

– Это что, новый Устав вышел, в котором сказано, что командующего в

чёрных очках надо встречать?
Капитан снял очки. Такого ужаса я не ожидал. Вчера на ринге этого не было видно. Я не хотел его бить, а только встречал. Командующий ужаснулся:
– Это что?
– Это комбат!
Командующий посмотрел на меня.
– На ринге, товарищ командующий, не мог его остановить.
– Ну, если на ринге, то это нормально!
Следующим отпросился в штаб армии мой замполит капитан Надуда. Вернувшись, доложил, что просил Члена Военного Совета генерал-майора Вольхина перевести его на другую должность. Причиной назвал то, что он не может исполнять свои обязанности так, как я этого требую. Требования начальника гарнизона считает правильными, но их этому не учили.
Приближался День Советской Армии и Военно-Морского Флота (23 февраля). Все, уже без моей команды, готовились к праздничному вечеру отдыха. Из казарм боевого дежурства офицеры звонили, чтобы за них внесли деньги, желая тоже быть на этом празднике после дежурства. Из посёлка, около железнодорожной станции, пришла делегация женщин с просьбой участвовать в этом вечере отдыха. Следом за ними ко мне пришла другая делегация офицерских жён, с просьбой не разрешать женщинам из посёлка принимать участие в этом празднике. На мой вопрос: «Почему я должен им запретить, когда в гарнизоне есть холостые офицеры?» офицерские жёны ответили, что они – офицерские жёны, а те – никто. Мне показалась очень странной такая логика офицерских жён, и я ответил, что завтра они могут поменяться местами, если только в этом причина. В программу вечера входило не только застолье. Танцы и различные конкурсы не давали скучать. Победителям конкурсов вручали призы. Мне в глаза бросилось, что одна из женщин посёлка выиграла конкурс, и, прежде, чем ей вручить приз, произошла какая-то заминка. Одна из офицерских жён, прячась, что-то заворачивала в газету, а потом подсунула этот свёрток вместо приза. Женщина из посёлка развернула вручённый ей приз, а там оказался кусок хозяйственного мыла. Нетрудно было догадаться, что сейчас произойдёт. Она не успела запустить это мыло в обидчицу. Я упредил, пригласив её на танец и выпросив у неё это мыло на память о нашей встрече. Танец с начальником гарнизона не входил в её планы, и мысли у неё спутались, но гнев перехлёстывал терпение. Танцуя с ней, я тушил пожар в её душе, не отпуская её на следующий танец, потом ещё на один. Не отпускал её от себя, пока она не остыла и не дала мне слово. Забегая вперёд, скажу, что она стала женой того офицера, чья жена наградила её хозяйственным мылом.

Некоторые офицерские жёны, как на Мысовой, так и в Дурбачах, приходили жаловаться на мою требовательность к моей жене, и Света иногда

пыталась на меня давить, но я пресекал это на корню, чтобы в службу не вмешивалась. Разрешал только когда с остальными жёнами офицеров пекла торты для солдат-именинников. Для маленьких детей мы делали утренники, а для старших – соревнования по стрельбе из автомата под жёстким контролем офицеров. Возвращаясь из отпуска, один из моих офицеров привёз нам Андрея, которого тут же стали учить тому, чему не научили в школе. Прошло восемь месяцев пребывания в Дурбачах. На постах уже никто не спал. Корабельные дизели запустили в работу.

Орлята учатся летать.

Андрей, кажется, куда-то попал!

Приехал новый командир ОДШБ капитан Логинов и, сдав должность, я уехал на новое место службы в Билитуй на должность заместителя командира Укрепрайона.

Глава 10
УР (Укреплённый район)

Через две недели в Билитуй ко дню моего рождения с концертом прибыл эстрадный ансамбль ОДШБ. В клубе собрались все семьи офицеров

и прапорщиков. Песни посвящали их любимому бывшему командиру отдельного десантно-штурмового батальона майору Чащевому. Мне показалось, что эта идея была командующего армией.

Новая должность возложила на меня обязанности, определённые в Уставе, как обязанности заместителя командира полка, они же относились и к заместителю командира дивизии. Боеготовность, боевую подготовку, включая учебно-материальную базу я принял, как должное. Осматривая своё «наследство», обнаружил много странного. На боксе танкового огневого городка больше половины шиферной крыши отсутствовало. На месте центральной вышки учебного центра был заложен фундамент. Или думали строить и передумали, или решили обойтись одним фундаментом, непонятно. Остальные пункты управления огнём тоже были в убогом состоянии. Полигонная команда принадлежала сама себе и жила по своим правилам. Одновременно с осмотром учебно-материальной базы у меня уже рождался план:
1.Начать строительство центральной вышки и оборудовать, как следует, электрифицированными стендами учебные классы на её первом этаже.

2.Убрать остаток шиферной крыши на танковом огневом городке, усилить стены бокса и накрыть этот объект бетонными плитами. Сделать учебные классы. Убрать гнилые деревянные ворота и поставить железные.

3. Проверить электрооборудование полей и всю информацию из танкового огневого городка, общевойскового стрельбища, директрисы НТОТ вывести к центральной вышке.

4. Сделать хорошую баню, столовую и теплицу в учебном центре.

Во время приезда командующего в Билитуй я спросил у него, как дела на Мысовой? Командующий рассказал, что к нему поступили документы о привлечении к уголовной ответственности прапорщика Моги за то, что он, загрузив в «Запорожец» пять свиней, увёз их и продал. Я засмеялся, представив, как прапорщик, которого качает ветром, заталкивает в «Запорожец» пять свиней. Командующий согласился со мной, но уверен, что прокуратура разберётся. Я рассказал командующему, что этому прапорщику цены нет, что он – Мога и всё может, но со свиньями, даже с одной, он бы не справился. Командующий сказал, что, если за пару дней я не заберу Могу к себе, он передаст документы в прокуратуру.
На следующий день, с ведома командира УРа, на трёх машинах «Урал 375» я ехал за семьёй Моги. Прибыв на Мысовую, вызвал Могу в штаб. Командира в гарнизоне не было. Попросил Павла рассказать о его службе. Тот чуть не заплакал, махнул рукой.
– Хочешь ко мне?
Прапорщик недоверчиво посмотрел на меня, как на несбыточную мечту.

– Эти три «Урала» я пригнал за тобой.
Павел не мог поверить.
– Иди, грузись, чтобы к вечеру мы уже разгружались в Билитуе.
В штаб зашёл комбат и спросил, что происходит. Я ответил ему:
– Приехал за Могой, которого ты пытаешься в тюрьму посадить.
– На каком основании, когда уже идёт следствие?
– Все вопросы задавай командующему 36 армией генерал-лейтенанту Краеву.
Мога уже грузился. Я пошёл посмотреть, как у него дела и, заодно на городок, что изменилось. Оглядываясь, подошли офицерские жёны и передали мне письмо за подписью нескольких человек. Попросили передать командующему. Я подумал, что на меня когда-то жаловались, не оглядываясь, даже на то, что я не устраиваю, как мужчина, а этого боятся, наверно, злопамятный.
В Билитуй семья Моги, как на крыльях, летела. Я его понимал. Не было ничего странного в том, что он не нашёл общего языка с новым комбатом. Мога мне нравился тем, что не спешил щёлкнуть каблуками и почти всегда спорил, отстаивая свою точку зрения. В Билитуе для семьи Павла уже была готова квартира, а на полигоне Мога хорошо вписался, найдя своё место. Письмо я командующему отдал, и комбата убрали, поставив на его место майора А. Дремлюгу, бывшего начальника штаба батальона из Дурбачей.
Через неделю все мои планы пришлось корректировать. Приехал в гарнизон командующий, и его «атаковали» офицерские жёны:
– Товарищ генерал, в наш гарнизон приехал майор Чащевой, но по сегодняшний день отоплением в гарнизоне никто не занимается. Мы опять будем мёрзнуть. Наши дети учатся в школе по двадцать минут, и их отправляют домой греться, в домах тоже холодно.
Командующий объяснил им, что у Чащевого есть свои обязанности, а отоплением должен заниматься заместитель по тылу подполковник Мысков. Женщины закричали, что Мысков здесь уже не один год, а сдвигов не видно, надо, чтобы занимался этим вопросом Чащевой.
Краев вызвал меня с полигона и попросил заняться отоплением гарнизона:
– Владимир Михайлович, если семьи офицеров будут мёрзнуть, не будет никакой боевой подготовки и никакой боеготовности. Я знаю, что это не твои обязанности, но кроме тебя, это никто не сделает.
Теплотрасса в Билитуе была заложена на глубину в три с половиной метра, и всю её надо было вскрывать вручную. Копая, заполняли вёдра, которые поднимали на верёвках и высыпали. Как правило, в новый гарнизон меня переводили ближе к осени, и время на раскачку с решением вопроса отопления совсем не было. Исправных кранов для подъёма бетонных плит перекрытия лотков отопления в Укрепрайоне не было. Много поломанных кранов по распоряжению командующего были переданы для ремонта и работы в КЭЧ, с условием: в случае необходимости КЭЧ будет оказывать помощь кранами и стройматериалом. Командир Укрепрайона

подполковник Медянцев обратился к начальнику КЭЧ в г. Борзя за краном, но тот его послал туда, где кранов не бывает. Медянцев обратился к командующему. Краеву, наверно, рассказывали историю о том, как я наказал начальника Приаргунской КЭЧ, и он ответил Медянцеву:

– У тебя есть Чащевой, который легко решает такие проблемы.

Наверно, ответ командующего можно понять. Командиры на таких высоких должностях сами должны уметь договариваться, понимая друг друга, а не дёргать по такому пустяку командующего. А если им потакать, никогда не научатся. Пришлось в Борзинскую КЭЧ к главному инженеру ехать мне. Здесь уже знали, что я иногда стреляю, но про «санитарку» в Приаргунском КЭЧ, наверно, уже забыли. Главный инженер послал меня к начальнику КЭЧ, а тот ещё дальше. Я предупредил его, что те краны, которые Укрепрайон им когда-то отдал, будут у меня. Начальник рассмеялся и сказал, что через его высокий бетонный забор они не перепрыгнут, а охрана у него хорошая. Нечто подобное я уже слышал в Приаргунске, и тогда начальник КЭЧ об этом пожалел. В помощь себе я взял коменданта Билитуйского гарнизона капитана Раскина и пять проинструктированных солдатиков. Надо было создать как можно больше шума и выбить с КЭЧ исправный кран для работы. На трёх «Урал-375» ночью мы выдвинулись в сторону г.Борзя. Около двух часов ночи подъехали к автопарку КЭЧ. Охрана не спала, но это не помешало нам открыть бесшумно ворота, куда быстро заехали стоявшие в стороне наши «Уралы», и ребята приступили к работе, как у себя дома. Мы не знали, какие из подъёмных кранов рабочие, а металлолом мне не нужен. Но чтобы выбить из них рабочий кран, нужна была хорошая паника. Два крана уже подцепили на жёсткую сцепку и выгнали за ворота, с третьим специально не спешили. Охрана бегала вокруг, угрожая звонками дежурному по части и главному инженеру. Прибежал майор, дежурный по части, и схватил моего солдата, чтобы ударить. Я перехватил его кулак и сказал, что солдатика бить нельзя, если хочет, пусть попробует меня. Майор достал пистолет и закричал: «Стрелять буду!» Я опять подошёл к нему и посоветовал стрелять только вверх. Третий «Урал» уже потащил третий кран, а майор попытался закрыть ворота. Я опять посоветовал ему по-дружески открыть ворота, чтобы мы с собой и ворота не прихватили. Он меня послушал и открыл. Прибежал главный инженер. Стал меня уговаривать и что-то обещать. Я даю команду по машинам. Сам сел в первую и рядом посадил капитана Раскина. Главный инженер – встал перед машиной, схватившись за бампер: пытался препятствовать. Даю команду Раскину убрать майора. Выскочив из машины, Раскин отшвырнул майора, а я сказал водителю, чтобы потихоньку трогал. Раскин заскочил на своё место, а майор – к двери с клятвами, что всё для нас сделает. Я ответил, что он меня уже посылал. Майор отбежал вперёд на дорогу и, встав на колени, обещал, что больше такого не повторится. Я вышел из машины и сказал майору, что если ещё раз обманет, увезу всё вместе с их огромным забором. Пообещал майору к десяти утра быть у него за рабочим краном. Я хотел загнать краны,

но главный инженер попросил оставить их, где стоят. Раскина отправил на двух «Уралах» с ребятами в Билитуй, а сам – в Дурбачи, чтобы с утра вовремя быть на месте. Когда на полигон пригнал кран, его внимательно осмотрел Мога и посоветовал вернуть туда, откуда взял.
– Ну, ты, Мога, даёшь, мы целую операцию провернули, чтобы его получить.

– У него металл устал, и стрела скоро сама без груза упадёт, - сказал Мога.

– Ты-то откуда знаешь?

– Это видно.

Стрела упала на следующий день, и мне опять на высоких тонах пришлось разговаривать с главным инженером, чтобы получить другой кран. Пошли осенние дожди. То, что копаем и поднимаем, с дождём возвращается назад. Через неделю командир УРа подполковник Медянцев принимает решение засыпать то, что откопали. Я объяснил ему, что в размороженной трассе трещины по 20 сантиметров, и, если зароем, опять, никакого отопления не будет. Продолжаем бороться со стихией. Проходит ещё неделя. Дожди не прекращаются, и дело движется очень медленно. Командир даёт команду подогнать бульдозер и всё засыпать. Я предупредил, что встану в выкопанную трассу и будут засыпать вместе со мной. Прошла ещё неделя, и командир опять вспомнил про бульдозер. Я подошёл к телефону, стоявшему на столе у командира, и позвонил, попросив соединить меня с командующим:
– Товарищ генерал, если командира укрепрайона не отправите в отпуск, отопление в гарнизоне сделано не будет.
– Где Медянцев?
– Рядом.

– Дай ему трубку. Я дал трубку Медянцеву.

– Товарищ подполковник, с завтрашнего дня Вы в отпуске. За Вас остаётся Чащевой. Семейная путёвка в санаторий Вас уже ждёт, заедете за ней в штаб армии. Весь политотдел вёл себя тише воды, ниже травы. Перед моим приездом в Билитуй вскрылось, что партийные и политические работники Укрепрайона пропивали партийные взносы коммунистов. Командующий армией распорядился, чтобы разобрались с ними в партийном порядке и привлекли к суду офицерской чести. Но приехал ЧВС армии генерал Вольхин и при мне распорядился ничего не делать. Сказал, что своих в обиду не даст. Вскоре все алкаши заменились «на дикий запад», не получив никаких взысканий.

Теперь мне никто не мешал. Работали днём и ночью, устраняя то, что не делалось десятилетиями. Кроме отопления, строилась детская площадка, делалось освещение в городке и фонтан с подсветкой. Около дома офицеров строился тир для стрельбы из пистолета. На полигоне уже перекрыли бетонными плитами бокс танкового огневого городка, достроили центральную вышку, выведя на неё всю информацию с полей. Увеличили возможности каждого мишенного поля. Оборудовали учебные классы на танковом огневом городке и центральной вышке электрифицированными стендами по устройству вооружения. Сделали, что планировали для полигонной команды (баню, столовую, теплицу). Здесь, на этой должности, мне было легче, так как на боевую подготовку выделялись большие деньги. В тех гарнизонах у меня не было ни копейки, и никто мне не помогал. Я слышал, как на этот полигон в прошлом году зимой приехала стрелять одна из рот отдельного батальона. Разместилась в палатках с печками (буржуйками). Готовились к ночным стрельбам. С подробностями никто не знаком, так как палатка с солдатами горела очень быстро, и никто не спасся. Я решил строить на полигоне казарму для приезжающих на стрельбы, чтобы такого больше не повторилось. Как всегда, кто-то из «доброжелателей» «простучал», и из округа приехала комиссия. Посмотрели на заготовленные блоки под фундамент казармы и доложили командующему округом. От командующего мне передали запрет на строительство и строгий выговор за нецелевое использование денежных средств. Пришлось всё перепланировать. Траншеи под фундамент превратились в огромный котлован, а из фундаментных блоков выросли стены подземной казармы, перекрытой бетонными плитами. Здесь были комнаты для хранения оружия, для отдыха офицеров и спальня с двухъярусными нарами для личного состава. В этой казарме было и освещение, и отопление. Вскоре опять приехала комиссия из округа, и мне передали приказ командующего округом, чтобы строил казарму на полигоне. Я сказал:

– Строгача получил, и строить ничего не буду.

– Командующий своё взыскание отменил и приказал строить, - настаивали члены комиссии. Пришлось им показать, что казарма уже построена, и Забайкальскими-Баргузинскими ветрами, которые несут здесь даже камни, её стены не продуваются. Скучать мне было некогда. От командира мотострелкового батальона получил рапорт с отрицательной характеристикой на младшего сержанта Олега Кулебякина с просьбой отправить его в психиатрическую больницу или подальше от китайской границы. Я подписал рапорт о переводе Кулебякина в Дурбачи на Монгольскую границу. Подумал, что в другом коллективе у парня, может быть, лучше сложатся отношения с коллективом. Прошло немного времени, как ко мне подошла секретарь Билитуйского сельсовета и показала прощальное письмо Кулебякина к своей матери. В письме он пишет, что больше не может терпеть издевательства и хочет покончить жизнь

самоубийством. Я спросил у пожилой женщины, как это письмо попало к ней, и она рассказала, что у Кулебякина мать – тоже секретарь сельсовета в Краснодарском крае, и они держат между собой связь. Познакомились, когда мать приезжала к сыну. А сейчас Олега вызвали в особый отдел, а он заскочил в сельсовет и отдал ей это письмо для отправки его своей матери. Я пообещал разобраться, поспешив в особый отдел. Начальник особого отдела с Кулебякиным уже разобрался, и направил его опять в Дурбачи. Я остановил Олега и попросил меня подождать.
У начальника особого отдела узнал, что, прибыв из учебки в мотострелковый батальон в звании младшего сержанта, Кулебякин проявил себя культурным парнем, которого воспитывала одна мать. В отличие от меня, его мама не учила при каждой неудаче давать сдачи. Парень среднего роста, симпатичный, культурный. Таких обычно бьют все, кому вздумается и когда захочется. В обычные казарменные условия он не вписывался, казался неотёсанным, и все везде его тесали, как могли. Комбат не хотел неприятностей, и избитого Кулебякина устроил не в госпиталь, как положено, откуда пойдут доклады вверх об избиении, а в гражданскую больницу города Забайкальска. В этой больнице лежал другой солдат, из другой воинской части, который был гораздо шустрей Олега. Он уже «окопался», нашёл себе подругу и периодически ходил к ней в гости. Когда из командировки приехал муж этой подруги, друзья поздравили его с быстро растущими рогами, и доложили о солдате, который лежит в больнице. Взбешенный муж пришёл в больницу и спросил, где лежит солдат, ему указали на Олега, который спускался по лестнице. Тот попросил Олега выйти с ним на улицу. На улице спросил Кулебякина:

– Ты солдат?

– Да, я солдат, - ответил Кулебякин, - а что?

– Сейчас узнаешь!

Наверно, Олегу на роду было написано получать от всех и за всё. Подошли друзья рогатого мужа, и затащили Олега в уличный туалет. Привязав стройного, симпатичного парня руками к верхней балке туалетной крыши, начали его лицо и грудь резать бритвами. Секретарь Билитуйского сельсовета тоже в это время лежала в этой больнице и проходила мимо. Увидев происходящее, позвонила в милицию. Милиция приехала, все разбежались, а с места преступления взяли одного Кулебякина. Решили, что незачем огород городить и искать виновных, когда есть, на кого всё можно свалить. Олег истекал кровью, а ему сказали, что пока не напишешь под диктовку, что пьянствуешь, что ходишь по девкам, нарушая режим в больнице, участвуешь в драках… никакой помощи никто не окажет. Теряя сознание, Олег согласился написать, что скажут, и написал. Его перевязали и позвонили комбату, чтобы забирал своего разгильдяя. Особый отдел «раскопал» всё, как было, и возбудил уголовное дело против милиционеров.

В Дурбачах, куда я его направлял, Кулебякина встретили тоже «приветливо» со словами, что к ним хороших не присылают, и с первых же дней начали его воспитывать. Чтобы легче поддавался воспитанию, у него отбирали пищу. Я хотел забрать Кулебякина к себе на полигон, но мне показалась странной его походка. Врачи в санчасти признали, что у Олега гипотрофия – (дистрофия – выражается в недостаточной массе тела человека в соотношении с его ростом).

Старшине учебного центра приказал откармливать его, а спрашивать, как со всех. Назначил Олега ответственным за порядок в полигонной гостинице и за поддержание порядка в моём кабинете на учебном центре. Через пару недель увидел в своём кабинете и в гостинице новые шторы. Спросил у Олега: «Откуда?» – Мама прислала! Сказал, чтобы такого больше не было. Через год со службы к себе домой Олег вернулся уже совсем другим парнем, умеющим за себя постоять.

Вернулся из отпуска Медянцев, и в этот же день из округа приехал генерал-лейтенант, заместитель командующего округа. В присутствии командира Укрепрайона и меня генерал осматривал городок, восхищаясь фонтаном и детской площадкой. Командир всю дорогу молчал. После осмотра командир повёл его в офицерскую столовую, а я ушёл обедать домой. Во время обеда (по словам свидетелей) командир доложил гостю, что всё это сделано, чтобы понравиться командующему армией, а свои обязанности на полигоне Чащевой вообще не исполняет. Услышав это, не выдержала директор офицерской столовой Светлана Зайцева:

– Товарищ генерал, то, что Вам говорит командир – это неправда. Вы не представляете, что здесь было после отъезда командира в отпуск, когда за него остался Чащевой. Днём и ночью работали все и здесь, и на полигоне. За эти 24 дня сделано столько, сколько не сделано за десятилетия, и все довольны. Знаем, что будем зимовать в тепле. Генерал спросил:

– Вы почему за Чащевого заступаетесь? Вы, что, его любовница?

– Нет, товарищ генерал, но я рада была бы быть его любовницей. Генерал приказал собрать всех офицеров в клубе и при всех сделал мне замечание:

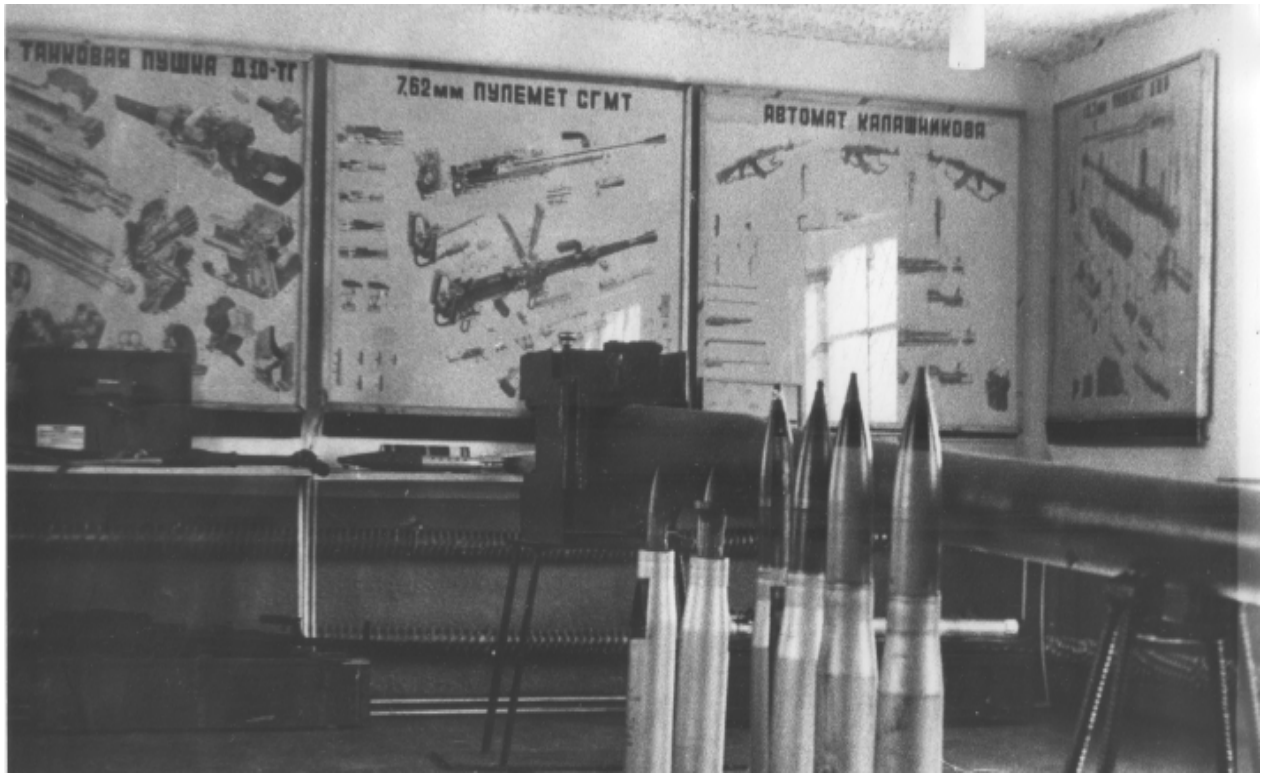
– То, что Вы, майор, сделали здесь в городке, всё очень красиво, как в сказке, это неплохо, но вы забыли о своих прямых обязанностях, которые находятся на Вашем учебном центре, - на полигоне.

Я, молча, стоял перед всеми, не оправдываясь. Все присутствующие хорошо знали, что на полигоне уже «горы свернули». Стоит ли что-то доказывать? В полигонной баньке была не только очень хорошая раздевалка,

парилка, но, кроме помывочного зала, – бассейн и комната для отдыха. Руководству Укрепрайона понравилось возить туда, париться своих жён, а после них и самим. Воду завозили выделяемой из управления водовозкой. Я тоже с удовольствием купался с командным составом до тех пор, пока после такого купания вдруг по странным причинам не пришла водовозка с водой для купания полигонной команды. На мои просьбы и требования Медянцев не реагировал. Я предупредил его, что впредь солдаты будут купаться первыми, а не будет выделять водовозку для помывки солдат - будут большие неприятности. Вечером в пятницу Медянцев позвонил на полигон, что он приедет купаться в субботу, чтобы баня была готова. Воду завезли, раскочегарили. Я приказал старшине, чтобы полигонная команда, которая не купалась вторую неделю, была готова к помывке в бане. Подходят два «УАЗ»а с желающими попариться. На первом – командир, а перед «УАЗ»ом на дороге при въезде в учебный центр я. Недалеко за мной старшина учебного центра ждёт команду на помывку личного состава в бане. Не уходя с дороги, я сказал старшине, что командир передумал сегодня купаться в бане и чтобы запускал личный состав. Баня у командного состава была сорвана, но с тех пор водовозка выделялась регулярно. Через неделю вернулся из отпуска командующий армией и приехал в Билитуй. Командир встретил его. Шёл командующий по городку и не узнавал его. Зашли в столовую на обед. Во время обеда к ним подошла директор столовой и рассказала командующему при Медянцеве, как сидящий рядом командир Укрепрайона обливал грязью Чащевого, и что реально было сделано в городке и на полигоне. Краев спросил, откуда она знает, что сделано на полигоне, а та ответила, что в городке все всё знают. Командующий приказал собрать в клубе всех офицеров и их жён. Перед всей этой аудиторией Краев сказал, что ему доложили, как тут в его отсутствии кое-кто обливал грязью майора Чащевого, который уже не один раз проверен им на других гарнизонах. Он предупредил всех, что если потребуется, разгонит всех и оставит в гарнизоне одного Чащевого. Вскоре опять приехал в Билитуй генерал-лейтенант, заместитель командующего округа с командующим армией. Не заезжая в штаб Укрепрайона, сразу завернули ко мне на полигон. Из штаба на «УАЗ»е подъехал Медянцев. Увидев таких гостей, дежурный сообщил мне, и я поспешил к ним с докладом. Генерал-лейтенант при мне на танковом огневом городке спрашивает Медянцева:
– Ну, расскажи, подполковник, что здесь сделано и что делается.
Медянцев сам не понял, где он находится. Нет полураскрытого сарая с шиферной крышей и сгнившими деревянными воротами. Он стоял в нормальном танковом боксе. Первый раз увидел здесь классы с электрифицированными стендами и молчал. Я пытался доложить, но меня остановили. Сказали, что командир должен знать, что здесь делается, даже

если у него добросовестный заместитель.

.



Генерал-лейтенант обратил внимание, что у командира не застёгнута верхняя пуговица на рубашке, и сделал замечание. Медянцев попытался её застегнуть, но бесполезно. Генерал настаивал… Я понял, что это месть Медянцеву за то, что он обливал меня грязью. Но мы шли дальше к следующему объекту и остановились около достроенной центральной вышки, а издевательство над командиром продолжалось:

– А что здесь сделано? Командир молчал. Истину говорят, что Бог не в силе, а в правде. Мне кажется, что Медянцева «накормили» донельзя и вскоре заменили «на дикий запад». Вместо него должность командира Укрепрайона принял молодой подполковник А. Юшкевич, прибывший из Даурии.

Вскоре опять приехал командующий с женой и сыном. Не заходя в штаб, Краев повёл свою семью ко мне домой. Командиру доложили, что командующий в гарнизоне, но он не мог его найти, чтобы доложить, как положено по Уставу. Наконец догадался, где он может быть, и нашёл у меня в квартире. Пригласили всех заместителей и поздравили меня с очередным воинским званием «подполковник».

За окном была уже поздняя осень, и хотелось писать стихи:

Осенний вздох

Осенний вздох, осенний взгляд,
деревья в золото одеты,
И ветры нам всё чаще шлют зимы
холодные приветы.
Всё остаётся позади: весны рассвет
и краски лета,
А память мне рисует вновь давно
забытые сюжеты.
Твой нежный взгляд , твоё дыханье,
твою девичью красоту,
И тихий лепет оправданья я
вспоминаю, как в бреду.
Срывает платье листопад с
деревьев, ветви оголяя. Кружится в
вальсе лист сухой, к корням ложась
и умирая.
В осенний непогожий день всё
воскресает предо мной.
Я лечь готов к твоим ногам, как
лист в оправе золотой.

С прибытием Моги дело пошло ещё быстрей. Здесь тоже с подачей электроэнергии было очень плохо. Многие столбы ЛЭП, ведущей с Забайкальска в Билитуй, на полигон и далее, вместе с сухой травой давно сгорели, и провода висели около земли на одной перекладине, их разделяющей. Иногда электроэнергия не подавалась неделями. Все живущие в Билитуе знали анекдот про себя: «Летят в самолёте иностранцы. Пролетают над Читой, и им рассказывают, какие здесь высшие учебные заведения, какие театры,… Пролетают над Борзей. Опять рассказывают, как с 1756 года на Борзинских озерах стали производить промышленную добычу поваренной соли, которая велась 180 лет… Пролетают над Билитуем и тоже рассказывают: «Здесь живут странные люди. Света нет – они живут. Тепла нет – они живут. Воды нет – они всё равно живут. Один из иностранцев проснулся и спрашивает, «А дустом травить пробовали?» Такая подача электроэнергии меня не устраивала, особенно когда прерывались стрельбы. Но у меня был Мога. В одном из НТОТ он нашёл неизвлечённый танковый двигатель, предложив мне поставить его вместо дизеля. (На полигонах танки ставились не на погреб, а в танковый окоп и засыпались по башню без извлечения двигателя). Оборудовали хорошее место для дизеля, и больше без света мы не сидели. Я даже не ожидал, что проблема решится так просто. Подумал о том, сколько ещё неизвлечённых танковых двигателей стоит на полигонах без применения, а сколько извлечённых на складах в то время, как в деревнях сидят без света, и не во всех больницах Советского Союза есть аварийное освещение. Из ребят, работающих в полигонной команде (мне туда присылали из батальонов на исправление самых-самых отпетых), я выжимал всё, раскрывая их возможности, заставляя думать и проявлять инициативу, и им это нравилось. Учебные классы у нас были оборудованы такими электрифицированными стендами, которых никогда не было, я уверен, ни в одной учебной дивизии СССР, чуть позже я в этом убедился. В одном из классов центральной вышки на макете местности можно было, не выходя из класса, выполнять все упражнения учебных стрельб из учебного пулемёта с выставлением оценки. Цели поднимались, согласно условию упражнения по курсу стрельб. При попадании из учебного пулемёта – они падали. На макете в другом классе можно было обучать офицеров проведению ротных тактических учений с боевой стрельбой, где звучали записанные на магнитофон команды, двигались цели, велась стрельба, и корректировался огонь. На втором этаже центральной вышки можно было наблюдать на стендах результаты стрельб на всех полях учебного центра. Посмотрев всё это, заместитель командующего армии сделал мне замечание. Сказал, что всё сделанное никак не вяжется с солдатскими столами на втором этаже центральной вышки. Необходимо, чтобы столы здесь стояли полированные, нормальные стулья, вентилятор и ковровая дорожка. Я сказал ему, что тридцать вторая статья по боевой подготовке этого не предусматривает, а он спросил: «Тебя научить?» Я и сам знал, как это делают, и оформил полированные столы и стулья - краской, ковровую

дорожку – гвоздями, которых по всему Забайкалью найти почти невозможно…

Для изготовления мишеней гвоздей катастрофически не хватало. Мога предложил сделать станок для изготовления гвоздей. Я частенько тормозил полёт его мысли, но на этот раз попросил рассказать подробней. Оказалось, что прежде чем это предложить, на свалке Укрепрайона он приметил брошенный списанный токарный станок. От меня требовалась проволока для гвоздей и с Краснокаменского завода кусочек металла - самокала. Самокал я достал, привёз и тонн пять катанки разного диаметра, и в гвоздях мы больше дефицита не знали. Наши гвозди ничем не отличались от заводских.

В Читу, по распоряжению командующего округа, собрали из всех частей рационализаторские предложения. Мы с Могой представили восемь предложений, но гвоздём этого мероприятия оказались наши гвозди. Все жаловались, что нигде не могут найти гвозди для изготовления мишеней, и заместитель командующего показывал всем наши гвозди разных калибров с просьбой отличить их от заводских.
Вернувшись из Читы, узнали, что у нас на полигоне командующий армией решил провести сборы для командиров частей, соединений и их заместителей. Я был готов ко всему. На ночные ротные тактические учения с боевой стрельбой я приглашал всех членов семей из военного городка. И они приходили смотреть на это зрелище. По праздникам организовывал соревнования среди жён офицеров и прапорщиков, а также среди их детей по стрельбе из пистолета, автомата и пулемёта. Знакомил их и с другим вооружением. Это было для меня гораздо сложнее по организации, чем какие-то сборы старших офицеров. Гостей прибыло много. Осматривая классы, один из офицеров сказал, что в этот музей наверняка никого не пускают. Другой повторил фразу, сказанную на Мысовой, что Чащевому на полигон точно одних гениев направляют, чтобы такие классы создавать. На этот раз начальник штаба армии тоже повторил фразу начальника штаба Укрепрайона, что гению дают всех гениев, а дуракам – дураков. Сержант – начальник вышки сказал, что в этих классах занимаются каждый день, а сегодня здесь занимались «партизаны». Никто из присутствующих не поверил и один спросил:
– И где же ваши партизаны, куда убежали, или вы их где-то прячете?

– Отдыхают в казарме, - сказал сержант.

– А где казарма? Что-то мы её здесь не заметили.

– Совсем рядом с вышкой, - рассекретил нашу казарму сержант. Все поспешили выйти из классов вышки в надежде увидеть невидимую казарму и попытать партизан, где они сегодня занимались.

– Ну, и где же Ваша казарма? В десяти-пятнадцати метрах от вышки была небольшая возвышенность, куда я предложил всем пройти. Времени было уже около 23 часов, и все участники сборов тихо, не говоря ни слова, заполнили все проходы около двухъярусных нар и остальные помещения казармы. На нарах отдыхали запасники (партизаны). Все стояли молча. Ни у кого вопросов уже не было. Тихо, не говоря ни слова, вышли, а командующий подытожил:

– Там, где идеально чисто, никто не плюнет, плюют там, где грязно. Среди участников сборов был и майор Волков с Мысовой, который подошёл ко мне и сказал, что я, как всегда, в своём репертуаре. Не знаю, что он имел ввиду, но кому-то очень понравились эти сборы с полированными столами и ковровой дорожкой на втором этаже. И началось расследование: на какие средства и по какой статье это всё приобреталось. Командующему на стол прокурор положил материалы уголовного дела, в котором были признания продавщиц о фиктивных счетах. Краев назначил свою комиссию, и та, проверив, доложила ему, что ни одного рубля я себе в карман не положил. Вызвал меня. Я попросил его, чтобы продавщиц не наказывали, а за всё я готов платить любую цену, вплоть до привлечения к уголовной ответственности. Всю стоимость этих столов, стульев… вычли из моих окладов, никого не наказывая. Я знал, что через два месяца после моего отъезда из Дурбачей новый начальник гарнизона капитан Логинов получил за лучший гарнизон орден «За службу Родине».
Командующий попросил меня съездить в Дурбачи и помочь разобраться с канализацией в клубе, где её умудрились уже заморозить. Мне не нравилась должность главного ассенизатора Укрепрайона, но отказать командующему не смог. Приехал и разобрался. Как всегда, основной причиной всех бед оказалась безграничная человеческая глупость, которая по счастливой случайности не заморозила всю канализацию гарнизона. Как мне доложил замполит батальона, отвечающий за клуб, новый начальник гарнизона приказывает перекрывать воду, когда его отказываются слушать и выполнять его указания. Забайкальские морозы таких «шуток» не прощают, и отогревать канализацию клуба пришлось несколько дней. Доложил командующему, что разобрались и всё привели в порядок, а он поставил мне новую задачу. Необходимо было взять под контроль оборонительное строительство. То, что сделано было инженерами летом, всё надо было переделать. Все железобетонные СПС (стрелково-пулемётные сооружения) со станции Дурбачи, которые там стоят уже не один год, вывезти и установить на свои места вдоль границы с Китаем. В декабре должна приехать комиссия из Москвы с проверкой. Котлованы под СПСы уже не копались, а взрывались. Снега почти не было, а мороз стоял за сорок градусов. Офицеры назвали это мероприятие «Ледовым побоищем». Кроме новых боевых сооружений Укрепрайона, вдоль всей границы ещё были видны на склонах сопок Маньчжурии следы траншей и окопов. Кое-где ещё

стояли оборонительные сооружения, построенные под руководством генерала Д. М. Ка́рбышева. Всё напоминало о прошедших здесь когда-то сражениях:

Земля изранена войной

Земля изранена войной,

всё словно пеплом запорошено:

Окопы, линии траншей

- всё памятью войны обложено.

Ты вспомни в этот скорбный час,

как наши деды умирали.

Отцы шли в бой,

и всё для нас.

Шли насмерть,

а не ради славы.

Ты вспомни, как Матросов пал,

Космодемьянская, Гастелло.

Как будто в памяти провал произошёл на свете целом.
Как будто не было войны, и жизни вмиг не обрывались.
Как будто звуки тишины разрывом мин не нарушались.

Как будто сотни лет назад всё это эхом пролетело,
И, увлекая земляков, смерть колыбельную пропела.
Земля, изранена войной, лежит, как братская гробница,

Лежит и ждёт, когда же мир вдруг на земле всей воцарится.

Когда не будут в небеса смотреть слёз полные глаза,
Проклятья в прошлое все канут, Людские раны заживут,
И вдовы плакать перестанут.

С таким настроением и мыслями днём и ночью я ездил средь сопок, организуя и контролируя выполнение работ по оборонительному строительству. В Билитуе в это время проходили выборы в депутаты

местных советов. Кто-то из сельсовета, зная, что в гарнизоне делалось при мне, предложил в депутаты мою кандидатуру. Найти меня не смогли и уговорили Светлану написать за меня заявление о моём согласии баллотироваться в депутаты. Так Света добавила мне ещё кусочек бесплатной работы. По возвращении в Билитуй мне сообщили, что я уже депутат, и что меня вызывают на собеседование к Членам Военного Совета округа в Читу.

Первым со мной беседовал начальник штаба округа генерал Верёвкин-Рахальский. Он рассказал мне, что позвонив Краеву, спросил, есть ли у него офицер, который сможет навести порядок в Магочинской десантной бригаде. Краев назвал Вашу фамилию. Начальник штаба сказал Краеву, что все заместители в бригаде полковники, а Чащевой подполковник, потянет ли? Краев ответил, что Чащевой справится, даже если все заместители будут генералами. Верёвкин-Рахальский сказал, что, просмотрев моё личное дело, считает мою кандидатуру подходящей. В этот же день со мной беседовал ЧВС округа генерал Ломов и тоже одобрил. Командующий округа должен был беседовать на следующий день. Я устроился в гостинице и пошёл в ресторан ужинать. В ресторане мест было мало, и меня попросили сесть за один стол с майором, на кителе которого были эмблемы связиста. Соседство мне не нравилось. Он, кажется, уже порядком «накушался» и вёл себя развязано. Стол у майора был накрыт с учётом на завтрак, обед и ужин. Везде надкусил. Подошла официантка и попросила его рассчитаться. На просьбу официантки майор бросил на стол несколько копеек и сказал: «Вот все мои деньги, и больше у меня нет». Я знал этот анекдот и подумал, что посмеются и разберутся без меня. Поужинав, я рассчитался и направлялся к гардеробу за шинелью, но меня догнала официантка и попросила помочь. Она майору уже всё сказала о том, что, понимая наше собачье положение, нас пускают поесть в любое время суток, а такую подлость от офицера видит впервые. Я спросил у неё, есть ли у них комната, где я могу с майором побеседовать наедине, и она ответила, что найдёт. Я «по-дружески» обнял майора, сидящего на стуле, и на ухо тихо сказал, что сейчас в отдельной комнате, если не рассчитается, переломаю ему все рёбра, чтобы не позорил офицеров. Почувствовал, что карманы его рубашки не пустые. Из одного из них я достал пропуск в штаб округа, а из другого – пачку денег. Бросив их на стол, попросил официантку рассчитать майора, а майору пообещал завтра встречу с командующим округом.

Командующий приказал мне немедленно написать рапорт на поступление в академию имени Фрунзе для заочного обучения, так как без академии ГУК (главное управление кадров) на должность командира бригады меня не пропустит. Я сказал командующему, что уже трижды пытался поступать, и бесполезно. Что в последний раз мне начальник академии генерал армии Радзиевский Алексей Иванович открыто сказал, что я не прохожу по анкетным данным. Командующий настаивал:

– Я командующий округом, я Герой Советского Союза, я генерал армии, я депутат Верховного Совета СССР, и к моему мнению должны прислушаться. Написал я рапорт и вернулся на своё «Ледовое побоище». Мороз крепчал. В Дурбачах на станции остался один СПС, за которым ушла машина. Восстанавливая замороженные гарнизоны, я частенько пользовался услугами своих медиков. Ещё в Елани меня как-то здорово скрутила язва желудка, но когда Сурайкин узнал, что комбат лежит в госпитале, приказал немедленно вылечить и выписать. Видно, не долечили, и с тех пор желудок меня частенько подводил. Вот и сейчас я уже загибался, но надо было всё закончить. По пути из Дурбачей в сопки встретил начальника Борзинской КЭЧ. Со времени моей операции с кранами он стал меня очень уважать или боялся, что стрелять начну. Поздоровались. Увидев, что меня уже совсем скрутило, он пообещал доложить командующему, что его любимчик загибается. Я ответил, что через час или два установлю последний СПС и доложу сам о выполнении его приказа. Приехав к бригаде своих сапёров, увидел обмороженные руки крановщика, с которых уже слезла кожа. Приказал немедленно сесть ко мне в машину, чтобы отвезти его в госпиталь. Крановщик отказался отдавать кран в чужие руки и настаивал на разгрузке последнего СПСа. С ним трудно было не согласиться, и я, отдав ему свои меховые варежки, поехал поторопить доставку СПСа. Ехал и думал, что металл устаёт и гнётся, а наши парни, которым цены нет, и не устают, и не сгибаются, и не ломаются. Разве можно ругать такую молодёжь? А если что-то не так, то мы сами во всём виновны. Прибыв в Дурбачи, приказал комбату по возвращении крановщика немедленно доставить его в госпиталь и доложил Командующему по телефону, что последний СПС из Дурбачей вывезли на установку. Командующий сказал, что меня разыскивают с путёвкой в военный санаторий Заб.ВО «Дарасун», чтобы я съездил и подлечился. По приезде в Билитуй я узнал, что мне из академии пришёл ответ:

«Отказать за неимением вакантных мест». В академию поступали старшие лейтенанты, капитаны и майоры, начальники штабов батальонов и комбаты, а мне, подполковнику, орденоносцу, депутату, заместителю командира соединения, мест не хватило. Кто-то вверху наплевал на Магочинскую бригаду, в которой надо было навести должный порядок, на мнение и рекомендации Героя Советского Союза, генерала армии, депутата Верховного Совета, командующего округом Г.И. Салманова и на меня, конечно, тоже. Прибыв в санаторий, положил сумку в свой номер и вышел искать столовую. Очень не хотелось ложиться спать на пустой желудок. Подошёл к дежурной по этажу и спросил, где столовая, чтобы я смог поужинать. Меня сзади кто-то обнял по-дружески, назвал по имени и пригласил к себе, сказав, что у него всё есть. В то время говорили, что в Забайкалье шпионов больше, чем простых советских людей. Но в данном случае я находился в военном санатории и, приглашая, незнакомец назвал

меня по имени. Смотрю и не узнаю. На голове какие-то родимые пятна. Заводит в свой номер, напротив моего. Из серванта достаёт большую вазу с конфетами и нарезает копчёную колбасу. Начинает разливать бутылку спиртного.

В моих гарнизонах меня никто, никогда не видел пьяным. Даже в праздники, организуя праздничные вечера отдыха, спиртное я не пил, всегда находясь в полной боевой готовности. Приходилось пить только, когда доставал очередные звёздочки из стакана. А сосед уже налил, приглашая меня выпить:

– Спасибо, я не пью.
– Как хочешь, а я выпью.
Закусили. Беседовали до 24 часов. Его интересовала моя служба, а я отвечал уклончиво, не понимая, с кем приходится беседовать. Расставаясь, сосед сказал, чтобы завтра на ужин я не ходил, что он здесь что-нибудь получше придумает. Утром за окном громко завизжали тормоза. Посмотрел в окно. В чёрной «Волге» генерал открывал дверь, приглашая моего соседа в машину. Я подошёл к дежурной по этажу, которая ещё не сменилась:

– Это кто меня вчера к себе затащил?

– Секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачёв.

– А что он здесь делает?

– Какому-то большому начальнику в округе объявили партийное взыскание, а он подал апелляцию. Горбачёв приехал разбираться, остановившись на нейтральной территории. Раз это свой, - подумал я, - у меня есть, что ему рассказать. Но на ужин сходить всё равно надо. Вечером собрался бежать на ужин. Только открыл дверь, как сосед напротив тут как тут:

– Володя, заходи! Теперь всё становилось ясно. Конечно, ему доложили, кого поселят напротив, и он относился ко мне, как к старому знакомому. До четырёх утра я рассказывал Горбачёву о безобразиях в армии. Как и почему солдаты стреляются, вешаются, почему бегут из армии. Приводил конкретные примеры и называл фамилии. Рассказывал о вреде нашей плановой экономики, из-за чего приходится 95 бензин сливать в сопках, а на базах скопились горы того оборудования, которым давно не пользуются. Рассказывал о бесхозяйственности и безответственности должностных лиц, благодаря чему в Приаргунске, за день до пуска в эксплуатацию, рухнула много лет назад крыша нового цементного завода. Развалины стоят по сей день, и потихоньку разбираются. Я тоже с него кое-что позаимствовал для гарнизона на Мысовой. Рассказал, как в Билитуе

начали строить банно-прачечный комбинат. Заложили фундамент и забыли. Также строили кирпичный завод в г. Борзя около «Голубой» дивизии, про который опять забыли, выбросив очень много народных денег. Вкратце рассказал о липовой боеготовности укрепрайонов и таких же липовых отличников – выпускников наших учебных дивизий. Говорил, как трижды пытался поступать в академию, и четвёртый раз писал рапорт по приказу командующего округом, но всё бесполезно. Когда закончил свой рассказ, Горбачёв сказал:

– Володя, что ты рассказал, – это мелочи по сравнению с тем, что у нас там творится (показал пальцем вверх), но скоро будут перемены. Вернувшись домой, я сказал жене, что месяц руки мыть не буду, так как здоровался и прощался с секретарём ЦК КПСС Горбачёвым, но вскоре забыл.

В мотострелковом батальоне Укрепрайона произошло ЧП. В карауле застрелился солдат. Разбирались без меня, а я даже боялся вникать, и без разбирательств зная, кто и в чём виноват. Командиру при мне доложили, что парень был не простой, мог играть на пианино и писал стихи. Пришли (без меня) к единому мнению, что раз писал стихи, значит психически ненормальный. К сожалению, у нас в армии не принято глубоко вникать во врожденные или приобретённые способности личностей и всячески способствовать их развитию. А если он не как все: ать-два, да ещё играет на… и пишет стихи, это точно он что-то не то… и этот не это, и его надо… Когда спросили моё мнение, я пообещал подумать. Пришёл во взвод этого парня и, беседуя с каждым по одному, спрашивал солдат, кто комсорг взвода. Комсорга никто не знал. Расспросил, с чего всё началось. Мне рассказали, что перед заступлением в караул этот солдат сказал заместителю командира взвода, что у него болит живот. Старший сержант пообещал в карауле его вылечить. В карауле сержант приказал больному сделать пятьдесят приседаний. После исполнения больной при всех сказал, что застрелит сержанта. Заступив на пост, больной отстоял свои два часа, а при приближении смены произвёл в свою голову автоматную очередь из 15 патронов. Я сказал командиру, что считаю виновными политработников, которые получают зарплату за своё безделье, взводного с ротным, которые не занимаются воспитанием личного состава и всё бросили на самотёк. Не вспомнил я о М.С. Горбачёве даже когда опять вызвал меня к себе командующий округом и опять приказал писать рапорт на заочное обучение в академии. Я напомнил ему, что писал в прошлом году. Командующий сказал, что на этот раз это не его прихоть, а пришла телеграмма из ЦК от Горбачёва. Я не понял, что происходит, но рапорт написал. (М.С. Горбачёв тогда ещё не был Генеральным секретарём ЦК КПСС). В это время все абитуриенты уже на месте сбора проходили мандатную комиссию и готовились к сдаче экзаменов. Командующий приказал быстро ехать в Билитуй за чемоданом и на место сбора

абитуриентов. На мандатной комиссии удивились моему приезду, и я понял, что этот рейс опять холостой. Позвонил командующему армией и спросил разрешения ехать в Билитуй, так как при таком положении дел обязательно на экзаменах поставят двойку, и стыдно будет возвращаться в Укрепрайон. Краев сказал, что такого разрешения он дать не может, посоветовал позвонить начальнику отдела кадров округа. Начальник отдела кадров отмахнулся:

– У меня таких, как ты, в округе тысячи, и я не могу помнить про каждого из Вас. Движение абитуриентов в столовую всегда проходило строем. Старшим группы абитуриентов (в группе около сотни офицеров) был назначен майор А. Дремлюга (командир ОПУЛАБа на Мысовой). Меня он попросил выйти из строя и идти в столовую самостоятельно, но я возражал:

– Дремлюга, прекрати! Я знаю, что меня не примут в академию, но не хочу, чтобы выперли отсюда за недисциплинированность. Дремлюга не успокаивался:

– Товарищ подполковник, все стоящие здесь вместе взятые за десять лет не сделают того, что Вы делаете за один год, и Вами командовать я не буду. Если не выйдете из строя, я пойду и откажусь от командования этой группой. Мне пришлось выйти и идти в столовую без строя. После обеда Дремлюга сходил к командиру полка, на базе которого разместили абитуриентов, и договорился, чтобы меня поселили не в общей казарме со всеми, а отдельно. Пришлось переселиться к проверяющим, которые должны были принимать у нас экзамены. Утром на построении из строя вывели двух генеральских сынков, которые провели всю ночь в Читинском ресторане и вернулись под утро с синяками под глазами. Им посоветовали сдать главный экзамен и убыть в расположение своей части. Главным экзаменом называлось сдача матраца и постельной принадлежности перед отъездом домой. Но не тут-то было. Забыли, с кем имеют дело. В прошлом году один из них уже поступал и на первом экзамене по тактике порол чушь. На замечания полковника сказал, что полковник больше не будет преподавать в этой академии. Полковник поставил ему двойку, а по возвращении в академию узнал, что его отправили на пенсию. На этот раз приехал другой полковник, друг уволенного, которому всё равно по возвращении уходить туда же. Все, зная эту историю, ждали развязки. Уезжать оба генеральских сыночка никуда не собирались и пришли сдавать экзамен. Как было запланировано, прошлогодний экземпляр получил двойку, а второму, чтобы хоть чем-то отличался от первого, поставили трояк. Обычно после двойки все сразу шли сдавать «главный экзамен», а этот и не думал уезжать, продолжая ходить на экзамены. Очень странно себя вёл полковник из ГУКа (главного управления кадров), который готов был подраться с преподавателем академии за поставленную двойку генеральскому сынку.

Скандал был при всех и затих только после того, как полковник из академии пригрозил, что прекратит приём экзаменов и доложит в академию о хулиганстве представителя ГУКа. Чувствовалось, что происходит ожесточённая борьба между ГУКом и представителями академии. В этой борьбе жертвой мог оказаться любой из нас. На первом экзамене по тактике я вышел отвечать без подготовки. Принимали экзамены два полковника, приехавшие из академии. Один из них задал вопрос:

– Зачем Вы поступаете в академию? Должность у Вас полковничья, полковника Вы всё равно получите, зачем Вам академия?

– Я сам не знаю, уже устал в неё поступать, а мне второй год приказывают писать рапорт. Что? Мне два бала, и я поехал?

– Нет, Вы отвечали хорошо, и двойку мы Вам поставить не можем. Идите! При объявлении оценок я узнал, что поставили мне четыре, но это ещё ничего не значило. Разговор с этими полковниками из академии, которые были расселены в другом месте, мне не нравился. Я был уверен, что всё давно предопределено. Вечером другие проверяющие, из частей округа, которые спали со мной в одной комнате, меня успокаивали:

– Володя, всё будет нормально, не волнуйся. На втором экзамене по боевой технике я опять пошёл отвечать без подготовки. Во время ответа на первый вопрос по системе смазки БМП, полковник пригласил меня в смежную комнату, где стояла БМП. Я отвечаю, а он шепчет мне, что всё бесполезно. Потом тихо сказал, чтобы я не оглядывался, за нами подглядывает полковник из ГУКа. Всё стало ясно. Ответив на остальные вопросы по связи и инженерной подготовке, я вышел. Закурил. Вспоминал, как прятали глаза члены комиссии, слушавшие мои ответы на эти вопросы. Это были именно те офицеры, кто спал со мной рядом и меня успокаивал, говоря, что всё будет хорошо. Выходящие за мной офицеры – видно, на моём лице всё было написано, – успокаивали, заверяя, что слышали мой ответ и, кроме пятёрки, ничего быть не может. Когда нас построили и объявили оценки, я услышал, наконец, то, что ожидал – двойка! Я всё знал заранее, но мой организм этого не принимал. Второй раз в жизни я почувствовал, как у меня на голове поднимается фуражка, и волосы встают дыбом.

Глава 11
Письмо Ю.В. Андропову

Вернувшись в Билитуй, узнал, что командующий армии приказал немедленно отправить меня в отпуск. Приехали всей семьёй к матери в Армавир. Я не мог успокоиться. Не знаю, что было дальше с генеральскими сыновьями, но весь этот бардак в нашей армии меня уже достал. Попросил Свету написать письмо под мою диктовку Андропову, который недавно стал Генеральным секретарём ЦК КПСС. Её почерк лучше разберут в ЦК. Письмо получилось очень объёмное, прямолинейного содержания, по которому в те годы сразу могли отправить в психушку без уточнения фамилии и воинского звания. Начиналось оно с того, что основу боеготовности нашей армии составляет показуха и очковтирательство. Что план Генерального штаба по приведению войск в повышенную и полную боеготовность с переброской войск с востока на запад, с севера на юг и обратно в век ракетно-ядерного оружия мог для нас придумать только наш вероятный противник. Доказывал, что наша граница – не «на замке», как мы лжём своему народу, а проходной двор. Приводил конкретные факты перехода границы туда и обратно. Что наш новый командующий Забайкальского ВО генерал армии Салманов при приёме должности,

проверив боеготовность всех отдельных батальонов Укреплённых районов округа, издал приказ о их небоеготовности, кроме одного батальона, которым в то время командовал я. В письме я доказывал, что мой батальон так же, как все батальоны Укрепрайонов в Забайкалье, на боеготовность которых ежегодно тратятся огромные средства, даже теоретически не может быть боеготовным. Описывал почему. Предлагал вместо них создать мобильные части быстрого реагирования. Доказывал, что порядок приёма в академию им. Фрунзе, где в ходе сдачи экзаменов работает закон ЧЧВ (человек человеку волк, о котором все знают, когда, уменьшая конкурс, офицеры воруют друг у друга документы, «стучат» и подставляют друг друга) способствует продвижению в генералы отпетых подлецов, а не достойных добросовестных офицеров, дорожащих своей совестью и честью. Доказывал, что политработники разлагают Советскую армию, и с этим никто ничего не делает… Получил телеграмму:

– По окончании отпуска, не заезжая в часть, прибыть на беседу к ЧВС округа. Мне уже было всё равно, куда прибывать. Прибыл. Генерал-майор Ломов признался, что хотел сразу отправить меня в психушку, но вспомнил, что совсем недавно утверждали мою кандидатуру на должность командира десантно-штурмовой бригады в Магочи, и позвонил командующему армии с просьбой дать мне характеристику. Краев характеризовал меня, как одного из лучших офицеров армии. Ломов подумал, что командующий не может знать каждого офицера в армии и, наверно, что-то путает. Позвонил командиру Укрепрайона. Юшкевич повторил характеристику командующего, что вызвало в Ломове, по его словам, недоумение.

– Как будем беседовать, по каждой строке или в целом? – Спросил Ломов.

– Мне всё равно. - Давайте по строкам Вашего письма…

Вы тут рассказываете о порядке поступления в академию, где работает закон ЧЧВ (человек человеку волк, о котором все знают), когда офицеры воруют друг у друга партийные билеты, удостоверения, «стучат» и подставляют друг друга,.. Здесь я с Вами согласен. Описываете, как командир отдельного батальона майор с орденом « Красной звезды» уехал домой с двойкой, полученной на экзамене, в то время, как старший лейтенант, просидевший в штабе несколько лет, ни одного дня не работавший с людьми, но зазубривший все цифры, поступает в академию. Вы считаете, что это недопустимо. Спрашиваете, как этот старший лейтенант будет командовать после академии полком, дивизией, если он не знает людей и не умеет с ними работать? Наверно, и с этим трудно не согласиться. Вы доказываете, что все Укрепрайоны, на которые ежегодно тратятся баснословные денежные средства, даже теоретически не могут быть

боеспособными.
– Это Вы писали?
– Писала моя жена, а я диктовал.

– Кто-нибудь это читал?

– Нет.

– С нашей бесхозяйственностью тоже всё ясно. Вы критикуете плановую экономику, приводите примеры. Рассказываете о причинах дезертирства и дедовщины, о самоубийстве солдат и офицеров и как эти вопросы желательно решать. Вот вы критикуете практику с ответственными офицерами, а что предлагаете?

– Товарищ генерал, ставьте рядом с разгильдяем двадцать ответственных офицеров, но он зайдёт в туалет, из сливного бачка достанет бутылку водки и накушается. Его не удержит ни один ответственный. Пребывание ответственных офицеров в казарме не только бесполезно, но и вредно. Надо серьёзно заниматься воспитательной работой, не подменяя и не подрывая авторитета младших командиров. Но этому нигде никто толком не учит, потому что сами не знают, как это делается. Откуда им знать, если пахарей, тех, кто знает, в академии не пускают. Рассказал, как это делал я в полку у Лепёшкина.

– Вы приводите примеры, как в Чебаркуле привлекли к уголовной ответственности за присвоение денег, заработанных солдатами прибывшего из Германии начальника политотдела. В Елани привлекли начальника политотдела за то, что продавал офицерам очереди на квартиры и места в детском саду. Пишете, что остались безнаказанными партийно-политические работники, пропивавшие партийные взносы в Билитуе, которых покрыл генерал Вольхин. Вы пишете, что командующий армии В.С. Краев приказал разобраться с ними в партийном порядке и вынести вопрос на суд офицерской чести, а ЧВС армии генерал Вольхин сказал, что своих в обиду не даст. Спрашиваете, если эти алкаши – свои, то чьи мы? Почему политработники разлагают армии и с этим ничего никто не делает? – Я что, по-вашему, тоже разлагаю армию?

– Конечно!
– Это как? - удивился генерал.

– В штаб округа приезжают по Вашему вызову офицеры, и все видят таблички на входных дверях в кабинеты командующего округа и на Вашей. Вы посмотрите, какая разница. Ваша в четыре раза больше, чем у командующего. Кто Вам позволил нарушать установленный порядок в

Советской армии? Что думают о Вас прибывающие к Вам на беседу офицеры, видя такое безобразие?

– Это порученец перестарался.

– А кто у Вас кем командует? Генерал смутился.

– Всё правильно! Я не думал, что у нас в округе есть такие глубокомыслящие офицеры. В том, что вас не пускали в академию, виноваты бюрократы. Напишите рапорт, и я возьму под контроль Ваше поступление в академию.

– Спасибо! Шестой раз я пытаться не буду. - Ответ в ЦК по Вашему письму будет такой: «Все вопросы поставлены правильно и требуют рассмотрения».

Побеседовав с ЧВС округа генералом Ломовым, я с женой и сыном продолжал следовать на поезде из г.Чита в г.Борзя. Вышел в тамбур вагона покурить. Там стоял капитан в десантной форме. Моих десантников уже больше двух лет, как перевели из Дурбачей в Хадобулак, и я спросил у незнакомого мне капитана: «Как поживает Хадобулак?» Тот сморщился и ответил, что хуже, наверно, не бывает.

– Я недавно в этом батальоне. Прибыл в него по замене. Офицеры рассказывали, что раньше батальон стоял в Дурбачах и их комбат командовал гарнизоном, в котором, кроме ОДШБ, стояли ещё четыре отдельных батальона Укрепрайона. Вот там, несмотря на то, что этот комбат гонял всех как сидоровых коз, жизнь у них была райская. Я спросил у капитана, знает ли он фамилию этого комбата?

– Я точно не помню. Кажется Чичивой или Чачевой.

– А может Чащевой?

– Да, да. Точно, Чащевой!

А Вы его знаете?

– Я знаю его жену. Она едет с сыном в этом вагоне, если хочешь, я могу познакомить.

– Конечно, хочу. Приеду - ребятам расскажу. Зашли в купе, и я сказал Светлане, что капитан хочет познакомиться с женой бывшего командира ОДШБ, который командовал гарнизоном в Дурбачах. Капитан стал рассказывать Светлане, как им сейчас в Хадобулаке плохо, и как им не

хватает там Чащевого, чтобы навёл порядок. Как хорошо о Чащевом рассказывали офицеры…

Светлана слушала, не перебивая, и не могла понять, что это за спектакль, ведь Чащевой стоит рядом и улыбается. Когда капитан выдохся, Светлана познакомила его с подполковником Чащевым.

Прошло немного времени после такого ответа в ЦК, и генералу Ломову пришлось сдавать свою должность. С новым ЧВС он приехал в Билитуй, и командир пригласил меня, чтобы я сопроводил их в казарму боевого дежурства. Кто-то откуда-то позвонил, чтобы я по ЦТ обязательно посмотрел сегодня художественный фильм «Тяжело в ученье, легко…». В титрах этого фильма говорилось, что сценарий фильма составлен по выступлению офицера на партийном собрании в одной из учебных частей Уральского военного округа. Фильм почти подробно в художественной форме рассказывает о сути моего выступления. Я понял, что полковник спецкор из «Красной звезды», уехав из Елани, написал сценарий к фильму, и быстрей всего он, не сумев меня поймать, передал, чтобы я посмотрел фильм. Фильм – это, конечно, хорошо. Вся наша жизнь, как один большой фильм, в котором каждый из нас играет свою роль. Она может быть интересная, а может быть так себе, как на это посмотреть. Например, идёт приём присяги, и льёт дождь. На приём присяги обычно из разных концов страны съезжаются к солдатам родственники и любимые девушки. Но льёт дождь, а ты должен стоять в строю, как стоят сотни, тысячи других, и не имеешь право покинуть строй. Одни уже вспомнили всех богов и чертей, а другие воспринимают всё происходящее по-своему. Они понимают, что эта присяга даётся своим родным и близким, своим любимым:

Присяга

Опять твой взгляд, твои глаза…
Льёт дождь, когда его не просят.
Забыв о всём, меня с тобой
Воспоминания уносят.

Присяги строгие слова
На верность Родине взывают.
Полотна боевых знамён…
Оркестр походный марш играет…

Игра чужих и разных судеб,
Какой безумно-странный круг:
Всё это рядом, но не с нами.
Нас двое – тысячи вокруг.

Твои глаза, твой нежный взгляд…
О чём-то молча ты сказала.

Я присягаю пред тобой,
Не нарушая ритуала.

Пусть льют беспечные дожди,
Сзывая всех людей в приюты,
Но в памяти не гаснет свет –
Любви священные минуты.

Без поэзии в душе служить очень сложно. В Укрепрайон прибыла комиссия из округа с проверкой работы пункта приёма призывников из запаса. Этот вопрос у нас был отработан очень хорошо. Пункт приёма находился в бывшем учебном корпусе, переоборудованном под пункт приёма и под склад имущества для призывников запаса. В развёртывании этого пункта приёма принимали участие в основном сержанты, прапорщики, офицеры и офицерские жёны – военнослужащие. Командир пригласил членов комиссии к себе в кабинет, а я дал команду на развёртывание пункта приёма и, сидя в кабинете командира с представителями комиссии, ждал доклада о готовности. В кабинет вошёл оперативный дежурный и попросил меня выйти с ним. Сообщил мне:

– Пункт приёма развернуть невозможно, потому что пьяный прапорщик с двустволкой занял оборону в тамбуре на входе и никого не пропускает, грозится, что будет стрелять. Показывать окружной комиссии пьяного прапорщика, который пытается командовать Укрепрайоном, срывая проверку окружной комиссии, очень не хотелось. Это будет посмешищем на весь округ. Я пошёл. Подойдя, увидел, как персонал пункта приёма прячется по обе стороны от входа, где на полу сидит прапорщик с ружьём. За углом стоит и моя Светлана, зная, что меня не остановишь. Я шёл очень быстро, чтобы успеть до выхода из штаба членов комиссии. Прапорщик кричит:

– Стой! Стрелять буду!

– Стреляй, сволочь! Грохнул выстрел. Я был уже слишком близко, и пучок дроби не успел рассеяться. Улетела фуражка. Второй выстрел опередил мой удар. Света упала в обморок, и прапорщик от моего удара тоже. Приказал быстро отнести прапорщика на гауптвахту, а жену – в санчасть. Санчасть и гауптвахта находились совсем рядом. Остальных поторопил занять свои места, согласно боевому расчёту. Все бледные. Приказал всем улыбаться, а женщинам подкрасить свои губки. Комиссия с командиром Укрепрайона, ничего не подозревая, выходила из штаба. Проверили, остались очень довольны и уехали. Утром привели ко мне в кабинет на беседу прапорщика с

гауптвахты. Он рассказал, что после прошлого развёртывания у него пропало два ремня, и, не сказав об этом никому, он решил на этот раз в склад больше никого не пускать, а для храбрости выпил 200 г водки.
– А почему промазал? – спросил я. – Я увидел, что Вас не остановишь, но я дал себе слово. Рука у меня дрогнула. Кто-то доложил командующему, что в его любимчика стреляли. И не успел я закончить беседу, как мне сообщили, что командующий ждёт меня в кабинете командира.

– Что, Владимир Михайлович, будем делать с прапорщиком, сажать или увольнять из армии? Что скажешь, то и сделаем.

– Товарищ генерал, у этого прапорщика пятеро детей. Если посадим, некому будет их кормить. В армии его, конечно, держать нельзя. Предлагаю уволить. По всей армии прошёл слух, что Чащевого застрелили. Первый раз меня уже хоронили, когда разбился мой «УАЗ». Но, видно, Богу было так надо, чтобы я пока жил.

Глава 12
«Ослы»

В декабре 1984 года, наверно, не без содействия Краева, я был переведён на должность начальника учебного отделения – заместителя начальника штаба учебной мотострелковой дивизии в городе Борзя. Это не было для меня повышением в должности, но это, как предполагалось, более спокойная должность. Краев, уезжая на новое место службы в г. Баку на должность первого заместителя начальника Управления боевой подготовки Главного командования войск Южного направления, просил меня не лезть больше в канализации и отопление. Сказал мне, чтобы я берёг своё здоровье, которое Родине ещё пригодится. Прибыв в «голубую» дивизию и устроившись в гостинице, я не находил себе места. Окна на зиму никто не утеплял, и в щели, толщиной с палец, ветер «сдувал с койки». Выгонял из гостиницы не только ветер, но и мороз, так как отопление не работало. Сутками, меняя друг друга, учебные полки ломами и лопатами долбили лёд над теми местами, где должна проходить теплотрасса. Света в городке тоже не было, так как электрощиты в подъездах домов не выдерживали

самодельные мощные обогреватели в каждой квартире и, не выдерживая нагрузки, горели, замыкая всё, что можно было ещё замкнуть. На штаб дивизии работал маломощный электрогенератор, дававший электроэнергию круглосуточно. Временно исполнял обязанности командира дивизии полковник. Я попросил у него разрешения, чтобы помочь разобраться с отоплением, мотивируя тем, что весь учебный процесс в дивизии сводился к выживанию. Как ни странно, полковник был другого мнения и приказал мне заниматься своим делом. Посоветовал не лезть, куда не просят. Раньше я интересовался, почему эту дивизию называют «голубой». Ещё в Дурбачах мне рассказывали, что «с дикого запада» её перебросили сюда, и она очень долго «давала дуба», находясь в палатках под голубым Забайкальским небом. Солдаты зимой от холода тоже были голубыми, поэтому и получила дивизия название «голубая». Сейчас всё уже построено, но бесхозяйственность и тупость наших военачальников вынуждали личный состав дивизии, как и раньше, с трудом преодолевать все тяготы военной службы, умирая от пневмонии. Пришлось мне вместо гостиницы устроиться в своём кабинете за своим столом. Обогреватель поставил под ноги, а голову на ночь укладывал в шапке на стол. Офицерская столовая тоже была без света и не работала. Питаться приходилось тем, что найду в замерзающем магазине. Прошло три дня моего выживания, и я решил попробовать зайти с другой стороны. Ночью написал басню про ослов. Решил положить её под стекло на своём столе с одной стороны, а рекомендации В.И. Ленина о том, каким должен быть руководитель, с другой стороны. Утром отпечатал басню и рекомендации вождя, положив их, как задумал, ушёл на обед. Пока искал, что бросить себе в желудок, басня разошлась по всей дивизии. Вечером меня пригласили в кабинет командира дивизии, где сидел полковник, исполняющий обязанности комдива, и все заместители. Начальник политотдела подполковник Трифонов зачитал мою басню:

Ослы

У всех животных вожаков по их уменью выбирают,
А у людей в начальники ослы нередко попадают.
И властвует осел-вожак, взобравшись лживо на престол,
Пытаясь льва изобразить, совсем забыв, что он осел.
И человек идёт к ослу, чтоб речь ослиную послушать.
Осел, услышав слово против, хотел бы с травкой нечисть скушать.
Чужими судьбами вершат, в довольстве барствуя, владыки,
А чтоб на троне устоять, они бывают и двулики.
Но сгубит горе вожака-осла ослиная натура.
Останется всем от него его ослиная лишь шкура.

Конечно, что и говорить, владыки ноша не легка,
Ему всех за собой вести и быть достойным вожака.

Хотел бы я, чтоб на престол ослов поменьше попадало,
А льва копировать ослу – так тут и вовсе не пристало.

Начальник политотдела был в бешенстве.
– Это Вы про кого написали?
– Про того, кто себя в ней узнает.
– Но Вы ведь тоже начальник?
– Если Вы заметили, у меня под стеклом на столе с одной стороны лежала басня, а с другой – рекомендации нашего вождя, каким должен быть руководитель. Если я не исполняю эти рекомендации, значит, мне подходит то, что написано в этой басне.
– А Вы знаете, что эта басня уже разошлась по всей дивизии?

– Я свою дверь не закрываю, и, если басня разошлась так быстро по всей дивизии, значит, она всем нравится, и это хорошо.
Исполняющий обязанности комдива не выдержал:
– Это про меня написал. Давай, помоги разобраться с отоплением!
Вечером ко мне в кабинет зашёл начальник особого отдела дивизии по заявлению начальника политотдела. Рассказал, что тот зачитал ему мою басню, а особист ответил, что ему нравится. Но начпо требует принять меры.
– Прошу тебя: замени первые строки, чтобы не было в них людей, и дай мне, а я закрою дело.
Заменил:

ОСЛЫ

У всех животных вожаков по их уменью выбирают.
Бывает так, что и на трон ослы нередко попадают.
И властвует осел-вожак, взобравшись лживо на престол,

Пытаясь льва изобразить, совсем забыв, что он осел.
Идут животные к нему, чтоб речь ослиную послушать,
Осел, услышав слово против, хотел бы с травкой нечисть скушать…

Дело закрыли. В течение двух дней разобрались и сделали отопление. Получил квартиру, помог сделать никогда не работавшее отопление в магазине и отправился за семьёй в Билитуй. Приехав с семьёй в Борзю, узнал, что в одном из домов, разогревая пустой перекрытый стояк отопления паяльными лампами, сожгли всё содержимое квартиры, пока хозяева были на работе. Собирая деньги для возмещения ущерба с офицеров всей дивизии, вспоминали мою басню про ослов.

Закончилась зима. Начались плановые командно-штабные учения с выездом на местность. Для меня это было не ново. В войсках обычно за неделю командир полка предупреждает, что в понедельник, в 6 часов утра, в полку будет **внезапно** объявлена учебная тревога. Все, даже за пределами военных гарнизонов, целую неделю живут в ожидании этой «внезапно» объявленной учебной тревоги. Выезжали мы и на местность. Помню, как преследовали и уничтожали всю ночь противника на картах и утром, уничтожив свои сухие пайки, разлеглись, кто, где под деревьями вздремнуть. В то время заместителем командира полка по тылу был майор Применко, который всех доставал своим юмором. Глядя на нас, развалившихся под соснами, он и на этот раз не прошёл мимо:
– Жена, как сука, на перине, а муж, как барин под сосной! Капитану Ильину не понравился его юмор, и он спросил, знает ли майор, что каждое говно кончается на О, например, - ПрименкО. Майор ответил, что далеко не каждое кончается на О:

– Например, Ильин - кончается на Н. Без юмора и на учениях было скучно. Как-то в Чебаркуле я подорвался на учениях. Обгорело лицо и руки. Всё облезло и заросло, только цвет глаз изменился - были карие, а стали голубые. Врачи сказали, что от большого импульса света выцвела сетчатка глаз. На учениях Укрепрайона тоже получил травму – перелом отростка двенадцатого позвонка. Отлежаться не удалось, командовать Уром было некому. Пришлось корчиться от боли по ходу движения. Всё это было на Урале, в Билитуе, а сейчас мы с «Голубой» дивизии тоже куда-то выдвигались, на какую-то местность. Моросил дождь. Колонну вёл начальник штаба дивизии подполковник Шипов. Поднимаясь на вершину сопки, колона вдруг остановилась. Такая остановка колонны на косогоре, да ещё в такую погоду – просто безумие. Чтобы это понимать, не надо заканчивать военного училища и тем более академии, достаточно иметь голову под фуражкой. Но… Я ехал со всеми офицерами в кузове машины. Когда колонна остановилась, к нашей машине подошёл начальник штаба. Не выбирая выражений, поливая всех старших офицеров матом, он кричал, почему мы не спешиваемся. Я сказал Шипову, что на всё должна быть команда, а команды: «К машинам!» не было. И никому в голову не могло прийти, что какой-то дурак, на таком косогоре, остановит колонну. Обратил его внимание на машины, которые, останавливаясь, уже катятся назад по скользкому склону сопки, ударяясь друг о друга. Спросил его:
– Вам что, трупы нужны?

Шипов не ожидал такого отпора от своего заместителя и взбесился. Подошедшим солдатам он закричал:

– Связать его!
Я сказал, что солдат бить не буду, а если кто попытается это сделать, то первым ляжет он. На этом для меня учения закончились.

Через неделю приехал новый командир дивизии полковник Кривогуз и, услышав о происшедшем, посоветовал мне попросить у Шипова прощение, так как тому предстоит в ближайшее время писать на меня аттестацию. Виновным я себя не считал, но знал, что такие низкорослые, как Шипов, не только бывают злыми, но и злопамятными, а в моём личном деле до трёшки как раз не хватает ещё одной плохой аттестации. Но командира послушал и извинился. Шипов тоже извинился, и, кажется, всё стало на свои места. Комдив попросил меня разобраться с отоплением в пятиэтажном учебном корпусе, которое со времени его постройки ещё ни одну зиму не работало. Собрал я бригаду и всё проверил. Заварили трещины в трубах, перебрали все вентили и задвижки. При запуске через два часа батареи снова были холодными. Приказал загасить котлы, остановить циркуляционный насос и слить из учебного корпуса теплоноситель. Опустили солдатика в колодец, чтобы снял задвижку на обратном трубопроводе. Потекла горячая вода. Солдатик был в трусах, а вверху для него держали тулуп. Попросил его пощупать, какое отверстие в стакане под задвижкой на трубе трассы. Проверил и доложил, что отверстие диаметром с толщину электрода. Подключая отопление учебного корпуса к трассе, строители приварили стакан под задвижку обратки диаметром 80мм, прожгли электродом в этом стакане дырочку в 5 мм и быстро прикрутили задвижку, а там «трава не расти». Пришлось зубилом расширять отверстие, потом ломиком его раздвигать, потом двумя ломиками и тремя. Отопление заработало. Так мы нашли и устранили очередную пакость наших военных строителей.

Пришла команда мне и командиру дивизии выезжать на сборы Главнокомандующего Сухопутными войсками в учебную дивизию, размещённую недалеко от Риги в Адажи. Там я встретил своего бывшего командира полка, а ныне генерал-лейтенанта Лепёшкина и подполковника Тавровского. Оба узнали меня. Увидев Лепёшкина в таком звании, я не удивился и не стал спрашивать, в какой он должности. Судя по званию и количеству прибывших с ним офицеров, нетрудно было догадаться, что это уже не командир дивизии, а гораздо выше. В конце этих сборов он попросил меня подойти и окружавшим его офицерам сказал: - У этого подполковника, когда он был комбатом в звании капитана, электронные тренажёры его собственного изобретения были гораздо лучше тех, которые Вы видели на этих сборах в 1985г. В ходе сборов руководством Сухопутных войск было предложено всем дивизиям перейти на обучение специалистов в составе сводных экипажей. Был задан вопрос, как коренным образом улучшить качество обучения в учебных дивизиях. Все молчали, а моё предложение никому не понравилось. Суть предложения была в том, чтобы у наших выпускников по окончании обучения принимали экзамены не в тех округах, где их учили, а там, куда они прибывают для прохождения дальнейшей службы, и чтобы делались орг. выводы, в соответствии с полученным результатом. Командиры дивизий протестовали хором, заявляя, что в таком

случае на своём месте не останется ни одного командира дивизии. Этим они сами давали оценку своей работе.
Мне пришла телеграмма, запрашивающая моё согласие на службу в полковничьей должности у Краева в Баку. Через округ я дал своё согласие, но кто-то положил его под сукно.
Когда я узнал, что мне предстоит замена в г. Бердичев Прикарпатского военного округа, стал интересоваться, что это за город. Мне рассказали анекдот про Бердичев:

– Встречаются в Бердичеве две подруги, и одна у другой спрашивает:
– Где ты такое красивое пальто сшила?

– В Париже.
– А это далеко от Бердичева?
– Наверно, тысяч семьдесят километров будет.
– Надо же, такая глушь, а так хорошо шьют, - сказала подруга.

Глава 13
Прислали дурака

По замене прибыл в город Бердичев Прикарпатского военного округа. Командир дивизии генерал-майор Котовский приказал ознакомиться с учебно-материальной базой и доложить ему. По его голосу нетрудно было понять, что их база – самая лучшая в СССР лучше которой быть не может. На следующий день на построении всего управления дивизии Котовский спросил:
– Что скажете, подполковник, по поводу нашей учебно-материальной базы?
– Сделано много, но и переделывать придётся немало.
Генерал ожидал от меня услышать слова восхищения своими пустыми стенами в классах учебного центра, затопленными качалками под танками в танковом огневом городке, и железными дорогами для движения целей, которые все надо переделать. Услышанное от меня генерал воспринял, как плевок в его сторону.

– Вы, подполковник, ничего в этом не соображаете. Прислали к нам какого-то дурака.
Через неделю приехали офицеры из отдела боевой подготовки округа, и командир им выдал всё, что он обо мне думает. Те зашли ко мне и спросили, в чём дело. Я поинтересовался у них, сколько в эту дивизию ушло шлейфа

на полигонные железные дороги. Сказали, что очень много. Объяснил им, что все железные дороги, предназначенные для движения целей на двух учебных центрах этой дивизии собраны неправильно. Рельсы соединяются между собой сваркой, а не скрепляются специальными накладками, как должно быть. При изменении температуры воздуха рельсовая сталь расширяется или сужается, что ведёт к искривлению сваренного железнодорожного полотна. Это ведёт к сбросу тележек с мишенями и обрыву шлейфа. Кроме того, длина всех железных дорог сделана в точном соответствии с длиной, указанной в курсе стрельб для показа целей без учёта расстояния, потраченного на разгон тележек перед подъёмом мишеней и до начала их опускания. Это значительно сокращает время показа цели, указанное в курсе стрельб. Длина каждой дороги должна измеряться расстоянием, пройденным мишенью в поднятом состоянии, когда по ней можно вести огонь. Качалки для танков в танковом огневом городке необходимо приводить в рабочее состояние с помощью дренажных ям, которые заложить бутом, и как следует просушить затопленные движки… Офицеры, прибывшие с округа, слушали меня очень внимательно. Из моего кабинета ушли к Котовскому, доложив ему, что я прав, и до окончания учебного процесса этого выпуска всё должно быть устранено.
Их «дружеский» разговор на повышенных тонах со стороны генерала, вперемежку с бранью, слышал не только я, но и всё управление дивизии, не выходя из своих кабинетов. Генерал у них спрашивал, куда они смотрели, когда всё делалось? Куда ежегодно смотрели, принимая экзамены при выпуске специалистов? Спрашивал, что они там делают в отделе боевой подготовке, кроме того, что протирают штаны? Почему подполковник всё это знает, а они не знали?
Отправив окружников, приступили к устранению недостатков.
Вопрос о повышении качества обучения в учебных дивизиях остался для руководства Сухопутных войск открытым, и надо было с этим что-то делать. Долго думали и вспомнили, что ещё в 1953 году профессор Гальперин предлагал новый метод обучения с помощью УТК (учебно-тренировочных карт), который был опробован с хорошим результатом и тут же забыт. Решили, что, наконец (через 25 лет) пришло время применить этот «новый» метод для обучения в учебных дивизиях. Пришли указания о переходе учебных дивизий на новый метод обучения с помощью УТК. Для обучения по этому методу, из округа прислали другой распорядок дня и финансовое обеспечение на изготовление УТК. Не понятен был смысл замены распорядка дня, но… Учебное отделение довело до всех частей дивизии новый распорядок дня и проконтролировало написание новых расписаний для занятий по новой методике. Я приступил к поиску типографий, которые возьмутся за наш заказ по изготовлению УТК. Мне посоветовали съездить в типографию города Чуднова.
Встретившись с директором типографии, узнал, что о нашей дивизии, в которой служит её старший сын, она слышать не хочет. Попросил рассказать

о причине такого отношения к нашим доблестным войскам. Рассказала, что её сыну пять лет назад выделили квартиру со всеми удобствами в пятиэтажном доме, но до сих пор он со своей семьёй, с ребёнком-инвалидом, живёт в деревянном бараке без удобств, а квартиру занимает кто-то другой. Мне пришлось извиниться за руководство нашей дивизии, и я пообещал приехать со своим заказом только после решения этой проблемы.

Проблему решил и директор этой типографии, Цимбалист Людмила Григорьевна, помогла мне организовать изготовление УТК в трёх типографиях Житомирской области.
В день прибытия в эту дивизию по замене, я узнал, что здесь тоже, как по традиции, привлекают к уголовной ответственности начальника политотдела, а за него временно исполняет обязанности его заместитель подполковник В.М. Сологуб. Отношения с Сологубом у меня были, мягко говоря, не очень хорошие. Мне не нравилось, как по-барски он заходил в магазин на территории штаба дивизии и, игнорируя любую очередь, даже из старших офицеров, не оплачивая, демонстративно брал то, что хотел. Все молчали. Я спросил у продавщицы: «Как он рассчитывается?» Ответила:
– Иногда бросит на прилавок что-нибудь, как собаке, а чаще никак. Если начну возмущаться – и дня не проработаю, как вылечу с этого места.
Наглость этого политработника танковых войск, который со своей комплекцией не влезет ни в один танковый люк, проявлялась не только в магазине. Мне было известно от инспектора по жилищному фонду Скрипкина Василия Ивановича, как незаконно Сологуб вселился в квартиру, выделенную другому офицеру, и позже вынуждены были переписать ордер по факту на него.
Казалось бы, что всё должно быть наоборот: основополагающим должен быть личный пример во всём, тактичность и культура в обращении с сослуживцами и, конечно, большой опыт в воспитании личного состава. К сожалению, всё, что должно красить любого человека и тем более офицера, в этой партийно-политической субстанции часто заменялось вседозволенностью и наглостью. В войсках говорили, что командир от политработника отличался тем, что подаёт команду: «Делать, как Я!», а политработник: «Делать, как я сказал!».

На военный совет в округ по вопросам внедрения новой методики обучения пригласили командира дивизии, его заместителей и начальника учебного отделения. Перед заседанием этого военного совета в учебных дивизиях округа работали комиссии отдела боевой подготовки округа. У нас тоже что-то посмотрели или хотели посмотреть и, не задавая вопросов, уехали. В докладе генерал-лейтенанта о положении дел в учебных дивизиях с трибуны прозвучало, что в нашей дивизии висят старые расписания без поправок на новый распорядок дня. Командующий округом генерал-полковник Скоков прервал докладчика:

– Где начальник учебного отделения этой дивизии?
Я встал и представился:
– Подполковник Чащевой.
– Вы почему не исполняете указания командующего округом?
– Товарищ командующий! В тот же день, как мы получили Ваши указания о новом распорядке дня, учебное отделение довело эти указания до командиров всех частей дивизии. На следующий день по распоряжению командира дивизии генерала Котовского были проверены все распорядки и расписания занятий во всех частях дивизии, и все недостатки были устранены.
– Вы хотите сказать, что генерал с трибуны говорит неправду?
– Так точно, товарищ командующий!
У генерал-лейтенанта около трибуны началась истерика:
– Как Вы, подполковник, смеете обвинять меня – генерала во вранье?
Командующий, подняв нашего командира дивизии, спросил:
– Кто говорит правду?
Котовский ответил. - Подполковник говорит правду!
Командующий приказал Котовскому дать реальную характеристику на начальника учебного отделения.
– Грамотный, честный офицер, добросовестно исполняет свои обязанности.
Из президиума через очки, которые держал в руке, внимательно рассматривал меня генерал-лейтенант Шевцов, которого в начале этого заседания представил нам командующий, как нового начальника штаба округа.

Этот генерал-лейтенант когда-то был подполковником, заместителем командира дивизии у Сурайкина, а я комбатом в звании капитана. Когда я стал подполковником и по пути с Заб. ВО заехал в Елань, на КПП при входе в дивизию случайно встретился с ним. Он уже был генерал-майором и командовал этой дивизией. При встрече он обнял меня и рассказал, что на торжественном собрании в доме офицеров дивизии зачитывал приказ Министра обороны о награждении меня орденом «За службу Родине», а офицеры дивизии долго аплодировали стоя. Сказал, что все ещё помнили о моей борьбе с Сурайкиным. Генерал у трибуны не успокаивался. Ответ Котовского усугублял его положение, и командующий округом решил разрядить обстановку, переведя её в другое русло:
– Товарищ Котовский, это что за подполковник сидит рядом с Вами с расстёгнутым воротом рубашки?
Сологуб встал и представился, пытаясь застегнуть рубашку. Но она уже давно не застёгивалась, и все его усилия были напрасными. Но командующий настаивал на соблюдении формы одежды. Сологуб, наверно, никогда в своей жизни не слышал столько справедливого и нелицеприятного в свой адрес. Стоял и краснел, краснел и потел, но ничего

не помогало, и проклятая пуговица на рубашке не застёгивалась. А командующий весь гнев генерала, стоявшего за трибуной, адресованный мне, рикошетом направлял на Сологуба. Докладчик на трибуне уже забыл про меня, а Сологуб всё ещё получал… от командующего и получал. Его уже и «в люк танка пытался командующий заталкивать и вытаскивать обратно», подчёркивая его безмерную полноту.
Всю дорогу из Львова до Бердичева Сологуб не проронил ни слова.
Учебный процесс в дивизии шёл с большими проблемами из-за нехватки транспорта. Вывезенные на стрельбы батальоны в Житомирский учебный центр иногда не могли приступить к стрельбе из-за отсутствия транспорта в воинской части, которая по графику должна выставлять оцепление, или оттого, что вовремя не подвезли боеприпасы. Затруднена была и доставка питания для личного состава. Командиры полков полковым транспортом не в состоянии были обеспечить жизнедеятельность своей войсковой части и ход учебного процесса. Все знали об этой проблеме, но громко о ней не говорили: чего-то боялись. Но меня всегда несло туда, куда нельзя.
Командир автобата, зная и уважая меня по Заб. ВО, по секрету рассказал, что 25 новых «КАМАЗ»ов, которые должны обеспечивать учебный процесс в дивизии, где-то постоянно работают на Члена Военного Совета округа генерала Панкратова, поэтому его батальон никогда не проверяется и без каких-либо экзаменов он всегда «ОТЛИЧНЫЙ». Комбат просил, чтобы я его не подставлял, иначе он от всего откажется. Наконец, я узнал, где собака зарыта, но что теперь с этим делать? «И людям не отдать, и в карман не положить». Проверяя занятия на Житомирском учебном центре, я объехал все отдельные батальоны и три танковых полка. Меня интересовала не только методика проведения занятий с курсантами, но и во что курсанты одеты в тридцатиградусный мороз, когда их кормили. А.В. Суворов говорил: «Относись к солдату, как к сыну своему», и это, на мой взгляд, должно быть основой в решении любых вопросов службы. Представь себя, читатель, на месте солдата, которому вместо двух комплектов белья и двух портянок в каждый сапог в такой мороз выдали всё по одному комплекту, и не по-зимнему (утеплённому), а по-осеннему, и заставляют стоять в строю и что-то познавать. В присяге написано, что воин должен переносить все тяготы военной службы, но там не указано, что над ним можно издеваться, как в этих трёх танковых полках. К семнадцати часам приехал проверять батальон мотострелкового полка и вместо солдат увидел сосульки в солдатской форме. Начал разбираться, в чём дело. Оказалось, что в шесть часов утра их помыли в бане, выдав один комплект осеннего белья и **ни одной портянки**. В сапогах на босую ногу в машинах с тентом их вывезли в тридцатиградусный мороз за 50 километров на суточные стрельбы. К моему приезду их ещё не кормили ни завтраком, ни обедом, ни ужином. Занятия пришлось отменить, приказав офицерам принять все меры для спасения людей. Но вариантов у них было, при отсутствии транспорта, очень мало. Сам проскочил в Житомирский танковый полк, откуда

позвонил в мотострелковый и передал через дежурного, чтобы командир с заместителем по тылу немедленно прибыли спасать свой личный состав и с собой имели… А замполит чтобы прибыл в штаб дивизии к новому начальнику политотдела. Прибыв в штаб дивизии к девятнадцати часам, узнал, что у нас в штабе Член Военного Совета округа генерал-майор Панкратов Ю.И. и, что он приглашает (на ночь глядя) всех на партийное собрание с повесткой дня: «Повышение роли политработника в организации учебного процесса». После его выступления слово взял я. Сказал генералу, что не совсем понял, о чём идёт речь. Что его подопечные появляются на полигонах и танкодромах, когда зреют ягоды и появляются грибы, а сейчас в тридцатиградусный мороз, проверив на Житомирском полигоне все отдельные батальоны, три танковых полка и мотострелковый, я не мог найти ни одного политработника.
А там происходит поголовное издевательство над личным составом. Рассказал подробно, в каком состоянии находятся пацаны, которых доверили нам их родители. На этом собрание было закончено, и генерал сразу уехал, а меня пригласили в кабинет командира дивизии.
Не знаю почему, но в кабинете комдива в присутствии генерала Котовского и нового начальника политотдела подполковника Усольцева командовал Сологуб. Чуть не с пеной у рта он возмущался моим выступлением и кончил тем, что за это своё выступление я буду жестоко наказан.
Я понимал, что после такого выступления мне не удастся вовремя к Новому 1988 году получить очередное воинское звание «полковник». Но упустить возможность рассказать этому приехавшему генералу, до чего доводят его преступные дела с «КАМАЗ»ами и о безделье его подопечных, я тоже не мог.
Генерал Котовский уехал в жаркие страны, а вместо него на должность комдива был назначен 16.07.87. полковник Г. Андреев. 21.11.87. отдан приказом на должность новый заместитель комдива, но на работе он появлялся очень редко. Начальником штаба дивизии (моим непосредственным начальником) был полковник Майоров, который всегда хорошо относился ко мне. Он предупредил, что новому комдиву политработники так облили меня грязью, что мне никогда не отмыться. А я и не собирался отмываться, продолжая честно исполнять свои обязанности.
К Новому году получил очередную благодарность от комдива по представленному списку на поощрения от начальника штаба за добросовестное исполнение своих служебных обязанностей и денежное вознаграждение за 1987г. Начальнику отдела кадров дивизии я задал вопрос:
– Кто ответит за то, что, вопреки требованиям приказа Министра обороны № 100, мне не присвоено очередное воинское звание «полковник» к 31.12.1987.?

Вопрос остался без ответа, но 25.01.1988. в нарушение Гл. 4 «АТТЕСТОВАНИЯ» и пункта 13 Гл. 2 вышеназванного приказа

Министра обороны («Положение о прохождении службы офицерским составом»), заседает аттестационная комиссия и решает не свойственный для неё вопрос о задержке мне очередного воинского звания «полковник» на полгода для устранения внезапно возникших ко мне претензий. Вместо начальника штаба полковника Майорова, убывшего на новое место службы, на удивление всем, назначен самый слабый командир танкового полка подполковник В. Баталюк. Ежемесячно, в соответствии с требованием «Положения об организации учебного процесса…», учебное отделение под моим руководством, подводило итоги, анализируя качество обучения курсантов в воинских частях. В этих анализах по организации и качеству учебного процесса больше всех недостатков всегда отмечалось в танковому полку, которым командовал Баталюк. Теперь, по иронии судьбы, тот, кто от меня получал больше всех «пинков под зад», стал моим непосредственным начальником. Ему приказали написать на меня плохую характеристику, и он, не утруждая себя, взял уже написанную хорошую, подписанную командующим армии В.С. Краевым, только в каждое предложение подставил НЕ. Пребывая в этой должности всего два месяца, он не имел законного права писать на меня характеристику. Но в армии, когда приказывают, всё делается не по закону, но «законно». Утверждал характеристику, тоже не по закону, комдив полковник Андреев, знавший меня по службе всего полгода, оказавшись марионеткой в руках политработников.

Где-то выловили заместителя комдива, который вообще меня не знал, но, под диктовку Сологуба он вёл 25.01.1988. заседание этой «комиссии». Основанием для задержки мне звания заместитель комдива назвал неисполнение мной обязанностей, определённых Уставом для заместителя командира полка. Тяжело было слушать эту нелепость. Я сказал ему, что эти обязанности я исполнял, когда был заместителем командира Укрепрайона и исполнял их добросовестно, что отмечено в аттестации, подписанной командующим армии В.С. Краевым. А сейчас это его обязанности, которые я исполнять не должен. Никто из присутствующих не знал, что обязанности начальника учебного отделения и всех его членов описаны в Положении по организации учебного процесса в учебных частях и соединениях. Однако это ничего не меняло. Ничего не значил и тот факт, что, согласно требованиям приказа Министра обороны № 100, вопрос о задержке мне воинского звания должны решать не члены аттестационной комиссии, а командир дивизии. При принятии решения о задержке звания был нарушен не только установленный Министром обороны порядок решения вопроса и документального оформления этого факта, но и сам срок его принятия, т.к. всё происходило не до, а после истечения срока. Вопреки требования приказа МО, накануне истечения срока (до 31.12. 1987г.) со мной не была проведена личная беседа командиром о причинах, послуживших основанием для задержки звания, не оформлен лист беседы с

моей росписью и не приобщён для хранения в личное дело до присвоения очередного воинского звания. Ввиду того, что в моей служебной карточке за двадцать три года службы не было записано ни одного служебного взыскания, а последняя благодарность «За добросовестное исполнение своих служебных обязанностей» объявлена была менее месяца назад с вручением денежного вознаграждения за 1987г., в представленной на меня характеристике были только голословные обвинения, пустословие и словоблудие, не подтверждённое взысканиями.

В течение пяти дней с 24.02.88. по 28.02.88. учебным отделением дивизии под моим руководством была проведена научно-методическая конференция по внедрению новой методики обучения. На этой конференции присутствовали представители отдела боевой подготовки округа. После конференции из округа поступила команда поощрить всех участников и организаторов конференции, а по материалам конференции выпустить брошюру (методическое пособие) для нашей и других дивизий. В приказе комдива мне объявили очередную благодарность с той же формулировкой. Эта благодарность и брошюра никак не вписывались в планы «моих доброжелателей», и надо было с этим что-то делать, но они не знали что. Майоров был прав, эти так обгадят, что век не отмыться. В данном случае у них не всё получалось. Пришли к выводу, что пора привлечь к этому подлому делу всех политработников дивизии и, опираясь на мнение «всего народа», сделать задуманное.

Комдив, полковник Андреев, предложил мне в течение двух часов побеседовать с политработниками по вопросу воспитания и обучения курсантов. Собрали в доме офицеров на беседу со мной всех политработников из полков и отдельных батальонов нашей учебной дивизии.
Практический опыт в воспитании и обучении личного состава у меня большой, и эта беседа никакой трудности не представляла. Рассказывал, как, командуя учебным батальоном, отказывался исполнять распоряжения командира полка подполковника Лепёшкина: оставлять в своих ротах на выходные и праздничные дни ответственных офицеров. Считал, что это подрывает авторитет младших командиров и комсомольских секретарей, снимая с них всю ответственность. Что младшие командиры не подвели меня ни разу. Рассказывал, что запрещал офицерам после 18.00 часов находиться в расположении части, если те не проводят ночные занятия, не снимая с них ответственности за порядок в подразделении. Как четырежды участвовал в уборке урожая (на целине), где условия были гораздо сложнее, чем в учебной дивизии. Как трижды менял командиров рот, которые своим руководством полностью разложили личный состав, превратив роты в механизированные банды. Все три раза из худших рот делал лучшие. Ничего не скрывая, рассказывал о целине 1973 года. Вспоминая целину 1974г., подробно рассказывал, как рота через полмесяца работы в Татарии

выполнила трёхмесячный план, получив переходящее знамя обкома партии и денежную премию. Как в течение недели удалось одеть солдат в новое обмундирование и за считанные дни восстановить всю технику. Как это переходящее знамя никому до конца уборки урожая не передавали, доказывая всем, что мы лучшие из лучших и лучше нас не бывает. Как своим ходом со знаменем впереди колонны возвращались на Урал в г. Чебаркуль, где сдали его в музей дивизии. Политработники слушали с открытыми ртами. Спрашивали, за что я получил орден. Рассказал им, как из самого худшего замороженного гарнизона в Забайкалье (отдельного пулемётно-артиллерийского батальона Укрепрайона), сделал самый лучший гарнизон в округе. Как мы получили переходящее знамя Приаргунского райкома партии за организацию лучшей шефской работы. Как после первого замороженного гарнизона последовал второй. Я не ожидал такого интереса. Это были ещё не испорченные сологубами ребята, которых действительно интересовали способы и методы воспитания личного состава для достижения поставленной цели. Давно прошло два часа, но меня не отпускали, а задавали новые вопросы. Их интересовало, как ежемесячно праздновались дни рождения солдат, как проводились вечера отдыха для семей офицеров и утренники для их детей. Как всё делалось руками людей, которые раньше пьянствовали и били друг другу морды. Рассказывал им, как после второго гарнизона последовал третий, где, кроме отопления, пришлось тоже делать детскую площадку, фонтан с подсветкой и очень многое на учебном центре. Как командующий армией В.С. Краев привез всех командиров соединений, частей и их заместителей на этот учебный центр, чтобы показать, какими должны быть учебные классы для обучения и какой должен поддерживаться порядок. Вместо двух часов политработники продержали меня более трёх. Спросили, почему их этому никто не учит? Но чтобы этому учить, это надо было познать на практике. Трудно словами описать всё произошедшее. Политработники аплодировали стоя, пока я спускался со второго этажа и выходил из Дома офицеров. Это моё выступление оказалось последней каплей. Хотели испачкать, а получился обратный эффект. Политотдел рвал и метал, не зная, что со мной делать. Если моему читателю надоела эта политическая возня, прошу его потерпеть: « Не спи, замёрзнешь!» Всё, о чём рассказываю – это не сказки, и в жизни может пригодиться. Очень важно учиться на чужих ошибках и меньше допускать своих. Как правило, все «медали», которыми награждает нас жизнь, имеют две стороны. Увидев одну из них, не очень обольщайся, пока не взглянул на другую. Казалось бы, что

жизнь меня закалила до такой степени, что сломать невозможно, но…

Обстановка накалялась с каждым днём всё больше. Но что бы со мной не происходило, время не остановишь. Наш маленький Андрей уже немного вырос. На фото он в светлом костюме среди своих друзей – одноклассников.

Нарушая своё решение (не дождавшись истечения полугодового срока), 17.03.1988г. (не прошёл и месяц после объявленной в дивизионном приказе мне очередной благодарности «За добросовестное исполнение своих служебных обязанностей»), опять заседает та же комиссия и принимает решение о снятии меня с занимаемой должности. Всё было похоже на какое-то безумие. Это было из ряда вон выходящее политическое шоу, в ходе которого у меня просто не было слов, чтобы что-то говорить в свою защиту. Расправа надо мной и постоянный срыв стрельб из-за отсутствия транспорта – это были звенья одной цепи, а командир дивизии только разводил руками. За транспортом он направлял меня к своему заместителю по вооружению, а тот, хорошо зная положение дел, отправлял в обратную сторону. Я понимал, что полковник Андреев очень хотел вовремя получить звание генерала, а всё остальное ему было ни к чему. Но каждый срыв стрельб – это не только срыв учебного процесса, но и издевательство над личным составом: несвоевременный приём пищи, несвоевременный вывоз личного состава с полигона, несвоевременное оказание медицинской помощи и т.д. На партийном собрании я высказал своё мнение по поводу срыва учебного процесса и о том, как вместо принятия мер меня футболят от одного к другому и что комдив... Андреев прервал меня своими угрозами, и после собрания 18. 03.1988. моё личное дело было отправлено в округ для понижения меня в должности. Именно этого добивался Сологуб, понимая, что рано или поздно вопрос о

противозаконной задержке мне звания встанет ребром, а с понижением меня в должности он отпадёт сам собой. Секретчик шепнул, что моё личное дело вернулось и на нём карандашом написано: «За неимением оснований». Получилось, что меня уже приговорили, а за что, ещё не придумали. Осталось придумать основание.
Вопреки требованиям отдела боевой подготовки, Сологуб был категорически против издания в типографии брошюры с материалами конференции, которая была бы хорошей оценкой моей работы. Очень невнятно и нерешительно мне высказал это командир дивизии. Я доложил ему, что в типографии материал этой брошюры уже набирается, и сейчас должен подъехать директор типографии, чтобы уточнить вопросы с обложкой этой брошюры.
– Что мне делать? И что будем докладывать в округ?
Командир не решался поставить точку и сказал, что торопится на занятия по марксистско-ленинской подготовке. Я спросил у него разрешения задержаться с директором типографии и остановить работу с брошюрой. Мне стыдно было говорить Людмиле Григорьевне об отмене заказа по брошюре, когда большая часть работы уже сделана, но лучше сейчас, чем когда уже напечатают.
Придя на занятия по марксистско-ленинской подготовке, которое уже шло в Доме офицеров, доложил командиру, что заказ отменил, а он попросил меня рассказать о моральном потенциале Вооружённых Сил.
– Товарищ полковник, если после моего критического выступления на партийном собрании Вы отправляете мои документы в округ на понижение меня в должности, то говорить о каком-то моральном потенциале в Вооружённых Силах мне просто нечего.
На следующий день в управлении дивизии организовали очень странное партийное собрание, отправив всех «неблагонадёжных» кого куда. Оказалось, что всё это было сделано для меня. На собрании Сологуб объявил, что мне записано служебное взыскание: «Предупреждение о неполном служебном соответствии занимаемой должности за опоздание на занятие по марксистско-ленинской подготовке…» и предложил за это же объявить мне строгий выговор по партийной линии. Комдив, с ведома которого я задержался на занятия, и который мне не объявлял никакого взыскания, сидел молча, наблюдая за происходящим беспределом. Проголосовали 50 на 50. Я участия не принимал. Так было создано основание для понижения начальника учебного отделения дивизии в должности. Над такими основаниями можно смеяться, но вся история нашего государства говорит о том, что смех и слёзы у нас всегда были рядом. Казалось бы, здравый смысл любому военачальнику должен подсказать, что такая формулировка взыскания указывает на отсутствие других реальных веских оснований для наложения взысканий. Что это не что иное, как служебный подлог. Но тем, кто принимал решение, не нужен здравый смысл, они в академии научились руководствоваться другим

законом,.. и этого было достаточно. Однако, им надо отдать должное. Услышав критику, они уже неоднократно меняли почти все формулировки в моём личном деле, подгоняя их под здравый смысл, но и то, что осталось, не скрывает их преступную сущность.
Новая подполковничья должность в соседней танковой кадрированной дивизии (в/части 21447) называлась:

– начальник оперативной и боевой подготовки – заместитель начальника штаба дивизии. Сбылась мечта Сологуба. Анализируя происшедшее, я задавал себе вопрос: «Почему победили хамство и невежество? Почему я не боролся до конца на партсобрании? Почему не спросил у комдива, что заставляет его молчать? Ведь можно было при всех обнажить его трусость и рассказать всем, что задержался с его ведома и что он не объявлял мне никаких взысканий. Почему я не поднял свою руку при голосовании, ведь этого было бы достаточно…? Оправдывал своё поведение тем, что очень не хотелось лезть в эту грязь. Наверно, именно поэтому говорят, что «наглость города берёт». Наверно, поэтому генерал Котовский молчал в своём кабинете, зная, что я прав, когда выступал Сологуб? Наверно, поэтому срывается учебный процесс, т.к. никто не хочет лезть туда, откуда вылезти очень сложно. Партийное взыскание я пытался опротестовать в партийной комиссии округа, но там посоветовали не читать газет про перестройку. Сказали, что так будет лучше мне и всем остальным.
В парткомиссии Сухопутных войск секретарь (если не изменяет память, генерал-майор Смирнов) сказал: «То, что Вы были в Забайкалье на хорошем счету, имеете орден «За службу Родине», были там депутатом и даже в нашем штабе генерал-полковник Рубинчик, зная Вас по Забайкалью, хорошо о Вас отзывается – это Ваше прошлое. Вы прибыли сюда по замене, – здесь все уже перестроились, а Вы нет, вот и не вписались». Я ответил, что не знал о том, что здесь все уже перестроились.
Генерал предложил голосовать за то, чтобы взыскание оставить прежним, и все, как будто ждали этой команды, подняли руки. Все, кроме одного генерал-лейтенанта Героя Сов. Союза в лётной форме. Секретарь спросил его, почему он не голосует. Лётчик ответил:
– Я не понял, что здесь происходит!
Перед заседанием парткомиссии Вооружённых Сил СССР секретарь – генерал-полковник Ширинкин попросил меня рассказать, за что мне объявлено взыскание. (После парткомиссии Сухопутных войск я уже ни во что не верил и обращался в высшую инстанцию только потому, что привык идти до конца). Я ответил ему, что мне нечего добавить к тому, что там написано, кроме того, что ни на какое занятие я не опаздывал, а задержался, выполняя распоряжение комдива, и никакое служебное взыскание мне никто не объявлял, но кому-то надо было его записать. Генерал-полковник сказал, что за то, что там написано, взысканий не объявляют и стал допытываться за что. Не вдаваясь в подробности, я стал рассказывать ему, что приходилось

много бороться со срывами учебного процесса, а это далеко не всем нравилось. Беседуя с генерал-полковником, я старался обходить острые углы. Не мог же я говорить про «КАМАЗы», работающие не на учебный процесс, а на ЧВС округа. Генерал спросил меня, как я умудрился дослужиться до подполковника, не зная, что в нашей армии никогда не было, нет, и не будет боевой подготовки. И если Министр обороны (продолжал генерал) вчера собрал командующих округов и сказал о том, что учебный год начался, а боевой подготовки в войсках нет, то её всё равно не будет. Я не выдержал такого откровения и спросил у генерала, для чего в таком случае он занимает эту должность? Для того, чтобы сидеть в этом кресле и ездить в чёрной «Волге»? Генерал назвал меня хамом и повёл на заседание уже заждавшейся нас парткомиссии. На этой комиссии, в отличие от сухопутной, команду «ФАС» выполнили мгновенно и единогласно.

В другой дивизии, на новой должности (начальника оперативной и боевой подготовки запасной дивизии) за месяц я успел получить благодарность от командира дивизии, уходящего в отпуск, объявленную перед строем управления дивизии. Объявляя благодарность, комдив, полковник Руцинский сказал: «Этот начопер за месяц сделал больше, чем все его предшественники за 10 лет». Ко мне зашёл начальник отделения кадров подполковник В. Ященко и доложил, показывая мне мою служебную карточку, что благодарность, объявленная командиром дивизии, записана. В этой дивизии судьба свела меня со вторым Володей Ященко, который не был генеральским сынком и к первому никакого отношения не имел. Я ответил ему, что это очень плохо. Ященко не ожидал от меня такой реакции и спросил:

– Почему плохо?

Я показал ему в служебной карточке новогоднюю благодарность, объявленную 30.12.87., после которой не прошло и месяца, как 25.01.88. принято решение о задержке мне очередного звания «полковник». После проведенной конференции и получения очередной благодарности, 30.02.88., вновь, не прошло и месяца, как 17.03. 88. заседала комиссия и приняла решение о снятии меня с должности. Сейчас, после этой благодарности, меня осталось только уволить. Забегая вперёд, должен сказать, что решение о моём увольнении было принято именно в тот же срок, меньше месяца, но уволен был чуть позже.

Потеряв веру во всё, возвращаясь в свою новую дивизию из парткомиссии Вооружённых Сил СССР, я мысленно подводил итоги всей своей службы, анализируя и делая выводы. Думал, что я сделал не так и как бы мог поступить по-другому. Но по-другому ничего не получалось. Придя в часть, я попал на партийное собрание управления дивизии. Выступал перед коммунистами начальник политотдела дивизии полковник Русаков А.В. с информацией о том, что в городе прошёл партактив, на котором единогласно принято решение прекратить выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР. Уже выдвинутых, принято решение, задвинуть назад, так как

выдвигаться и выбираться безальтернативно будет только первый секретарь обкома В.М. Кавун. Офицеры-коммунисты спросили у начпо (начальника политотдела), кто его делегировал от их имени для голосования за решение, противоречащее закону о выборах. Русаков не ожидал такого поворота событий и не знал, что ответить. Дальше партсобрание пошло в обратном направлении.
На собрании было принято решение провести партийное расследование по выдвижению ПЕРВОГО секретаря обкома и довести до горожан информацию о срыве предвыборной кампании. Для выполнения этого решения были даны партийные поручения трём подполковникам: Беккерману, Рашковскому и Чащевому. Я был ещё вне себя от поездок по партийным комиссиям и, услышав свою фамилию, «спустился на грешную землю». Попросил коммунистов освободить меня от этого поручения, так как ещё не отошёл от беспредела в соседней дивизии. Беккерман и Рашковский сказали, что расследование проведут без меня, а организация и проведение городского митинга на мне, так как без меня не справятся. Мне выпала хорошая возможность громогласно сказать нашей партии и всей политсистеме, что я о них думаю. Знал, что это – начало моего конца. Всегда старался честно служить. Видел, как мои бывшие подчинённые обходят меня в должностях и в звании, но никогда не завидовал. Глядя на всё происходящее вокруг, уже убедился, как нас всех дурачат своими лозунгами. Увидел своими глазами, кто нами командуют в лице партсекретарей. После проведённого партийного расследования по выдвижению ПЕРВОГО секретаря на партийное собрание управления дивизии пригласили представителей горкома партии и администрации города. Подполковник Беккерман с трибуны докладывал коммунистам о результатах расследования, которые доказывали, что выдвижения, как того требует закон о выборах, практически не было. Приводил факты с точностью до минуты по организации и проведению собрания «по выдвижению» первого секретаря обкома Кавуна кандидатом в народные депутаты СССР в одном из посёлков Житомирской области. Его доклад периодически вызывал среди коммунистов смех: «… поселковое собрание обошлось без подсчёта голосов, так как вопрос о голосовании вообще не ставился. Закончилось собрание одобрением кандидатуры всем коллективом в лице его председателя…» Было подтверждено также, что на партактиве города приняли решение не допускать больше выдвижений никаких кандидатов, а выдвинутых снять. Поддерживать только одного Кавуна. Из президиума на подполковника, от представителей городских властей, посыпался град обвинений:

– Вы ведёте вражескую пропаганду, подрываете устои советской власти в городе и его партийного руководства, вы не коммунист, а эмиссар Ярошинской! Вы, подполковник, на чью мельницу воду льёте? Да Вас…
Я опять не выдержал:

– Кто Вы такие, чтобы повышать голос на подполковника и вешать на него ярлыки? Вы нарушаете закон о выборах, Вас надо привлекать к уголовной ответственности, а Вы тут пытаетесь в чём-то обвинять подполковника, который выполнял наше партийное поручение. Представители власти схватили свои папки и быстро направились к выходу. Коммунисты приняли решение: материалы расследования за подписью 29 офицеров управления дивизии направить в Центризбирком; организовать и провести городской митинг, на котором довести до сведения жителей факты произвола властей. Беккерман и Рашковский сделали своё дело. Пришла моя очередь сделать своё. Объединившись с ветеранами войны и труда четвёртого городского участка, которым запретили выдвигать своего кандидата в народные депутаты СССР, мы подали заявку от имени инициативной группы на проведение городского митинга. Листовками весь город был оповещён о проведении митинга в воскресный день 12 марта, в 10.00 часов, 1989 года на городском стадионе. Конечно, мы были уверены, что всё будет не так просто, как хотелось бы, и готовили запасной вариант. Первый секретарь Житомирского обкома партии, наверно, печёнкой чувствовал, что в Житомире свою кандидатуру выставлять нельзя, так как уже выдвинутая на заводах какая-то строптивая журналистка А.А. Ярошинская размажет его по всем стенам обкома партии и следов от него не оставит. Поэтому именно для него был выбран этот 447 территориальный избирательный округ, в котором куда ни глянь, куда ни плюнь, – везде военные. И к выборам можно отнестись, как всегда, наплевательски. Как прикажут им, так и проголосуют. Но что-то не сработало.

Глава 14
Расстрелять жителей города Бердичева

В субботу 11 марта получили разрешение на проведение митинга, но не на 12 марта, а на 19, и не на стадионе, а в маленьком городском Доме культуры, куда не поместится руководство города со всей своей свитой. Нетрудно было понять замысел городского руководства. Разрешили провести в последний выходной перед выборами, когда никто, ничего не успеет сделать, и в том месте, где постороннему может не хватить места. Мы решили дату и место проведения митинга не менять. Жителей города оповещать о переносе митинга на другое воскресенье было уже поздно. Главное для городской администрации было – «получше замутить». Необходимо было не допустить провокаций. Здоровенному ветерану войны Клименко и невысокого роста коренастому ветерану труда, одноглазому, похожему на пирата, инвалиду Олейнику была поставлена задача: следить за тем, чтобы мне никто не мешал, близко ко мне никого не подпускать. Я, Рашковский и наши ветераны прибыли к стадиону в условленное время и

наблюдали за происходящим. Со всех сторон подходили люди. Возмущались, увидев, что за всё время существования стадиона впервые на его воротах висел огромный амбарный замок. По мегафону я успокаивал людей и предупреждал о возможных провокациях, чтобы были бдительными. К 10 утра собралось к стадиону много горожан. С трудом удавалось сдерживать желающих убрать все препятствия. Возмущений было очень много. В толпе появился Сологуб и стал пробираться ко мне. По нему было видно, что это мероприятие ему не нравилось. От него можно было ожидать всё. Он мог сорвать митинг.

– Владимир Михайлович, Вы что творите! Немедленно прекратите! – Сологуб схватил меня за рукав шинели. Я сказал ему, что если не отпустит, то сейчас ляжет. Наверно, по моему взгляду он понял, что я не блефую и лучше отойти в сторону. Больше я его на митинге не видел. Своей охране я сделал замечание, и она всё поняла. Когда народу собралось очень много, по мегафону я ещё раз попросил всех успокоиться, не поддаваться на провокации и предложил в такую хорошую весеннюю погоду прогуляться со мной к горкому партии и там, на пороге горкома, около памятника Ильича спросить у властей, почему они нарушили Закон о выборах и сорвали предвыборную кампанию. Вслед за мной колонна вытянулась к горкому партии. Советская власть приучила людей ходить на демонстрации, воспевая свои достижения. Сейчас шли тоже воодушевлённые, но не воспевать, а клеймить позором. У горкома уже была построена мотострелковая рота и в две шеренги вся городская милиция. Заместитель начальника милиции по мегафону объявлял, что митинг не санкционирован и во избежание больших неприятностей просит всех разойтись. Вокруг него стояли: второй секретарь горкома, председатель горисполкома, прокурор города и прочие. Глядя на всё это, часть нашей колонны решила, что им не по пути, и не стала поворачивать за мной к горкому партии, продолжив свой путь к универмагу. Со всеми остальными, у кого нервы крепче, я повернул к тем, кто выстроил для нас такую «надёжную охрану». Мы оказались лицом к лицу с теми, кто в нашем городе представлял советскую и партийную власть. Кому я очень хотел сказать, что не досказал на всех пройденных мной партийных комиссиях. Подойдя, без приглашения я поднялся к городскому руководству в окружении своей охраны из ветеранов войны и труда. По своему мегафону я предложил митинг считать открытым, и слово предоставил заместителю начальника милиции! Подполковник – заместитель начальника милиции ещё не всё сказал, что хотел, а к мегафону уже рвался председатель горисполкома Хилюк. Я объявил:

– Слово предоставляется председателю горисполкома! Председатель рассказал, что по заявлению инициативной группы горисполком принял решение митинг разрешить не на 12 марта, а на 19, и не на стадионе… Участникам митинга уже было весело. Кричали, что в этот

клуб, кроме администрации и её родни, никто не войдёт. Когда представители администрации все выступили с требованием разойтись и прекратить несанкционированный митинг, я объявил:
– Слово предоставляется подполковнику Рашковскому!
Готовясь к митингу, мы продумывали каждую деталь, что могло бы сорвать наш план. Рашковский должен был находиться среди людей, ничем не выдавая своего участия в организации митинга. Теперь пришло его время. Подполковник шёл, расстёгивая свою шинель, улыбаясь и доставая из её внутреннего кармана газету «ИЗВЕСТИЯ». Это был наш запасной вариант. Я взял у него эту газету и спросил у всех, знают ли они эту газету? Все закричали, что знают. Спросил, знают ли, они, что эта газета является рупором наших законодателей – народных депутатов СССР. Все закричали, что знают.

– Все вы слышали о том, что выступающие здесь представители власти нашего города говорили, что наш митинг не санкционирован и требовали, чтобы мы разошлись? - спросил я.
Все кричали, что слышали.
– Сейчас Вам докажут, что и в этот раз Вас обманывают.
Рашковский прочёл интервью кандидата юридических наук, заместителя председателя центральной избирательной комиссии по юридическим вопросам Кавешникова, который в статье «АГИТАЦИЯ БЕЗ АГИТПУНКТОВ» разъяснял, что на этих демократических выборах никаких разрешений на проведение митингов и демонстраций ни у кого спрашивать не надо. «Собирайтесь, выдвигайте и выбирайте, как во всех демократических странах», – говорил он. Когда Рашковский закончил, я спросил у председателя горисполкома, почему он обманывает людей. Тот ответил, что не читал этой статьи. Заместитель начальника милиции тоже оправдался тем, что не читал. Слово взял я, рассказав о партийном расследовании по «выдвижению» ПЕРВОГО и о партийном поручении, которое мы выполняем. О том, как первый секретарь обкома партии, нарушая ЗАКОН о выборах, пытается по привычке безальтернативно пролезть в народные депутаты СССР. О том, что обращение за подписью 29 офицеров управления дивизии о срыве предвыборной компании в городе отправлено в Центральную избирательную комиссию в Москву. Далее слово предоставлял ветеранам войны, труда и всем желающим.
К мегафону рвался молодой, лет тридцати, парнишка, и я предоставил ему слово. Он рассказал, что за воровство отсидел три года. Сейчас его нигде не принимают на работу, а у него парализованная мать и жена с маленьким ребёнком. Он семь раз обращался к председателю горисполкома, и тот не помог устроиться ему на работу. Я забрал у него мегафон и спросил у Хилюка, что ему делать? Опять идти воровать или лучше грабить? Чем ему кормить свою семью? Кто должен помочь устроиться на работу тем, кто пытается исправиться? Предложил участникам митинга по его окончании

идти домой к этому парню, брать вместе с постелью его парализованную мать и нести её в квартиру председателя горисполкома, чтобы его жена за ней ухаживала, пока парень устраивается на работу.

– Кто за это предложение, прошу голосовать?
Бурные аплодисменты! Все кричат, что ЗА!
Все, кроме Хилюка и рядом с ним стоящих.

– Владимир Михайлович, Вы что делаете?
– Вместо Вас устраиваю парня на работу.
– Я его после митинга устрою.
– Он у Вас семь раз пытался устроиться, и бесполезно.
– Я Вам даю слово.
– Вы не мне давайте слово, а участникам этого митинга.
Хилюк взял мегафон и сказал, что устроит его на работу после митинга, даёт честное слово.
Я, пользуясь своим мегафоном, спросил, все слышали обещания Хилюка

ИЗВЕСТИЯ

Выборы народных депутатов СССР

АГИТАЦИЯ БЕЗ АГИТПУНКТОВ

КАКИЕ ПРАВА ПРЕДОСТАВЛЕНЫ КАНДИДАТУ И ЕГО ИЗБИРАТЕЛЯМ В ПРЕДВЫБОРНОЙ БОРЬБЕ

На новом этапе избирательной кампании каждому из кандидатов в народные депутаты СССР предстоит острая политическая борьба за победу на выборах. Каковы правила этой борьбы! Что дозволено и что не дозволено кандидату и тем, кто его поддерживает! Как агитировать за кандидата или, скажем, за самого себя!

Об этом наш корреспондент беседует с заведующим юридической группой Центральной избирательной комиссии, кандидатом юридических наук Евгением Михайловичем КОВЕШНИКОВЫМ.

— Мы впервые сталкиваемся с самим понятием политической борьбы на выборах, с тем, что можно агитировать не «за выборы вообще», а за конкретных людей, которым доверяем. С чего лучше начинать агитацию?

Е. КОВЕШНИКОВ: Наверное, с того, что каждый официально зарегистрированный кандидат должен создать свою «команду» — группу доверенных лиц. Впервые законодательно определено их количество: до 10 человек. Выбрать их вправе по своему усмотрению сам кандидат в депутаты, за помощью он может обратиться к своему трудовому коллективу, общественным организациям, избирателям. Очень важно подчеркнуть, что законом предоставляется право беспрепятственной агитации за своих кандидатов всем трудовым коллективам, избирателям по месту жительства, общественным организациям. Разрешено агитировать и против «чужих» кандидатов. При этом закон предоставляет всем абсолютно равное право выступать на предвыборных или иных собраниях, совещаниях, заседаниях, в печати, по радио и телевидению.

— Это положение вызывает особенно много вопросов у наших читателей. Можете пояснить его подробнее?

Е. КОВЕШНИКОВ: Если, скажем, газета предоставляет определенную площадь одному из кандидатов, то такую же площадь она должна предоставить и другому или людям, выступающим против программы этих кандидатов. То же касается радио и телевидения. Здесь должно быть равенство и в эфирном времени, и в том, какие часы предоставлены для выступления кандидатам, чтобы один не выступал до или после программы «Время», а другому доставались часы, когда основная масса избирателей находится на работе.

— Хватит ли у средств массовой информации времени и места, чтобы удовлетворить все возможные претензии? Ведь на каждый депутатский мандат претендует сейчас не один человек.

Е. КОВЕШНИКОВ: Если всем претендовать на выступление по ЦТ или в центральной печати, то наверняка не хватит. Но ведь и выдвижение у нас идет не так, как прежде. Многие общественные организации имеют собственные издания, могут предоставлять их страницы своим кандидатам. Для тех, кто баллотируется по округам, есть местная печать — от многотиражной до республиканской. Думаю, кандидату целесообразнее агитировать за себя не на весь Союз, а там, где живут и трудятся его избиратели. Прямой путь общения с ними короче и эффективнее, голоса удобнее набирать дома.

Есть и множество других способов, закон не ограничивает формы встреч кандидата в депутаты с избирателями в любой удобной для обеих сторон форме.

— На стенах домов и дверях, на остановках транспорта появляются уже плакаты, листовки, призывы голосовать за того или иного кандидата. Равны ли в изготовлении печатной продукции представитель трудового коллектива, например крупного завода, имеющего собственную типографию, копировальную технику, и кандидат, выдвинутый по месту жительства?

Е. КОВЕШНИКОВ: Да. Кандидату в депутаты, выдвинутому от населения, обязана помочь окружная избирательная комиссия. К тому же любая инициативная группа, пожелавшая помочь ему, может изготавливать своими силами листовки, призывы, плакаты, агитирующие за него или против его соперников на выборах. К нам в Центризбирком уже неоднократно звонили, сообщая и о том, что трудовые коллективы, кооперативы, общественные организации, группы избирателей создают денежные фонды на ведение предвыборной кампании. Законом эти фонды не запрещаются. А сами люди, насколько я знаю, вносят добровольные пожертвования весьма охотно, желая избрания своего кандидата, победы его программы.

— В принципе ясно, какой должна быть программа кандидата. А средства агитации против него?

Е. КОВЕШНИКОВ: Требования и в том, и в другом случае одинаковы. Ни программа кандидата, ни возражения против него не должны противоречить Конституции СССР, советским законам. Думаю, не следует, агитируя против кандидата, допускать копание в его личной жизни, играть на каких-то интимных деталях. Конечно же, совершенно недопустимы оскорбления в адрес оппонентов. В общем, борьба должна идти в рамках политической дискуссии, каждая из сторон должна помнить о культуре таких дискуссий.

— Но вот, допустим, я отпечатал фотографии своего кандидата, добавил к ним выигрышный для него текст. Что делать дальше? Как и где распространять эти материалы?

Е. КОВЕШНИКОВ: В любом удобном для вас месте. На остановке троллейбуса, у входа в метро или магазин, на заводе и в организации, на улице и площади... Можете вручать листовки и призывы лично, можете наклеивать их в людных местах и при этом вслух агитировать за кандидата в депутаты. Применяйте любые формы агитации, лишь бы это не мешало движению транспорта, не создавало угрозы безопасности и здоровью других людей. Это вытекает из международных актов и нашего законодательства.

— Однако может возникнуть стихийный митинг, обсуждение достоинств и недостатков кандидата. А на этот случай имеется соответствующий Указ, предусматривающий ответственность за несанкционированные собрания, митинги и демонстрации. Как быть, если заранее не получено разрешение от местного Совета?

Е. КОВЕШНИКОВ: Хочу особо подчеркнуть, что применительно к избирательной кампании, когда речь идет действительно о подготовке к выборам, ни в коем случае не должен применяться упомянутый вами Указ. И никакого специального разрешения, я убежден, не требуется. В законе прямо записано: кандидат в народные депутаты может проводить встречи как на собраниях, так и в любой другой удобной для избирателей форме. То есть возможен и стихийный митинг в микрорайоне, около дома, в парке, скверике... Спорьте, обсуждайте, отстаивайте своего кандидата, как это принято в цивилизованном обществе. Помните только условия, о которых мы говорили выше: законность и безопасность.

Понимаю, как волнует людей сама возможность агитировать по-новому. Нам ведь всем так надоели за долгие годы трафаретные, почти всегда пустовавшие агитпункты с мигающим телевизором, подшивкой истрепанных газет и агитатором, который является таковым только по названию. Меня лично радует, что сейчас появляются общественно-политические, дискуссионные и другие предвыборные клубы. Важно, чтобы окружные избирательные комиссии, уходя от стереотипов, поддержали их деятельность, создали все необходимые условия для работы. В таких клубах, наверное, удобнее, чем на улице, спорить о выдви-

ОТ РЕДАКЦИИ: Редакцион «Известия» свидетельствуют предвыборной агитации на м создаются конфликтные сит квалифицированно их может Центральной избирательной телефоны группы: 292-77-91 и

Рождено перестройкой

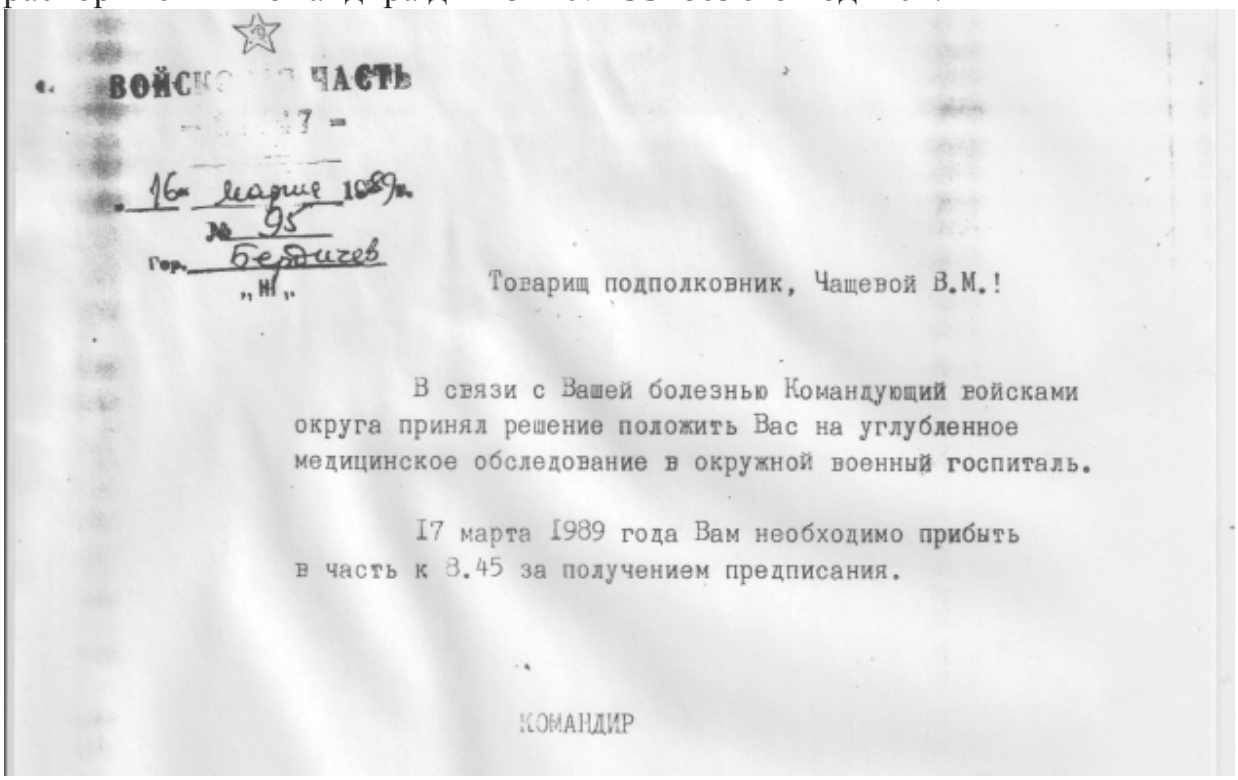
или нет. Закричали, что не все. Сказал Хилюку, что надо громче. Опять не все слышали, и надо ещё громче. Наконец, договорились и решили, что на следующем санкционированном митинге (через неделю) узнаем, как устроился парень.
Из толпы закричали, что сверху на нас смотрит Волощук – первый секретарь горкома, прячась за шторой, а нам говорили, что он на выезде. Опять наврали!!!

Позже я узнал от бывшего зека, что через этого парня, которого мы устраивали на работу, готовилась провокация. После его выступления другой зек должен был «в порыве благородного возмущения» бросить камень в окно горкома, а после этого к работе обязаны были приступить

милиция с дубинками и солдаты. Помешал третий зек, которому понравилось моё предложение с парализованной матерью, и он остановил руку с камнем, не дав его бросить. После принятия резолюции митинга о срыве предвыборной кампании в городе Бердичеве я пригласил всех на следующий санкционированный советской властью города Бердичева митинг, который должен состояться 19 марта 1989г. Объявил митинг, посвящённый срыву предвыборной кампании, закрытым. Так прошёл первый митинг в истории города Бердичева. Собралось много желающих проводить нас, двух офицеров, домой, чтобы с нами ничего не случилось. Но я всех успокоил:

– Они после этого митинга три дня будут отходить, не зная, что им делать, и только после этого сверху спустят очередную пакость.

Действительно, три дня думали, а на четвёртый в 20 часов 16 марта 1989г. мне на квартиру приносят ожидаемую мной пакость в виде распоряжения командира дивизии № 95 без его подписи.



ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ

16 марта 1989г.

№ 95

Гор. Бердичев

Товарищ подполковник, Чащевой В.М.!

В связи с Вашей болезнью Командующий войсками округа принял решение положить Вас на углубленное медицинское обследование в окружной военный госпиталь.

17 марта 1989 года Вам необходимо прибыть в часть к 8.45 за получением предписания.

КОМАНДИР

Это распоряжение без подписи командира могло означать или чью-то глупую шутку, или нежелание командира брать на себя ответственность за происходящее. Иду в штаб и выясняю, на каком основании мне прислали это распоряжение. Оперативный доложил, что в штабе никого нет, но распоряжение быстрей всего сделано на основании телефонограммы из округа и показал мне текст, который я тут же переписал на лист полученного распоряжения. Из текста распоряжения № 95 следовало, что я уже больной, несмотря на то, что чувствовал себя в то время совершенно здоровым и за помощью ни к кому не обращался. Что командующий войсками округа (наверно, проявляя обо мне отцовскую заботу), принял решение на моё углубленное медицинское обследование в окружном

военном госпитале, куда надо мне прибыть…
Судя по тексту телефонограммы, нетрудно догадаться, что это работа политработников, которые перепутали мои инициалы (они всегда всё путают). А то, что подставили ещё и командующего округа, так это их метод, всегда кого-то подставить. Сказал оперативному, чтобы с такой филькиной грамотой без росписи командира ко мне больше посыльных не присылал. Я понимал, что это уже начало.
Чтобы не допустить меня с Рашковским на второй митинг, в пятницу, 17 марта, в обед, в нашу дивизию на вертолёте прилетела группа офицеров во главе с ЧВС округа генерал-майором Ю.И. Панкратовым. Нам объявили начало командно-штабных учений. Все офицеры дивизии прекрасно понимали, что основная цель этих учений – подавить мятеж восставших офицеров против ПЕРВОГО секретаря обкома партии.
Пока часть офицеров решала поставленные перед ними тактические задачи на картах, всю ночь под давлением полковника – секретаря парткомиссии округа заседало партийное бюро, не желающее исключать меня и Рашковского из партии. От нас постоянно требовали объяснительные, несмотря на то, что все прекрасно всё знали. Начальник оперативного отдела округа, прилетевший с ЧВС и руководивший учениями, пригласил меня в другой кабинет и спросил, кому я рекомендую передать свою должность, так как должен понимать, что уже всё… Я прекрасно понимал, что это тоже тактический и психологический приём наших «инженеров человеческих душ». Они и без меня прекрасно знают, кого куда ставить и кого с должностей необходимо снять. К восьми утра всё моё тело покрылось зудящими волдырями, и обострилась язва двенадцатиперстной.
Подполковник Рашковский, как начальник медслужбы дивизии, обратил внимание руководителя учений на моё состояние и предложил отправить меня с учений. Исполнявший обязанности комдива полковник Чёрный приказал Рашковскому сопроводить меня домой. (Позже, в документах на моё увольнение, будет указано, что учения я покинул самостоятельно без разрешения.) Домой ко мне трижды присылали врачей, которые записали в медкнижке диагноз – экзема и обострение язвы двенадцатиперстной с направлением в ближайший Житомирский госпиталь.
Всё тело хотелось разодрать. Язва тоже давала о себе знать. Пришёл офицер и сказал, что меня приглашает к себе на беседу ЧВС генерал-майор Панкратов. Я был уверен, что это будет непростая беседа. На вертолёте с ЧВС прилетело много политработников, от которых можно ожидать чего угодно. Предыдущую ночь заснуть не мог из-за доставленного мне странного распоряжения командира без его подписи. Всю эту ночь меня с Рашковским «проигрывали в карты» на командно-штабных учениях, добиваясь нашего исключения из КПСС. И всё под руководством этого генерала, встреча и беседа с которым ничего хорошего ни мне, ни ему не даст. Я уже слишком хорошо знал нашу политсистему, в которой лишь единицы могут считать себя настоящими офицерами, приносящими пользу своей Родине. Среди

этих единиц нет и быть не может таких, как Ю.И. Панкратов. О чём с ним можно говорить, если по его прихоти срывается учебный процесс в учебной дивизии? С его подачи мне не присвоили очередное звание. По его указанию совершаются служебные подлоги. По его прихоти меня понизили в должности и сейчас, защищая беззаконие, он от имени командующего пытается запихнуть меня в психушку. О чём можно говорить с этим беспредельщиком, и что у него на уме с его «прилипалами», которые прилетели вместе с ним? Панкратову доложили, что меня уже довели до кондиции, но ему надо ещё. Офицеру я сказал, что очень болен и не могу прийти, но с удовольствием встречу его дома и напою его чаем. Через час (к 9 часам) меня вызвали на заседание бюро, где его члены объявляют мне строгий выговор. На мой вопрос за что, ответили, что выговор они считают лучше, чем исключение, которого от них требуют. Исполняющий обязанности комдива полковник Чёрный (командир убыл в отпуск) пригласил к себе в кабинет и сказал:

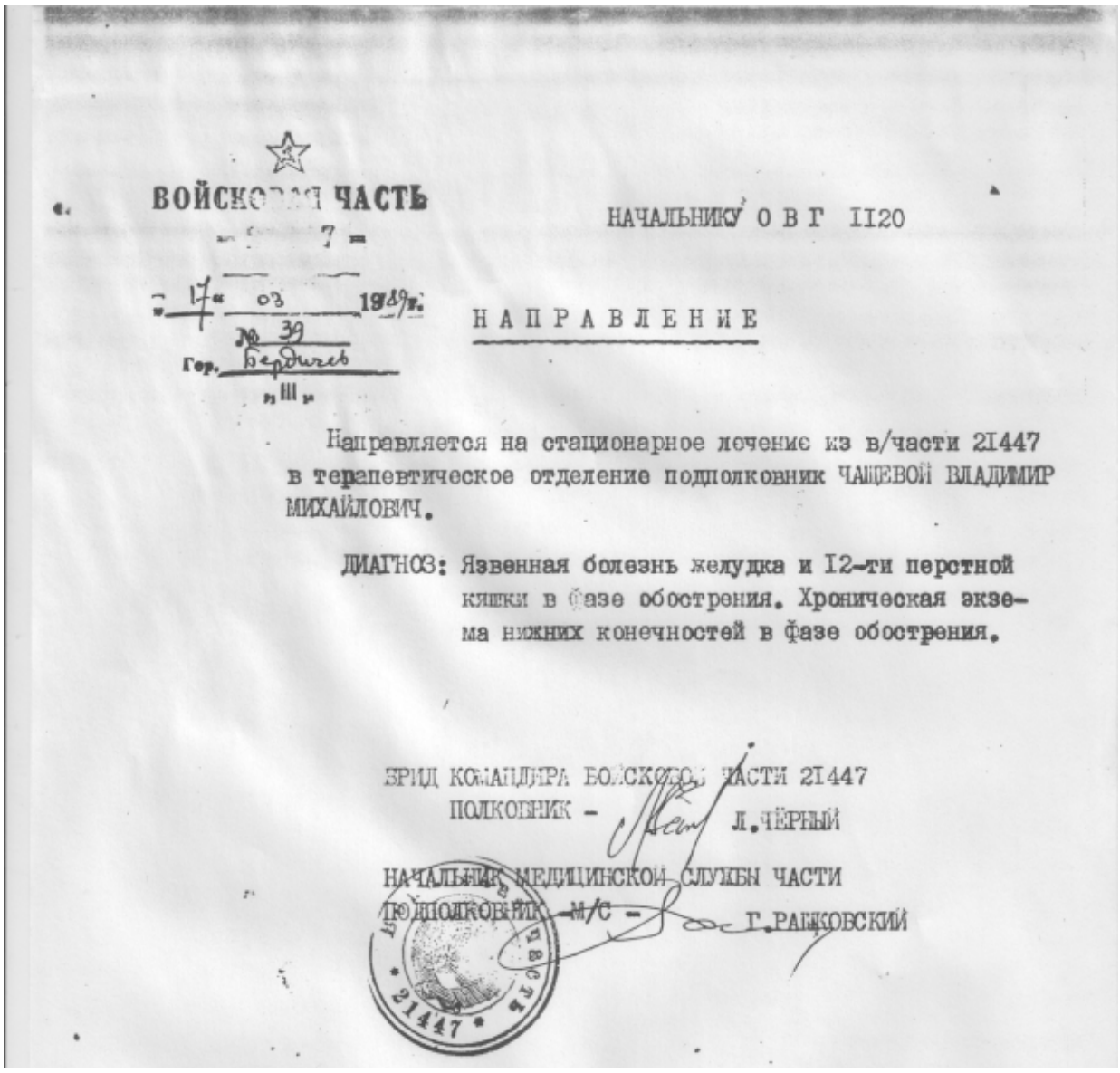
– Если Вы откажетесь выполнять приказ о расстреле жителей города Бердичева, то сейчас на собрании Вас исключат из партии, а потом Вы пожалеете, что когда-то надели погоны. На партсобрании я рассказал коммунистам о приказе комдива. Нетрудно было догадаться, что речь идёт о санкционированном митинге 19 марта. Попросил полковника подтвердить, что такой приказ был, и он при всех это сделал. Сидя в президиуме, подполковник В. Ященко сказал, что наше дело – исполнять приказы, а отвечает пусть тот, кто приказывает. Я, хорошо зная его натуру, ответил ему, что за сто граммов водки он мать свою расстреляет. Были выступающие, которые требовали объявить нам с Рашковским благодарность за хорошее исполнение партийного поручения. Присутствовавший на собрании секретарь окружной парткомиссии метался, не находя себе места. Подбежав к Чёрному, он что-то шептал ему на ухо, после чего Чёрный встал и заявил, что речь шла не о жителях Бердичева, а о жителе Бердичева. Все засмеялись. Указания получены. Указания исполнены! Исключить не получилось, и меня, посадив в «УАЗ», повезли в соседнюю, мою бывшую дивизию на заседание парткомиссии, которой там никогда не было. До понижения меня в должности я был там заместителем секретаря партийного бюро управления дивизии. Вопреки решению первичной организации (в нарушение 10 статьи устава КПСС), на заседании этой партийной комиссии, состоящей в основном из незнакомых мне политработников, прилетевших с ЧВС, нас с Рашковским исключили из КПСС единогласно.

Во время заседания комиссии по исключению меня из партии трижды заходил офицер, передавая мне распоряжения от имени Командующего Прик. ВО (Прикарпатского военного округа). Первое распоряжение было, чтобы я после заседания комиссии немедленно убыл в Ровенский учебный центр. Через пять минут новое указание: чтобы сегодня прибыл в Житомир к военному прокурору. Ещё через пять минут, чтобы убыл во Львовский госпиталь. А по окончании «инквизиции» мне сказали, что прокурор уже

приехал и будет со мной беседовать. Прокурор, в звании полковника, попросил меня рассказать, как всё было. Я рассказывал, а он сидел с закрытыми глазами. Мне показалось, что он уже спит. Когда я сказал, что надо расстреливать не мирных жителей города, а тех, кто отдаёт преступные приказы, полковник Крыштель И.А. вскочил и, не говоря ни слова, куда-то исчез. Позже я узнал, что он уловил, пока спал, именно то, что надо. Полковник отправил в адрес командующего округа и окружного прокурора две телеграммы с предложением проверить меня на предмет психической полноценности, так как я якобы угрожаю расстрелом командиру дивизии и начальнику политотдела. Долго я не мог доказать существование этих телеграмм, так как все отрицали, что они были, пока не нашёл их копии в своём личном деле. Когда представил доказательства их лжи, как всегда, выкрутились, сказав, что они командующего ни к чему не обязывали. В тот же день, когда исключили нас из партии, Рашковского направили в отдел кадров округа (в г. Львов) для увольнения в запас по выслуге лет, а мне выдали командировочное удостоверение и направление во Львовский госпиталь, сказав, что с билетом на поезд за мной заедет капитан медслужбы.

Надо быть полным идиотом, чтобы не понять, что происходит. Наверно, генералы всех, кто ниже званием, считают маразматиками? По вручённому мне направлению в госпиталь и командировочному удостоверению у меня было несколько вопросов. В направлении указано, что меня направляют в терапевтическое отделение ОВГ (окружного военного госпиталя), который находится в г. Львове. Зачем на край света, когда совсем рядом есть Житомирский военный госпиталь, в котором есть такое же отделение, но в нём нет психиатрического. В командировочном указано основание: приказ командующего Прик. ВО. А почему не указан номер этого приказа и дата, когда его отдали? Если перебрать все уставы и наставления, нигде не найдёшь, чтобы офицера, который не бросается на людей, имели право насильно доставлять на «обследование» под любым предлогом. А то, что для моего сопровождения направляют капитана медслужбы и оформляются для меня, выписанные на чужое имя, проездные документы – это уже слишком. С генеральскими играми я давно знаком и хорошо знаю, чем они кончаются.

Получив указание на выезд во Львов, я написал рапорт на имя командира с просьбой разрешить мне убыть в г. Москву для обращения к Министру обороны с жалобой на противоправные действия руководства округа. Полковник Чёрный поставил резолюцию: «После госпиталя». Конечно, полковник понимал, что после психушки разговаривать со мной и слушать меня никто не будет. Поезд во Львов уходил вечером, и было немного времени все обдумать.



ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ
- 7 -
17 03 1989г.
№ 39
Гор. Бердичев
„III"

НАЧАЛЬНИКУ О В Г 1120

НАПРАВЛЕНИЕ

Направляется на стационарное лечение из в/части 21447 в терапевтическое отделение подполковник ЧАЩЕВОЙ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ.

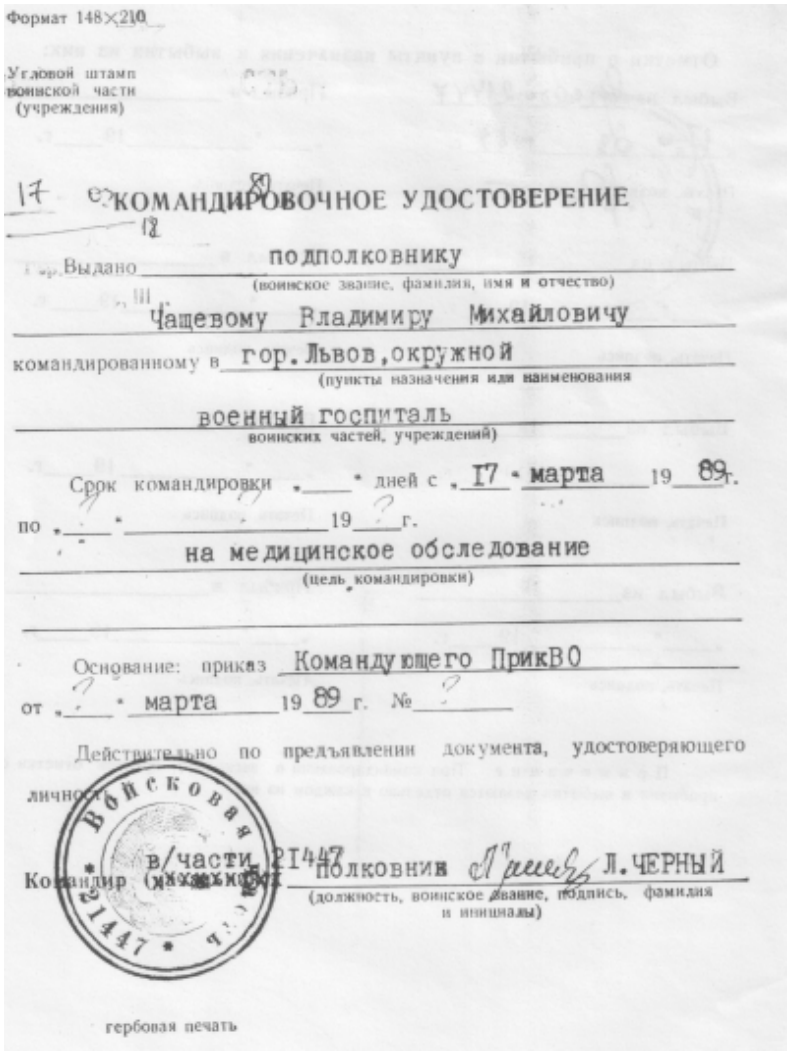
ДИАГНОЗ: Язвенная болезнь желудка и 12-ти перстной кишки в фазе обострения. Хроническая экзема нижних конечностей в фазе обострения.

БРИГ КОМАНДИРА ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 21447
ПОЛКОВНИК - Л.ЧЁРНЫЙ

НАЧАЛЬНИК МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ ЧАСТИ
ПОДПОЛКОВНИК М/С - Г.РАШКОВСКИЙ

21447

В моей квартире собрались ветераны. Они очень беспокоились обо мне, но я предложил подумать, как не уступить свою победу на следующем митинге, который пройдёт без меня и Рашковского. Надо полагать, что власть попытается взять в свои руки руководство митингом, и, несмотря на это, надо победить. Набросав обращение к жителям города Бердичева, я предложил его зачитать на митинге, чтобы все горожане знали, что представители власти сделали с подполковниками, и это, на мой взгляд, будет победой. Стали думать, кто сможет прочесть это обращение, при том, что в этот Дом культуры соберут всех политработников, всё МВД и КГБ города и прочих, которые будут затопывать и захлопывать. Никто не решался взять на себя такую ответственность. Из кухни в зал вошла Света и сказала, что читать обращение будет она. Это решение уже означало нашу победу, и никто в этом не сомневался. По пути во Львов говорили с Рашковским о том, что на вокзале быстрей всего меня будет встречать бригада из психушки. Я попросил капитана выйти в тамбур покурить и на остановке вышел. Это была моя третья бессонная ночь. Пересел на поезд в



Формат 148×210

Угловой штамп воинской части (учреждения)

17 КОМАНДИРОВОЧНОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано подполковнику
(воинское звание, фамилия, имя и отчество)

Чащевому Владимиру Михайловичу

командированному в гор. Львов, окружной
(пункты назначения или наименования

военный госпиталь
воинских частей, учреждений)

Срок командировки дней с 17 марта 19 89 г.

по 19 г.

на медицинское обследование
(цель командировки)

Основание: приказ Командующего ПрикВО

от марта 19 89 г. №

Действительно по предъявлении документа, удостоверяющего личность

Командир в/части 21447 полковник Л. ЧЕРНЫЙ
(должность, воинское звание, подпись, фамилия и инициалы)

гербовая печать

Москву. Вместо Львова я оказался в редакции «Литературной газеты» у журналистки Л. Графовой. Графову я видел впервые и обратился к ней по совету А. Ярошинской, с которой я, Рашковский и Беккерман познакомились совсем недавно. Графова чем-то напомнила мне графиню из моего детского дома, которую все любили, как свою мать, почти не соприкасаясь с ней. А я её материнское, нежное отношение ко мне прочувствовал не один раз. Вот и сейчас вторая графиня меня понимала с полуслова. По моему вопросу она обратилась к редактору. Редактор позвонил в Главное Политуправление, сказав, что знает, как из армии бегут солдаты, как они стреляются и вешаются. Спросил, как обстоят дела с офицерами? Ему ответили, что всё в порядке. Редактор сказал, что журналистка Графова сейчас привезёт к Вам беглого подполковника.

Приехали. Я прекрасно осознавал, что с Графовой мы приехали именно туда, откуда у всех политработников ноги растут. Сидят трое с крупными генеральскими звёздами. Графова спрашивает:

– Как умудрились за сутки пропустить через бюро, партсобрание, парткомиссию, вопреки решению первичной организации, исключить из партии и в этот же день направить в психушку? Генералы ответили, что такого в армии не бывает. Графова, указывая на меня, сказала, что вот сидит беглый подполковник, который не пожелал ехать в психушку и пересел на другой поезд. Генералы пожаловались, сказав, что гражданские начинают, а им приходится расхлёбывать. Обещали позвонить, чтобы прекратили безобразие. Графова им тоже пообещала, что в любом случае статья о «беглом подполковнике» будет. После Главного Политуправления заехал в Главную военную прокуратуру, подав заявление на имя А. Катусева – Главного военного прокурора. Дежурный прокурор в звании полковника, прочитав заявление, посоветовал, чтобы не обострять обстановку,

вычеркнуть всё, что касается расстрела мирных жителей г. Бердичева. Сказал:

– Сегодня воскресенье, и митинг в Бердичеве уже идёт, если бы там стреляли, мы бы знали. Когда на партийном собрании Вы рассказали об этих преступных планах, Вы уже сорвали это преступление. Я вычеркнул так, что при желании можно было прочесть, но это роли уже не играло.

Глава 15
«Декабристка»

В доме культуры города Бердичева и вокруг него собралось столько горожан, что их не смогли бы вместить и три таких Домов культуры. Прошедшие в Житомире многотысячные городские митинги на стадионе в защиту демократии и Перестройки против загнивающего **КАВУНИЗМА** не могли иметь своего продолжения в Бердичеве, где размещаются два танковых полка, один мотострелковый, вертолётный и несколько отдельных батальонов. Обстановка обострялась ещё и мятежом офицеров кадрированной танковой дивизии. Так что на стадионе собирать всех никак нельзя. Надо управлять, руководить, а как показал Житомир, на стадионе не получается. Из Дома культуры выведены за его пределы динамики, с помощью которых хорошо было слышно, что там происходит. Слух о прошедшем городском митинге 12 марта быстро распространился по окраинам города и Житомирской области. Людей волновала судьба двух подполковников и ветеранов – организаторов того митинга. Репрессии после первого городского митинга уже начались. Весь состав инициативной группы, который был представлен в горисполком с заявлением на проведение митинга, был оштрафован:

1.Председатель инициативной группы Клименко И.К. инвалид ВОВ, пенсионер – на 75 руб.
2.Мышкин В.И., подполковник в отставке, ветеран Советской армии, пенсионер – на 50 руб. 3.Марченко В.Е., майор запаса, ветеран Советской армии, пенсионер – на 50 руб.
4.Олейник П.А., инвалид 2-й гр., незрячий пенсионер – на 50 руб.
5.Дмитерко Р.С., учительница – на 50 руб. 6.
6.Ольшанская А.И., пенсионерка, вдова участника ВОВ – на 50 руб.
Остальных оштрафованных простых участников городского митинга, которых успели сфотографировать крупным планом специалисты «глубокого бурения из КГБ », засекретила председатель городского суда Голубничая. В то время эти суммы денег для пенсионеров составляли почти всю их пенсию. На жалобы оштрафованных ни местные власти, включая городского прокурора, ни Генпрокуратура СССР долго не реагировали. Но и этого преступившим закон показалось мало. Пенсионерам инициативной группы перестали платить пенсии, а коммунистов стали привлекать к партийной ответственности. Житомирские события по выдвижению неугодного кандидата в народные депутаты СССР журналистки Аллы Александровны Ярошинской приводили обком партии в бешенство. Все планы обкома по выдвижению своих кандидатов в народные депутаты СССР сломала какая-то журналистка. Более того, она взбаламутила весь город. Ни обком партии, ни КГБ и МВД, ни судебный террор не могли

остановить ту волну демократии в городе, которую она подняла, оказавшись флагманом Перестройки в Житомире и Житомирской области.

На фото Алла Александровна Ярошинская

Все приёмы политического террора, опробованные в Житомире, с успехом применялись и в Бердичеве. Весь парадокс с судебными штрафами заключался в том, что даже в ходе митинга представители власти, стоящие рядом, признали, что митинг несанкционированным после прочтения выдержки из интервью Кавешникова называть нельзя, но участников этого «несанкционированного» митинга почему-то судят и штрафуют. Не штрафуют только Хилюка – председателя горисполкома, который принимал участие и даже не раз выступал на этом митинге; прокурора Сизенко; второго секретаря горкома партии Мальцева не судят и не штрафуют; заместителя начальника милиции и прочих приспешников партии и советской власти города, выступавших на этом митинге. Однако ни угрозы, ни штрафы и партийные взыскания, ни лишение пенсий не могли заставить этих людей замолчать.

Несмотря на то, что митинг был разрешён по заявке инициативной группы, бразды правления в свои руки попытался взять и вести митинг в нужном для них направлении председатель горисполкома Хилюк, но у него не получилось. Ветераны к этому варианту были готовы, и руководство митингом взяли на себя. Слово предоставляли всем желающим. Глава инициативной группы И.К. Клименко под аплодисменты сторонников потребовал:

– Кандидат в народные депутаты В.М. Кавун должен снять свою кандидатуру, потому что она выдвинута незаконно.

Как показала реакция на выступления, в здание Дома культуры умудрились попасть не только политработники и представители органов власти, но и простые граждане города, переживающие за горбачёвскую Перестройку, за будущее своих детей и внуков. Для горожан это было что-то невообразимое. Впервые нашей «руководящей и направляющей силе общества» в лице ПЕРВОГО секретаря обкома, члена ЦК КПУ и ЦК КПСС, Героя Соцтруда, пятикратного ленинского орденоносца, депутата Верховного Совета СССР нескольких созывов В.М. Кавуну горожане сказали **НЕТ.** И не просто **НЕТ** – его открыто обвинили в том, что он украл у горожан первые демократические выборы. Обвинили в трусости, так как по его распоряжению задвинули назад уже выдвинутого по этому избирательному округу № 447 кандидатом в народные депутаты СССР рабочего А.М. Калиновского, которого он испугался, как соперника. Задвинув неугодного кандидата по указаниям из Житомира, Бердичевские власть предержащие поспешили прогнуться перед ПЕРВЫМ, устроив срочные повторные выдвижения Кавуна кандидатом в народные депутаты СССР от Бердичевского рафинадного завода. Всё это, несомненно, возмущало избирателей, которые требовали исполнения ЗАКОНА. В ходе митинга рабочий Калиновский А.М, задвинутый кандидат в народные депутаты СССР, заявил, что ни он, ни коллектив завода его кандидатуру не снимали. С критикой в адрес инициативной группы, которая подняла вопрос о нарушении Закона властями города, выступил второй секретарь горкома комсомола Юрий Осинский, называя действия группы анархическими, абсурдными и аполитичными. Когда слово предоставили первому секретарю Чудновского райкома партии Ф.Т. Панасюку, доверенному лицу Кавуна, и тот начал перечислять хорошие качества своего шефа, в зале засвистели. Избиратели спрашивали о приписках, за которые Кавун получал правительственные награды. Похвалу в адрес инициативной группы за то, что она «разбудила» горожан от многолетней спячки высказал А.Ф. Комаров, обвиняя средства массовой информации и горком партии в срыве предвыборной кампании. В своих выступлениях представители власти даже не пытались опровергать то, что Кавун был выдвинут с нарушением закона и что по его указанию предвыборная кампания в городе сорвана, так как регистрация других кандидатов в народные депутаты запрещена. Учительница физики Р.С. Дмитерко в своём выступлении обвинение за участие в митинге 12 марта назвала актом беззакония.

– Слово для зачтения обращения подполковника Чащевого В. М. предоставляется его жене, Чащевой Светлане Григорьевне.

Зал затих. Светлана шла, поднимаясь по ступеням на сцену, как на эшафот. Вышла к трибуне и начала читать:

– Обращение Чащевого Владимира Михайловича к избирателям 447 территориального избирательного округа.
На балконе Дома культуры собралась основная масса политработников. Среди них были назначенные «клоуны», которым были поставлены задачи:

– гамом и беспорядочным шумом дестабилизировать обстановку во время выступления неугодных партии избирателей. Сейчас, при зачтении обращения главного мятежника, они особенно старались. Но сбить Светлану было невозможно, она, не обращая внимания, продолжала:
– На митинге, состоявшемся 12 марта 1989 года, я обещал проинформировать Вас о тех репрессиях, которым подвергнемся мы. Выполняя обещание, сообщаю, что я и мой товарищ, подполковник Рашковский Г.А., за организацию будто бы несанкционированного митинга, за нарушение партийной этики, дискредитацию чести офицера исключены из партии и сняты с занимаемых должностей. Сама формулировка противоречит закону о выборах (ст.47). Получается, что все члены КПСС должны мыслить и действовать, как и руководители партийных органов. Но тогда, может быть, не нужен и закон о выборах.
Пусть партийные и советские руководители перестанут играть в демократию и назначают народных депутатов, как и сделано уже по нашему избирательному округу. И почему я, офицер Советской Армии, лишаюсь элементарного конституционного права агитировать против незаконно выдвинутого кандидата?
Сегодня я лишён возможности присутствовать на митинге, так как под давлением сверху командованием гарнизона было сделано всё для этого. В растерянности или с испугу мне поставлена задача быть одновременно в трёх местах, удалённых друг от друга на сотни километров, в том числе и во Львовском госпитале. Этот госпиталь отличается от других наличием психиатрического отделения. Видимо, такая участь мне была уготовлена. Я же, воспользовавшись правом обжаловать незаконные действия партийной комиссии и командования, убыл в г.Москву.
Прошу меня извинить за моё отсутствие. От своих убеждений я никогда не отказывался, за что получал партийные взыскания, и никогда не откажусь. Товарищи избиратели! Вы можете нам помочь активными выступлениями на митинге, принятием нового обращения и голосованием против т. Кавуна В.М.

Таких бурных аплодисментов этот Дом культуры ещё не слышал. Аплодировали и кричали «декабристка» не только в здании, но и за его стенами. Кто-то преподнёс Светлане цветы. Митинг длился более четырёх часов. После его окончания многие, стоявшие за стенами Дома культуры, не расходились, желая увидеть ту, которая выступала с обращением своего мужа.
Из неопубликованной статьи подполковника в отставке В.И. Мышкина «Не для всех законы писаны» в «Литературную газету»:

«…на митинге 19 марта ни окружная избирательная комиссия, ни горком партии, ни горисполком, ни представители хмелесовхоза в п. Рея и рафинадного завода в г. Бердичеве … не пытались опровергнуть обвинение в их адрес о провале предвыборной кампании, о нарушении закона и демократии. Всё свелось лишь к очернению членов инициативной группы, к голословным обвинениям в амбициях… избиратели города были настолько напуганы репрессиями со стороны городского руководства, что вначале даже боялись зайти в здание Дома культуры».

Представь себе, читатель, что значил для местных советских и партийных органов этот второй митинг и выступления с критикой на нём. Горожане узнали правду, как выслали из Бердичева подполковников Чащевого и Рашковского, исключив их из партии и сняв с занимаемых должностей, но не сломившихся и призывающих к дальнейшей борьбе. Участники митинга высказались единодушно, чтобы в закон о выборах были внесены поправки: в бюллетень для голосования должны вноситься не менее двух кандидатур.

После этого митинга в знак протеста против нарушения Закона о выборах и исключения из партии Чащевого и Рашковского из рядов «нашей родной коммунистической партии Советского Союза» начали выходить рабочие бердичевских предприятий. Список отказников от партийного билета на кожевенном объединении возглавил рабочий А.Ф. Комаров.

О беспределе властей в Житомирской области и безальтернативных выборах в Бердичеве рассказала в «Литературной газете» в статье «Эффект бумеранга…» (12 апреля 1989г.№15) Лидия Графова, окрестив меня «беглым подполковником». Там же она рассказывает про посещение со мной (беглым подполковником) Главного Политуправления.
19 июля этого же года в той же газете Алла Ярошинская в статье «Кто подрывает устои?» («ЛГ» №29 (5251)) изобличает высшее военное руководство советской армии во лжи и подтасовке фактов, против своих, морально стойких, несгибаемых офицеров.

Выборы, особенно в сельской местности, которая входила в 447 территориальный избирательный округ, проходили с грубыми нарушениями ст.52 Закона о выборах. На одних избирательных участках (№9/190, ПМК-9) урны для бюллетеней стояли, закрывая дорогу в кабины для тайного голосования, и вычеркнуть единственного, «глубоко уважаемого кандидата», на глазах директора совхоза или председателя сельсовета никак не получалось. Так же, с такими же нарушениями проходили выборы и в Гришковцах. На других участках около кабин тайного голосования сидел председатель и желающих зайти предупреждал, что дров не привезёт. На избирательных участках воинских частей

гарнизона (например, в/ч 43645) личный состав на голосование доставлялся строем, т.е. не обеспечивалось свободное волеизъявление. За долгие годы советской власти уже был приобретён большой опыт в одурачивании народных масс и удержании их на коротком поводке.
Не имея выбора, в Бердичеве большинство проголосовало против Кавуна, но благодаря нашим «уважаемым» прокуратуре и суду, областному и городскому советскому и партийному руководству Кавуну нарисовали победу в 68%, однако, и это для него было оскорблением, так как в прежние времена ему всегда писали 99,9%. Таким образом, он всё-таки пролез в народные депутаты СССР.

Из тома №2 Гл. 6 «Босиком по битому стеклу» А. Ярошинской: «Из доклада 4 апреля 1989г. на совещании идеологического актива области первого секретаря Житомирского обкома партии В.М. Кавуна:
– Не везде всё проходило просто. (…) велась жестокая борьба, были явления, которые волнуют нас. (…) в воинской части в Миропольском гарнизоне 1009 человек, там у всех замечательные условия для жилья, питания. Рабочие и колхозники такого питания не получают. А 80 процентов проголосовало против. Я, грешным делом, думаю, может, там какая-то работа велась? (…) Низкие показатели в Бердичевской учебно-танковой дивизии, вертолётный полк проголосовал против… Надо разобраться и разобраться серьёзно, в чём дело и почему это происходит. Ведь я не первый созыв депутатом… но тогда там по-другому было, механически голосовали (признался- таки А.Я.)».

Из выступления Доманского (члена военного совета Житомирской армии) между строк, так сказать, выходило: в том, что армия на выборах не поддержала власть и распоряжения генерала, виноваты трое: я (Ярошинская), Чащевой и Рашковский. Не потому ли, отчасти, и из-за глупости подобных генералов и могущественный СССР так быстро развалился? Но этой агрессивной глупости, представьте, полный зал таких же, вчистую проигравших народу свою идеологическую битву аппаратчиков, бурно и продолжительно хлопал… Я тоже выступила перед стадом организованно напавших на меня аппаратных «шакалов». И, поверьте, мало им не показалось. Я им напомнила (в тональности этой книги) об их лицемерии, тоннах лжи, брандспойтах грязи, о прокурорско-судебном преследовании моих доверенных лиц и сторонников, о том, наконец, что они плевали на народ, именем которого вот уже более 70 лет прикрывают свои преступные деяния».

Худенькая, качаемая ветром журналистка, Алла Александровна Ярошинская на выборах, невзирая на сопротивление и противодействие власть имущих, обошла всех, набрав 90,4% голосов, и первый секретарь обкома партии В.М. Кавун поздравил её, преподнеся ей букет белых роз.

Из тома №2 Гл. 6 «Босиком по битому стеклу»: «Оказалось, что власть не поддержали собственная армия, милиция и даже… КГБ. Житомирское военное училище, в котором нам с доверенным лицом полковником Александром Ивановичем Петривним и избирателями пришлось два часа ждать, но так и не дождаться разрешения на встречу в помещении, а потом три часа разговаривать под дождём на детской площадке, проголосовало адекватно 77% «за» неугодного кандидата. В остальных военных частях округа этот процент «за», а значит против тупой и наглой власти был ещё выше. Например, ракетчики из Высокой Печи – «дали» почти 90%. Военный госпиталь – 94%. Госпиталь МВД и КГБ – 80%!

А. Ярошинская с доверенными лицами в Житомирском танковом полку

Глава 16
Суд офицерского бесчестия

Из Политуправления позвонили, как обещали, чтобы прекратили безобразия и уволили меня по 61-й статье «За дискредитацию высокого звания советского офицера» на 25% пенсии с лишением всех льгот офицера запаса без права ношения военной формы одежды.
По возвращении из Москвы в дивизию меня встретил исполняющий обязанности комдива полковник Чёрный со словами:
– Сейчас мы соберём суд офицерской чести и примем решение по Вашему увольнению на 25% пенсии или вообще без неё.
В том, что всё, сказанное полковником, исполнимо, я не сомневался. Система судов офицерской чести продумана была так, что не имело никакого значения, что на этом суде говорят и предлагают присутствующие офицеры, так как всё зависит только от решения командира части. А решение командира части, конечно, зависит от того, что ему прикажут сверху. Именно поэтому офицеры эти суды называли судами офицерского бесчестия и молчали на этих судах, как рыбы, боясь как бы самим не оказаться на этой политической «сковородке». Приняв к сведению сказанное полковником, я опять написал рапорт с просьбой на повторный выезд в Москву для обжалования преступных деяний руководства. Чёрный поставил резолюцию: «После суда чести».
Терять было нечего. Сказал полковнику, что я поехал и, хлопнув дверью, вышел из кабинета. Полковник выскочил за мной. Что-то в моём поведении ему не понравилось. Что-то пошло не по их плану. Чёрный закричал, что суда чести не будет, и что меня уволят в аттестационном порядке. Наверно, он опять что-то не то ляпнул. Но раз суд отменяется, значит, тем более можно ехать. Когда я покидал территорию части, видел, как Чёрный Л.И. побежал кому-то звонить.
Ко мне домой прибыл председатель совета ветеранов четвёртого участка Клименко И.К. и подполковник в отставке Мышкин В.И. Я рассказал им обстановку. Клименко сказал, что по пути ко мне обратил внимание на большое количество военных патрулей особенно вблизи нашего дома, чуть ли не на каждом квартале. Такого в Бердичеве никогда не было.
Я знал, что старшего офицера простой военный патруль брать не имеет право, нужен офицерский патруль, но чего не бывает в нашей любимой армии? Драться с солдатами из-за армейского беспредела не будешь, на это они и рассчитывают. Что делать? Надо было как-то незаметно выбраться, чтобы сесть на поезд до Москвы из другого города. С чужого телефона Света позвонила А. Ярошинской. Приехал её муж Саша и вывез меня в Житомир, откуда я выехал в Москву. Обстановка обострилась настолько, что, несмотря на мой протест, для моей охраны в Москву выехал и Клименко. Прибыв в Москву, я позвонил Лидии Графовой и оставил ей номер телефона для связи, остановившись у своего бывшего

командира взвода В.С. Борисовского. Через день она позвонила, сказав, что её нашёл подполковник Беккерман и просил связать его со мной. Когда-то по ЦТ я смотрел художественный фильм «Разыскивается опасный преступник», очень напоминающий Новочеркасские события 1962 года. Сейчас этот фильм был копией наших событий. По сценарию фильма полковника, который отказался расстреливать мирных жителей города, взяли и посадили в тюрьму за неисполнение приказа, когда он пришёл на встречу к другу. Сейчас Беккерман, приехавший в Москву, уговаривал меня встретиться. Говорил, что хотел мне что-то очень важное сказать. Я попросил его сказать это важное Л.Графовой, которой я полностью доверяю, а от встречи, несмотря на настойчивые уговоры, отказался. По сегодняшний день я уверен, что сделал правильно.
Апелляцию по поводу незаконного исключения из партии в КПК (комиссия партийного контроля) я сдал ещё в прошлый выезд в Москву. В Политуправлении и Главной военной прокуратуре тоже был в прошлый раз. На этот раз осталось побывать в приёмной Министра обороны. Была мысль вернуть Министру орден «За службу Родине», все медали, включая три из них «За безупречную службу» и знаки отличия, но передумал. Заявление у меня в приёмной Министра приняли. Везде меня сопровождал Клименко, на которого в первую очередь все обращали внимание. С его двухметровым ростом не заметить его было сложно.

На моё обращение к министру обороны Д. Язову ответа не последовало по настоящее время. Перед увольнением из армии меня вызвали на беседу в ГУК (главное управление кадров). Встретил меня генерал в штатском (уволенный по сокращению штатов), работавший в ГУКе секретарём. Сокращенный генерал сказал, что хорошо ознакомился с моим личным делом и ему всё ясно, что: «Дело шито белыми нитками, и, чтобы это понять, достаточно заглянуть в служебную карточку». Он сказал, что будет докладывать об этом тому генералу, который будет со мной беседовать и направился к нему в кабинет. Я тоже сказал ему, что его сократили потому, что ему всё ясно.
В ходе беседы заместитель начальника ГУКа в звании генерал-лейтенанта зачитал характеристику, написанную для снятия меня с должности.
– Видите, как всё плохо: ни одного белого пятна! – сказал генерал.
Я ответил, что таких людей, у которых всё так плохо, в природе не бывает. Попросил генерала прочесть в этом же личном деле аттестацию, написанную на меня собственноручно командующим армии генерал-лейтенантом В.С. Краевым, и сравнить тексты, чтобы убедиться, что совпадают даже запятые, но в каждом предложении подставлено НЕ, кроме последнего, где НЕ подставить забыли и получилось: «Занимаемой должности соответствует». Генерал убедился в плагиате и сказал, что эту характеристику писал идиот. С ним трудно не согласиться, но эту идиотскую характеристику, кроме автора - идиота подполковника БАТАЛЮКА, подписывали: комдив полковник АНДРЕЕВ, генерал-лейтенант КАМКАМИДЗЕ и И.О. командующего Прик

ВО генерал-лейтенант ГЕНЕРАЛОВ. Я спросил у генерала, каким ещё надо быть плохим, чтобы должности НЕ соответствовать? Почему Главком Сухопутных войск, не имея законных оснований (по характеристике в которой указано, что должности я соответствую), с должности меня снял? Помолчав, генерал сказал: «Во всём виноват Ваш характер». Однако, это тоже не основание для понижения в должности.
Я не представляю, как мог бы бесхарактерный офицер принести столько пользы, спасая людей в замороженных гарнизонах Забайкалья. Может быть, чтобы попасть в генералы, надо тоже стать идиотом, как стали все те, кто это писал и подписывал? Из ГУКа ушла команда на замену моей характеристики в личном деле и уничтожение служебной карточки. Характеристику задним числом переписали. Изменили и вывод, но даже новое коллективное творчество не скрывает всего происшедшего. Заменил характеристику бывший подполковник, начальник штаба учебной дивизии, чуть позже ставший генералом, Баталюк. Служебную карточку уничтожил бывший начальник отдела кадров Житомирской армии под контролем генерала Доманского.

По тексту новой характеристики, которую принёс Баталюк, воспользовавшись моим отсутствием, видно было, что к ней приложил свою руку и Сологуб. В ней указано взыскание за опоздания на занятия по марксистско-ленинской подготовке, о котором говорил главный в армии секретарь парткомиссии, что за это не наказывают. Видно, генерал-полковник очень плохо знал положение дел в нашей армии или не думал над тем, что говорил. После второго возвращения из Москвы в свою воинскую часть я встретил командира дивизии полковника Руцинского. Он сказал мне, что его вызвали из отпуска, чтобы подписал аттестацию на моё увольнение в аттестационном порядке и что этот пасквиль он подписывать отказался. Я ознакомился с этим пасквилем и должен сказать, что если его пустить в дело и дать хорошему мыслящему следователю, то обязательно будет возбуждено уголовное дело за служебный подлог. Но где они, в нашей армии эти хорошие следователи, когда всё делается по приказам сверху? Без подписи командира дивизии этому пасквилю в моём личном деле делать нечего. Но для организаторов всего этого речи о какой-либо законности быть не могло. Фактов нет, но нужно много грязи, и неважно, что это неправда и незаконно, главное, что грязно, а «свинья всегда грязь найдёт», именно для неё и лежит эта неподписанная аттестация в моём личном деле. В законности разбираться никто не будет.
Пригласили на суд офицерского бесчестия. Судили не меня, а всех здесь сидящих, которые уже были безмолвны. Им сломали хребет офицерской совести и чести. Стыдились смотреть мне в глаза. О том, какое будет решение суда, никто уже не сомневался. Так, на «суде чести», или бесчестия 26 июня 1989г. было принято заранее заготовленное решение: «возбудить ходатайство перед командованием части об увольнении подполковника Чащевого Владимира Михайловича с действительной

военной службы по статье 61: «За совершение проступков, дискредитирующих высокое звание советского офицера». В тексте решения суда много лжи, что нетрудно было доказать, но мой протест против беспредела полковник Л. Чёрный не принял.

Глава 17
Оперативно-стратегические командно-штабные учения (КШУ) "Осень-88"

В ожидании приказа на увольнение я был направлен офицером связи на Ровенский учебный центр, где осуществлялось руководство Министерством обороны учений под названием «Осень-88». Приехав на место, рассчитывал хоть в конце своей службы увидеть своими глазами что-нибудь серьёзное по управлению войсками.
«С 9-го по 23-е сентября личный состав бригады Специального назначения участвовал в оперативно-стратегическом КШУ "Осень-88". В ходе учений в тыл было выведено 14 групп специального назначения, которые вскрыли 54 объекта. Общая оценка за учения — "хорошо". По итогам стратегических учений "Осень-88" 28 Общевойсковая Армия БВО и его Штаб армии приказом Министра обороны СССР были признаны лучшими в ВС СССР».

Я не видел, как действовали наши прославленные спецназовцы, ничего не знаю о действиях 28-ой Армии и её штаба. Это всё, что мне удалось найти по этим учениям. Читателю я хочу рассказать только о том, что видел своими глазами.
Раньше я был на разных учениях: и с боевой стрельбой, и без стрельбы. Был на учениях в должности командира ОДШБ, которые проводил командующий армии В.С. Краев. В ходе учений я принял решение одной из десантных рот произвести десантирование посадочным способом на автостраду, вблизи аэропорта, который должен был захватить. Но полковник, командующий авиацией армии, сказал, что такой приказ он выполнять не будет.
Краев предупредил полковника, что во время боевых действий он лично расстреляет его, если тот не выполнит приказ командира десантно-штурмового батальона. Был и на других командно-штабных учениях, но такого… я ещё нигде не видел.

Никакой современной связью здесь даже не пахло. Допотопные радиостанции не справлялись, и генералы приходили к помощи таких же допотопных телефонов ТАИ-43, ТАИ-53. (1943 и 1953 годов). Но бросалось в глаза не только это. Прошёл шумок, что кто-то приезжает, и все генералы врассыпную: кто куда. Я не понял, куда я попал. Всё как в детском саду: «кто не спрятался, я не виноват». Чего они боятся? Как им не стыдно бегать, прятаться по углам? Оказалось, что приехал какой-то генерал-лейтенант, чуть ближе стоящий по должности к МО (министру обороны).
Я, грешным делом, стал себя упрекать, что не убегаю, потому что уже отбегался. Но успокоил себя тем, что никогда не убегал ни от кого, кроме психушки.
Все вдруг побежали во двор. Шепчут, что ящики с виски понесли в соседнее здание, значит, Министр обороны Язов скоро прилетит. Вот и девушки

пошли туда строем в колонну по одному.
Финал учений был скомкан, так как танки с пехотой (насколько можно было понять из переговоров по средствам связи) завязли в болоте, а самолёты улетели не в ту сторону. Всех попросили удалиться. Разбора учений при мне не было.

Эти учения реально свидетельствовали о положении дел в руководстве нашей армии, её техническом обеспечении средствами связи и моральном потенциале руководящего состава. Во всём этом нет ничего таинственного. Все об этом знали многие годы, ничего не делая.

Радует, что, наконец, во главе армии встал настоящий, порядочный мужик С. Шойгу, и многое пытается изменить. Что армия сейчас возвращается к традициям наших предков, к вере в Бога. Что по всей стране появилось много Кадетских, Суворовских и других приютов для мальчишек и девчонок, которые надели погоны. Знаю, какое наследство получил С. Шойгу, и что ему очень трудно, но не всё сразу. В нашей стране много самородков, таких как прапорщик Мога, которых надо выявлять и использовать. Очень желаю ему и всем нам удачи в этом благородном деле. В воспитании молодёжи большую помощь могут оказывать наши ветераны.

Я на встрече ветеранов с молодёжью

Глава 18
Волчий билет

Шёл первый, почти демократический, съезд народных депутатов СССР. У меня закончились все баталии со своим руководством, и я лёг в Житомирский госпиталь подлечить своё здоровье и заодно по ЦТ внимательно посмотреть всё происходящее на этом съезде. Ярошинской дал телеграмму о решении суда офицерской чести.

Все больные офицеры с большим интересом смотрели по ЦТ происходящее на съезде народных депутатов. Во время перекуров спорили между собой. Кто-то сказал, что Сахаров врёт, что в Афгане нашим приказывали расстреливать своих: «Я бы сам ему пулю в лоб пустил». Другой успокоил его, рассказав, как получал приказ с самолёта расстрелять своих, попавших в окружение, но не смог этого сделать. Пострелял вокруг да около и доложил, что исполнил. Я в разговор не вмешивался. Курил и наблюдал за голубкой, которая под проливным дождём сидела около раздавленного машиной голубя посреди дороги. Подумал, что она тоже ждёт машину, чтобы раздавили её. Перенёс мёртвого голубя в сторону под маленькую сосёнку, решив похоронить его, когда прекратится дождь. Голубка перебралась к нему.

Из тома №2 Гл.2 «Босиком по битому стеклу» А. Ярошинской: «…Очень простое лицо Язова покрывалось периодически красными пятнами, когда я настойчиво пыталась доказать ему всю нелепость обвинений в адрес офицеров, развенчать ложь и напраслину, возведённую на Петривнего в Житомирском военном училище и на Чащевого с Рашковским – в военной части в Бердичеве. Разговор продолжался в другом кабинете со старшим инструктором парткомиссии при Главпуре Владимиром Семёновичем Марковым и зам. ответсекретаря Петром Михайловичем Ковалёвым. Наше общение и с министром, и с сотрудниками парткомиссий скорее походило на разговор глухонемых. Мне было продемонстрировано досье на офицеров, собранное в Житомире и Бердичеве – понятно, что не без указаний из Москвы. Клерки путано объясняли мне, что, мол, вместе с Петривним из училища придётся уволить в запас ещё человек 12 и что, якобы, ещё в декабре прошлого года этот список был направлен в минобороны. И что Язов подписал решение, чтобы все продлённые офицерам сроки службы прекратить до 1992г. Когда я сказала, что Петривнему разрешено служить до 1993г., представители партийной «инквизиции» на голубом глазу заявили, что это не является основанием, чтобы Петривний служил до 1992г. **Вопрос заключается в том, какое вообще отношение имеет партийная комиссия к решениям кому и сколько служить, кому продлевать, а кому не продлевать службу.** Досье подполковника Чащевого, которое мне продемонстрировали сотрудники парткомиссии, сразило наповал. В частности, в протоколе № 7

от 10 марта 1989г. там была записана такая формулировка «проступка», из-за которого его исключили из партии: **«За подрыв авторитета местных партийных и советских органов власти в ходе предвыборной кампании…».** Хорошо хоть, что подполковник подрывал авторитет местных органов. А что, если бы всесоюзных? Страшно даже подумать! Содержание этой формулировки демонстрирует уровень интеллекта её авторов в Бердичеве и вдохновителей – в Житомире и Москве. О чём я откровенно поделилась с политработниками.

Сильную нервозность вызвала у Язова и его помощников статья Графовой «Эффект бумеранга» в «Литературной газете, где также описываются перипетии с преследованием старших офицеров советской армии. Министр высказался в том духе, что они не собираются «на статью реагировать». Это притом, что по указанию Чебрикова, бывшего шефа КГБ СССР, перешедшего на работу в ЦК, ему пришлось направить в Житомир комиссию. Я оставила министру свой второй письменный депутатский запрос о судьбе опальных офицеров – уж на него-то они просто обязаны реагировать…

Несмотря на раздражённые заверения Язова «не реагировать на статью» Графовой, в самом разгаре 1 Съезда народных депутатов СССР «Литературная газета» неожиданно получила ответ от заместителя начальника Главполитуправления СА и ВМФ СССР Г.Стефановского, датированный 2 июня 1989г. Видимо, в том числе и накал страстей на Съезде заставил Язова на всякий случай подстраховаться. В газете для меня сделали копию ответа и попросили написать к нему комментарий.

Надо сказать, что ответ генерала Стефановского представлял из себя дежавю Житомирских событий вокруг опальных офицеров, только уже на самом высоком уровне: он был напрочь лживым, в нём угадывался почерк житомирского генерала Доманского, торжественно пообещавшего идеологическому активу области «пресекать» всех, кто не с ними.

В ответе в частности сообщалось, что «дисциплинарное взыскание, наложенное на Петривнего А.И., не связано с его деятельностью как доверенного лица кандидата в народные депутаты СССР» и что он «представлен к увольнению в запас по выслуге лет в плановом порядке. Претензий по этому поводу не имеет»… Ну, не бред ли? Только что комиссия Гравпура схватила за руку начальство Житомирского высшего военного училища, признав, что взыскание было вынесено именно в связи с необоснованными претензиями по поводу участия Петривнего в выборах, и заставила его отменить приказ, а зам, начальника, генерал, в ответе редакции опять несёт откровенную околесицу! То же – и насчёт «претензий», которых моё доверенное лицо «не имеет», будучи представленным «к увольнению в запас». Значит, Петривний доволен, что его, несмотря на то, что главнокомандующий ПВО продлил срок службы ещё на пять лет, досрочно увольняют, а я ни с того ни с сего пишу письма министру обороны, два часа убеждаю его, на личном приёме, в обратном?

Сохраняя хорошую мину при плохой игре, в училище прислали распоряжение: сократить штат. Так что для того, чтобы закамуфлировать увольнение полковника Петривнего по политическим мотивам, получается, за компанию с ним невинно пострадали ещё и другие. В 1989г. Александру Ивановичу исполнилось 50 лет, но при этом политическом его изгнании на работе в училище остались офицеры старше его, зато тихие и покладистые. Обычно в советской армии на увольнение в запас уходило месяца два, а в случае с Петривним всё прошло рекордными темпами: 2 июня Стефановский написал ответ, а 15-го неугодный полковник был уже «рассчитан». …

Таким же насквозь лживым и возмутительным оказался ответ в «Литературную газету» генерала Стефановского и в отношении подполковников Чащевого и Рашковского из в/ч 21447 г. Бердичева. Из-за того, что они не были доверенными лицами кандидатов в народные депутаты СССР, им приходилось отбиваться ещё труднее. Особенно умилило в ответе, что «предвзятости в отношении офицеров Чащевого В.М. и Рашковского Г.А. допущено не было», а «взыскания по партийной и служебной линиям на них были наложены за нарушение воинской дисциплины и упущения по службе». Видимо, Стефановскому не доложили, что на приёме в министерстве мне было продемонстрировано тщательно собранное досье на двух подполковников. Причиной исключения из партии значилось, как я уже цитировала выше, **«подрыв авторитета местных партийных и советских органов власти в ходе предвыборной кампании…»** Напомню, читатель: эти двое «подрывали» устои тем, что агитировали против кандидата в депутаты. Хоть это законное право каждого избирателя, но если бы то был другой депутат, а не первый секретарь обкома…

Видимо, мои усилия на встрече с Язовым и его сотрудниками не прошли даром: в министерстве учли мою критику глупой формулировки и задним числом исправили эту оплошность бердичевских блюстителей политической девственности подполковников советской армии. **Обман, служебный подлог, освящённый самим министерством, был возведён в ранг официального ответа на статью Л. Графовой в «ЛГ». Но кого это волновало, кроме самих подполковников, меня и наших единомышленников?...** При всём этом Г. Стефановский не постеснялся также сообщить, что от подполковника Чащевого апелляции на партийное взыскание «пока не поступало». Хотя на второй день после скоропалительного исключения Владимир Михайлович подал её лично в Комитет партконтроля при ЦК КПСС. Второе письмо в присутствии обозревателя «ЛГ» Графовой он вручил в минобороне начальнику отдела Главпура Д. Лукиных. Это было ещё в середине марта 1989г. За два с половиной месяца отсюда не последовало ни звука. А в ответе из КПК Чащевого уведомили, что его апелляцию отправили в… Киевский военный

округ. С таким же успехом можно было бы и на Чукотку. Ведь служил он в Прикарпатском.
Активисты житомиряне и бердичевцы написали письма в защиту Чащевого в несколько адресов сразу: Язову, Чебрикову, Сухареву, в газету «Красная звезда», командующему Прикарпатским военным округом и даже, в надежде, что совесть проснётся, – первому секретарю обкома «народному» депутату СССР Кавуну. Уже после выборов и после 1-го Съезда к госпиталю ветеранов Великой Отечественной в Бердичеве, где Кавун собирался встречаться с ветеранами, был устроен народный поход через весь город с транспарантами в защиту Чащевого. Его возглавила инициативная группа бердичевцев, а для поддержки акции из Житомира специально приехали Валерий Костюкевич, Нина Бортник, Юрий Резник и другие. По дороге к группе активистов присоединились жители Бердичева. Эта демонстрация с лозунгами «Руки прочь от Чащевого!» была для гонимого подполковника в то трудное время важной моральной поддержкой. В Министерстве обороны СССР официальные лица, встречаясь в разгар предвыборной кампании с Графовой и Чащевым, а перед 1 Съездом – со мной, соглашались с тем, что подполковник Чащевой дослужит до пенсии ещё полтора года. Но как стало ясно позже, уже тогда в Москве одобрили предложение из Житомира и Бердичева досрочно уволить мятежного офицера. Видимо это была военная тайна Минобороны**. Фальсификация шла полным ходом не только в отношении формулировки для исключения из партии, но и сугубо по служебной части…».**
Возмутила в ответе зам. начальника Главпура Стефановского также ложь и в отношении третьего опального офицера – подполковника медслужбы Георгия Аверьяновича Рашковского. По тем же сценариям политработники и командиры Прикарпатского военного округа пытались его сломать, заставить молчать и не мешать «выборам» единственного навязанного бердичевцам кандидата. Стефановский сообщил: «По апелляции коммуниста Рашковского Г.А. парткомиссия.., учитывая его чистосердечное признания, сочла возможным оставить его в рядах КПСС». Правда, генерал не уточнил, в каких именно грехах сознался Рашковский. Георгий Аверьянович позвонил мне в Москву 16 июня 1989г. в Комитет ВС СССР по гласности и сказал буквально следующее: «Я ни в чём не раскаивался, и в моей апелляции об этом – ни слова. На парткомиссии возникла дискуссия о митинге: был ли он законным и санкционированным. Я в своём выступлении доказал, что предвыборный митинг был законным. Я и сейчас ни в чём не раскаиваюсь». Видимо, поэтому уже 17 апреля 1989г. за день до 45-летия Георгия Аверьяновича, начальство направило его в госпиталь на прохождение военно-врачебной комиссии. А в мае в пожарном порядке (как и в случае с полковником Петривним) была завершена подготовка всех документов к немедленному увольнению смутьяна Рашковского из советской армии. Чтобы не только ему, но и другим неповадно было сомневаться в партийных секретарях. **О какой, вообще, перестройке и**

повышении боеготовности войск могла идти речь, если наиболее принципиальных и социально-активных офицеров, как говорится, среди бела дня изгоняли из армии?»

Депутатский запрос Министру обороны Д.Т. Язову:
Уважаемый Дмитрий Тимофеевич! Обстоятельства в предвыборной и послевыборной кампании сложились таковы, что я вынуждена обращаться к Вам за помощью.
Среди моих доверенных лиц числится полковник А.И. Петривный, преподаватель Житомирского военного училища, кандидат технических наук. Именно это обстоятельство стало решающим в его нынешней военной службе: во время предвыборной кампании и сейчас он подвергается давлению со стороны руководства училища. По надуманным причинам А. И. Петривнему было вынесено неполное служебное соответствие, затем он был определён в госпиталь на обследование, а теперь его увольняют. Так же драматично сложилась и судьба подполковников из Бердичева В.М. Чащевого и Г.А. Рашковского, которые пытались воспрепятствовать беззаконию во время предвыборной кампании в Бердичеве. Оба были в один день исключены из партии, отправлены в госпиталь, им также предстоит увольнение из армии на пенсию по собственному желанию руководства. В госпиталь без согласия В.М. Чащевого и вопреки известному приказу Министра обороны было доставлено направление на медицинское освидетельствование и служебная характеристика, с которой его даже не сочли нужным ознакомить. Подполковнику В.М. Чащевому грозит досрочное /на полтора года / увольнение из армии с возможно минимальной пенсией или вообще без неё.

Об этих событиях рассказала обозреватель «Литературной газеты» Л. Графова в статье «Эффект бумеранга» /прилагаю/. После выхода статьи руководство Житомирского военного училища пыталось оказать давление в госпитале на полковника А.И. Петривнего, предлагая ему подписать заранее заготовленное письмо с «компроматом»… на Л. Графову. К чести полковника, он отказался от этой затеи.
Уважаемый Дмитрий Тимофеевич, моральные издержки для военных и гражданских лиц, на глазах у которых разворачивается по судьбам советских офицеров житомирская машина подавления демократии и гласности в армии, очевидны. Урок, который получили и участники, и наблюдатели, согласитесь, не из лучших уроков перестройки в армии. Я надеюсь на Ваше личное участие в немедленном прекращении позорных для советской армии преследований, за активную гражданскую позицию моего бывшего доверенного лица полковника А.И. Петривнего, а также подполковников В.М. Чащевого и Г.А. Рашковского.

А. Ярошинская/Згерская/. Народный депутат СССР по Житомирскому территориальному округу № 446. 19 мая 1989 года

Несмотря ни на что, Главнокомандующий Сухопутными войсками своим приказом № 0753 от 23.08. 89г. уволил меня по статье 61 статье

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА

КОМАНДИРА ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 21447

№ 142

2 сентября 1989 года гор. Бердичев

(по строевой части)

§ 1.

Подполковника ЧАЩВВОГО В.М., начальника отделения боевой и оперативной подготовки-заместителя начальника штаба части, уволенного приказом Главнокомандующего Сухопутными войсками от 23 августа 1989 года № 0753 в запас по ст.61 (за проступки, дискредитирующие высокое звание советского офицера) без права ношения военной формы одежды, со 2 сентября 1989 года ИСКЛЮЧИТЬ из списков личного состава части, всех видов обеспечения и направить на учет в Бердичевский ОГВК Житомирской области гор. Бердичев.

Лишить единовременного денежного вознаграждения за январь-август 1989 года полностью.

ОСНОВАНИЕ : Телеграмма начальника УК ПрикВО от 29.8.89 года №ДС/11/91 (вх.№541).

п.п. КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 21447
ПОЛКОВНИК - Л.ЧЕРНЫЙ

п.п. ВРИД НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЧАСТИ
ПОЛКОВНИК - В.ДУБИЧИН

ВЕРНО: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ КАДРОВ В/ЧАСТИ 21447
ПОДПОЛКОВНИК В.ЯЩЕНКО

«За совершение проступков, дискредитирующих высокое звание советского офицера», на 25% пенсии, с лишением всех льгот офицера запаса, без права ношения военной формы одежды.

Такое увольнение из армии называют увольнением «с волчьим билетом» т.к. офицер лишается всех льгот определённых для офицеров запаса. Он не имеет право лечиться в военных санаториях и госпиталях. Забегая вперёд, к этой истории с моим увольнением следует добавить, что лет через 8 после увольнения ко мне домой в городе Армавире Краснодарского края из управления Сухопутных войск прислали майора, который поставил меня в известность, что моё дело рассмотрела комиссия, признав увольнение меня по статье 61 **НЕЗАКОННЫМ.** Я попросил письменное решение этой комиссии, но майор ответил, что этого мне никто не даст. Спросил его, для чего в таком случае он приехал, если я изначально знал, что меня увольняют НЕЗАКОННО. Согласно 78 статьи Дисциплинарного устава Главком, уволив меня по 61-й статье совершил уголовное преступление (превысив свои служебные полномочия). Майор ответил, что он приехал, чтобы поставить меня в известность. Посоветовал обратиться в военкомат по поводу изменения статьи увольнения. На моё письменное обращение в военкомат ответа не последовало.

Глава 19
ГФСП (Гражданский фронт содействия перестройке)

Погоны носил с 1958 года, когда мне было 12 лет, и другой жизни не знал. Все годы своей службы не пресмыкался, а старался больше принести пользы людям, чего бы это мне ни стоило. Мои бывшие подчинённые и одноклассники давно полковники и генералы, а я всё пытаюсь ломать систему, в которой, конечно, есть много хорошего, но и немало плохого, что постоянно делает людей нищими, ставит их на колени, чтобы легче было ими управлять. Сама система заставляла людей воровать, где бы они ни работали: «не украдёшь – не проживёшь!» И этим делала людей уязвимыми. Раньше, ещё в СВУ, считал, что такой огромной страной управляют самые умные, самые честные, самые образованные и самые культурные в мире люди. Естественно, что они, под стать себе, формируют правительство, а то, в свою очередь, другие органы управления. В процессе всей службы, к своему удивлению, встречался с большим противоречием. Всё не мог поверить, что такое бывает. Убеждал себя, что это – исключение из правил. Уже после службы, лет через семь, на комбинате «Хлебопродуктов» в г. Армавире мастер участка раскрыл мне государственную тайну, рассказав, как при советской власти строилась карьерная лестница. Как-то в курилке во время перерыва, где сидел я (мастер по ремонту оборудования) и мои слесари, подошёл начальник участка Ткаченко, разговорились. Он рассказывал, как много лет назад попал на этот комбинат и на эту высокую должность:

– Привёз меня первый секретарь горкома партии к директору комбината и сказал: «Я привёз к тебе на хорошую должность своего друга. **Он большой подлец, но ты его не тронь, он мой друг!!!»**

Каким только пьяным его ни видели рабочие на комбинате! Бывало, он, пьяный, лежит на полу в одном углу, а его стеклянный глаз – в другом, и это было нормой. **Если исходить из этой схемы расстановки кадров из друзей-подлецов на должности всего руководства Советского Союза, то пазлы удачно складываются.**

Скелет социалистической системы более 70 лет в основном складывался, очевидно, именно таки очень долго просуществовать не мог. В Москве уже создавали в пику «родной КПСС» Народный фронт. В Житомире этот процесс происходил медленно, но уверенно и, естественно, «вознаграждался» властями через наши самые справедливые в мире судебные органы.

додумались. Горбачев действительно талантливый политик в том смысле, чтобы все обошлось и чтобы мы жили

«Демократическая Россия», а также

действительно можем неожиданно взор-

15.04.1990 г.

18 МАРТА 1990 Г. ЖИТОМИР. СТАДИОН ИМ. ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.

1. ОНИ ЕЩЁ ПРАВЯТ, НО... 2. ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ НА БАРРИКАДАХ!

Фото Леонарда Михайловского.

У КАМЕННОЙ СТЕНЫ ПОЯВИЛИСЬ ТРЕЩИНЫ...

Многие житомиряне помнят статью «У каменной стены», опубликованную в «Литературной газете».

Еще в 1987 году журналист А. А. Ярошинская начала долбить житомирскую каменную стену своим острым корреспондентским пером. В выходные дни, на свой страх и риск, за свой счет ездила в Народичский район, зону чернобыльского бедствия, собирала материалы о боли и гневе народа, пострадавшего в результате аварии на АЭС.

В 1988 и 1989 годах мужественно боролась она против коррупции в партийных и государственных органах Житомира и области, в результате чего народ избрал ее народным депутатом СССР.

Своими поступками и действиями А. А. Ярошинская доказывала необходимость принятия общесоюзной государственной программы по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, и в 1990 году эта программа была законодательно закреплена и признана Верховным Советом СССР.

В своей программе и повседневной деятельности А. А. Ярошинская постоянно, на протяжении двух революционных лет г. Житомира доказывала необходимость расширения и постройки школьных учреждений для перевода обучения детей в одну смену вместо нынешних двух-трех. И вот в 1990 году газета «Радянська Житомирщина» печатает заметку, где с благодарностью говорится о народном депутате СССР В. С. Венгловской за оказанное содействие в расширении и постройке будущей школы в районе Крошин.

Народный депутат СССР А. А. Ярошинская призывала к гласности в работе всех органов власти, к созданию независимой от цензуры правдивой народной печати. В апреле 1990 года, несмотря на значительные препоны и проволочки, выходит первый номер независимой газеты, газеты для всех — «Голос кооператора».

Пора аппарату областной и городской организации КПУ отказаться от митинговой демократии, декларативных заявлений о гласности и перестройке и перейти к практической работе. Необходимо немедленно передать Житомирский облпечсанупр для реабилитации детей, пострадавших от радиации.

На очереди — проведение общегородского референдума о ликвидации районирования Житомира, о концентрации средств в руках городского Совета народных депутатов для спасения Житомира от экологической катастрофы и решения других насущных проблем города.

Наступит день — и обломки «Житомирской каменной стены» будут продаваться на международных аукционах за свободно конвертируемый советский рубль.

Владимир ДРУЖНЫЙ.

3

Из тома №2 Гл.6 «Босиком по битому стеклу» А. Ярошинской: «В результате аппаратного весеннего обострения и житомирского «бульдозерного права» первоначальный список политических расправ за поддержку неугодного кандидата, а затем и депутата в административно-штрафном измерении выглядел так:

1.Я.Я. Зайко – 650 руб. (300 руб. по одному «делу» плюс 350 руб. по другому).

2.Ю.П. Олейник – 400 руб.

3.А.А. Сугоняка – по одному «делу» - предупреждение, по другому - 300 руб.

4.С.И. Кунык – по одному «делу» – предупреждение, по другому – 150 руб.

5.В.Д. Костюкевич – 120 руб.

6.Г.Н. Кушниренко – 120 руб.

7.Н.Н. Пшеничная – 100 руб.

8. К.В. Гулюк – 80 руб.
9. В.Г. Ситницкий – 50 руб.
10. В.Й Пашковский – 50 руб.

11. Г.М. Пекарский – 40 руб.
12. Г.И. Матюшенко – 30 руб.

13.А.П. Мошковский – предупреждение.
14. А.П. Шелепа – дело истребовано из суда для проверки.

Видно, это и были те «новые политические методы и формы работы», о которых почти полтора часа рассказывал на идеологическом совещании в обкоме партии после выборов первый секретарь В.М. Кавун». В Житомире 19 февраля 1989г. в резолюции первого многотысячного митинга поставлен вопрос о создании Народного фронта в защиту перестройки. По апрель включительно разрабатывались проекты Программы и Устава, обсуждались на собраниях в рабочих коллективах. 6 апреля 1989г. – четырёхчасовое обсуждение рабочей группы, представляющей проект ГФСП (Гражданский фронт содействия перестройки) с УКГБ (Украинский комитет государственной безопасности) по Житомирской области. На предприятиях города до 1 мая создаются первичные ячейки ГФСП, а на 1 мая праздничная первомайская колонна, сформированная из групп ГФСП. 17 мая на собрании представителей 12 групп ГФСП от предприятий города был образован оргкомитет по созданию регионального ГФСП. 25 мая в Москве начался 1 Съезд народных депутатов СССР, на котором Д. Сахаров предложил убрать 6 статью (о руководящей и направляющей роли КПСС) из Конституции. 8 июля 1989г. в Житомире состоялась Учредительная конференция ГФСП. Всего на конференцию прибыло 373 делегата, представителей от рабочих коллективов 74 предприятий и организаций, а также представителей других населённых пунктов. Из Бердичева на конференции присутствовало 8 человек. Из выступления участника Учредительной конференции ГФСП пенсионерки от г. Бердичева А.И. Ольшанской: «…специфика города Бердичева такова, что это удобный избирательный округ для высокопоставленных чинов, таких, как Кавун. (…) В ходе митинга 12 марта сего года наша инициативная группа в составе 7 человек (двух подполковников и пяти пенсионеров) в течение трёх часов держала власть в городе в своих руках. Беспомощен был военный комендант со своими солдатами, заместитель начальника милиции вместе с опешившей милицией города, представители советской власти и партийных органов. Как говорят бердичевцы: «Это была первая революция в нашем городе! (…) Но без Вашей поддержки нам одним у себя не справиться». Из выступления участника Учредительной конференции ГФСП, преподавателя Житомирского филиала КПИ, В.И. Горностая: «У меня есть много замечаний к Программе. В ней есть выражение «социалистический плюрализм». Что это такое? Это уже плюрализм или ещё не плюрализм? (…) Мы 50 лет поклонялись социалистическому реализму, а оказывается, никто не знает, что это такое. (…) Нам необходимо и в Программе, и до народа донести свои идеи, и назвать всё своими именами. Не сталинизм, не Сталин, не его окружение виновато, а виновата партия! И партия должна взять на себя ответственность. Если мы говорим, что партия является инициатором перестройки, то это неправда. Партия разрешила перестройку, спустила крючок пружины с тормоза демократии и гласности,

которые она все 70 лет тормозила». Из выступления участника Учредительной конференции ГФСП Житомирского фотографа и поэта В.Н. Селиванова: «У меня замечание: тут один товарищ говорил о социалистическом плюрализме. Для него есть точное определение – это кастрированный плюрализм и кастрированная демократия. И я предлагаю из наших документов это словосочетание убрать. Просто демократия и просто плюрализм». Всего выступило на Учредительской конференции ГФСП в политической дискуссии и обсуждении проектов документов 45 делегатов. Не успели получить слово 19 делегатов. Им было предложено передать свои выступления в письменном виде для последующей публикации в документах конференции. На альтернативной основе на конференции был избран Совет ГФСП в составе 13 человек. В список для голосования было внесено 30 кандидатур. Трудно переоценить масштаб и качество произведённой работы по подготовке этой Учредительной конференции, зная всё противостояние. Всё это делали самоотверженные люди, такие, как Алла Ярошинская, Яков Зайко, В.Г. Мельничук, А.А. Сугоняко, А.И. Петривний, А.П. Машковский, А.Г. Конобас, А.А.Ольштынский и другие. С первых дней знакомства с этими людьми я понял, что мы одной крови.

На фото я слева, В.Г. Мельничук - справа. На митинге в Житомире.

К концу своей службы я очень многое узнал и увидел своими глазами. Не во все, что видел, мог поверить. Защищая себя, мог обратиться за помощью к новому начальнику штаба округа генерал-лейтенанту Шевцову, который знал меня ещё с Елани и здесь уже слышал хорошую характеристику, данную мне на военном совете по требованию командующего округом

моим командиром дивизии генерал-майором Котовским. Мог бы обратиться за помощью к Краеву, который в это время уже находился на высокой должности в Польше, где располагалась наша ставка. Но не хотел подставлять ни того, ни другого, понимая, что в этой схватке можно так испачкаться, что потом не отмыться. Всё испытал на себе. Уже знал, что даже Министр обороны Язов у них вместо пешки, которая никогда не станет королевой. Не мог понять одного: почему все знают, все видят, все молчат, все терпят и ничего не делают? Почему, когда пришёл Горбачёв и начал что-то делать, встречая огромное сопротивление, не все встали в строй, чтобы отстаивать свои интересы, интересы своих детей и внуков, ждали, когда за них это сделают другие. По ЦТ в новостях рассказывали, как в тайге разгрузился ж/д состав с копчёной колбасой, как под Москвой и Ленинградом стоят и не разгружаются ж/д составы с мясом, несмотря на то, что в магазинах городов его нет. И никто «мышей не ловит». Где прокуратура? Где наши прославленные пинкертоны? Тут не стрелочника надо искать, стрелочнику это не нужно. Это наша «родная, руководящая и направляющая сила общества» работает, пытаясь удержаться у корыта власти. Её очень хорошо было видно, когда на 1 Съезде народных депутатов затопывали и захлопывали А.Д. Сахарова. Лишённый звания трижды Героя Социалистического труда, лауреата Государственной и Ленинской премий, лауреат Нобелевской премии мира академик Андрей Дмитриевич Сахаров, выступая с трибуны Съезда, боялся не успеть сделать то, что должен сделать. Если бы Горбачёв не остановил его выступление, эта стая шакалов разорвала бы академика в клочья прямо на трибуне. Многие из тех мосек, лающих на слона, и сегодня трутся вокруг власти.

Из тома №2 Гл.6 «Босиком по битому стеклу» А. Ярошинской:

…Уже и после изгнания неугодного подполковника Чащевого мы продолжали штурмовать министерскую «Бастилию» – через военную прокуратуру, доказывая всю порочность политической армейской системы, которая использует против неугодных психиатрические отделения военных госпиталей. Более года армейская машина отпиралась. Но под напором фактов и стремительных перемен в стране пришлось сознаться в получении телеграмм от полковника юстиции Крышталь И.А. Из ответа первого зам. военного прокурора Прикарпатского военного округа полковника юстиции Н.Никишкина на заявление подполковника в запасе В.М. Чащевого, 25 июля 1990г., №6/268-ж: «…Как установлено, полковник юстиции Крышталь И.А. действительно направлял командующему Прик ВО и военному прокурору округа телеграмму, в которой доложил результаты проверки и с учётом конкретных обстоятельств высказал личное мнение о необходимости обследования Вас на предмет психической полноценности».

Читая это лукавое признание о «личном мнении» в телеграмме военного прокурора Крышталя, я вспомнила об аналогичном случае – «личном мнении» секретаря Житомирского обкома партии Шептуна на официальном бланке в ответ на мою критическую статью в «Правду Украины», изобилующем враньём. Что военные прокуроры, что секретари обкома – изворачивались одинаково. Из ответа первого зам. военного прокурора Прикарпатского военного округа полковника юстиции Н.Никишкина на заявление подполковника в запасе В.М. Чащевого, 25 июля 1990г., №6/268-ж: «… Высказанное военным прокурором объединения мнение о необходимости обследования состояния Вашего здоровья не возлагало на Командующего войсками Прик ВО какие-либо обязанности и осталось нереализованным». Именно потому и осталось «нереализованным», что по дороге во Львовский госпиталь Прикарпатского военного округа, как Вы помните, читатель, подполковник Чащевой «оторвался» от своего сопровождения и уехал в противоположном направлении – в Москву, с жалобой на армейский беспредел. А окажись Владимир Михайлович не столь проворным, кто знает, какой диагноз он получил бы после традиционного лечения галоперидолом и прочими нейролептиками, будучи заказанным «пациентом» ретивых военачальников под пятой Главного политуправления. Удивляла также бесконечная «находчивость» центрального военного аппарата в отношении полковника А.И. Петривнего, «решение о продлении срока» которому, как сообщил мне министр Язов, «принятое в 1988г., пришлось пересмотреть в связи с начавшимся в 1989г. сокращением Вооружённых сил». Эту треснутую пластинку в разных вариациях (…) мне тупо прокручивали из Минобороны всякий раз в ответ на все мои доводы. Но не странно ли, что, продлевая в 1988г. срок службы Петривнему на пять лет, в Москве не знали, что уже в следующем армия будет сокращаться? Нет никакого сомнения, что всё это было лишь министерским словоблудием, прикрывающим произвол на высшем генеральском уровне». Представь себе, читатель, как служится в такой армии порядочному, честному и добросовестному офицеру? А как солдату, если такое творят со старшими офицерами? Жаловаться некому. «Рыба гниёт с головы».

Не зря говорят в народе, что «вода камень точит». Быстрое развитие житомирской демократии и гласности, вопреки ожесточённому сопротивлению обкома партии, откровенные высказывания Кавуну на городских митингах всего, что о нём думают, и требование народа к партаппарату: «Проваливайте навсегда!» дали свой результат – Кавуна тихо, почти незаметно, заменили на Владимира Григорьевича Фёдорова.

Глава 20
Невидимка (Шутка КПСС)

Началась предвыборная кампания в республиканские и местные советы народных депутатов. Несколько попыток в Бердичеве выдвигать мою кандидатуру в депутаты разных уровней были пресечены сразу при упоминании моей фамилии. Власть предержащие надолго запомнили прошедшие митинги в городе, и на эту фамилию у них была «аллергия». Но меня пригласили в Житомир, где мою кандидатуру в областные советы

народных депутатов выдвинули рабочие двух заводов.

ЛИТВИН
Федір
Михайлович

Народився в 1945 році, українець, член КПРС, освіта вища — закінчив Київський політехнічний інститут (Чернігівський філіал).
Трудову діяльність розпочав у 1968 році на Світлогорському заводі штучного волокна майстром

МАРТИНЕНКО
Юрій
Іванович

Народився в 1937 році, українець, член КПРС, освіта вища — закінчив військово-політичну академію імені В. І. Леніна. Військовослужбовець. Депутат Житомирської міської Ради народних депутатів. Член ревізійної комі-

ОНИЖУК
Анатолій
Миколайович

Народився в 1949 році, українець, член КПРС, освіта середня спеціальна. Працював механізатором, інженером-механіком в сільському господарстві. З 1978 року трудиться слюсарем в СБМУ «Житомирспецбуд».

ПАШИНСЬКИЙ
Володимир
Мартинович

Народився в 1946 році, українець, член КПРС, освіта вища — закінчив Іркутський політехнічний інститут.
Трудову діяльність розпочав бетонником на будівництві Братської ГЕС. З 1974 року працює в автобазі тресту «Житомирводбуд» начальником виробничо-технічного відділу. Активний раціоналізатор.

ЧАЛИШЕВ
Олександр
Іванович

Народився в 1951 році, росіянин, член КПРС, освіта вища — закінчив Львівський політехнічний інститут.
З 1973 року трудився на різних посадах у ВО «Електровимірювач». Працював за кордоном. У 1988 році обраний директором Житомирського регіонального госпрозрахункового центру науково-технічної творчості молоді.

ЧУДНОВЕЦЬ
Володимир
Іванович

Народився в 1948 році, українець, член КПРС, освіта вища — закінчив Академію МВС СРСР. З 1966 року працював у різних організаціях машиністом автокрана. В 1975 році одержав направлення на роботу в органи внутрішніх справ області. З 1989 року призначений на посаду начальника відділу профілактичної служби УВС облвиконкому.

ЧАЩЕВОЙ
Володимир
Михайлович

Народився в 1945 році, росіянин, освіта вища — закінчив загальновійськове командне ордена Леніна Червонопрапорне училище імені Верховної Ради РРФСР.
Служив у Радянській Армії, підполковник. За організацію несанкціонованого мітингу і дискредитацію високого звання радянського офіцера в 1989 році виключений з КПРС та увільнений з рядів Радянської Армії. В даний час не працює.

По моему избирательному № 24 округу баллотировались 7 кандидатов: Литвин Ф.М., Мартыненко Ю.И., Онижук А.Н., Пашинський В.М., Чалишев О.И, Чудновец В.И. и я, Чащевой В.М. Встречи с избирателями проходили

очень корректно по отношению к соперникам, без оскорблений и с уважением, как и должно быть.

Но, читатель, наверно, уже понял, что представители нашей власти так же, как и политработники, без подлости никак не могут. По Житомиру и по моему избирательному участку периодически ходил автомобиль с громкоговорящей связью и рассказывал всем, какой я преступник. В местной газете «Эхо» появилась статья о всех моих «преступлениях», совершённых мной на Урале и в Забайкалье. И, якобы, подписали это обращение в газету 30 офицеров, как свидетели этих совершенных мной преступлений. Расчёт был простой: пока оправдывается, пока пытается отмыться от этой грязи, а там и выборы мимо пройдут. Чуть позже я продолжу о своих «преступлениях», а пока о тех, кто называл себя «Ум, честь и совесть нашей эпохи».
Я не зря для читателя перечислил весь список своих соперников по избирательному округу. Со стула, читатель, не падай. Попробуй угадать, кто со мной вышел во второй тур. Искать его в списке соперников не надо, его там нет. Во втором туре оказались двое: Величко Александр Петрович и Чащевой Владимир Михайлович. В ходе встреч с избирателями, видя, что я могу выиграть в первом туре, наши стражи порядка и главные махинаторы вставляют в бюллетень для тайного голосования восьмого, никому неизвестного кандидата, которого не видели члены избирательной комиссии, от которого не было заявления на согласие баллотироваться, про которого на его месте работы сказали мне, что забыли, когда его видели. Отличался «невидимка» от всех моих соперников тем, что числился обыкновенным работягой – электромонтажником, и это привлекало тех, кто не очень разбирался в обстановке. Расчёт был на то, что я, как правдолюбец, начну искать правду и справедливость. Что напишу в комиссию заявление, и выборы на участке признают недействительными. Но я решил поиграть в их игру и промолчать. Выиграл у «невидимки» с двойным перевесом. При встрече с избирателями задавали мне вопросы про «преступления», совершённые мной на Урале и в Забайкалье. Пришлось давать в газету опровержение. Редактору газеты, которая облила меня грязью, приказали от меня ничего не принимать, а военный прокурор Крыштель тем более – и слушать не хотел про клевету, говорил, чтобы я обращался в суд. А уж про наши советские суды, «самые гуманные в мире», лучше вообще не вспоминать. Гражданский фронт содействия перестройке уже начал выпускать свою газету «Голос кооператора», в котором я опубликовал своё опровержение.

КАНДИДАТИ В ДЕПУТАТИ
ОБЛАСНОЇ РАДИ НАРОДНИХ ДЕПУТАТІВ
ПО ЖИТОМИРСЬКОМУ МІСЬКОМУ
ВИБОРЧОМУ ОКРУГУ № 24

ВЕЛИЧКО
Олександр
Петрович

Народився в 1956 році, українець, член КПРС, освіта середня.

Трудову діяльність розпочав у 1973 році слюсарем на Житомирському льонокомбінаті. З 1975 по 1977 рік служив у рядах Радянської Армії.

З 1980 року трудиться електромонтажником спеціалізованого монтажного управління 420.

Бере активну участь у громадському житті.

ЧАЩЕВОЙ
Володимир
Михайлович

Народився в 1945 році, росіянин, освіта вища — закінчив загальновійськове командне ордена Леніна Червонопрапорне училище імені Верховної Ради РРФСР.

Служив у Радянській Армії, підполковник. Нагороджений орденом «За службу Батьківщині» III ступеня.

За організацію несанкціонованого мітингу і дискредитацію високого звання радянського офіцера в 1989 році виключений з КПРС та увільнений з рядів Радянської Армії. В даний час не працює.

18 березня 1990 року
ПОВТОРНЕ ГОЛОСУВАННЯ

БУ 03090. Житомир, обласна друкарня. 15.03.90. т. 200. Зам. 1517. а4.

№3 травень 1990р. Редактору газеты «Голос»

«Время нас рассудит»

На моё требование опубликовать в газете «Эхо» опровержение по поводу письма за подписью тридцати офицеров редактор газеты Н. Рой ответил категорическим отказом и посоветовал обратиться в суд. Я объяснил ему, что очень хорошо знаю по опыту своих единомышленников цену

нашим судам, но Рой настаивал, заверяя, что только суд может мне помочь. Судов они не боятся, там все свои. Самый страшный суд для них – суд общественности. Ст. 7 Закона о статусе народных депутатов в СССР гласит: «… ЛИЦА, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО ДЕПУТАТА, ПОДЛЕЖАТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ИЛИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОМ».

Уважаемый редактор Н. Рой, я очень благодарен Вам за публикацию в Вашей газете письма с подписью, как Вы утверждаете, 30 офицеров. Этим Вы помогли мне доказать прокурорам воинской части Крыштелю и Прикарпатского военного округа т. Половко, что именно политотдел в/части… приложил здесь свою партийную руку. Ведь они, несмотря на мои утверждения, это отрицают. Теперь можно забыть о каком-то странном избирателе Киперштейне с его незаурядными «предпринимательскими способностями». Конечно, тех подписей, о которых идёт речь, Вы, уважаемый Н. Рой, мне представить в редакции не смогли. Написанные одной рукой пять фамилий – это ещё не росписи. Нет, Вас, товарищ редактор, я пока не виню, но попытаюсь объяснить Вам и читателю, что и кто за всей этой историей кроется. Это не бой одиночки, «беглого подполковника», с какими-то тридцатью офицерами. Мне с этими людьми делить нечего. К тому же среди этих пяти фамилии мне знакомы всего три, и одна из них, а именно офицера Чумака, никогда не вызывала у меня сомнений в его порядочности. Впрочем, в Армии всё бывает… Конечно, никто из подписавших, если даже и появятся эти подписи, не является свидетелями всех фактов, которые фигурируют в «письме», так как никто из этих «писателей» не служил со мной на Урале и тем более в Забайкалье. Как же появились эти липовые свидетели? Трудно отвечать на «письмо», написанное специалистом по клевете, который умудрился даже статью А. Ярошинской, написанную в мою защиту, использовать против меня, рассчитывая на неосведомлённого читателя. В то время, когда за пределами армии авантюристы, считая, что они «ум, честь и совесть нашей эпохи», вели к пропасти всю страну, называя эту пропасть коммунизмом, политработники разлагали Вооружённые Силы, по поводу чего я неоднократно обращался во все инстанции. На одного из этих политработников, Сологуба В.М., я писал заявление в бюро партийной организации, чтобы разобраться с его клеветой, но в то время он выкрутился, заявив: «Я перепутал…». Что же они перепутали на этот раз? – Думаю, авторам письма можно простить, что они спутали Л. Графову с А. Ярошинской, так как, кроме газеты «Красная звезда» и сплетен, их, видно, больше ничего не интересует, и они, прежде чем писать это «письмо», не в состоянии были разобраться, кто является автором выражения «беглый подполковник».

– Наверно, можно простить им и то, что мою старшую дочь они назвали сыном, который умудрился два года назад родить мне внучку. – Не смущает

их и то, что они сделали из моего племянника круглого сироту, которого, по их словам, я обещал «усыновить».

– Эти коммунисты обвиняют меня в том, что я «самовольно вселился без оформления документов» в квартиру. Что ж, придётся и этим их огорчить, так как ордер мне выписан 5 февраля 1987 года, а заселился я в конце мая (прописан 29 мая 1987 года). Задержался с вселением из-за несвоевременного убытия бывшего нанимателя, как и указано в талоне к ордеру. (…) Сологуб пытался нагло из своей квартиры на пятом этаже переселиться в выделенную мне квартиру на втором этаже того же подъезда. И мне было заявлено, что я вселился незаконно. Но это было опровергнуто мной тут же в присутствии заместителей командира и всех начальников служб. (…) Каждый из нас прекрасно знает, что такое привлечение к партийной ответственности или к суду офицерской чести, особенно в армии. Что приказали сверху, то и будет. Формулировками они жонглируют, как на арене цирка. Например, из описанного в статье первого моего партийного взыскания исчезли слова об «организации пьянки», после того, как в самых высоких инстанциях я спросил: «Как мог молодой лейтенант организовать пьянку со старшими офицерами вышестоящих штабов дивизии и округа? Да и сам разбор этого персонального дела был курам на смех. (Раньше я уже рассказывал читателям, как новый командир полка, выполняя поставленную перед ним задачу, «пытал» лейтенанта, спрашивая, кто и сколько выпивал в ходе экзаменов)… Как мог молодой лейтенант сказать, что пили сидящие с этим командиром рядом секретарь парткома, замполит полка, пропагандист и другие, если они сами молчали? (…) Не берусь описывать все «подвиги» этой привилегированной армейской касты, зная, что всех газет Советского Союза не хватит для краткого изложения их деяний. Наверно, бывают среди них редкие исключения – как говорят: «в семье не без урода». В 1980 году, с моей лёгкой руки, один из таких, как мне показалось, «исключений» был награждён орденом. Но позже, когда сержант Березин (упомянутый в письме) заявил перед строем, что он не пошёл бы в бой с таким замполитом, (который пишет на своего командира кляузы и анонимки, вынуждая солдат ставить подписи, от чего они отказываются) – всё сразу встало на свои места. Что побудило этого коммуниста клеветать: «…за нарушение дисциплины сажал в яму офицеров и прапорщиков, связывал проволокой и приказывал солдатам бить их прикладами по зубам…?» (Ещё раньше в этой кляузе говорилось, что я заставлял им зубы крошить, но, видно, кому-то это не понравилось, и переписали). Редактор упустил слова «по зубам», сказав мне, что в это трудно поверить. А можно ли во всё остальное верить? Может быть, ещё назовут эти офицеры тех, кому выбили зубы? Следствия без причины не бывает. Причина проста: жене замполита я запретил примерять в магазине товар до его распродажи. (Я об этом рассказывал, и об остальном тоже). (…) Но предъявляемые мне обвинения лишены здравого смысла. За такие проступки орденом не награждают. Я

награждён именно в то время – в 1980 году. (…) Офицер, проходя службу на командирских должностях, попадает под шквал дисциплинарных взысканий. Но мне почему-то больше отдавали «предпочтение» партийно-политические работники. У нас взаимная «симпатия». При желании сейчас с моими документами (в личном деле) они могут сотворить всё, что захотят. Я в их способностях не сомневаюсь. Конечно, читатель и «офицеры-писатели» ждут моего рассказа о лейтенанте медицинской службе Глебове Б.С., которого, как они читали и писали, я «избил сапогами у него на квартире в присутствии жены и ребёнка». Вынужден огорчить тех и других – всё было гораздо проще. За такое преступление выговором по партийной линии я бы не отделался. Это даже политработнику должно быть ясно. Взяв за ворот Глебова, отказавшегося везти в госпиталь умирающего (обезвоженного) ребёнка, я предупредил, что сотру его в порошок, если мальчик умрёт. Глебов, высадив женщину с ребёнком у госпиталя, вместо того, чтобы сопроводить их к врачу, уехал в прокуратуру с жалобой на меня, затем к члену Военного совета армии генерал-майору Вольхину, с помощью которого и родилась эта фантазия. Я был «любимчиком» у Вольхина из-за своего требовательного отношения к политработникам. В данном случае правда всплыла сразу, и на парткомиссии, организованной во время отъезда командующего, меня наказали за то, что я брал лейтенанта за ворот, и высказал своё сожаление, что сдержался. Наши военные политработники, видно, питают ко мне «особое уважение» и, беспокоясь о моём благополучии, впопыхах опять что-то (для читателя) напутали. Забыли указать, что вскоре после этого «садизма» меня назначили на вышестоящую должность – заместителя командира войсковой части. Кстати, вскоре Вольхин был уволен из Вооружённых Сил за систематическое употребление спиртных напитков. (…) Честный политработник в этой «стае» не выдержит, сологубы съедят его или заставят пресмыкаться. (…) У нас одно оправдание – виновата система. Недавно мне «раскрыл» глаза таксист, сказав, что разница между большевиками и коммунистами в том, что первые расстреливали белых, а вторые – красных. Конечно, расстреливали не все. Большинство из них бурно аплодировали палачам и подписывали липовые протоколы, что делают и по сей день. Или, забыв о своей совести и чести, молча, голосуют на партийных собраниях, спасая свою шкуру. Разве можно их в чём-то обвинять? Ведь они тоже жить хотят – и живут, благодаря своим «предпринимательским способностям», приспосабливаются. Товарищи военные прокуроры, теперь Вам все карты в руки, считайте эту статью депутатским запросом. Требую мою статью опубликовать без изменений и полностью, так как военная тайна в ней не разглашается, а авторитет у перечисленных военачальников-коммунистов подорвать больше, чем это они сделали сами, нельзя. О них ещё очень мягко сказано.

В. Чащевой

Депутат областного совета народных депутатов.16 апреля 1990г.

Всё вышесказанное можно описать гораздо короче:

Злые языки

Ох, эти злые языки довольно глупеньких людей,

Росли бы вместо них клыки для безобразнейших затей.
Кому-то вздумалось болтать по складу глупости своей,

Чужие чувства осуждать, забрав права у королей.
Болтают, совестью кривя, о всём подряд и что попало.
Им всё известно наперёд: что было, будет с кем и стало.
Ох, эти злые языки, глупца безумная отрада.
Толпа болтает обо всём, и чем глупей, тем больше рада.

После увольнения я добился приёма к главному военному прокурору генералу Катусеву, у которого спросил: «Какую статью, какого Устава или закона я нарушил, чтобы были законные основания на увольнение меня по этой статье?» Катусев ответил: «Если бы Вы не были депутатом областного совета, я бы Вас вообще не принял! Обращайтесь к министру обороны». Меня поразил ответ главного военного прокурора. Причём здесь министр обороны, когда именно он, Катусев, должен руководствоваться Законами и стоять на страже их исполнения в армии? Если он, Главный военный прокурор, не исполняет законы, то о каком порядке в армии вообще может идти речь? Такое безответственное отношение Главного военного прокурора к исполнению своих служебных обязанностей ведёт к дистрофии и импотенции власти.

В Интернете читатель может найти сообщение о том, что: «**21 августа 2000 года в станице Голубицкая Краснодарского края застрелился 61-летний Александр Катусев, последний главный военный прокурор Советского Союза. Иного конца у жизни, которую он вел, быть не могло».** После его смерти всплыло немало фактов его преступной деятельности.

Несмотря на то, что с В.М. Кавуном у нас шла непримиримая «война», я никогда его не видел, а Фёдорова мне показали на одном из наших митингов в г.Бердичеве, куда он прибыл инкогнито. Из горожан его тогда почти никто не знал. Митинг от имени ГФСП мы заказали, как всегда, на стадионе, но нам его разрешили в более ограниченном пространстве, которое находилось в городском парке, где в огороженном месте на сцене могли выступать все желающие на собрании или с

концертом. Председатель горисполкома Хилюк поспешил сразу руководство митингом взять в свои руки и начал… Я прервал его, объяснив собравшимся, что митинг заказывали члены ГФСП города Бердичева, которым его разрешили, но руководство митингом собирается взять на себя горисполком, и мне кажется, что это несправедливо. На мой взгляд, это всё равно, что многие годы я добивался выделения мне квартиры, и наконец, мне её выделили, но квартиру занял председатель горисполкома. Поставил вопрос на голосование.

– Кто за то, чтобы митинг вёл председатель горисполкома, прошу поднять руки. **НИКОГО!**

– Кто за то, чтобы митинг вёл я, как председатель Гражданского фронта содействия перестройке, прошу поднять руки. Не только поднимают, но и кричат, что все!!!.
– Вы всё видели? - спросил я у Хилюка.

– Видел, что мало голосовало, - ответил председатель горисполкома.

Я не ожидал такого наглого вранья.

– Товарищи! Мы уже привыкли, когда власть предержащие нам, глядя в глаза, врут. Я Вас прошу, давайте ещё раз проголосуем.
– Кто за то, чтобы митинг вёл я, прошу поднять руки. Голосовать прошу и тех, кто сидит на заборе и залез на дерево. Проголосовали!!!
– Теперь Вы всё видите, товарищ председатель горисполкома?
– Вижу, вижу - ответил Хилюк. - Но если Вы так привыкли сидеть в президиуме и не можете без этого, то попросите, чтобы Вам ещё принесли стул, а этот, с Вашего позволения, займу я. На этом митинге один из выступающих мне шепнул, что на первом ряду сидит новый первый секретарь обкома Фёдоров, а я подумал: «Пусть смотрит, как народ поносит его партийную стаю».
Почувствовав струю свежего воздуха, народ потянулся ко мне с жалобами и информацией о преступлениях властей. Мне писали, обращаясь за помощью по изнасилованию малолетней (10-летней) Высотчиной учителем Белоусовым, об убийстве представителями милиции учащегося школы-интерната Игоря Остапкевича, о производстве и распространении в Бердичеве наркотиков, и т.д. Как это ни странно, везде прослеживалась защита этого беззакония органами власти. Читатель, обрати внимание на то, что, слушая меня, военный прокурор Крыштель пропускал мимо ушей тот факт, что мне приказывали расстрелять жителей города Бердичева, но сразу среагировал на мою фразу о том, что расстреливать надо тех, кто отдаёт преступные приказы и, прицепившись к этой фразе, пытался устроить меня в психушку. А почему не тех, кто хотел расстреливать мирных жителей Бердичева на санкционированном митинге? Или своих лучше не трогать? Ко мне в ближайшее окружение по собственному желанию и убеждению шли

высококвалифицированные люди. Были и те, которые не шли, но симпатизировали и вовремя советовали не ездить частным транспортом или не появляться в какой-то день в Житомире. Про «квалифицированного юриста», который напрашивался нам помогать, мне рассказали, что это подстава. Что юридические знания у него от неоднократного привлечения к уголовной ответственности: один раз – за убийство, второй раз – за грабёж, третий – за изнасилование, но последний раз уклонился от срока, прикрывшись справкой из психушки. И такой «крупный специалист» у меня был не один. Я о них знал, но не отталкивал, чтобы не подсовывали других, а использовал их для дезинформации своих «доброжелателей». Казалось бы, что может изгнанный из КПСС и армии «беглый подполковник», пусть даже избранный депутатом областного совета, притом, что нигде ни один Закон не работает. Притом, что почти все правоохранительные органы куплены и проданы с потрохами.
Для тех, кто не избирался в депутаты местных советов, скажу, что все привилегии этого высокого звания – бесплатный проезд в общественном транспорте в своём городе или в области и так называемая неприкосновенность. Но всё равно убивают, когда захотят. Если депутат настырный, то может чего-то добиться, но чаще всё сводится к словоблудию. В Заб. ВО, пользуясь званием депутата и должностью заместителя командира Укрепрайона, я во все инстанции писал о наших сгоревших столбах ЛЭП, мотивируя, что срывается боевая подготовка и подрывается боеготовность. Кончил писать, когда по всей линии поставили железобетонные столбы. А здесь всё было гораздо сложней. К примеру: приехал как-то в Бердичеве на птицефабрику по жалобе незаконно уволенной работницы. Директор, наслышанный обо мне, собрал собрание, на котором уже подготовленные работники выступили, сказав своё последнее слово, и, конечно… сами «закопали» свою сотрудницу. Директору я указываю на нарушение закона, а он смеётся и отвечает:

– Это для Вас законы писаны, а для нас законов ещё не придумали!
Кто-то на ухо шепнул, что машина со свежей курицей уже пошла на свалку, и можно её догнать. В то время часто дефицит возили на свалку, саботируя перестройку. Со мной был знакомый с машиной, и мы поехали на свалку. Перед нашим носом бульдозер уже засыпал разгруженных кур, и, увидев нас, водитель самосвала быстро уехал, а бульдозерист, бросив свой бульдозер, убежал. Мой водитель попросил меня проехать с ним в с. Скаргалёвку. Подъехали к озеру. Водитель зачерпнул из озера и, показывая мне зерно, сказал, что это весь урожай этого года, а остатки вон в тех силосных ямах. Я спросил у него, как определить и доказать, в какой силосной яме под силосом зерно? Он засмеялся и говорит, что доказывать нечего, зерно уже себя показало – всё проросло через силос, которым присыпано. На сессии областного совета я поднимал этот вопрос, и агроном был наказан, но в следующий месяц получил, как мне передали, премию. Казалось, что во всём этом нет здравого смысла. Зачем вредить себе и людям? Во все это трудно

поверить, даже если увидишь своими глазами. Встречая сына в отпуск, в ожидании поезда, с женой Светланой и девушкой Андрея Анжеликой стояли на балконе железнодорожного вокзала. Слышу сзади: «Я бы всех этих ползучих своими руками душил». Повернулся и вижу молодого парня лет двадцати пяти - тридцати. Спрашиваю:

– А тебя давно выпустили?

– Два года назад.

– А что такой злой? Он, показывая с балкона вниз на снующих людей, говорит:

– Горбачёв им с пеной у рта орёт уже не один год: «Вставайте с колен!», а они до сих пор ползают.

– И многие там, в заключении, так понимают Горбачёва?

– Да больше, чем здесь, на свободе.

– Ну, и как ты устроился?

– Да, можно сказать, никак. Ездил на уборку урожая водителем. Там вырыли огромный ров по центру поля и приказали возить зерно одну машину на ток, а десять в эту яму, чтобы сгнило. Платили неплохо, но не будешь исполнять – до утра не доживёшь. Такой вред приносят не катастрофы и природные катаклизмы, а люди сами себе, которые не боятся Бога и забыли все его заповеди. Для которых нет ничего святого.

Глава 21
Доблестная милиция под защитой обкома

Как это ни странно, но за помощью ко мне обращались не только гражданские люди, не только военные, но даже комсомольцы милиции. Из моей статьи «Я не хочу оставлять своим детям…» №5(36) 1991г. газета «ГОЛОС громадянина»: … «На проведённом сходе – встрече избирателей с кандидатами в депутаты, организованном членами ГФСП, ученик 8-ой школы рассказал историю недавнего убийства, совершённого представителями органов милиции. Моя милиция горком бережёт, а горком с горисполкомом, в свою очередь, покрывают убийство мальчика из интерната. После этого схода, как всегда – суды и штрафы, вопреки ст.ст. 38 и 40 Закона о выборах и ст.127 УК УССР. На сей раз штрафовали по 150 руб. Если учесть, что всё – из пенсионного бюджета ветеранов, то это очень «милосердно». На проводимых ранее митингах речь шла о беззаконии и махинациях властей с легковыми автомобилями, выражалось недоверие властям за дезорганизацию предвыборной кампании в городе. В резолюции принималось требование об уходе горкома в отставку, но, видно, чтобы это сделать, надо иметь совесть. Усердие подлецов, занимающих высокие посты, сводится к желанию закрыть рот членам ГФСП и заглушить правду. Они заставляют суды творить беззаконие, давят на прокуратуру, лгут по радио и в печати. В дело пущено всё: от шантажа до провокаций. Заместитель городского прокурора тов. Гаевский заявил Олейникув присутствии председателя совета ветеранов тов. Клименко И.К, что капитан Николаенко необоснованно требует санкцию на арест Олейника. Но в нашем городе, если нет оснований, то их делают. Всё делалось с нарушением ст. 15, 16,17,39,40,41 УК УССР. Олейнику П.А. пытались определить ст. 206 УК УССР (от трёх до семи лет). «… Прошедшие два суда по его делу выявили истинных мошенников, которыми оказались судмедэксперт Соловьёв, представивший фальшивую справку о побоях гр. Таирова, представители милиции и прокуратуры, фабриковавшие это дело по указанию сверху. Ход суда освещён газетой «Радянський Шлях» 27 ноября 1990года в статье «Фальшива справа».

Мне пришлось участвовать в этом следствии и судилище. Уголовное дело на члена ГФСП Олейника развалилось в ходе суда. Моё обращение на 1-ю сессию областного Совета заканчивается словами: «Хочется услышать голос перестройки и получить ответ на вопросы: до каких пор мы будем болтать о мафии и обходить её стороной? Почему остались без ответа наши обращения в органы правосудия по незаконным действиям властей с нанесением телесных повреждений членам ГФСП, особенно фотографу, снимавшему происходящее тов. Яковенко И.С.? С нетерпением ждём ответа и решительных действий по наведению должного порядка. Помните, что своим молчанием Вы множите факты беззакония».

Для разбора этого обращения в наш город была направлена комиссия по законности и правопорядку областного Совета народных депутатов во главе с начальником отдела УВД области депутатом Григорчуком. На 2-ой сессии председатель комиссии докладывал о том, что в основном указанные факты не подтвердились (газета «Радянська Житомирщина» от 22 июня 1990г). Однако в том же докладе председатель от имени комиссии вынужден был признать мою гражданскую позицию правильной. Вопросы депутатов, заданные председателю комиссии, развеяли непогрешимость его слов. Выступление депутата О.М. Гонгало, зачитавшего выписку из приказа №557

ГОЛОС КООПЕРАТОРА

БЕЗДУХОВНІСТЬ: ВИТОКИ І НАСЛІДКИ

ИНФОРМАЦИЯ

ОБ УБИЙСТВЕ УЧАЩЕГОСЯ ШКОЛЫ – ИНТЕРНАТА г. БЕРДИЧЕВА ИГОРЯ ОСТАПКЕВИЧА

В ночь с 15 на 16 июня 1989 года группа учащихся школы-интерната [ОСТАПКЕВИЧ Игорь, ТЫМЧУК Галина, КОВАЛЬЧУК Надежда, ЯКОБЧУК Жанна и ДАВЫДОВА Людмила] в два часа ночи отправились за цветами к выпускным экзаменам. Хотели отблагодарить преподавателей большим количеством цветов на экзамене. Пришли к железнодорожному вокзалу. При ожидании отъезда милиции от вокзала Игорь ОСТАПКЕВИЧ, несмотря на попытку Людмилы ДАВЫДОВОЙ воспрепятствовать этому, вступил в пререкания с подошедшими милиционерами, заявившими, что здесь в такое время стоять нельзя. Игоря увезли на расправу, а остальные, подождав 20 минут, пошли искать его и по дороге встретили милицейскую машину, в которой везли назад мальчика. По настоянию девушек Игоря отпустили. С трудом выйдя из машины, он сказал девушкам: «Вы не можете себе представить, как меня сильно избили». Игорь не мог идти и, держась за бок, заявил, что останется сидеть на тротуаре.

Галина и Жанна взяли его под руки и повели в интернат. По дороге Игорь несколько раз говорил: Сказал, что завтра пойдет и разберется, за что избили.

Подойдя к школе, девушки залезли в открытое окно и втащили в него Игоря, так как сам он залезть не смог.

Утром Игорь завтракать не стал, только выпил чай. На экзамен он опоздал. Войдя в класс, он взял билет, сел, написал ответ на первый вопрос и попросил воспитателя, чтобы тот принес ему воды. Выпив воды, он потянулся, упал и умер. [Из показаний гр. Давыдовой Л. В. и Тымчук Г. Ф.]

ПЕРЕД ЭТИМ ОН ПРОШЕЛ МЕДИЦИНСКУЮ КОМИССИЮ В ВОЕНКОМАТЕ, ГДЕ ЕГО ПРИЗНАЛИ СОВЕРШЕННО ЗДОРОВЫМ.

Требование родственников Игоря ОСТАПКЕВИЧА о возбуждении уголовного дела отклонено бердичевской прокуратурой «ЗА ОТСУТСТВИЕМ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ». По показаниям судмедэксперта СОЛОВЬЕВА «СМЕРТЬ ОСТАПКЕВИЧА НАСТУПИЛА В РЕЗУЛЬТАТЕ КРОВОИЗЛИЯНИЯ ПОД ОБОЛОЧКОЙ ГОЛОВНОГО МОЗГА, ВОЗНИКШЕГО НА ПОЧВЕ РАЗРЫВА ВРОЖДЕННОЙ АНЕВРИЗМЫ КРОВЕНОС-

Председатель Житомирского областного Совета народных депутатов, первый секретарь Житомирского обкома Компартии Украины В. Г. ФЕДОРОВ и его заместитель С. И. РАШЕВСКИЙ (справа).

Фото: Михаил ПЬЕХ.

об увольнении за преступные действия милиционеров, которые ныне повышены в должностях и званиях, поставили под сомнение доклад председателя комиссии – начальника отдела УВД области. Выступление депутата Васильева С.А. об убийстве ученика школы-интерната Остапкевича вынудило сессию принять правильное решение…» Трудно было не принять это решение.

Председательствующий на сессии – председатель Житомирского областного Совета народных депутатов, первый секретарь Житомирского обкома

Компартии Украины В.Г. Фёдоров, не хотел ставить вопрос на голосование о возбуждении уголовного дела на убийц Остапкевича, и мне пришлось при всех обвинить его в том, что мафию в области возглавляет именно он, и доказательством этому является его нежелание наказывать преступников. Вопрос поставили на голосование, но не о возбуждении уголовного дела на убийц, а на то, чтобы я покинул заседание сессии. В отличие от Житомирского городского Совета народных депутатов, где подавляющее большинство стало членов ГФСП, в областном собрались все директора и председатели, а таких, как я, всего 22 депутата, и, конечно, проголосовали, чтобы я вышел «покурить», и я удовлетворил их желание.
Перекурил. Но вопрос остался нерешённым, и я вернулся в зал, чтобы «извиниться за свою несдержанность». Извинился и поставил вопрос на голосование о возбуждении уголовного дела на убийц Остапкевича. Депутаты проголосовали «За».

Из статьи «Я не хочу оставлять своим детям…» №5(36) 1991г. газета «ГОЛОС громадянина»:

«… я вынужден обнародовать письмо комсомольцев ГОВД в газету «Комсомольская правда» и в ГФСП города Бердичева. «Работаем мы в органах уже от 2 до 5 лет. За это время насмотрелись разного, а ведь в органы шли работать по призванию, думали: действительно надо бороться с преступностью. А за это время пришли к выводу, что в наших рядах находится больше половины преступников и их пособников. И они же покрывают большое количество преступлений – и вот в таком положении попробуйте бороться с преступностью в нашем городе. Чтобы Вы не думали, что мы болтуны, изложим всё по порядку. Сейчас у нас начальником – полковник Примак П.Д., у него замом – Осипов А.М. Осипов в своё время был уволен из органов за дискредитацию звания советского милиционера. Уволено было 13 человек по делу Полонского, а это – Николаенко, Демяник, Витранюк и т.д. Когда их уволили, коллектив ГОВД легче вздохнул, очистили кадры, хоть и не все, но работа немного наладилась, остальные задумались над своими поступками, начали работать, а не пьянствовать, каждый задумался о своём будущем. Зам. начальника прислали майора Сучка. Очень порядочный и честный работник. Но в течение нескольких лет все, уволенные по неопровержимым доказательствам дискредитации звания советского милиционера, были восстановлены не только в званиях, но и в должностях, а некоторые даже пошли на повышение. Такие, как Каня, Андрощук, который был уволен по делу Иванова за предательство, будучи в то время начальником ОБХСС. И вот, когда все уволенные были восстановлены и заняли свои места, всё началось по-старому, а то ещё того хуже. Каждый начал работать только на себя в полном смысле этого слова. Примак с Осиповым организовали свой высший эшелон власти и пьют с утра и до вечера до потери пульса. Быть пьяным на работе – это у них вошло в норму. Руководство обставилось со всех сторон лакеями и организаторами

пьянок типа Романского, Николаенко, Демянюка, Грыцаюка, Храбцуна. Это люди без чести и совести, они ради своего благополучия пойдут на всё, а не только на нарушение закона. Взять того самого Николаенко – организатор пьянок и подачек. Имеет квартиру в городе и строит дачу. Но то не дача, а дом на 100 кв. м. жилой площади. И это всё – на скромную зарплату работника милиции. Точно так же можно охарактеризовать и Демянюка. Зато таких, как майор Сучок, им здесь не надо, – они ели его поедом, чтобы уступить место Осипову, и съели. А если бы было таких, как он, побольше, так можно было бы с этой мафией ещё бороться. Тот же самый Примак в г. Бердичев пришёл не алкоголиком – его купили и споили такие, как вышеперечисленные, и они добились своего – сейчас им жить привольно. Люди вообще потеряли веру в перестройку, в Советскую власть и руководящую роль КПСС. А ведь к нам попадают совсем неплохие ребята. Есть и очень толковые, но, поработав у нас месяца три-четыре, они становятся такими, с которыми начальству жить хорошо и спокойно. Мы, конечно же, не верим, что наше письмо достигнет цели, но всё же решили написать не только в «Комсомолку», потому что дальше уже терпеть некуда, а в открытую с ними мы бороться не можем, потому что нас просто уничтожат. И ещё приведём убедительный факт нашей работы: если в плохие времена застоя и даже когда уволили из органов этих 13 человек, было 5-7 нераскрытых преступлений, то сейчас, во время перестройки, таких у нас больше 120. И обращаться некуда: всё тушится на местах, и если уже не поможешь ты, «Комсомолка», то мы разочаруемся, наверное, и в самой жизни. Ну, а после статьи «Сегодня будет война» в «Правде Украины» мы вообще не знаем, как можно бороться с мафией, когда у нас в ГОВД и есть самая настоящая мафия. Ведь подумать только – восстанавливались они, наверно, не через область и даже не через республику. Взять даже того самого Осипова А.М. Он только восстановился и сразу же, через некоторое время, в октябрьские праздники был в дежурной части пьяный в присутствии проверяющего из области. И ничего – всё прошло, даже никто и не вспомнил, работает по сей день. С уважением, ребята, не потерявшие веру в справедливость и перестройку».

После выхода этой статьи меня пригласили на собрание личного состава городской милиции. Я уже привык к тому, что меня куда-то приглашают. Раньше в эту же милицию с городского митинга меня аккуратно на руках заносили, а сейчас, наверно, уважать перестали и просто приглашают. Сразу выяснилось, что описанные в статье факты ни для кого секретом не являются, но начальство хочет знать: «Кто написал?» И это при всех. Вместо того, чтобы разбираться с недостатками в службе, они ищут того, «кто вынес сор из избы». И кто же таких начальников на этих высоких должностях держит? Наверно, себе под стать подбирают и расставляют друзей-подлецов на хорошие должности. Учащиеся в Бердичевском медицинском училище тоже хотели пригласить меня на беседу, но горком партии им пять раз запрещал. Очень странно, когда в милицию приглашают –

никто не запрещает, а иногда даже на руках заносят, а как к студентам, так какие-то запреты.
В этом училище давно заведена традиция – приглашать на встречи выдающихся людей. Вот и я попал в такой список, и чем больше горком партии запрещал, тем больше был «сладок запретный плод». Наконец, добились разрешения встречи на полтора часа. Через два часа беседы представитель горкома сказал, что пора заканчивать, но учащиеся заявили, что здание они у горкома в аренду не брали, и беседа продолжилась. В ходе беседы слово попросил заместитель директора по хозяйственной части. Он спросил, помню ли я его, и я ответил, что нет. Тогда он рассказал, как с комиссией по артвооружению от штаба армии работал у меня на боевых сооружениях в гарнизоне «Мысовая» и более недели жили у меня в гостинице. Говорил, в каких условиях жили в гарнизоне солдаты. Что было чрезвычайным происшествием, если на солдатских столах в столовой не стояли цветы, и как красиво было в городке. Беседа продлилась больше трёх часов.

Во время всех этих событий ко мне в гости приехала моя мама из г. Армавира. Чтобы её меньше расстраивать происходящим вокруг меня, друзья помогли устроить её в санаторий. Но и туда доносились отголоски житомирских событий. После санатория я постарался быстрей отправить её в Армавир, но вскоре узнал, что её парализовало, и младшая сестра Галя взяла её к себе.

Глава 22
Выдать оружие!!!

Есть поговорка: «Еврей не поверит, пока не проверит». Я, хоть и не еврей, но привык всё проверять на своей шкуре. Во время Великой Отечественной войны была организация под названием СМЕРШ (смерть шпионам), в которой служил Сергей Данилович Высотчин. Он рассказывал мне, кто в Бердичеве, будучи пацаном, вместе со своим отцом и дядей встречал немцев хлебом-солью, а сейчас занимает в городе очень высокую должность. Говорил, что много в городе бывших полицаев и пособников немцев, которые вдруг превратились в участников войны и пользуются всеми привилегиями ветеранов. Что они иногда открыто собираются, и к ним лучше не подходить. Я думал, что в нём кипит обида за свою изнасилованную внучку и ненависть к насильнику Белоусу, на которого нет никакой управы. Невозможно добиться справедливого суда, безнаказанность преступления и оттуда, думал я, много лишнего, пока не убедился сам.

Все городские митинги шли по заявке ГФСП под моим руководством. Иногда приглашали А. Ярошинскую, и она, по возможности, приезжала и принимала участие. Но как-то, проходя мимо сквера, в огороженной летней аудитории я увидел много мужчин престарелого возраста. На сцене стол и председательствуют незнакомые мне люди. Зашёл за ограждение и сел на лавочку послушать, о чём идёт речь. От услышанного было такое ощущение, что я нахожусь на каком-то подпольном совещании, где речь идёт о подготовке вооружённого восстания, только не понял, против кого. Много возмущений было против студентов, которые в Киеве, защищая свои права, объявили голодовку, и к ним примкнул депутат Украинской государственной думы от Житомира Яков Зайко. Кричали, что надо их танками разгонять. Другие требовали, чтобы им выдали оружие. Говорили, что у них ещё есть порох в пороховницах…

.

В ЦЕНТРАЛЬНУЮ КОНТРОЛЬНУЮ КОМИССИЮ ЦК КПСС
ОТ ВЕТЕРАНА ВОВ ВЫСОТЧИНА С.Д.

В 1988 году я уже обращался в ЦК КПСС по вопросу изнасилования моей малолетней внучки учителем БЕЛОУСОВЫМ. Хотелось бы спросить Вас, сколько еще преступник, находящийся на свободе, покрываемой партийными, советскими и органами правосудия будет угрожать благополучию моей внучки и свидетелям, которые на суде доказывали, что он не ветеран войны, а изменник Родины, состоявший на службе у немцев переводчиком. До каких пор в нашем городе будут убивать безнаказанно людей и судить невинных членов Гражданского фронта содействия перестройке, а потом возвращать незаконно наложенные штрафы?

До каких пор мне ветерану ВОВ воевать с этим недобитым фашистом и их пособниками, носящими партийные билеты и под их прикрытием совершающие преступления?

Чтоб все встало на свои места разберитесь, кто при немцах был старостой, кто встречал их хлебом с солью, с их родственными связями, Вам станет ясно почему преступники чувствуют себя так вольготно и так беззащитны честные жители г.Бердичева. Помогла выпустить на свободу преступника республиканская Прокуратура, выдвигая аргументы, не соответствующие здравоохранению.

13.11.90г.

С УВАЖЕНИЕМ

С.Д.ВЫСОТЧИН

Адрес: 261400, Житомирская обл.,
г.Бердичев,
ул.Железнодорожный переулок,
дом 10.

ВЫСОТЧИНУ Сергею Даниловичу

И, конечно, я не сдержался, чтобы не вступить в «драку». В то время я еще не читал Библию и не знал, что там написано по этому поводу:

ОТ МАТФЕЯ. Гл.7/6 «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и,

обратившись, не растерзали вас». Я спросил у них, неужели им не жалко своих внуков, которых предлагают разгонять танками? Неужели они не настрелялись во время войны и до сих пор тянутся к оружию? В кого они собираются стрелять? Многие сидели, молча, опустив голову, но были и такие, которые готовы были меня разорвать. Я понял, что спорить с таким странным сборищем бесполезно. Но чувствовалось, что существующая власть в городе их устраивает, и они готовы защищать её с оружием в руках. Тогда до меня дошло, что это именно те «ветераны войны», о которых говорил Высотчин, и сейчас они начинают поднимать головы, чтобы добиться ещё большей власти, не допустив никакой перестройки. Притом, что моё выступление не понравилось многим, я был доволен тем, что хоть кто-то сидел, молча, и слушал. Через день в газете «Радянська Житомирщина» появилось открытое письмо в адрес А.А. Ярошинской под заголовком «Отмежёвываюсь от гражданского фронта». Написал это открытое письмо В. Мельничук из г. Бердичева. Читатель, наверно, уже понял, что «родная КПСС» не может, чтобы не нагадить. Для этого у неё отработано очень много приёмов, способов и вариантов. Вот и в данном случае, откуда Ярошинской знать, кто такой Мельничук из Бердичева и чего он хочет. Я его тоже не знал и знать не хотел, но пришлось познакомиться и дать ответ на его статью. Мой ответ, как он мне сказал, ему понравился:

Прошу опубликовать в газете «Голос громадянина».

«ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ С НАМИ»

Уважаемый товарищ В. Мельничук (г. Бердичев)! Прочтя Ваше открытое письмо А.А. Ярошинской, опубликованное в газете «Радянська Житомирщина» 5 января под заголовком «Отмежёвываюсь от гражданского фронта», я, как председатель совета ГФСП, не могу сдержать себя от соблазна продолжить Вашу «исповедь». Во избежание недоразумений, считаю себя обязанным уточнить для читателя, что Вы, тов. В. Мельничук, никогда не были членом гражданского фронта. А что касается Вашего «отмежевания», то этот факт, несомненно, для нас большая утрата. Перечисляя свои подвиги на путях перестройки, демократии и гласности, Вы совершенно справедливо подвергаете критике лидеров гражданского фронта Зайко, Сугоняко и Ярошинскую. Безмерно польщён, что и меня Вы не обошли своим вниманием. Критиковать нас есть за что, только не Вам, так как не Вы нас избирали. Таким, как Вы, сподручнее было бы все Ваши эмоции направить в адрес Кавуна, Венгловской, Хилюка, Волощука и тех, кто предоставил Вам возможность опубликовать Ваше «отмежевание». Или у Вас к ним претензий нет? Уважая Вашу точку зрения, я всё же, с Вашего позволения, прокомментирую эту статью со своей колокольни. Основные Ваши претензии, как я понял, адресованы в адрес народного депутата СССР А.А. Ярошинской. Скажу Вам прямо, Вы

не одиноки. Как-то три знакомых офицера меня спросили: «Ну, что сделала Ваша Ярошинская?» Согласен с Вами, что сделала она очень мало. В стране до сих пор почему-то не закончена перестройка. Как 73 года вешали нам лапшу на уши наши партийные боги, так и продолжают вешать. Они же, отказавшись быть «руководящей и направляющей силой…», продолжают руководить и направлять в пропасть, саботируя перестройку. Продовольствие и промтовары сжигаются на свалках, копчёная колбаса почему-то разгружается в тайге, а Ярошинская где? По всему Союзу идут открытые провокации, сталкивающие нации меж собой, течёт кровь, а где Ярошинская? Да и вообще: совсем исхудала, разве можно нам, мужикам, за такую спрятаться от хорошо организованной преступности? А мы на неё надеялись… Остальные тоже хороши. Их выбирали, им верили, а они… Зайко примкнул к голодающим студентам Киева… А ещё депутат республики… Помните, тов. Мельничук, как кричали ветераны ВОВ на митинге: «Танками их разгонять надо!» Вы тогда были одним из организаторов этого митинга, сидели в президиуме. Вспоминаете: «Не захотели дослушать Чащевого, согнали его с трибуны…» Неужели Вы думаете, что я ожидал другого исхода? И всё-таки я не промолчал, не мог. Как я мог промолчать, услышав выступления старых вояк: «Рука у нас не дрогнет, дайте оружие!» Трудно поверить, что эти выступающие прошли войну. 73 года убивали друг друга, а им всё мало. Нужны реки крови, чтоб пить взахлёб. Успокаивает, что во время выступления кричали не все, человек 15-20 (остальные) молчали. Думаю, что этих старых людей можно понять. Воевали, как выяснилось в самом начале того митинга, не все. Кое-кто с самого начала войны оказался по другую сторону баррикад – против своих соотечественников. Некоторые из «ветеранов» встречали хлебом-солью оккупантов и во время всей оккупации, грабя земляков, подкармливали врага, заслуживая его благосклонность. Некоторые работали на немцев в должностях переводчиков и старост. Конечно, таким гласность не нужна. Разве можно допустить своё разоблачение? Одни из них стоят на хороших должностях, у других высокие посты занимают их дети. Это – одна из причин безнаказанности для многих преступников в нашем городе. Обо всех этих «ветеранах» город знает, нашёптывая друг другу. Я не призываю к мести. Более того, готов просить для них пощады, но этих «бойцов» должны знать все в лицо. Чтобы каждый всю жизнь стыдился своих преступлений. Таких же ветеранов я видел в Москве на встрече министра обороны с москвичами. В ходе встречи речь Язова была направлена против политики Горбачёва по разоружению и сокращению запасов ядерного оружия. Видно, Чернобыль ничему нас не научил. Это выступление маршала сопровождалось криками представителей организации «Память»: «Горбачёва в отставку! Горбачёв возглавляет мафию! Горбачёв работает на ЦРУ! Расстрелять Шеварнадзе! Расстрелять Ельцина! Выдать оружие!» Не слишком ли схожи мысли, уважаемый В. Мельничук, с Вашими митингующими? Спрашиваем Вас, как ветеранов

ВОВ: «Неужели Вы до сих пор витаете в облаках, не видя происходящего вокруг? Или Вы, подобно хамелеону, меняете свой цвет кожи, в зависимости от обстановки, используя своё «отмежевание»? Хамелеона это спасает, но спасёт ли Вас? Вы осуждаете Зайко за публикацию в газете стихов, имеющих строки: **« …И ПОТЕЧЁТ СТА РЕКАМИ КРОВЬ В СИНЕ МОРЕ ДЕТЕЙ ВАШИХ…»** Не кажется ли Вам, что Ваши усилия ведут именно к этому? Не являются ли эти стихи попыткой поэта остановить нас и обратить наше внимание на возможный исход? Ни для кого не секрет, что поэты видят дальше и чувствуют больше. Наша мафиозно-бюрократическая система, которую Вы называете социализмом, держась за свои привилегии когтями и зубами, восстала против перестройки, имея в своих руках всё от танков до тайных агентов. В своей борьбе они используют угрозы, шантаж, убийства и т.д. Товарищ Мельничук, чтобы критиковать депутатов Зайко, Сугоняко и Ярошинскую, надо хорошо разбираться в общей политической обстановке, которая, как Вы знаете, является обратной стороной экономики. Если бы Вы смотрели чуть дальше своего носа, Вы, несомненно, задали бы себе вопрос: «Что можно ожидать от нынешнего состава республиканского парламента, на сессии которого под бурные аплодисменты решается вопрос о заключении под стражу народного депутата УССР? Беспредельная дикость. Скоро под бурные аплодисменты парламента будут расстреливать по явно сфабрикованным документам. И Вы предлагаете спокойно созерцать, когда этот парламент принимает законы, ущемляющие интересы народа республики? Конечно, мы не имели права говорить от имени всего народа, мы этого и не делаем, зная, что есть такие, как Вы. Мы говорим от имени своих избирателей, которые нас для этого избирали. Я надеюсь, уважаемый тов. В. Мельничук, что пройдёт время и перестройка, несмотря на все чинимые ей препятствия, победит, и Вы обязательно к нам «примежуетесь».

В. Чащевой,
депутат житомирского областного совета.

Глава 23
«Опоясанные кумачом»

Мою семью тоже не оставляли в покое. Часто звонили, спрашивали, не повесились ли мы ещё? Ругались. В школе учительница советовала ребятам с моим сыном Андреем не дружить. Но в классе дети его уважали и никого не слушали. В три часа ночи пришли два милиционера. Впустил. Рассказали, как первый секретарь горкома приказал им, чтобы к утру моё тело нашли в реке Гнилопять. Они ответили, что за Чащевого поднимется весь Гражданский фронт области и докопается, кто его убил. Сказали, что он выкрутится, а их разорвут на куски. Исполнять отказались, но боятся, что прикажет исполнить другим, а их подставят. Пришли предупредить. Не знаю, что это было: правда, провокация или запугивание. Я отправил послания прокурорам: городскому, областному, республиканскому и всесоюзному, в которых просил возложить ответственность на первого секретаря горкома партии г. Бердичева тов. Волощука в случае всех «несчастных случаев» произошедших со мной. После этого угроз стало меньше. Но… Офицеры боялись ко мне подходить, подошедшие сразу попадали в списки неблагонадёжных. Некоторые, которые раньше числились в друзьях, увидев кого-нибудь из членов моей семьи, переходили на другую сторону дороги, чтобы не попасть в чёрный список. Однако, при всём этом многие обращались ко мне за помощью. Сын окончил школу и решил поступать в военное училище. Пытался его отговорить. Просил его посмотреть на мою историю службы, и как её закончил я. А он ответил:

– Папа, у меня же вся жизнь прошла по гарнизонам. В три с половиной года стрелял с БМП, в семь лет – из автомата, бросал гранату, и другой жизни не знаю, так что не отговаривай. Отправил его поступать подальше, в общевойсковое училище города Алма-Ата. После моего изгнания из армии пенсию мне не платили более, чем полгода, под различными предлогами, и жить приходилось на нищенскую зарплату Светланы, которая в то время работала паспортисткой в домоуправлении. Естественно, что в Бердичеве ни один руководитель ни на какую работу меня не примет, можно было и не пытаться. Хотел разобраться по поводу неначисления пенсии в бердичевском и житомирском военкоматах, а там не могли найти моего личного дела. Через несколько дней позвонили, что его из военкомата забрали в штаб житомирской армии. Прибыв в штаб армии, узнал, что моё личное дело запросил ЧВС армии генерал Доманский. Всё стало ясно, почему так долго не получал пенсию. Подполковник – начальник отдела кадров штаба армии спросил меня, есть ли у меня копия моей служебной карточки. Я не привык обманывать и не понял, в то время, почему задан такой вопрос. Ответил, что нет. Потом до меня дошло, что своим ответом дал добро на уничтожение своей служебной карточки - главной улики всех служебных подлогов против меня. Генерал Доманский хорошо знал, что делал. Из моей статьи «Я не хочу оставлять своим детям…» №5(36) 1991г.

газета «ГОЛОС громадянина»: «…На городском митинге, где речь шла о махинациях властей с легковыми автомобилями, выступал первый секретарь горкома КПСС Волощук. Назвав присутствующих «толпой», он откровенно врал людям, смягчая обстановку и скрывая корни этого преступления. Митингующие увидели только «брызги шампанского», которыми окропили власти организованную преступность, благословляя её на дальнейшие «подвиги». Попробую дополнить его выступление фактами, о которых он, конечно, «не знал». Ознакомлю читателя лишь с отдельными выдержками из документов, представленных для работы КРУ (КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ): «…Приняв за основу липовые письма, отношения-ходатайства, эти машины получили начальник милиции Примак, начальник ОБХСС Гижа, начальник ГАИ Коржук, прокурор Сизенко, зам. председателя Резванюк, начальник снабжения СМУ-6 Астахов, секретарь обкома Полещук и др. (…) Зам директора по торговле Магалов П.П., имея большие связи в г.Тольятти в ПТО «АвтоВАЗтехобслуживания» и в фирме «АвтоВАЗзапчасть», обеспечивали в 1987-1988гг. доставку новых автомобилей в обход очереди «своим» людям через магазин г. Житомира при помощи работников облисполкома Галицкого и Михайлевича, а в 1989г. – через магазин Бердичевского центра«АвтоВАЗтехобслуживания». Так, в ноябре-декабре 1989г. Могалов П.П. получил в Тольятти 3 новых автомобиля ВАЗ 2106, которые доставил водитель центра Николайчук П.А. на КамАЗе в Бердичев (доверенность №924 от 24.10.89. выдана Могалову П.П. и доверенность № 969 от 10.11.89. – на Николайчука). Две машины проданы в ноябре: сестре жены Могалова – Хаврич Светлане и директору продовольственного магазина – брату начальника цеха Константиновскому Михаилу. Одна машина была продана в декабре Константиновскому Семёну Иосифовичу. Эти машины берёт Могалов в Тольятти за лекарственные травы, которые получает в г. Житомире на заводе лекарственных растений, водитель Николайчук отвозит на КамАЗе в Тольятти в санаторный – профилакторий ВАЗа «Прилесье», потом берёт там справки на внеочередное получение автомобилей (смотри доверенность центра №842 на Могалова). Документы на продажу автомобилей у Головача в магазине центра. Могалов для себя ежегодно в Тольятти получает новый автомобиль (смотри регистрацию в Бердичевском ГАИ) с целью перепродажи. При продаже новых автомобилей выписываются к ним новые запчасти, лобовые стёкла, шины, но они не устанавливаются на автомобили во время гарантийного срока, а присваиваются работниками магазина для продажи (смотри заказ-наряд за октябрь-ноябрь-декабрь 1989г. у бухгалтера Калинчука). Директор центра Панчук и зам директора Могалов имеют связи с кооперативом «Лада» г. Тростянец Винницкой области. Регулярно, ежемесячно отпускают этому кооперативу дефицитные запчасти, кузова, двигатели при наличии очереди в центре, в которой стоят участники и инвалиды ВОВ. 1988г., октябрь – папка документов «реализации на сторону», бухгалтер Гамарская (накладная 56241, кузов 21080

полнокомплектный по цене 3255, ноябрь месяц – кузов 1200 руб. по перечислению и кузов 2108 – 1260 руб. через магазин за наличный расчёт. (…) В 1989году ежемесячно (смотри документы «Реализация на сторону», счёт 45, бухгалтер Гамарская) отпуск кооперативу «Лада» по доверенности через Уманца Александра: кузова, двигатели, стёкла лобовые, капоты и др. (…) В январе 1990 г. отпущен полнокомплектный кузов стоимостью 5,3 тыс. руб. (…) Так, в мае 1989г. отпущено запчастей на 30 тыс. руб. Манглисскому кооперативу (Грузия)… В оплату клиенту включается стоимость ремонта и всех выписанных на восстановление запчастей. Неустановленные запчасти присваиваются для продажи или для установки на другой двигатель – неучтённый, которые имеются на участке, а потом реализуются «своим»… Грубо нарушаются правила торговли, припрятывается целый ряд дефицитных запчастей. В 1987г на продавца Мельничук заведено уголовное дело за спекуляцию автошинами, но закрыто якобы по амнистии. По неофициальным данным акт работы ревизионной комиссии составил более 60-ти листов. Это доказывает, что мир не без честных людей. Можно опровергать вышеизложенные факты, можно доказывать обратное, но время расставит всё на свои места, и каждый из нас получит своё. Я не требую кары и не хочу крови. Только добро спасёт наше общество. БЕДА У НАС ОБЩАЯ, и я не хочу оставлять её своим детям и внукам.

Депутат Житомирского областного совета
народных депутатов В.М. Чащевой
7января 1991г.

Сейчас все это выглядит как-то странно и похоже на мышиную возню. Благодаря горбачёвской перестройке, почти в каждом дворе стоит собственный автомобиль, у некоторых два или даже три, а в городах появились автомобильные пробки, но в те годы это было очень серьёзно. Эту статью после её публикации я отправил на имя М.С. Горбачёва. Меня, когда я был уже в г. Армавире, поставили в известность, что колонну КамАЗов с легковыми автомобилями по пути в Бердичев брал ОМОН, после чего кто-то повесился в своём кабинете, кто-то ушёл за решётку, получив большой срок, а кому-то помогли уйти в мир иной. Чтобы хоть немного изменить положение дел в стране, области, городе, я делал всё, что было в моих силах.

Из моей статьи «Опоясанные кумачом» в газете «ГОЛОС громадянина» №28(59) червень 1991р.

«Невольно оказавшись соучастником строительства в нашей стране «Гуманного» социализма, я всё чаще задаю себе вопрос: «Когда всё это кончится?» Уничтожение вековых традиций народа: варварское разрушение храмов, церквей, соборов во имя светлого будущего; каторжный труд при развивающемся социализме; подавление венгерского мятежа; Новочеркасск;

Чехословакия; цинковые гробы Афгана; трагедия Арала; повороты рек вспять; рубка людей сапёрными лопатами в Тбилиси и Карабахе; Баку и Прибалтика – всё это вместе взятое, опоясанное кумачом вдоль и поперёк, называется Союзом Советских Социалистических Республик. Стоит ли удивляться особо пристальному вниманию к нам всех разумных стран мира и размещению вокруг СССР множества военных баз, охраняющих покой нашего крупномасштабного сумасшедшего дома?
Читатель, вспомни, с каким воодушевлением мы пели: «…Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем…», или «…Мы смело в бой пойдём за власть советов и, как один, умрём в борьбе за это…» и т.д. Улицы и площади в нашей стране носят имена террористов, главный из которых лежит на Красной площади в Мавзолее. И при всём этом мы хотим, чтобы нам верили, нас понимали и хорошо к нам относились. Из статьи «Опоясанные кумачом»: «Начался общественный процесс по расследованию причин и последствий чернобыльской трагедии. 26 апреля 1991 года мне довелось познакомить участников расследования с письмом бывшего главного инженера Чернобыльской АЭС Валерия Григорьевича Полякова: «Ставлю Вас в известность, что в 1984 году, т.е. за два года до аварии на Чернобыльской АЭС, мною направлено несколько писем с описанием причин надвигающейся трагедии и ряда мероприятий, своевременно внедрение которых без материальных затрат помогло бы избежать того, что имеем сейчас. Письма были отправлены в институт им. Курчатова академику Александрову, в Госатомэнергонадзор – тов. Кулову, в ЦК КПСС. Миллиардные затраты и миллионные жертвы человеческих душ – это ещё далеко не предел убытка, который мы имеем и будем иметь, пока основные виновники этого преступления, самый честный из которых оказался покойный академик Легасов (застрелился), остаются на свободе и занимают руководящие посты. Почти все члены правительственной комиссии по разбору чернобыльской аварии были знакомы с моим предложением ещё до взрыва. Поэтому основная цель комиссии была направлена на сокрытие и искажение основных причин аварии. Все мои предложения внедрены после аварии, но качество их внедрения, на мой взгляд, как инженера-эксплуатационника, не соответствует требованиям времени. Я писал Горбачёву, но, судя по реакции, этот вопрос или никого не интересует, или переадресован крупным специалистам по организации взрывов ядерных реакторов. Технический совет двух институтов в количестве 4 человек закончился смехотворным сожалением, что беседа состоялась так поздно. Учёные всего мира выдвигают гипотезы возможных причин происшедшего, но кто из них может знать их лучше меня, который, видя непробиваемость наших высших эшелонов власти, вынужден был увезти свою семью в г. Армавир, оставив всё на совести тех, к кому я обращался. Ближе всех к сути проблемы – гипотеза американских учёных, которая почти полностью совпадает с моей точкой зрения. Беседы со мной после аварии наших чиновников сводились к выяснению моей осведомлённости об их

причастности к этой аварии. Думаю, что долю каждому из них должен определить суд, а я готов выступить основным обвинителем на стороне тех, кого уже нет, и кого ещё не будет. Мои обращения к Генеральному прокурору СССР закончились отпиской в адрес прокуратуры СССР. Обращение в МАГАТЭ тоже оказались безрезультатными. … В журнале «Юность» №9 за 1988г. на стр.7 Вы можете глубже ознакомиться с положением дел…

В.Г. Поляков. 22.03.1991. «К сожалению для читателя, должен заметить, что такие специалисты, как Поляков В.Г., на огромных и серьёзных предприятиях, таких, как АЭС, не нужны, слишком много знают и много видят, с дураками как-то проще. Когда я с ним разговаривал, в Армавире он был безработным. И так везде, не только на АЭС. А то, что рвануло, так это бывает, и без этого, сколько били и перебили друг друга. Нас этим не напугаешь. Из статьи «Опоясанные кумачом» в газете «ГОЛОС громадянина» №28(59) червень 1991р. «Форум вели независимые юристы в присутствии депутатов всех уровней от союзного парламента до местных Советов. Очнувшись от летаргического сна, люди пытаются в хаосе перестройки докопаться до истины и найти корни всех наших бед. Одни из них во всём винят систему, порождённую Октябрём, бездуховностью, безбожием, другие – ищут корень зла в коммунистической партии, третьи – в плохой работе трудящихся, четвёртые – в инициаторах перестройки. Всё чаще слышатся призывы к введению чрезвычайного положения в стране, которое разделит общество на заключённых и временно свободных без права на выезд. Несомненно, выполнение новых замыслов ортодоксальных коммунистов будет возложено на прокуратуру, КГБ, МВД, армию, которые со времени революции приобрели уже достаточно большой опыт в этом вопросе и получили хорошую квалификацию. Наглядно подтверждают это судьбы гонимых за инакомыслие, верующих, непокорённых античеловеческому режиму…». Сегодня уже трудно представить всё, что было, несмотря на то, что и сейчас могут встречаться отголоски прошлого. Текст жалоб в мой адрес опубликован в моей статье «Опоясанные кумачом» в газете «ГОЛОС громадянина» №28 (59) червень 1991р.… «Садыков Саделин Мамед-оглы, проживающий в Азербайджане, Касум-Исмайловском районе, пос.Далимамедли, ул. Коммунистическая, 81 обращается с жалобами во все инстанции по поводу обвинения в передачи взятки: «Зашёл я в областную прокуратуру к тов. Гавинскому в ком. 36. Гавинский позвонил куда-то по телефону, и через некоторое время пришли двое мужчин. Позже я узнал их фамилии: это были сотрудники ОБХС Житомирского УВД Ващенко и Петренко, которые предложили мне пройти с ними в управление УВД. С этого момента они начали надо мной издеваться. Я пришёл к ним добровольно, как к людям, по своей воле, хотел рассказать всё, что знаю, а они отнеслись ко мне, как звери. 19 марта 1991года мне учинили допрос: какую сумму денег я привёз. Я ответил им всё, что описал выше. Передаю их слова: «Собака, чурка нерусская, ты привёз 80 тысяч и передал их мужчине,

который сидел в машине». И стали мне описывать внешность этого мужчины. Я клялся, что не знал и не мог знать, сколько денег в пакете, что не знаю этого мужчину и не могу его опознать, так как видел его мельком – он сидел сзади, и денег я ему не давал. Тогда Петренко пригласил ещё двух сотрудников, которые зашли в кабинет. Одного из них я запомню на всю жизнь: он полный, выше среднего роста, круглое лицо, носит усы, волосы зачёсаны назад. Он подошёл ко мне и сказал такие слова: «Ты, тварь нерусская, ты будешь говорить то, что тебе говорят люди?» Схватил толстую книгу – Уголовный кодекс, и со всего маха сильно ударил меня два раза по голове. У меня сразу потемнело в глазах. Я стал медленно опускаться на пол. Я был в курточке и в красном тёплом шарфе. Он обмотал мою шею шарфом и начал меня душить, я стал хрипеть, из глаз пошли слёзы. Тогда этот мужчина, не ослабляя на шее шарф, – рука его была сзади с намотанным шарфом – другой рукой ударил меня в область живота. Я потерял сознание. На этом допрос закончился. Другой сотрудник пожалел меня и отвёз в гостиницу возле базара. На следующий день туда за мной пришли двое молодых мужчин, представившись, что, мол, они сотрудники милиции, и сказали, чтобы я следовал за ними. Только я вышел на улицу, они начали меня толкать в спину. Я даже не успел сообразить, как вдруг рядом с нами оказались ещё двое незнакомых мне людей, которые представились, что они – сотрудники ОБХСС, одного из них звали Саша. Они завели меня в райотдел, составили на меня документы (не знаю, какие) и заставили меня их подписать. Я им ответил, что плохо знаю русский язык, с трудом читаю и не знаю, какой документ подписать – попросил переводчика. Один вскочил со стула, кулаком ударил меня по голове и сказал: «Вот я тебе и переводчик, подписывай!» Однако в данный момент я не подписал. До сегодняшнего дня не знаю, какие документы они составили в суд. Затем меня сотрудник Саша и Петренко завели в Королёвский народный суд. Я понял, что они задумали что-то плохое, но понять не мог что. Они меня завели к судье и сказали ему, что, якобы, я оказал сопротивление сотруднику милиции. Я очень просил судью, говорил, что в жизни никогда никого не оскорблял, не курю, не пью, живу в селе, никогда не имел дело с милицией и боюсь её. И приехал я не в УВД, а в прокуратуру по своей воле, просил судью разобраться, помочь мне, говорил, что сотрудники избивали меня. Я приезжий, помощи нету, однако, они между собой переговорили, и судья Королёвского народного суда Габрнель 29.03.91. арестовал меня на 15 суток. Из суда Петренко, Ващенко и Саша отвели меня в КПЗ Богунского района. Ещё я слышал, что по документам проходит сотрудник Торговский. И опять начались допросы. Здесь Петренко и Ващенко опять стали надо мной издеваться и требовать, чтобы я назвал цифру 80 тысяч. Я плакал, падал на колени и говорил, что я не знаю, сколько денег было. Я слышал только то, что продавец считала и сказала, что там было девять тысяч триста. Тогда Петренко схватил меня рукой за горло и сказал дежурному: «В камеру его! Пусть сделают из него петуха». В камере находилось четверо мужчин. Моё счастье, что меня

пожалел дежурный. Через несколько дней из Богунского РОВД г. Житомира меня повезли в Коростышев. Из Коростышева – в ПГТ Черняхов Житомирской области. Только сейчас я понял, почему они меня из одного КПЗ прятали в другое, потому, что мой брат, Гусейнов, дал несколько телеграмм в вышестоящие инстанции о моём задержании. На 14 сутки моего пребывания в КПЗ в Черняховское РОВД приехал Петренко, пригласил меня в следственную камеру, закрыл за собой дверь и нанёс сильный удар в область живота. И произнёс такие фразы: «Не подпишешь то, что будет написано, сгною, как последнюю собаку здесь в подвале». У меня закружилась голова, и потемнело в глазах. Он опять: «Мразь нерусская, даю тебе последний шанс. Подписывай, и я тебя отпускаю». Я попросил переводчика. Тогда он кулаком ударил меня в лицо и рассёк верхнюю губу до крови. Я заплакал. Тогда он ещё несколько раз ударил меня по голове. Меня заколотило. А он опять: «Подписывай, последний раз говорю». Чтобы избавиться от его избиений и обратиться к Вам, я вынужден был подписать этот документ, что составил Петренко. Это было 3 апреля. Очень прошу всех, к кому я обращаюсь: помочь выдать направление, чтобы я прошёл судмедэкспертизу, так как у меня сильные головные боли, тошнота, сильные боли в области живота внизу, трудно дышать. Обращаюсь к Президенту своей республики и клянусь своими предками, что я написал истинную правду. А то, что написали Ващенко, Гавинский и Петренко, я не читал, я вынужден был подписать, чтобы вырваться из их рук и сказать правду всем, как в нашей стране унижают достоинство человека, ущемляют его права» 9.04.1991года». Вопросов по этой жалобе у меня было много. Много было и сомнений. Не сомневался лишь в том, что всё это возможно в нашей системе. Читателю, наверно, интересно, против кого всё это стряпалось? Из статьи «Опоясанные кумачом» в газете «ГОЛОС громадянина» №28(59) червень 1991р.

…«Перечитывая это письмо, вспомнил слова первого секретаря обкома КПУ, председателя областного Совета народных депутатов тов. Фёдорова: «Снимаем Вашего нового городского прокурора». Из беседы с прокурором г. Бердичева Григоришиным В.П., которого удалось разыскать во 2-й палате неврологического отделения областной больницы, стало известно, что именно ему вменяется в вину содействие в купле-продаже автомобиля за 80 тысяч. Не буду упреждать события, и предсказывать исход этого «следствия». Уверен в одном – «враги народа» будут заслуженно наказаны, а сотрудники сделают для этого всё возможное и невозможное». Из беседы с прокурором я узнал, что после двух прошедших митингов в Бердичеве городского прокурора куда-то убрали, а нового первый секретарь горкома партии инструктировал при принятии должности, чтобы тот исполнял все его указания. Григоришин ответил, что исполнять будет всё, что написано в Законе. Такой ответ первому не понравился, и секретарь горкома «приговорил» Григоришина, сказав, что он долго на своей должности не продержится.

Эта статья помогла Григоришину остаться на своей должности.
Я рассказал читателю на конкретном примере про нашу прокуратуру и милицию. Это именно те, кто будет нами править при объявлении чрезвычайного положения. Но и без армии не обойтись. Из статьи «Опоясанные кумачом» в газете «ГОЛОС громадянина» №28(59) червень 1991р.(…) Все мы помним крылатую фразу: «Жизнь – государю, а честь – никому», которая в своё время олицетворяла суть офицерского бытия. Давно отгремели залпы дуэлей, в ходе которых на карту ставились жизнь и честь офицера. Утрата культурных ценностей закончилась потерей совести и чести. Парадокс, но к изгнанному по 61-й статье «беглому подполковнику» обращались за помощью офицеры, и я вынужден был доводить смысл этих жалоб до вышестоящего начальства.
Из моего письма командующему Прикарпатским военным округом: «…Вынужден поставить Вас в известность, что дело по военторгу, которое возглавил всё тот же прокурор Крыштель, ведётся так, чтобы как можно дальше спрятать правду. Военные депутаты пытались проверить базу военторга в г. Бердичеве, но были остановлены телефонным звонком заместителя начальника политотдела подполковником Сологубом В.М., и вся проверка на этом закончилась… Андреев, Усольцев и Сологуб превратили учебный центр в строительное соединение по обслуживанию населения города. В то время, как личный состав занят строительством частных домов гражданского населения г. Бердичева и гаражей офицеров, начиная с гаража командира полка, офицерский состав пьянствует, закусывая солдатскими пайками. В настоящее время заканчивается строительство особняков главного врача городской больницы Добровольского и юриста Григи. Разложением полка руководит секретарь парткома подполковник Новак А.К. Он организует в полку «соцсоревнования» по количеству пьянок в рабочее время, не уступая при этом своего первенства никому. Основной поставщик солдатской закуски (мяса) во все инстанции – заместитель командира полка по тылу Михайлов Г.А. Тщетные попытки в поддержании порядка добросовестных офицеров, таких, как майор Шанаев А.Ф., подполковник Щеглов В.Г., майор Замураев С.В., подполковник Безуглый В.П., наталкиваются на железобетонную стену. Всё покрывается начальником учебного центра Андреевым и политическим отделом. Слава командира полка не обошла и городскую прессу, газету «Радянський шлях», но с того как с гуся вода. Замполита этого полка при своей службе я считал добросовестным офицером, но на его месте я бы молчать не смог. У меня создалось впечатление за 24 года знакомства с армией, что, чем меньше человек имеет совести и чести, тем быстрей он растёт в должностях и званиях, особенно в последнее время. Очень хочется, чтоб этим вопросом занялись не погрязшие во лжи прокуроры, а люди, которые Вас не обманут. Желательно проверку провести внезапно. К письму прилагаю выписки из показаний.

После работы комиссии был получен ответ: «Сообщаю, что по фактам, изложенным в Вашем заявлении на моё имя, группой офицеров штаба округа была проведена проверка. В результате проверки установлено, что факты, приведённые Вами, в основном подтвердились. К должностным лицам, допустившим нарушения законности и злоупотребления по службе, принимаются меры воздействия в соответствии со степенью их вины.

Генерал-полковник (подпись)

СКОКОВ. 5 февраля 1991г.

В письме к министру обороны я указал, что эта проверка в основном послужила причиной для преследования свидетелей, в то время, как хапуг покрыла Москва. Там, где нет элементарного порядка, начинаются убийства солдат, самоубийство и дезертирство. Об их распространённости в армии говорили в Москве на Чрезвычайном съезде в декабре прошлого года родители солдат, погибших в мирное время. Разумеется, при таком положении дел нецелесообразно держать в войсках офицеров, способных отстаивать своё мнение. Их удел – психиатрическая лечебница или увольнение по 61-й статье.

Из статьи «Опоясанные кумачом» в газете «ГОЛОС громадянина» №28 (59) червень 1991р. (…) «Пытаясь спастись в одиночку, мы гибнем скопом. А они, словно черви, размножаются на дряхлеющем недееспособном теле нашей агонизирующей системы. В стремлении удержать власть они не останавливаются ни перед чем. В центральную избирательную комиссию во время выборов народных депутатов СССР поступило 14,5 тыс. жалоб на нарушение Закона в ходе кампании, но о наказанных и привлечённых к ответственности мы не слышали. Нетрудно понять, какой «порядок» нас ждёт, пока мы дремлем. «Чистый сердцем терпит удар судьбы, а бессовестный тешится в роскоши и почёте», – хочется верить, что эти слова Ломоносова не всегда будут соответствовать нашей действительности.

В.М. Чащевой

Депутат Житомирского областного
Совета народных депутатов. 5 мая 1991г.

Представь себе, читатель, состояние тех офицеров, которые давали нам партийное поручение и которых, после исполнения этого поручения, вынуждают нас наказывать. Мне жалко было этих людей, в которых ломали стержень, топтали их честь и совесть. При всём моём ужасном положении мне было легче от того, что я не сломался. Я прошёл через ад. Меня ели живьём за то, что я оказался твёрже их в своих убеждениях. Им неприятно было есть живое человеческое мясо, но их вынуждали это делать. На бюро и собрании выступали против меня единицы, но остальные покорно молчали.

В противном случае любой из них мог оказаться на моём месте. Руководили травлей людоедов генералы Главного политуправления. Моё исключение из рядов КПСС проходило также преступно, как и предвыборная кампания в городе. Такой натиск со стороны партийного руководства через всевозможные каналы был неслучаен. Всё было поставлено на защиту беззакония.

Глава 24
Господа генералы

Чуть позже мне захотелось поближе узнать своих «доброжелателей» - ЧВСов, генералов Панкратова и Доманского. Кто они такие, что полезного сделали для людей, за что получали звания, ордена и медали? Заглянул в Интернет и кое-что нашёл: «Генерал-лейтенант Ю.И. Панкратов — помощник начальника политуправления Московского военного округа по комсомольской работе, член Военного совета — начальник политуправления Прикарпатского военного округа.15 октября, в помещении фракции КПРФ в Госдуме состоялось награждение группы ветеранов комсомола Вооруженных Сил и Военно-Морского Флота памятными медалями ЦК КПРФ "В ознаменование 90-летия Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи". 25 октября 2014 года в Москве состоялся очередной XII Съезд Общероссийского общественного движения «В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки» (ДПА) с участием других общественных организаций»… Из выступления Ю.И. Панкратова на Съезде ДПА можно понять его недовольство тем, что «главными воспитателями в армии стали лощёные сановники церкви, которые открывают врата храма своего».
Мне кажется, что этой информации о работе генерал-лейтенанта Ю.И. Панкратова — помощника начальника политуправления Московского… по комсомольской работе, члена Военного совета — начальника… Прикарпатского военного округа вполне достаточно, так как на таких должностях вообще не работают, а только получают ордена и памятные медали. Наглядный показатель труда, таких, как он, – это духовная деградации нашего общества. В стране, и особенно в армии, бичом для людей стала чума атеизма. О его деятельности, за что он получал награды, в своей повести я написал чуть больше. А что касается таких, как он, помощников начальника политуправления военного округа по комсомольской работе, могу добавить. Меня, уволенного по 61-й статье и ни в одном военном медицинском заведении лечить не будут, никто не даст путёвку ни мне, ни моей жене в военные санатории. Здоровье в нашей армии я подорвал сильно. Сижу как-то в очереди гражданской поликлиники к врачу, задумался, вдруг слышу знакомую фамилию. К врачу вызывают Зуева. Когда Зуев вышел от врача, я спросил у него, не был ли его отец во втором детском доме? Парень ответил, что был. Разговорились. Спросил его, почему он, такой молодой, по врачам бегает. Парень рассказал, как его и других, только что призванных комсомольцев, «старички-комсомольцы», принимали в свой комсомольский коллектив. Положив всех новобранцев лицом вниз на пол, тренировались передёргивать затвор автомата ударом приклада по спине в позвоночник. Сейчас этот парень, уже не комсомолец, является постоянным клиентом этой поликлиники. А генералы, бывшие помощники начальников политуправлений военных округов по комсомольской работе, до сих пор продолжают награждать себя памятными медалями ЦК КПРФ "В

ознаменование 90-летия Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи". Если не убедил, такие истории и гораздо страшней этой, «о работе» Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи, могу рассказывать бесконечно.

Про генерал-майора Анатолия Ивановича Доманского я тоже кое-что нашёл: «23 сентября 2009 года исполнилось 70 лет Председателю Центрального Совета ВУССО, генералу-майору Анатолию Ивановичу Доманскому. Родившись в г. Умань в 1939 году, маленький Анатолий не знал, какой богатый событиями жизненный путь ему предстоит пройти. Волею судьбы его детство было связано с тяжелыми годами войны, а его юность с не менее тяжелыми годами послевоенного восстановления Советской Родины. На его глазах каждый день для советского человека был сродни с подвигом – именно на примерах трудовых и военных достижений взрослых, на примере их самоотверженности и самоотдачи рос будущий труженик, офицер, генерал, член КПСС – Анатолий Иванович Доманский. Верный ленинец, идейный коммунист, настоящий Советский офицер – с большой буквы. Человек, для которого Офицерская Честь и Родина по-прежнему не пустые слова, прошел трудную и богатую событиями дорогу жизни. Сначала закончил гражданский – Черкасский сельскохозяйственный техникум, а потом, после срочной службы в рядах Вооруженных Сил СССР – связал навсегда свою жизнь с профессиональной, кадровой службой в Вооруженных Силах СССР, вступив в Сумское артучилище им. Фрунзе. По прошествии определенного времени Анатолий Иванович направляется слушателем Военно-политической Академии им. Ленина. После успешной службы на должности зам. командира по политчасти был отмечен как перспективный офицер и вскоре стал зам. начальника политотдела, впоследствии возглавив политотдел дивизии, а позже и корпуса. Советская Родина никогда не разбрасывалась своими лучшими армейскими кадрами – и вот Анатолий Иванович уже заместитель начальника политуправления ГСВГ, член Военсовета, начальник политотдела танковой армии. Родина и Партия по достоинству оценили вклад и заслуги Анатолия Ивановича. Кавалер Ордена Красной Звезды, Кавалер ордена «За службу Родине – III степени», Кавалер Ордена «Сталина», Кавалер Ордена ЦК КПРФ «За заслуги перед партией», а также 20 медалей и наградных знаков – украшают парадный китель генерала-майора Доманского. Выйдя на заслуженную пенсию, генерал Доманский восстанавливает Житомирский Обком компартии, где 10 лет подряд избирался первым его секретарем. (Надо же за 10 лет так развалить обком, что теперь его приходится восстанавливать).
Дважды Анатолий Иванович становится депутатом Верховного Совета Украины, (и тут всё развалил), а с 1999 года – возглавляет Центральный Совет ВУССО (Всеукраинского Союза советских офицеров), став, по сути, по инициативе ЦК КПУ одним из вдохновителей этой организации – стоя у истоков нынешнего Союза Советских Офицеров Украины…». (Где они и что

делают эти представители ВУССО в настоящее время во главе со своим вдохновителем, об этом ничего не сказано).
Всё кажется гладко и сладко. Не служба, а рай. Вот только непонятно, за что награды и звания, если в армии от комсомола было одно название, а от партии одни неприятности, в противном случае ни о каком дезертирстве и о дедовщине мы бы не слышали, никто бы не стрелялся и не вешался. Не встречал я за всю свою службу ни одного политработника, который всерьёз занимался бы работой с комсомолом и партийной организацией, всё приходилось поднимать самому, но именно за это мне орденов не давали. Вся моя служба прошла, как по лезвию бритвы, а тут всё гладко, и никаких проблем. Наверно, разница в том, что одни, как правило, командиры, делают, ошибаются, спотыкаются, падают, встают и опять делают, а другие – которые назывались политработниками, стоят рядом (если не опасно), смотрят и о каждом промахе командира докладывают наверх по инстанции. А чтобы получить, как теперь говорят, бонус, придумывают о своём командире такое, во что самим трудно поверить, но это уже заслуживает и повышения в должности, и звания, и ордена. Весь комсомол закончился в армии с окончанием комсомольского собрания в фильме «Солдат Иван Бровкин» в 1955 году.

К концу службы мне стало ясно, что Центральным комитетом КПСС назвала себя кучка наглых проходимцев, которые, считая себя пророками, всегда знали, что хорошо, а что плохо, и от нашего имени – от имени рядовых коммунистов, независимо от наших желаний, вынуждали нас выполнять их прихоти. «Партия» заставила Главного военного прокурора Катусева, который должен стоять на страже Закона, наплевать на закон, на свою честь и совесть, стать марионеткой в руках Главного Политуправления, а чуть позже были вскрыты факты его преступной деятельности. «Партия» превратила Министра обороны Язова в ходячую мумию, не имеющую своего мнения. «Партия», через своих «праведников», таких, как генерал Ю.И. Панкратов, совершала преступление, нарушая Закон и Устав КПСС, ломала хребет партийной организации войсковой части № 21447, которая встала на защиту закона. Эта коммунистическая «партия» зомбировала нас, внушая нам, что все, попавшие в плен во время войны, – предатели, те, кто уехал в другую страну жить, – тоже предатели, а каким именем назвать офицеров управления дивизии, которых не ставили к стенке, которым не грозил расстрел, которым всего лишь погрозили пальцем, и они не встали, как один, на защиту двух подполковников, которых сами обязали сделать то, что они сделали. Эти офицеры управления дивизии предали не только этих двух подполковников, они предали себя, предали офицерскую честь и совесть, осталось совсем немного, чтобы предать свою Родину. И всё это делалось только ради того, чтобы всем доказать и показать, **ЧТО ЗАКОН НЕ ДЛЯ ВСЕХ ПИСАН.** Что есть гегемоны пролетариата и их сателлиты, такие, как генералы Ю.И. Панкратов, А. И., Доманский и прочие, которым всё

дозволено. Они вновь зазывают всех в своё марксистско-ленинское болото. Я не знаю, как таким монстрам можно было доверять воспитание человеческих душ в армии? Как им можно было доверять воспитание молодёжи, когда они говорили одно, а делали совсем другое? Иногда они сдавали своих, возбуждая против них уголовные дела, но, видно, так было надо. Или потому, что те, кого сажали, не делились с вышестоящими прохвостами. Панкратову не нравятся «лощёные сановники церкви, которые открывают врата храма своего», но чем ещё можно заменить поголовное партийное враньё в армии? Как можно исправить в армии то, что натворили панкратовы, доманские, стефановские, смирновы, ширинкины, вольхины, сологубы и им подобные?
Простому советскому обывателю, в хорошем смысле этого слова, и молодому офицеру, трудно представить, что творили в нашей стране эти гегемоны пролетариата, которые очень боялись горбачёвской перестройки.
Из военного обозрения «Тайна гибели маршала Ахромеева»:
«Маршал Советского Союза Сергей Фёдорович Ахромеев непосредственно перед трагедией 23 августа завершил работу над текстом своего выступления на предстоящей сессии Верховного Совета, которая должна была состояться 26 августа 1991 года. Свое выступление он обсуждал с дочерью (которая даже сохранила черновик речи). Маршал собирался донести до общественности и депутатов сведения и факты предательства некоторыми высшими чиновниками из руководства страны интересов государства**. Если 26 августа Ахромеев собирался публично выступить перед депутатами, зачем ему было вешаться 24 числа? Сегодня можно утверждать, что у возможных убийц Ахромеева были на то причины. Он был правой рукой Горбачева, и многое знал, он знал, куда и кто продает советское вооружение, знал всю кухню предательства стратегических интересов СССР в Европе, о том, как разворовывается техника и средства западных групп войск СССР. Его компромат мог стать убийственным, но все свои секреты маршал забрал с собой».**

Не мной сказано «ЧТОБЫ НЕ ДЕЛАТЬ ОШИБОК В БУДУЩЕМ, НЕОБХОДИМО ПОСМОТРЕТЬ В ПРОШЛОЕ».

Заглядывая в прошлое, вспоминаю, как меня пригласили участвовать в работе Координационного Совета по подготовке и проведению учредительного съезда профессионального РОССИЙСКОГО СОЮЗА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ВОЕННООБЯЗАННЫХ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ “ЩИТ” (РССЗВ “ЩИТ”). Учредительный съезд проходил 21-22 октября 1989г. в Доме культуры института атомной энергии им. И.В. Курчатова в г. Москве. В его работе приняли участие 8 народных депутатов СССР – членов межрегиональной депутатской группы, 96 делегатов из 36 городов РСФСР, 4 союзных республик, различных военных округов.
Основные цели деятельности: социальная защита военнослужащих, военнообязанных запаса и членов их семей: создание условий для армии

нового типа — армии правового демократического государства; неприменение военного насилия против своего народа и народов других стран. Социально-профессиональный состав: военнослужащие срочной службы, кадровые военные, офицеры запаса и в отставке, члены их семей. Инициативная группа по созданию Союза “Щит” образовалась 29 марта 1989г. Она насчитывала около 100 активистов во главе с Председателем Оргкомитета В. Уражцевым. Члены этой неформальной организации активно участвовали в избирательной кампании в поддержку Б.Н.Ельцина в 1989 г. (выборы народных депутатов СССР) и избирательной кампании по выборам народных депутатов в местные и республиканские (РСФСР) Советы. Принимали участие в массовых мероприятиях Московского объединения избирателей, активно поддерживали сторонников” Демократической платформы в КПСС, организовали в Москве несколько митингов, инициативные выступления о необходимости ухода в отставку генерала И. Родионова (начальник Академии Генштаба, бывший командующий Закавказским военным округом во время Тбилисских событий 9 апреля 1989г.), выступили с инициативой создания “генеалогического древа” высшего военного руководства СССР с целью пресечения семейственности и плановости в деле назначения на должности и присвоения воинских званий. 8-9 сентября 1990г. в Москве состоялся организованный ССЗВВ “Щит” и комитетом солдатских матерей “Матери против насилия” Всесоюзный съезд родителей солдат и матросов. В работе съезда приняло участие 389 человек, в том числе матери погибших в разное время солдат, матросов, офицеров, депутаты Верховного Совета России, Моссовета, представители Министерства обороны. Оргкомитет съезда возглавлял председатель Союза “Щит” В.Г. Уражцев. На съезде присутствовали народные депутаты СССР С.В. Белозерцев, Е.Л. Гаер, А.М. Оболенский. О.Д. Калугин и народные депутаты РСФСР А. Сурков, Т.Н. Корягина. **На съезде был обсуждён доклад народного депутата СССР А. Алексеева (Уфа) “Армия — машина системы по уничтожению будущего нашей страны”,** выступления участников съезда и группы дезертиров, прошедших на съезд в гражданской форме.

15-16 декабря 1990г. в Москве состоялся 2-й съезд Союза “Щит”. В его работе приняли участие 301 человек, в том числе 176 делегатов, в основном военнослужащие. На съезде присутствовали делегации профессиональных союзов из Испании, Франции, Германии, Дании, а также представители межгосударственных объединений европейских военных союзов ЭККО и ЕВРОМИЛ. В периоды между съездами работой Союза руководит исполнительно-представительный орган — Координационный Совет, в который вошли народные депутаты СССР И.И. Заславский, В.С. Смирнов, А.И. Мурашов, П.Л. Фальк и др. Избран почетный председатель — генерал-лейтенант в отставке М. Шапошников с которым познакомил меня на этом съезде Уражцев.

Из моей статьи в газете «ГОЛОС громодянина» №1-2 (32-33) 16 Квітня 1990 року:

2-ОЙ СЪЕЗД СОЮЗА «ЩИТ»

15-16 декабря 1990г. в Москве состоялся 2-й съезд Союза “Щит” (СОЮЗ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ВОЕННОБЯЗАННЫХ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ). После открытия съезда и исполнения панихиды по убиенным солдатам в мирное время отец Глеб Якунин благословил Союз «ЩИТ», пожелав ему благотворной деятельности. В своём выступлении дьяк Олег рассказал о роли православной церкви в русской армии и защите Отечества. На съезде был утверждён почётным председателем Союза «ЩИТ» Герой Советского Союза генерал-лейтенант М.К. ШАПОШНИКОВ (выступивший в 1962 году против применения Вооружённых сил в разгоне мирных демонстраций жителей г. Новочеркасска, уволенный из армии и исключённый из членов КПСС).
Председателем союза избран полковник запаса, депутат Верховного Совета РСФСР Уражцев В.Г., его первым заместителем Кудинов – бывший начальник политотдела Рязанского десантного училища, поднявший вопрос на Съезде о сосредоточении десантных войск вокруг Москвы для разгона демонстраций и митингов (исключён из партии и изгнан из армии).
С приветственным словом выступил президент ЕВРОМИЛА (европейской организации военных ассоциаций) Енц РОТВУС. Поделился опытом о работе военных профсоюзов в ФРГ председатель профсоюза БУНДЕСВЕР – ФЕРБАНД Рольф ВЕНЦЕЛЬ. О важности вопроса создания независимых профсоюзов в армии для защиты социальных прав выступили представители иностранных делегаций Франции, Испании и другие. Председатель союза зачитал приветствие к участникам Съезда Союза «ЩИТ» Председателя Верховного Совета РСФСР тов. ЕЛЬЦИНА Б.Н. Съезд уточнил программу и Устав Союза «ЩИТ».

Член Координационного Совета Союза «ЩИТ» депутат Житомирского областного совета народных депутатов В.М. Чащевой.

В конце 1990г. ССЗВВ “Щит” принимал активное участие в организации и проведении демократической общественностью Москвы митингов и манифестаций в столице. Ряд мероприятий ССЗВВ “Щит” провел совместно с Комитетом солдатских матерей, в частности проведено около десятка митингов и пикетов по вопросам улучшения социальной защищенности военнослужащих, их быта и материального обеспечения; радикализации проведения военной реформы; **ликвидации политорганов и парторганизаций КПСС в Советской Армии** и другим вопросам критики деятельности Министерства обороны СССР. По инициативе ССЗВВ “Щит”

совместно с Комитетом солдатских матерей начато расследование причин гибели военнослужащих срочной службы в мирное время. Весной-летом 1991г. руководство “Щита” поддержало идею по созданию Студенческого забастовочного комитета, выступавшего против принятия нового Союзного закона ”0 всеобщей воинской обязанности”, в котором предусматривался призыв студентов на военную службу.

В то время, когда одни офицеры пытались хоть что-то сделать для своего народа и армии, другие обливали их грязью.

В своей статье **«ПРОДУКТ МУТНОГО ВРЕМЕНИ»** Каменев Анатолий Иванович рассказывает читателю: (...) « В предыдущей статье мне пришлось писать о том, какие беды офицерству принесла горбачевская перестройка. (…) На защиту обиженных и оскорбленных военнослужащих стал доморощенный "правозащитник" - В.Г. Уражцев. Этому комсомольскому деятелю было глубоко наплевать на перемены, но, оказавшись в щекотливой ситуации, он все же извернулся и, избежав заслуженного наказания, вырвался в число тех, кто будоражил страну лозунгами перемен, нисколько не заботясь об истинном изменении положения дел к лучшему. (…) Уражцев, стремясь сделать карьеру, избрал для того средство – муссирование проблем военнослужащих, но не с целью их разрешения, а в интересах подъема своего имиджа – борца за справедливость в военной среде. (…) Я не прокурор и не следователь, а потому лишь констатирую, что Уражцеву удалось **31 декабря 1988 года провести учредительный съезд** организации под названием "союз социальной защиты военнослужащих и военнообязанных" (ССЗВВ), организации более известной под названием "Щит". Под флагом социальной защиты военнослужащих эта организация разворачивала неприкрытую борьбу за контроль над вооруженными силами. (…) Внимательно следя за деятельностью этой организации в то время, я не смог обнаружить чего-то существенного в деятельности этой организации. Скандалы были. Пресса писала о каждой очередной акции "Щита". (…) Как показала последующая история, таких, как В. Уражцев, вскоре стало многовато. Всем им захотелось поиграть в "доброхотов", преследуя свой эгоистический интерес и корысть».

Я не собираюсь защищать или ругать В. Уражцева и организацию «**Профессионального РОССИЙСКОГО СОЮЗА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ВОЕННООБЯЗАННЫХ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ “ЩИТ” (РССЗВ)»,** но считаю, что за время своего существования эта организация сделала для нашей армии далеко не всё, **но очень много**. Читая статью Каменева А.И., вижу знакомый почерк политработника. Ему не важно, про что молоть, и соответствует ли это действительности. Анатолий Иванович указывает: «Уражцеву удалось **31 декабря 1988 года** провести учредительный съезд организации под названием "союз социальной защиты военнослужащих и военнообязанных" (ССЗВВ), организации более известной под названием "Щит". Но ведь любой, хоть чуть мыслящий

читатель скажет, что в этот день этого никак не могло быть, так как весь советский народ 31 декабря, по старой вековой традиции, ежегодно, уже садится за стол и наливает, одни самогон, другие водку, а третьи – коньяк или шампанское. Преподавателю военно-политической академии Каменеву А.И., который решил «на свой страх и риск продолжить исследовательскую работу», критикуя ССЗВВ, должно быть стыдно не запомнить полного названия этой организации. Вы, Каменев Анатолий Иванович, критикуя всех подряд, от декабристов и Валерия Саблина до Горбачёва, во многом противоречите самому себе: «Никому не возбраняется участвовать в политической борьбе. Только офицер не имеет права этого делать, как должностное лицо. Офицер, не желающий мириться со своей ролью государственного стража и защитника интересов Отчизны и намеревающийся вступить в политическую борьбу, должен снять с себя погоны и вступить в политическое противоборство, но только в качестве частного лица. Если же он этого не сделает - он подлец». Вы, Каменев Анатолий Иванович, написав эту статью, лезете в политику, а погоны полковника сняли, или Вы дважды подлец??? (…)

«В докладе министра обороны Д.Ф. Язова на Всеармейском Офицерском собрании (7-8 декабря 1989 г.) говорилось: "О неблагополучии в офицерском корпусе говорит небывалое, невиданное прежде явление – стремление молодых офицеров уйти из армии. Конечно, за этим стоит социально-бытовая неустроенность многих офицеров и их семей. Положение усугубляется получившими распространение в последнее время в некоторых регионах попытками местных властей ограничить права военнослужащих, ущемить предоставление их семьям жилплощади, при прописке, устройстве офицерских жен на работу, а детей – в школьные и дошкольные учреждения". (…) «Среди подавших рапорта более 70% составляли пусть и не выдающиеся, но крепкие, грамотные офицеры, настоящие профессионалы. Таких, как они, можно считать опорой, фундаментом армии и флота. И если опора начинает крошиться, то это весьма тревожный сигнал. Не только для нас, людей военных, но и для всего общества.
Вы, Каменев Анатолий Иванович, пишете: «Не дело армии менять законы и стоять на стороне какой-либо партии. Армия – братство, давшее обет внепартийности. Ее долг – быть опорой ЗАКОННОЙ ВЛАСТИ, а не служить разменной картой расчетливых политиканов». А совесть у Вас есть, господин Каменев? Это где вы видели Советскую армию без политработников и «родной коммунистической партии»? Куда Вы сами спрятали свой партийный билет? Вы забыли, где работаете, или совсем запутались? **Не эта ли ваша партийная и политическая путаница – путаница и демагогия панкратовых, доманских, стефановских, смирновых, ширинкиных, вольхиных, сологубов и им подобных – главная причина развала армии?** Как это ни странно, но основные цели деятельности Союза «ЩИТ»: **социальная защита военнослужащих, военнообязанных запаса и членов**

их семей: – создание условий для армии нового типа — армии правового демократического государства; неприменение военного насилия против своего народа и народов других стран – явились для Министерства обороны как гром среди ясного неба. **Неужели этим большим начальникам невдомёк, что именно это необходимо нашей армии, как гарантии благополучия каждого защитника Родины, и что их не заставят больше стрелять в своих соотечественников, родных и близких, как это было уже не раз. Чтобы не было того, что сейчас творится на Украине. Чтобы не исполнились предсказания поэта « …И ПОТЕЧЁТ СТА РЕКАМИ КРОВЬ В СИНЕ МОРЕ ДЕТЕЙ ВАШИХ…»**.

По окончании второго съезда Союза «Щит» А. Ярошинская пригласила меня на заседание Координационного Совета Межрегиональной депутатской группы народных депутатов СССР, где решался вопрос о создании органа печати (МДГ). Заседание вёл один из пяти сопредседателей - Б.Н. Ельцин. Справа от него, исполняя обязанности секретаря, сидела А. Ярошинская, за ней вокруг большого стола сидел я, а за мной академик А.Д. Сахаров, далее Г.Попов, который докладывал о возможности издания газеты от МДГ. Мне понравилось это заседание тем, что при обсуждении вопроса выступающие говорили только по существу, называя вещи своими именами.

Приехав в г. Армавир, узнал, что моей младшей сестре Галине, у которой второй год находится моя парализованная мама, срочно надо делать операцию по удалению опухоли. Написал объявление на обмен квартиры в Бердичеве на Армавир. На первое вывешенное мной объявление сразу нашлись желающие. 11 сентября 1991г. переехал в Армавир. Забрав к себе мать, отправил сестру на операцию. Накоплений никаких не было. Искал работу. Съездил по приглашению в Старомышастовскую Краснодарского края к своему бывшему солдату Олегу Кулебякину. Семья Олега встретила меня очень хорошо.
Из-за очень сложного семейного положения, связанного с болезнью моей матери и после операционного состояния сестры я не мог активно участвовать в работе Союза «Щит»; но как бы ни сложилась судьба этой организации и её руководства, нельзя проходить мимо тех полезных для нашей армии идей, которые были заложены в основу этой организации. Сейчас нет КПСС, нет и ВЛКСМ, на которые я часто опирался в своей работе. Но послушав о работе военного профсоюза в ФРГ на 2-м съезде Союза “Щит”, мне нетрудно было понять, что это более совершенная организация для принятия срочных решений и устранения проблем в армии. Правда, я очень сомневаюсь, что наши генералы справятся с задачей по организации работы военных профсоюзов. Они это уже пробовали в преддверии первого съезда Союза «ЩИТ». Ничего у них не получилось, и думаю, что не получится. Ведь они всегда занимались не тем, что нужно. Они делали всё для уничтожения личности человека, разрушая его веру,

духовность, а с ней и любовь, семейные ценности. Они, как проказа, заражали молодых людей вместо того, чтобы их воспитывать. Но эти военные профсоюзы, вместе с «главными воспитателями в армии с лощёными сановниками церкви, которые открывают врата храма своего», при хорошей организации, снимут много проблем в армии. По рассказу Рольфа ВЕНЦЕЛЯ, министр обороны БУНДЕСВЕРА не отдаст ни одного приказа без согласования с ним, как председателем профсоюза. Это даёт возможность, на самый крайний случай, установить для офицера и солдата обратную связь с министром обороны, прежде чем он пойдёт за помощью к Богу.

Глава 25
Встреча с пророком

Осенью поехал на уборку мандаринов к знакомым в Абхазии. Я уже привык, что судьба подбрасывает мне сюрпризы и знакомства с интересными людьми. Вот и на этот раз, вечером, окунувшись в море, шёл в свой посёлок на ночлег. Догнал какого-то попутчика, лет семидесяти пяти, скромно одетого, с котомкой за плечами, и разговорились. Нетрудно было понять, что он из верующих. Я спросил его, как мы дальше жить будем после избрания президента СССР, и кто будет следующим президентом? Он ответил, что в БИБЛИИ всё написано, надо только правильно читать. И всё-таки, настаивал я. Попутчик сказал, что Горбачёв М.С. первый и последний президент Советского Союза. Я начал с ним спорить, доказывать, что такого быть не может, ведь начали же… Но он перебил, сказав, что Советского Союза не будет.

– И куда же он денется?
– Развалится на республики.

– Да этого же быть не может, потому, что не может быть, чтобы самая мощная страна в мире и вдруг развалилась…
Моего попутчика позвали знакомые к одному из домов, а я продолжил свой путь, подумав, что вот по кому плачет психушка. Придя к своим знакомым, я рассказал им о своей встрече с пророком, который предсказал развал Советского Союза. Посмеялись. Когда всё предсказанное сбылось, пришлось задуматься. Я по сегодняшний день упрекаю себя за то, что так плохо подумал о своём попутчике. Невольно вспомнишь стихотворение М.Ю. Лермонтова «Пророк» и человеческую глупость, описанную в нём. Уж слишком всё схоже с моим случаем. После Абхазии судьба забросила меня в один из военных городков Азербайджанской ССР, где проживал лётный состав. После решения ряда вопросов в штабе вышел в курилку. Обратил внимание, что в центре курилки лежит заплёванная фотография М.С. Горбачёва. Вслед за мной вышел из штаба капитан, плюнул на фотографию и, закурив, присел рядом. Я спросил капитана, чем заслужил такое «уважение» к себе Горбачёв. Тот ответил:
– Разрешил много болтать.
Хорошо у лётчиков работает партийно-политический аппарат, подумал я и предложил:

– Давай попробуем всё поставить на свои места. - То, что Горбачёв прекратил войну в Афганистане – это плохо или хорошо?
– Хорошо!
– То, что официально разрешил людям верить в Бога – это плохо или хорошо?

– Хорошо!
– То, что убрал железный занавесь и объяснил всему миру, что надо прекращать с холодной войной – гонкой вооружения и пора разоружаться, пока не сдетанировали от какой-нибудь случайности все накопленные ядерные, термоядерные и прочие боеприпасы, и земля не сошла со своей орбиты – это плохо или хорошо?
– Наверно, хорошо!
– А то, что в Германии разрешил убрать стену и позволил немцам самим решать, как им лучше жить без наших указаний – это хорошо или плохо?
– Хорошо, но наши генералы там проворовались. Вспомните, как восемь таких проворовавшихся генералов посадили на скамью подсудимых, и вдруг их выпустили, так как кто-то, якобы по ошибке, внёс их в список на амнистию. И всё тихо. Про них забыли. Это говорит о многом. Вот так, якобы по ошибке, и живём во лжи и бесправии. …
– Про генералов я помню, но говорим сейчас о Горбачёве. Раньше, за такое отношение к Генеральному секретарю ЦК КПСС (ВКПБ), ты бы завтра уже пилил лес где-то далеко отсюда, а теперь, благодаря Горбачёву, ты плюёшь на Главу нашего государства, ничего не остерегаясь. Мою тётку выпустили на свободу больную туберкулёзом перед смертью, а её мужа расстреляли сразу за то, что она, отстояв в очереди за хлебом зимой трое суток, замёрзшая вернулась и бросила этот хлеб в портрет Сталина, висевший у хозяйки в квартире, где остановилась их семья. Хозяйка, конечно, доложила. Капитан встал, поднял фотографию Горбачёва, протёр её и положил на лавочку. Мне очень жалко было М.С. Горбачёва. Люди до конца не поняли и не оценили сделанное им, а некоторые даже пытались его бить. Может быть, прочитав эту повесть, они задумаются и не захотят больше в такое «светлое будущее», которое мы с таким упоением строили и воспевали, скажут М.С. Горбачёву большое спасибо? Обвинять главу государства во всех смертных грехах – это мы можем. Наверно, так и должно быть. Со стороны видней, да и легче критиковать, чем тащить на себе такую обузу. Но попробуйте любой из нас встать на его место, когда все заместители, всё руководство снизу доверху состоит из друзей-подлецов. Немного удалось ему кого-то снять и кого-то поставить, но это мизер по сравнению с тем, что по крупицам собиралось десятилетиями. Его помощники и заместители, конечно, помогали и делали, чем хуже, тем лучше. Достаточно вспомнить уничтоженные по всей стране виноградники, которые свалили на Горбачёва. Во всём, что сделано плохо, конечно, виноват он – Горбачёв, нам, из подворотни, всё видно.

Как тяжело бывает в жизни тем,
Чья голова под шапкой Мономаха.

Дожить до пенсии мечтают побыстрей,

Пока ещё на них цела рубаха.

Некоторые из нас хвалят сталинское время. Как-то зашёл разговор об этом среди рабочих и чтобы переубедить воздыхателя по Сталину я попросил присутствующих поднять руку у кого в родне кто-нибудь был при Сталине в заключении. Из семи человек подняли руки пятеро. Позже я встретил этого поклонника Сталина, и наш разговор продолжился после его рассказа, как он съездил в гости к своей дочери в Израиль. Он удивился, что его дочь, приехав в магазин, не закрыла и не поставила на сигнализацию машину, в которой были большие ценности. Дочь ответила, что он не в России, и что у них не воруют. Рассказала, что год назад кто-то украл сетку, в которой было пять килограммов яблок, и получил за каждый килограмм по году заключения. Я сказал своему собеседнику, что умные люди, наводя в стране порядок, легко справляются без Сталина, и он со мной согласился.

Глава 26
Ещё не пришло время

В 1993г. я обращался в Совет ветеранов при Армавирском городском военкомате с просьбой разобраться с моим увольнением из армии и ходатайствовать перед вышестоящим руководством об отмене 61-й статьи. Совет ветеранов изучил документы моего личного дела, а на общем собрании ветеранов мне пришлось ответить на ряд вопросов. Так, в декабре к 31.12. 1978года мне должны были присвоить очередное воинское звание «полковник», но не присвоили. Из служебной характеристики от 22 апреля 1988 года, хранящейся в моём личном деле, следует, что в январе вопрос о задержании присвоения очередного воинского звания «ПОЛКОВНИК» на 6 месяцев решала постоянно-действующая аттестационная комиссия. В этой же характеристике указано, что в марте этого же года та же комиссия, в нарушении своего же решения (не дожидаясь 6 месяцев) принимает решение о снижении меня в должности.
Совет ветеранов признал, что постоянно-действующая аттестационная комиссия, принимая решение о задержке очередного звания, нарушила требование приказа МО № 100. Служебная характеристика от 22 апреля 1988 года, по мнению ветеранов, содержит в своём тексте голословные обвинения, не подтверждённые взысканиями. Единственное служебное взыскание, указанное в характеристике «предупреждение о неполном служебном соответствии» за несвоевременное прибытие на занятие по марксистско-ленинской подготовке…, которое доказывало, что других взысканий не было, в противном случае они обязательно были бы указаны в этой характеристике. Ветераны признали это взыскание, как основание для понижения в должности, нелепым. На беззаконие при задержке воинского звания указывал ещё и факт отсутствия в личном деле листа беседы с перечислением недостатков или нарушений по службе за подписью командира дивизии и моей, как основание для наказания, который обязательно там должен находиться при задержке офицеру очередного воинского звания, и изыматься должен из личного дела только после устранения этих недостатков и присвоения офицеру очередного звания…
Исследуя документы, связанные с увольнением по 61-й статье (Решение суда офицерской чести, Аттестацию от 18 апреля 1989г, Приказ №13 от 28 марта 1989г..., статью 78 Дисциплинарного устава и выписку из приказа командира войсковой части 21447 от 2 сентября 1989г. Совет ветеранов пришёл к выводу, что меня уволили НЕЗАКОННО.
Копии телеграмм прокурора Крыштеля в моём личном деле вынудили меня рассказать более подробно о происшедших событиях в г. Бердичеве.
Насколько мне известно, 61-й статьи увольнения в Армии уже нет, так же, как и судов «офицерского бесчестия», партийных и советских органов власти, авторитет которых я подорвал, тоже нет, но ярмо, «подаренное» мне пережитками нашего общества, по настоящее время продолжает оставаться в

силе. Мне пришлось открыть Устав и доказать, что Главком, увольняя меня по 61-й статье, превысил свои полномочия, определённые 78-й статьёй Дисциплинарного Устава, совершив уголовное преступление. Согласно этой статьи, заместитель Министра обороны имел право только понизить меня в звании или в должности на одну ступень. Но по настоящее время остаюсь быть наказанным я, а не тот, кто нарушил ЗАКОН. «Тень» 61-й статьи по сегодняшний день не даёт мне право пользоваться в полном объёме льготой офицера в отставке.
Ветераны приняли решение удовлетворить мою просьбу и отправили своё решение по инстанции наверх. Через два месяца председатель Совета ветеранов шепнул мне на ухо, что ему позвонили и сказали:
– **Ещё не пришло время для решения таких вопросов.**
Я не находил себе места. Почему председатель Совета ветеранов, этот старый вояка, прошедший и победивший в войну, шепчет мне на ухо, чего-то остерегаясь. Сколько можно бояться? Почему из нашей страны бегут, а не наоборот?
Да, у них в руках власть, на них работают сексоты (СЕКретные СОТрудники) и другие крупные «специалисты» уголовного мира. Они создали систему людского зомбирования и бесправия, но чем больше мы их боимся, тем больше они наглеют и нами пользуются. Председатель посоветовал обратиться в военный суд в г. Ставрополе. Судьи, в звании подполковников, ознакомившись с моим делом, сказали: «Мы уже приняли одно решение против Главкома и еле остались на этих должностях, а после Вашего дела здесь никто не останется». Посоветовали обращаться в гражданский суд. Подполковники, наверно, даже не догадывались, что гражданские судьи из-за незнания всех тонкостей военного законодательства в своих решениях укажут то, что им напишет высокопоставленный военный ответчик. Это я тоже прошёл.
На моё последнее обращение к Главнокомандующему Сухопутных войск генералу армии А. Маслову в 2007г. получил ответ: «Проверить законность и обоснованность действий командования по указанным в обращении вопросам на сегодняшний день не представляется возможным, так как срок хранения представлений и материалов к ним в кадровых органах составляет не более 10 лет…». Очевидно, этого и ждали, чтобы в очередной раз дать отписку. Личные дела офицеров в военкоматах должны храниться 70 лет, и в них есть всё необходимое для проверки законности и обоснованности действий командования по указанным вопросам, даже при том, что там очень хорошо поработали такие генералы, как ЧВС Житомирской армии Доманский. Проблема в том, что никто не хочет этим заниматься всерьёз. Видно, и мне своей реабилитации придётся ждать, как моему отцу, ещё 20 лет после моей смерти.

Разворачивая посылку из Питера, жена достала книги: Александр Орлов «Тайная история сталинских преступлений», Виктор Суворов

«Аквариум»… Меня как изнутри дёрнуло. Я уже привык к сюрпризам судьбы и хорошо усвоил, что так просто, само собой, ничего не происходит. Про «Аквариум» мне в Забайкалье рассказывал один офицер из особого отдела, закончив тем, что мне он ничего не говорил. Про Виктора Суворова меня часто спрашивали офицеры из штаба армии и округа, как будто мы с ним были ближайшими родственниками или одноклассниками. Не скрывали сомнений, когда отвечал: «Вместе не сидел, не служил, родственником не являюсь!!!»

– Что за Суворов?
Жена прочла на тыльной стороне обложки:
– В.Б. Резун, выпускник Калининского суворовского военного училища… Изменник Родины… Приговорён к высшей мере…

– Ну, Кабака даёт, - не выдержал я, - на повороте обошёл! До изменника Родины даже я не дослужился и такой приговор не заработал.
– Ты о чём?

– Тащи, мать, суворовские фотки, я покажу тебе этого приговорённого.
– Видишь? Морда шире моей. Это мы перед лыжным забегом такие весёлые. Посмотрела бы ты на нас после…

– А вот выпускная, читай…
– Вот тебе и Виктор Суворов!!!
Всё встало на свои места.

– А почему «Кабака»? – спросила Света.
– Это под грифом «особо секретно». Если бы в ГРУ (Главном разведывательном управлении) эту тайну знали, они бы более страшную кару для него придумали, чем приговор к высшей мере. Но в роте кадеты его звали именно так, и вполне заслуженно. Теперь до меня дошло, почему мне не верили и утверждали, что я должен его знать. Встретились мы с «изменником» в Воронежском суворовском училище в 1958 году и через семь лет окончили училище в Калининском СВУ.
В произведении «Аквариум» он рассказывает, как Резун Владимир Богданович (писатель Виктор Суворов), бывший офицер Главного разведуправления, бывший сотрудник легальной резидентуры ГРУ СССР в Женеве в1978 году вынужден был бежать в Великобританию. Где получил политическое убежище и по сегодняшний день пишет свои произведения. Наверно, моему тёзке и однокласснику Володьке Резуну было проще.

Слева на фото: суворовец А. Деркач, в центре я, в шинели В. Копыл и внизу В. Резун (будущий Виктор Суворов)

Сбежал Володя за бугор, придумал себе новое имя Виктора Суворова, «окопался» и пишет, что в голову взбредёт, и никаких политработников, никаких судов бесчестия. А здесь возишься, как в дерм…, с этим политотделом. Всё гораздо сложней и противнее, чем разбираться в засоренных и замороженных канализациях Мысовой и Дурбачей. Резун за бугром, видно, чувствует себя своим среди чужих, а я тут, как чужой, среди своих. Читателю, наверно, покажется странным такое моё упрямство в достижении своей реабилитации. Муж моей старшей сестры, Евгений, переживая за моё здоровье, много раз советовал мне плюнуть и забыть всё. Говорил, что если даже я пробью стену своей головой, то там ничего нового не увижу. Прислал мне свою фотографию около памятника тем, кто пробивает головой стены.

Интересовался, не мне ли его поставили. Я прекрасно осознавал, что драгоценный Божий дар – жизнь, который должен быть источником любви, я трачу на борьбу с «ветряными мельницами», всё время соприкасаясь со злом. Но беда в том, что всё это касается не только меня одного, а всех без исключения в той или иной степени. Мне не даёт покоя одно не доведенное до логического завершения дело – это коррупция в армии. Нет, читатель, я не настолько наивен, чтобы рассчитывать на победу в борьбе с коррупцией. Но в том, что есть пути решения этой проблемы, я уверен.

Одним из прямых доказательств наличия коррупции в Армии являются многолетние отписки по моему вопросу. Раньше мне отвечали, что «Ещё не пришло время», а теперь, что уже поздно. Увидев по ЦТ, как в гарнизонах замерзают солдаты, как издеваются друг над другом, невольно вспоминаю свою службу и наше бездарное руководство Вооружённых Сил, с которым очень хорошо познакомился особенно в последние годы. Конечно, сказано мной далеко не всё, что не даёт спать спокойно. Не даёт покоя очень важный, не терпящий отлагательства вопрос, оставленный без ответа и которому не дана должная правовая оценка. **Не оправдан громогласно Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск М. К. Шапошников, бывший заместитель командующего Северо-Кавказского военного округа (награждённый двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, медалями). В 1962 г. он отказался возглавить расстрел мирной демонстрации в г. Новочеркасске, заявив, что не видит перед собой**

противника. Демонстрацию в г. Новочеркасске расстреляли безнаказанно под другим руководством. Шапошникова М.К. исключили из КПСС и выгнали из Армии, когда он пытался этому преступлению дать огласку. Очень тихо (чтобы никто не знал), по-воровски, признали моё увольнение из армии приказом Главнокомандующего Сухопутными войсками незаконным. Признали, НО, не давая мне на руки никаких подтверждающих документов. Это как понимать? Где ЗАКОН? Или он по сегодняшний день не для всех писан? Полковник Кудинов исключён из партии и изгнан из армии за то, что на Съезде народных депутатов СССР рассказал о сосредоточении десантных войск под Москвой с полным комплектом боеприпасов для разгона демонстраций и митингов. Зло в зародыше не уничтожено. По настоящее время нет твердой оценки этим преступлениям властей. Нет твёрдого ответа на вопрос – стрелять или не стрелять и кто за это в ответе. Мне кажется, что вышесказанное в этой повести, что касается нашей армии, должно быть темой для открытого честного, широкого обсуждения по ЦТ без шума, но откровенно, ради общего блага. Мы в России – одна большая семья, и скрывать друг от друга нам нечего. Мы настолько сильны, что мнением потусторонних при обсуждении наших внутренних проблем можно пренебречь так же, как это делает руководство Китая. Это нас не ослабит, а сделает ещё во много крат сильнее.
В противном случае все выделенные на вооружения триллионы будут, как всегда, разворованы, новую технику мы обязательно угробим, а солдаты будут, как прежде, бить и убивать друг друга, убегать из армии и привлекаться к уголовной ответственности из-за безответственного отношения к службе бездарного военного руководства.

Прошло время, и план приведения войск в боеготовность изменили. Укрепрайонов в Заб. ВО, насколько мне известно, уже нет, нет и главного политуправления, но многое, что приносит армии и нашему государству огромный вред, ещё осталось.
Всё, что я доказывал и о чём говорю в этой повести, «лежит у всех под ногами». Все видят и молчат, не пытаясь исправить. Уверен, что в этих вопросах равнодушных людей не должно быть, что эти вопросы должны поднимать не только офицеры в звании капитана, майора, подполковника, а в первую очередь высокопоставленные, включая Министра обороны.
Очень хотелось бы сейчас посмотреть на наши Укрепрайоны – генеральские бредовые идеи, на которые израсходовано столько людского труда и огромных денежных средств. К сожалению, такие гарнизоны, как Дурбачи, превращены в развалины, вместо того чтобы найти для этих капитальных строений другое полезное применение. Но у нас привыкли строить и ломать, ломать и строить. Поэтому и живём в самой богатой по природным ресурсам стране так бедно.
Генералы по ЦТ весь бардак в армии сваливают на всеобщий бардак в

России, но в армии особые условия для обучения и воспитания. Генералы, конечно, об этом не знают, так как быстро бежали по карьерной лестнице, и этими вопросами им заниматься не приходилось. Армия, начиная с Суворовских, Кадетских, Нахимовских и прочих училищ, должна быть большой кузницей высококвалифицированных не только военных, но и гражданских кадров и молодых специалистов для нашей Родины.
В основу основ нашей армии должно быть заложено: «неприменение военного насилия против своего народа», воспитание личного состава, опираясь на вековые духовные и героические традиции наших предков.

Память

Давно закончилась война,

Оставив свой кровавый след.

Спит на могилах тишина,

Затихли радости побед.

Стоят повсюду обелиски,

Как будто выделяя грани:

России мирного труда

И смерти крик на поле брани.

Огни пылают обелисков,

Погибших в памяти храня.

И мы, их верные потомки,

Стоим, здесь головы склоня.

Спят вечным сном сыны Отчизны,

И музыка звучит для них,

Цветы живые говорят

О встрече мёртвых и живых.

Куда б ни шла моя дорога,

Зовёт к себе порой меня,

Словно к родимому порогу,

Тот факел Вечного огня.

Читателю, наверное, покажется, что у меня предвзятое отношение к генералам, потому что меня туда не пустили. В своей исповеди я называю фамилии генералов, таких, как: генерал-лейтенанта В.С Краева – бывшего командующего 36 армией, командующего округом Героя Советского Союза генерала армии Г.И. Салманова, Героя Советского Союза ЧВС ставки генерал-полковника М.И. Дружинина, Героя Советского Союза генерал-лейтенанта танковых войск М. К. Шапошникова, Героя Советского Союза, генерала Д.М. Карбышева, с которых надо брать пример. Но, к сожалению, мне приходилось очень часто встречать тех генералов, которых в пример не поставишь, но о них тоже нельзя молчать.

Глава 27
Опять уволен по статье

Наконец, я устроился работать на «Комбинат хлебопродуктов» мастером по ремонту оборудования. Специалистов по ремонту там и без меня хватало, и не хуже меня, но, как я понял, ждали именно меня. Сложно было привыкнуть к установленному на комбинате «порядку» по организации работ. Везде по территории комбината были разбросаны поломанные передвижные транспортёры или то, что от них осталось. Слесари привыкли получать оклад плюс пятьдесят процентов оклада премиальных за своё безделье. Предупредил всех, что они будут получать только оклад, а те, кто хорошо работает, будут к окладу получать не только свои премиальные, но и за того парня, который сачкует.
После этого объявления и первой получки нервы выдержали не у всех. Одни получили оклад, другие к окладу 100% премиальных. И началось. Конечно, слесарь принял для храбрости граммов 200 водки – и с монтировкой на меня за премиальными. Я попросил монтировку оставить, чтобы ему не стало хуже. Всё обошлось, и работа закипела. Каждый узнал, что монтировкой премиальных не заработаешь, и каждый получал только то, что заработал. Если у меня на работе с каждым днём проблем становилось всё меньше, то дома всё больше.

В первую же зиму, как только приехали в г. Армавир, в своей трёхкомнатной квартире мы мёрзли. В самой тёплой комнате у нас жила парализованная мама, с которой я занимался каждый день, чтобы она могла ходить и сама, без чьей-либо помощи, принимала пищу. Всё усложнялось тем, что на левой парализованной стороне у неё была поломана шейка бедра. Светлану она не очень слушала, и за моей спиной, пока я был на работе, они сачковали, отдыхая от моих занятий и от меня. Денег на еду и лекарства для матери катастрофически не хватало. Знакомый военный пенсионер меня спрашивал, почему я – подполковник, уволенный с высокой должности, не получил президентские 5000 рублей, как орденоносец, и с пенсией меньше, чем у него – майора запаса, бывшего замполита роты. Ответил, что это благодаря его собратьям я такой нищий.
Жильцы нашего и соседних домов уже давно писали жалобы по поводу плохого отопления и водоснабжения во все инстанции и получали отписки. Что такое иметь в доме парализованного человека и не иметь в доме воды, к счастью, знают далеко не все. За водой приходилось ходить через дорогу в строящийся дом, при наличии в своём доме водопровода. Читатель, наверно, уже понял, что долго молчать я не мог, и я подключился.

Работа на Армавирском комбинате «Хлебопродуктов» для меня закончилась через три года. Уже вся техника была отремонтирована, и лишняя в ожидании применения стояла закрытой в одном из освободившихся

от зерна складе. Из слесарей на работе уже никто не пьянствовал, зная, чем это может закончиться. Устранили «грунтовые воды» в нижних галереях, разобравшись с их источником, и привели транспортёры галерей в рабочее состояние. Но пришло время сокращения зарплат и плохого обеспечения спецодеждой. Для того, чтобы «выпустить пар», руководство комбината пригласило рабочих и мастеров нашего первого участка на собрание. От руководства «на арену цирка» был выпущен главный инженер. Один из моих слесарей выступил по поводу отсутствия резиновых сапог для работы в ещё не просохших нижних галереях и рукавиц, без которых зимой в морозы за металл не возьмёшься. Главный инженер, вместо того, чтобы поблагодарить слесаря за выступление и сказать, что обязательно доложит об этом директору, грубо оборвал его. Я заступился за своего подчинённого:
– Прошу меня извинить, но мы не сами пришли на это собрание, а нас пригласили. Уж, коль пригласили, так послушайте, о чём люди говорят!
На этом собрание закончилось, а меня вызвали к директору. Валерий Иванович Полевой спросил:

– Сам уйдёшь, Владимир Михайлович, по собственному желанию, или тебя уволить по трём статьям?
– Валерий Иванович, у меня хобби везде увольняться по статье.
Три статьи, как обещал мне Валерий Иванович, нарисовали быстро, и мы попрощались, но ненадолго. Я подал иск в суд.

Валерий Иванович выставил против меня «всю свою тяжёлую и лёгкую артиллерию».
Из моей статьи «Восстановлен в прежней должности» «Армавирская газета» 17марта 1995г.:
«27 декабря 1994г. заседание суда не состоялось из-за неявки ответчика. Рассмотрение дела перенесли на 13 января 1995г. Пятница – мой день по гороскопу, с утра не везло. Нанятый мной второй адвокат оказался в командировке. Третий отказался, узнав с кем предстоит суд. В своей работе «Что делать?» наш вождь ответил на этот вопрос однозначно: «учиться, учиться и ещё раз учиться», и я, последовав его совету, принял бой, полагая, что лучшего учения, чем собственный жизненный опыт, быть не может. Ответчик – представитель АО «Хлебопродукт» (комбината хлебопродуктов), невнятно задал вопрос, вызвавший недоумение присутствующих. Речь шла о документах из моего личного дела, хранящегося в военкомате, якобы доказывающих мою психическую неполноценность. Просил рассказать, за что и как я уволен из армии.
Слушанье по делу, сутью которого является спор между мной и руководством комбината о незаконном увольнении меня с работы, ещё только началось, и этот вопрос не был случайным. Стоит ли спорить с психически неполноценным? Попробуй любой из нас, в наше-то время, доказать свою полноценность, если кто-то, когда-то, в угоду кому-то, не имея на то никаких прав и оснований, прилепил тебе пожизненное клеймо.

Готовясь к суду, я перебирал все возможные варианты, ожидая любого сюрприза. Меня не удивило, что первый адвокат вышел из игры, не сломило и всё остальное, но этот вопрос… как чемодан с двойным дном. Даже ответив на него, у тебя остаются неприятные ощущения, которые выводят из равновесия, не дают возможность спокойно осмысливать происходящее. Это старый, знакомый мне приём, хорошо отработанный устоями нашей социалистической системы.
Что рассказывать? С чего начать?

В 1989г. читатели «Литературной газеты» в статье Л. Графовой «Эффект бумеранга…» были ознакомлены с историей «беглого подполковника». Все слышали о нём при выступлении народного депутата СССР А. Ярошинской на Первом съезде или читали в «Литературке» её статью (19 июля 1989г.) «Кто подрывает устои?» Этот вопрос затрагивала и другая пресса. Отшумела в то время в эфире со своими возмущениями и заграница. В Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Львове… проходили митинги, на которых люди говорили и принимали резолюции, требуя справедливости в отношении к подполковникам, которые по решению партийной организации управления дивизии на основании партийного расследования организовали и провели городской митинг вместе с ветеранами ВОВ. Очнувшись от шока на четвёртый день, местные власти г. Бердичева, партийные органы и военное командование организовали репрессии над участниками митинга, несмотря на признание Генеральной прокуратурой СССР этого митинга законным. Более двадцати горожан были оштрафованы, ветераны исключались из партии, отдельные бердичевляне лишались работы.

Меня с подполковником Рошковским за один день…(…). Всё это старо, как мир, но за кадром осталось многое, о чём в то время лучше было молчать.

В ходе первого заседания я ответил юристу из комбината, сославшись на прессу тех лет, но в голове было другое…

В промежутке между заседанием бюро и партийным собранием командир дивизии полковник Чёрный спросил меня:
– Если Вам прикажут расстрелять жителей г. Бердичева, Вы выполните приказ?

Я ответил, что армия создавалась для защиты отечества, а не для расстрела мирных жителей города.
– Вот видите, какой Вы офицер? – заключил Чёрный. (…)

Естественно, что партия – руководящая и направляющая сила нашего общества должна была предвидеть все варианты, вплоть до расстрела.

Главным палачом желательно было иметь в Бердичеве подполковника, возглавившего митинг и «заварившего кашу»…

После стремительного изгнания меня из партии со мной беседовал прокурор объединения полковник Крыштель. (…) Я спросил его: «Как комдив умудряется жить среди людей, которых готов расстрелять, и что с ним будет, если об этом узнают в городе?» …Сказал, что расстреливать надо тех, кто отдаёт преступные приказы, а не мирных жителей города на санкционированном митинге. Прокурор вскочил и… (…). Именно про эти телеграммы, называя их документами, говорил юрист на суде. Конечно, в личном деле им не место, т.к. это документ не специалиста, но… режим не прощает непокорных и, упустив возможность упрятать, они оставили мину замедленного действия, которая должна сработать при моём трудоустройстве на ответственную работу или в самый роковой для меня час, как сейчас… Взяв себя в руки, я молча слушал чиновника, обливающего меня грязью. Его усердие поражало. Зачем человеку преклонного возраста, ветерану войны, так унижать себя? Что его заставляет? Деньги? Сколько мы стоим скопом или каждый в отдельности? За юристом комбината последовали другие, выполняющие ту же задачу. Их речи и ответы на мои вопросы были не всегда сдержанны. На мой взгляд, они играли роль, даже не вникнув в её суть и не замечая своих проколов. Невольно вспомнишь: «Отче! Прости их, ибо не знают, что делают». У нас в государстве не принят в суде ритуал, положив руку на Библию, произносить клятву: «Клянусь говорить правду и только правду», а роспись об ответственности за дачу ложных показаний мы воспринимаем, как формальный процесс нашего бытия. Нам ведь всю жизнь врали и сейчас врут. «Земля – крестьянам, заводы и фабрики – рабочим», обещали и по сей день обещают. А сколько нам врали по пути к коммунизму? Потом выяснилось, что не в ту сторону шли, истребляя миллионы своих соотечественников. Так что без вранья нам никак нельзя. И мы врём, забыв о чести и совести. Врём по приказу и без, где надо и не надо. Вот так и живём во лжи, обвиняя и оговаривая друг друга.
С самого начала судебного процесса мне показалось, что представитель прокуратуры предвзято относится к рассмотрению дела, и после перерыва я выразил ей недоверие, но судья актом отказала мне в её замене и отстранении. С этого момента претензий у меня к представителю прокуратуры не было.

В формулировке приказа моего увольнения значилось, что уволен по п.3 ст.33 КЗОТ РСФСР, что означает, «систематическое неисполнение рабочим или служащим без уважительных причин обязанностей…». Но этого показалось мало, и мои «почитатели» решили, что не помешает и п.2, из которого следует, что я не соответствую занимаемой должности по причине моих низких профессиональных качеств. Оценив бедственное положение в стране и вспомнив, что приказ следует исполнять любой ценой, добавили из п. 1 о сокращении производства. Впервые о грядущем сокращении я узнал

после моего короткого выступления на собрании 1-го производственного участка в защиту слесаря, пытавшегося высказать свои претензии по поводу плохого обеспечения спецодеждой. Желающих помочь Полевому оказалось больше, чем я ожидал, и заседание суда пришлось продлить, назначив на 10 февраля 1995г. (…)
Вспоминая о происшедшем на суде, ожидая его продолжения, я ещё и ещё раз поражался выступлению своих оппонентов. Наверно, можно в какой-то степени понять ещё молодого, жаждущего перспективы главного механика Ю.Я. Караптана, доказывающего, что я, имея высшее образование и документы на право эксплуатации всех видов бронетанковой и колёсной техники, «не в состоянии отличить болта от гайки». Но рвение начальника участка пенсионного возраста А.М. Ткаченко меня потрясло. Ранее, даже перед моим увольнением, заявлявший мне: «Как к механику, у меня к тебе претензий нет, но твои выступления на собраниях…» – сейчас обвинял меня в угрозе расстрелом механика элеватора Мараховского в ходе возникшего между нами конфликта. Идея, бесспорно, заслуживает внимания, но я никогда не имел таких полномочий и желаний. Эти слова ему пришлось забрать назад. Хорошо в нашей пещере, называемой государством, захотел – дал слово, захотел – забрал, и «как с гуся вода».
Как-то этот начальник рассказывал, как он устраивался на работу. Привёз его партийный секретарь к директору (…).

Сидел я и думал, что по этой классической схеме строилась система нашего общества в течение более семидесяти лет, а теперь расхлёбываем, поглядывая за рубеж с отвисшей челюстью. Но другой Родины у нас нет и быть не может. Многие из нас хают армию. Уж мне, казалось бы, этим заниматься в первую очередь, зная её изнутри с суворовской скамьи в течение тридцати лет, но, увы. **Там служат наши дети, мужья, а сейчас и жёны, и они не могут быть плохими. Причина в другом. У Суворова, Кутузова, Жукова – не было и не могло быть плохой армии, и все мы это знаем. Но наше беспредельное терпение, трусость и желание выжить в одиночку приносит свои плоды, унося жизни молодых парней, мечту и надежду их матерей и невест. Но нас это устраивает, и мы молчим, во что бы то ни стало, надеясь, что пронесёт.**
Затевая судебный спор с Полевым В.И., я был предупреждён рабочими, что у него всё куплено вплоть до Москвы, но моя неугомонная натура требовала: «Проверь!».

«Поставленный к стенке» вопросами, ответчик признал, что главная причина моего увольнения – это замечания инспектора Замятина, указанные в приказе, а остальное – блеф. Но после того, как я попросил вычеркнуть из приказа всё, не касающееся меня, выяснилось, что основные виновники всех безобразий, включая того же начальника участка Ткаченко, продолжают работать и увольняться не собираются, а ко мне ни одно замечание инспектора не относится. Это подтвердили и те, кто изо всех сил пытался

меня растоптать в угоду Генеральному.
Несмотря на безукоризненное поведение судьи, я всё же ждал худшего, где-то в глубине души надеясь найти хоть мизерный просвет в человеческом сознании и так необходимое нам сейчас – понятие совести.
В сущности, можно было бы и не судиться. Уйти «по собственному желанию», как делают все нормальные люди, и не портить себе нервы. Ведь здоровье дороже любых моральных возмещений. Беспокоило одно: «До какой поры это… будет держать верх? Как долго ещё люди будут стоять на коленях, выпрашивая ими же заработанное, и кидаться на брошенную им кость, забыв все обиды и унижения?»
10 февраля 1995г. – опять пятница, но на этот раз с адвокатом. Беглое повторение пройденного. Свидетели все из той же обоймы: Месхидзе А.Х. и Мараховский. Очень старались, но не по существу. Документы по моему обвинению, представленные в суд, изумляли своим безумством и отсутствием элементарной логики. Тщетно пытаясь найти здравый смысл, судья задавала вопросы, но вместо ответа извергалось…, характеризующее ответчиков. Случайность всё это или закономерность? Ведь «у плохого скота и хозяин под стать». Адвокат Кузьменко Н.В. опровергла всё и заключила, что суть приказа и особенно формулировка увольнения доказывают их бессмысленность и неправомочность, следовательно, требует их немедленной отмены и возмещения ущерба.
Заседание суда переносится на понедельник. Признаюсь читателю, что вспоминать всё вышесказанное и тем более писать для меня не удовольствие. Но такая уж у нас жизнь, как на помойке, со всеми её «благоуханиями и прелестями». Трудно представить обычного рабочего на моём месте, не имеющего опыта в подобной борьбе. Что опровергать и доказывать, если в каждом слове сплошная ложь? Нас стравливают, лишая привилегий одних и возвеличивая других. «Разделяй и властвуй» – основной принцип, средство достижения цели.
13 февраля 1995г., завершая судебный спор, представитель прокуратуры Комкина Т.Н. обвинила меня во всех смертных грехах и замечаниях гостехнадзора. У меня создалось впечатление, что она вообще отсутствовала в ходе разбора фактов и руководствовалась лишь дружескими отношениями с ответчиком от комбината. Суд удалился на совещание.
Томясь в ожидании развязки, я напоминал себе неудовлетворённого боксёра с рассечённой бровью, отчётливо видевшего все свои промахи и упущенные возможности. С трудом гасил в себе жажду начать всё заново, привлекая к ответственности каждого за дачу ложных показаний.
Заходя в зал, я увидел радостные лица пожилых женщин – заседателей и понял, что есть ещё люди, неравнодушные к справедливости и отвергающие беспредел власти.

Судья Прищепова Л.Д. огласила постановление суда…
Нет, господа, у нас ещё не всё продано!
Информация к размышлению:

– Из заслуживающих внимание источников мне стало известно, что Т.Н. Комкина не имела право представлять прокуратуру в суде по причине совместной работы в прошлом с Золотовым П.Е. ответчиком от комбината;
– Полевой В.И. принял решение – ущерб комбинату, причинённый судебной волокитой и постановлением суда, восстановить за счёт лиц, проваливших «операцию».

ОТ РЕДАКЦИИ: 14 февраля 1995г. по приказу №28 Владимир Михайлович был восстановлен в прежней должности. Надолго ли?

После суда, на следующий день, я прибыл в кабинет к Валерию Ивановичу с судебным решением, и тот поздравил меня с победой. Я напомнил ему его слова: «Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак» и сказал, что в этой поговорке бывают исключения. Валерий Иванович спросил, не против ли я, чтобы мою должность на комбинате сократили. Я ответил:

– Боюсь, что без меня Вам, Валерий Иванович, будет очень скучно, но не против, если всё будет сделано по закону.
– Конечно, Владимир Михайлович, сейчас за два месяца мы Вас письменно уведомляем о сокращении, (Вы пока уходите в оплачиваемый отпуск), а потом получаете оплату по сокращению, как положено.
Как мужик, Валерий Иванович мне нравился, и могли бы с ним хорошо сработаться, но не нашли общего языка.

В декабре 1995г. умерла моя мама.

Пока я «воевал» с чиновниками из-за плохого отопления и водоснабжения в 1999г. во Владикавказе родилась внучка Диана, и мы со Светланой поехали забирать её с Анжеликой из роддома.

Глава 28
Чечня (солдат послали умирать)

Сын после училища получил направление во Владикавказ. В Чечне уже шла война. Мои друзья на Украине (без моего участия) через своего министра обороны добились изменения назначения Андрею на г. Майкоп, который почти рядом с г. Армавиром. Но у Андрея мой характер, и он поехал по месту первого назначения в разведывательный батальон г. Владикавказа и сразу попал в Чечню. Признаюсь читателю, что я не равнодушен к этой чеченской нации, которая может постоять за себя, не склоняя голову ни перед кем. И мне больно было смотреть на то, что там происходит из-за наших бездарных политиков. «Бьём своих, чтобы чужие боялись». Но генералам нужна война, и страна воюет. Какая разница, с кем воевать, в кого стрелять, кого сапёрными лопатками рубить? Главное, чтобы все боялись: и свои, и чужие! От Андрея долго не было вестей. Мне снится сон: – «Я еду в Чечню на «ГАЗ-66», разыскивая своего сына. Попросил водителя остановиться около посадки и пошёл по ней пешком. Увидел рядом лежащих шесть голых мужчин. С них была снята вся кожа. Один из них открыл глаза и говорит: «Папа, ты опоздал!» Я узнал Андрея.
– Сынок, моей кожи нам на двоих хватит, только не умирай. Погрузил всех в машину и… проснулся в холодном поту». Собрал вещмешок и поехал искать сына. В феврале 1995года из г. Владикавказа в Чечню я ехал в головном бронетранспортёре, который возглавлял дивизионную колонну машин и был в качестве боевого охранения. Всё, как должно быть. Пулемётчик на месте у пулемёта, готовый в любую минуту открыть огонь. Водителем этого бронетранспортёра был «партизан», призванный из запаса. Сосед мне шепчет, что скоро этот БТР должен, как всегда, поломаться, и дальше колонна пойдёт без боевого сопровождения. Как это ни странно, но в самом деле вскоре мне пришлось пересесть в «ГАЗ-66», а БТР остался «ремонтироваться». Когда мы проезжали одну из деревень, дорогу нам перебежала кошка, и я, вспомнив кошкину мать, сказал водителю, что это не к добру. Выехали в степь, и машина заглохла. Попросил водителя готовить трос и доставать ключи. Сказал, что будем разбираться. Водитель ответил, что ни троса, ни ключей в колонне ни у кого нет. На эти машины их посадили только сегодня утром, и никакого инструмента им никто не давал. У меня не укладывалось в голове, как это может быть. Идут боевые действия, гибнут люди – и такая беспечность. В Бердичеве «воевал», когда пацанов морозили на полигоне, а тут война, тут свои убивают своих…
Несколько раз пробовал заводить машину, но не получалось. Быстрей всего бензин был с водой, бензин кончился, а вода осталась. Оставалась одна надежда на техзамыкание колонны, уж там наверняка должны быть и любые инструменты, и трос или жёсткий буксир. Колонна прошла мимо, а никакого техзамыкания в колонне не было. Мы остались с водителем одни. Такого бардака во время боевых действий я никак не мог ожидать. Прошёл час или

чуть больше, и я увидел, что подъезжает ещё один «ГАЗ-66». Стал голосовать. Майор, выглянув из машины, сказал, что у него тоже ни ключей, ни троса нет, и единственно, чем может помочь – подарить нам на всякий случай пару гранат. Майор со своим водителем поехали дальше, а мы опять остались одни. Солдата ругать было бесполезно, да и не за что. Он же не знал, что призывают его в такую армию и что здесь такая проблема с ключами. В военкомате тоже не предупредили, что с собой необходимо в армию ключи брать…

Я не переставал удивляться безграничной безответственности наших генералов, которые возглавляли такую армию. Не зря говорят, что «рыба гниёт с головы». Как можно так организовывать автомобильные колонны да ещё во время боевых действий? Почему не требуют, почему не контролируют, не учат? Неужели их учили в академиях только стрелы рисовать, а про солдата совсем забыли? Или надеются, что бабы новых солдат нарожают, а этих не жалко? Неужто при Сталине у нас всех умных генералов перестреляли, а теперь только такие?

Вижу: бежит какой-то солдатик, чёрный, как негр, с автоматом. Крикнул ему, а он остановился, взглянул в нашу сторону и рванул в другую. Понял, что он уже от всех бегает: и от своих, и от чужих, наверно, не знает, кто для него хуже. Наконец, подошла машина с тросом. Дёрнули, но всё равно не заводится. Поехали на буксире, но недолго. Ведущему надо поворачивать в другую сторону. Попросил его, чтобы оставил нас в таком месте, чтобы никто не мог объехать.

Стоим. Слева – окраина леса, справа – обрыв. Место расположения нашей артиллерии уже проехали. Видел, как, охраняя орудия, ходил часовой, в ожидании пули из снайперской винтовки. Какой дурак придумал такую охрану, чтобы всегда можно было сориентироваться, где часовой и как лучше его убрать?

Слышу: сзади подошёл танк с БТУ. Жду, что скажет. Приятно было услышать что-то очень знакомое, трёхэтажное, что у нас называется родной речью, и угрозу сбросить нас в обрыв. Но он ещё не слышал меня:

– Да я тебя сейчас… твою мать… . …….. . ….. .

Танкист сразу признал во мне родственную душу и спросил, что надо? Сказал, чтобы подогнал свою «лопату» БТУ мне под задний борт и толкал меня в г. Грозный. Мы опять поехали с боевым сопровождением. Меня не оставляла мысль, что без меня бы делал этот солдатик, которого сегодня сунули в эту машину и отправили умирать?

Не доезжая до Грозного, опять остановились. Танкист, извиняясь, сказал, что торопится и ему надо в другую сторону. Опять стоим, оба ловим попутную машину. Смотрю: небольшая группа (человек 10) с оружием, пересекая поляну, уходит в лес. Спрашиваю водителя:

– Где твой автомат?

Тот заскочил в машину и притащил его мне.

– Ты мне не давай, сам будешь отстреливаться, если придётся.

– А я с него только один раз недавно стрелял перед присягой, да и то не знаю, попал или нет.

Я подумал, что этот пацан меня сегодня добьёт своим откровением.

– Ты когда призвался?
– Этой осенью!

– А как на войну попал?

– Да в нашей колонне, которая ушла, все такие.
Мне очень хотелось спросить у нашего Верховного Главнокомандующего Бориса Николаевича, как можно служить в такой армии, которой командуют такие полководцы? Стоило ли делать перестройку, чтобы иметь такой результат?

Наконец, поймали водовозку. Водитель с бородой, в камуфляже. Непонятно, наш или уже не наш.

– Ты куда едешь? –
А Вам куда? –
А нам туда, куда воду везёшь, давай, цепляй, и поехали, а там разберёмся. Куда-то приехали. По центру ящики с боеприпасами вокруг какого-то бывшего фонтана. Почти рядом штабная машина. Никто не останавливал, никто не интересовался, кто такие, друзья или враги со взрывчаткой в гости заехали. Никакого охранения. При желании всё это легко можно было взорвать. Зашёл к офицерам. Сказал, что ищу сына. Здесь меня ждала добрая весть. Оказалось, что Андрей недавно загружался боеприпасами. Спросили, где я служил. Опять попал в десятку: полковник, задавший вопрос, уехал с «Голубой дивизии» перед моим приездом, а был там заместителем комдива по тылу. Из этого следовало, что бронетранспортёр мне не дадут, чтобы ехать к сыну, пока не остограммимся.

После небольшой трапезы привезли меня к огромному зданию министерства строительства и архитектуры, в подвале которого разместился разведывательный батальон подполковника Кукова В.П.. Комбат

встретил меня хорошо, а Андрей был на задании. За полночь мы уже сели за стол, когда в распахнутую дверь вломился мой «маленький» (1м 92см ростом) сыночек.

На душе напряжение спало. Мог потрогать его, живого и здорового. Со своей службой и последними событиями я даже не заметил, как наш маленький Андрей вырос. В Чечне Андрей прошёл всё: и с парашютом попрыгал, и в горном спецназе повоевал. Глядя на праздничный стол, я сказал, что их неплохо кормят, на что офицеры ответили:
– Это мы питаемся по-барски благодаря заготовкам в чеченских подвалах, а войска нашей прославленной Красной армии еле сводят концы с концами. Даже с водой большие проблемы.

Я рассказал им про кошку, которая перебежала дорогу, после чего начались неприятности. А они мне про все приметы, которые здесь сбываются. И кто напишет домой, что всё хорошо, обязательно будет плохо. Вспомнили про несколько происшедших у них случаев. На следующий день сын показал мне, как их разведчики проверяют своё оружие на портретах членов политбюро. Сколько ни дурачь людей всякими коммунизмами и социализмами, а правда всё равно наружу вылезет.
В стороне стоял только один невредимый портрет Андропова. Среди этих портретов не хватало тех, кто организовал эту бойню и делал на ней большие деньги, подставляя таких необученных пацанов, с каким я добирался в Грозный. Рядом с сыном я чувствовал себя на седьмом небе. Ещё бы – он живой и всё время рядом. Андрей закурил, а я забрал у него сигарету и сказал, чтобы этого больше не видел, так как одного дурака в нашей семье достаточно. Больше он не курил, а я ещё долго травил себя и только в 2010г. бросил курить. Вернувшись от сына и успокоив жену, я решил заняться отоплением дома всерьёз.

Глава 29
«ЖИЛХОЗ» против «Тепловых сетей»

Читатель может подумать, что живёт в своём частном доме, и мой рассказ о предоставлении услуг по теплоснабжению ненадлежащего качества его не касается. Это не совсем так. Представь, что едешь из своего дома на службу и вместе со своей машиной проваливаешься в яму с горячей водой. Скажешь, что лучше не надо. Я тоже так думаю, но от этого никто не застрахован. Такое бывает и не редко, только об этом горе мы не всегда знаем. Это касается каждого из нас. То, о чём я сказал, тесно связано с качеством энергоснабжения потребителей и стоимостью оплаты этих услуг.

В суровых забайкальских условиях мне приходилось давать людям тепло, а сейчас, на Кавказе, пусть даже северном, но Кавказе, приходится мёрзнуть. Одно дело – делать самому, и совсем другое – пытаться заставить делать того, кто не знает, что надо делать, но имеет высшее образование по этому профилю и считает себя лучшим специалистом, лучше которого быть просто не может. А может быть, знает, но кому-то надо так всё запутать и замутить, чтобы легче было «рыбку ловить».
Первый раз с иском в суд от жильцов дома я обратился в 1993 году. Председатель суда внимательно посмотрел копии жалоб во все инстанции за многие годы, отписки на них и поставил резолюцию: «К рассмотрению», направив меня к судье Лозановой Л.П.. Судья, взглянув на пачку документов, швырнула их на стол и закричала, что рассматривать это дело не будет. Трудно было понять, чем вызвана была эта истерика, но мне опять пришлось идти к председателю. Позже я понял, что в суде есть такая «игра в футбол» – футболить будут тебя до тех пор, пока тебе не надоест бегать в поисках правды и справедливости. Долго мне пришлось бегать к этой Лозановой Л.П.. Уж чего только о ней не наслушался, но не мог поверить, что всё это возможно, и продолжал надеяться, что справедливость восторжествует. Но, увы. Видел бардак в армии, думал, что на гражданке проще, но оказалось, что суть та же. А люди продолжали мёрзнуть и писать жалобы. Меня поражала глупость в отписках, где указывалась причина плохого отопления и водоснабжения, а также то, **что** эти «специалисты» собираются делать для улучшения положения дел. В отписках нас ежегодно ставят в известность, что «…намечен ряд мероприятий по нормализации отопления». Оказывается, что «…подача питьевой воды (в наш залитый подвал) осуществляется по графику». И всё в порядке, но в доме нет ни тепла, ни воды. Кто-то отдыхает на должности, кто-то ежемесячно получает зарплату за то, что издевается над людьми и пишет отписки. «Специалисты» сообщают: «…С целью улучшения теплоснабжения … произвели замену участка теплотрассы с увеличением диаметра…» Они же признаются «…что были проведены работы… Однако, улучшения теплоснабжения дома не произошло». «Стройдормаштехника» в своей отписке утверждает: «…При

наружной температуре выше 0 градусов температурный график соблюдается…». Это как? Мы и без них знаем, что летом, когда выше 0 градусов, – будет тепло.
Предложил жильцам дома своими силами вскрыть трассу водоснабжения около дома до первого колодца, чтобы найти повреждённые трубы. Но меня спросили: «Что дальше?» Сказал, что дальше проблему буду решать я. Желающих копать не нашлось. Светлане сказал, что приду завтра с работы и начнём копать. С работы пришёл, а она уже копает. К нам потихоньку начали подключаться остальные жильцы дома. Когда трасса была вскрыта и в прогнивших трубах были видны трещины, я пригласил специалистов «ЖИЛХОЗА». Те внимательно всё осмотрели и «обрадовали» нас, сказав, что новых труб нет. Я тоже их «обрадовал», что подожду до первого снега, а потом закопаю их в эту трассу живьём, если она не будет сделана. Так появилась у нас вода с хорошим давлением. Осталось решить проблему с отоплением.

Чтобы иметь на руках неопровержимые доказательства ненадлежащего теплоснабжения, мы купили и установили в доме теплосчётчик, ежемесячные распечатки которого и будут письменными доказательствами. Купить и поставить было несложно, но… как преодолеть в суде то, что преодолеть невозможно? В мою квартиру позвонили. Открыл дверь и увидел целую «делегацию» из работников ЖКХ и ещё кого-то. Вышел в подъезд и закурил. Понял, что опять приехали «вешать лапшу» по поводу хорошего отопления. Один из гостей сделал мне замечание за то, что в его присутствии я без его разрешения закурил. Я спросил его, кто он такой, чтобы я спрашивал у него разрешения в своём подъезде? Он представился ИО городского прокурора Фролов, сказав, что своим поведением я выказываю к нему неуважение. Как-то в Армавирскую городскую прокуратуру заходил мужик с гранатой искать правду или выразить своё уважение, а здесь они сами ко мне пришли и уважения к себе требуют:

– А за что я должен Вас и нашу городскую прокуратуру уважать, в которой сидят бездельники? - спросил я. - Жильцы нашего дома десятилетиями пишут вам жалобы, и никто не реагирует.
В это время из соседней квартиры вышли ещё несколько человек с градусниками, где замеряли температуру. И я спросил:

– Вы что там делали, господа? Вы почему в присутствии прокурора нарушаете закон и при наличии общедомового счётчика ходите по квартирам с градусниками? Люди, спасаясь от холода, благодаря вашему безделью, обогреваются газовыми плитами, травя свои семьи отработками газа, электронагревателями, неся дополнительные расходы, а Вы, измеряя температуру в квартирах, пытаетесь доказать, что тепло, и Вы хорошо работаете? Прокурор попросил меня открыть узел ввода, где размещался теплосчётчик. Я открыл и сразу обратил его внимание на манометры,

установленные на подающем и обратном трубопроводе, которые показывали одинаковое давление. Сказал прокурору, что дальше уже можно ничего не смотреть, так как это доказывает: циркуляции теплоносителя нет, и система не работает. Прокурор спросил у прибывших с ним специалистов, прав ли я. Те кивают головами, соглашаясь со мной. Спросил у меня, в чём причина. Я пригласил всех во двор и, указывая на дерево, попросил найти на нём хоть одну ветку, размещённую к стволу под прямым углом. Сказал, что лучшей теплотрассы, чем сделал Бог, никто не придумает. А у нас по всей теплотрассе местные сопротивления при перпендикулярных врезках без отводов. Устранение этих сопротивлений уберёт основную массу проблем. Фролов опять посмотрел на специалистов, а те опять кивают головами. Прокурор всё понял и прислал ответ на моё имя, однако в его ответе «специалисты» опять вставили своё расширение труб. В стране еще не было принято, чтобы кто-то из физических лиц выигрывал суды у муниципального или любого другого предприятия, которые могут дать указания суду или хорошо заплатить. Решил, собрав все доказательства, столкнуть в суде лбами две юридические организации, чтобы они спорили между собой, доказывая, кто из них прав, а кто виноват: «ЖИЛХОЗ» против филиала ОАО «ТЕПЕК – Тепловые сети», назвав их в своём иске ответчиками. Они вынуждены были давать показания друг против друга, а я «подливал масла в огонь», подбрасывая новые факты**.** Как рефери на ринге, вместо инструктажа перед боем я выложил им их отписки, которые противоречили друг другу. Рассчитывал на то, что они должны лучше меня знать «тонкие места» в этой системе, и кто за что в ответе. Очень трудно было доказать прописную истину, что при перпендикулярной врезке горячий теплоноситель, возвращаясь с объекта в теплотрассу, под давлением десятилетиями бьёт в одно и тоже место трубы центральной теплотрассы. После чего идёт отдача назад и равномерное разделение векторных сил, как в одну, так и в другую сторону, что создаёт местное сопротивление, замыкая циркуляцию теплоносителя в трассе. В суде мне помог ответ прокурора. Со временем теплоноситель пробивает стенку трубы в центральной теплотрассе и размывает грунт. Аварии на трассе в Москве, Ленинграде и в других городах, когда машины проваливаются в ямы с горячей водой, наших «специалистов» ничему не учат. В Армавире в такой яме сварили женщину. Но устранять нельзя. Всё будет слишком просто и прозрачно. Не надо будет строить дополнительных отсасывающих станций для улучшения циркуляции. Не нужны будут дополнительные насосы в эти станции. Труднее будет «вешать лапшу» и мутить воду, чтобы в ней что-то серьёзное можно было поймать. Гораздо больше увеличится срок эксплуатации центральной теплотрассы, и сложнее будет воровать. Надо же на что-то списывать украденное? Я уверен, что читатель уже понял, о чём идёт речь, и не может быть, чтобы главный инженер этого не понимал. Параграф № 6 «Энергоснабжение» Гражданского кодекса РФ писали умные люди, но ни одна статья этого ЗАКОНА не исполняется, и исполняться не может, так как практически всё

делается или глупыми, или нечестными людьми. В конце концов удалось доказать, что система центрального отопления в городе спланирована и заложена неправильно, В суд, кроме ежемесячных распечаток теплосчётчика, был представлен расчёт оплаты услуг ненадлежащего качества в соответствии с ПРАВИЛАМИ. Из представленного расчёта следовало, что за такие услуги платить должен не потребитель, а потребителю. От имени жильцов двух многоквартирных домов мы выиграли суды, доказав, что эти статьи ЗАКОНА на практике не действуют, а все установленные в домах теплосчётчики, работающие вне расчётных параметров, используются не для подсчёта потребляемой тепловой энергии, а для обмана потребителей. К сожалению, эта проблема не одного, а всех городов России. Устранение её дало бы большую экономию и прекратило бы этот маразм, противоречащий законам физики и векторной алгебры. Целью я ставил «добить» в судебном споре главных инженеров, но главные, свою нечистоплотность взвалили на «мощные» плечи молодых юристок. Мне жалко было смотреть на молодую симпатичную девчонку из филиала ОАО «ТЕПЕК – Тепловые сети», которую её должность вынуждала краснеть и лукавить, глядя в глаза, защищая интересы своих работодателей. Проиграв три суда, она сменила место работы и, встретив меня, извинилась за то, что вынуждена была со мной спорить в суде.

Прокуратура Российской Федерации
Прокуратура Краснодарского края

ПРОКУРАТУРА
г. Армавира

352900, Краснодарский край,
г. Армавир, ул. Р.Люксембург,101,
Тел./факс.: 3-31-56

от 25.01.07 № 223ж-07/2ж-4

г. Армавир
ул. Пионерская, 59, кв. 8
Чащевому В.М. и другим

Ваша жалоба о несогласии с результатами разрешения предыдущего обращения в прокуратуру г. Армавира рассмотрена.

В дополнение к ранее данному ответу разъясняю, что прокуратурой г. Армавира принимаются все предусмотренные действующим законодательством меры, направленные на защиту прав граждан в пределах компетенции, предоставленной Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации».

Действительно, проблема нормализации теплоснабжения района в котором находится Ваш дом существует длительный промежуток времени.

В целях более полного объективного и всестороннего исследования доводов Вашей жалобы было принято решение провести проверку с выходом на место с привлечением соответствующих специалистов.

Как установлено в ходе комплексной проверки с участием представителей МПП «Жилхоз» и филиала ОАО «ТЕПЭК» «Тепловые сети» г. Армавира основной причиной в нарушении теплоснабжении района является неправильная планировка системы центрального отопления.

По результатам проверки в целях устранения имеющих место нарушений руководством филиала ОАО «ТЕПЭК» «Тепловые сети» г. Армавир принято решение о замене подводящей тепловой сети диаметром 50 мм на тепловую сеть диаметром 80 мм.

Указанные работы будут выполнены до 1 февраля 2007 года.

И.О. прокурора г. Армавир
советник юстиции С.В. Фролов

Утверждены
Постановлением Правительства
Российской Федерации
от 23 мая 2006 г. N 307

ПРАВИЛА
ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ ГРАЖДАНАМ

Приложение N 1
к Правилам предоставления
коммунальных услуг гражданам

УСЛОВИЯ
ИЗМЕНЕНИЯ РАЗМЕРА ПЛАТЫ ЗА КОММУНАЛЬНЫЕ УСЛУГИ
ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО
КАЧЕСТВА И (ИЛИ) С ПЕРЕРЫВАМИ, ПРЕВЫШАЮЩИМИ
УСТАНОВЛЕННУЮ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ

за каждый час
отклонения температуры
воздуха в жилом
помещении (суммарно за
расчетный период)
размер ежемесячной
платы снижается:
на 0,15 процента
размера платы,
определенной исходя из
показаний приборов
учета за каждый градус
отклонения
температуры;
на 0,15 процента
размера платы,

Из решения судов от 20 марта 2008г. и от 04 марта 2009г. по искам жильцов дома № 59 по ул. Пионерской, а также от 30 сентября 2008г. по искам жильцов дома № 4, пер. Новороссийский, следовало, что предоставляемые нам коммунальные услуги по энергоснабжению ОАО «ТЕПЭК – Тепловые сети» признаны услугами, не соответствующими надлежащему качеству. Суд обязал ответчика произвести перерасчёт оплаченных услуг за два отопительных сезона 2006-2007, 2007-2008г.; устранить нарушение в срок не позднее начала отопительного сезона 2008-2009г.; выплатить собственникам квартир за нанесённый моральный вред по 3000 рублей. Война с «Тепловыми сетями» длилась долго. Что только они ни делали, отчитываясь перед нами, но почему-то делали не то, что мы от них требовали, и тут же признавали: **«…Однако, улучшения теплоснабжения дома не произошло».** Адвокаты в Армавире просили рассказать им, как мы умудрялись выигрывать суды. **Но не выиграть суды, было главное, не вернуть себе награбленное, а обнажить и устранить**

проблему. Копия из паспорта теплосчётчика с заштрихованным для наглядности текстом подтверждает вышесказанное:

Подключение DIO-99M и расположение разъемов на корпусе прибора приведены в Приложении 1.

Опробование прибора.

При опробовании теплосчетчика проверяют функционирование задействованных каналов измерения расхода и температуры. Опробование теплосчетчика проводят в рабочих режимах или в режимах при которых измеряемые параметры находятся в пределах диапазонов, указанных в РЭ на теплосчетчик, в условиях узла учета тепловой энергии. В систему подают теплоноситель и после установления режимов потока контролируют по показаниям вычислителя значения тепловой энергии, объема, расхода и температуры.

Обновление значений тепловой энергии, объема и массы производится с периодом ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ. Значения расхода G1 и G2 [м^3/ч] носят оценочный характер и не имеют конкретных погрешностных оценок.

Теплосчетчик считают работоспособным, если выполняются условия работоспособности каждой его составной части, показания контролируемых параметров расхода и температуры устойчивы и находятся в пределах диапазонов показаний, указанных в РЭ, а показания значений тепловой энергии, массы и объема изменяются в нарастающем порядке.

Решения этих судов по настоящее время должным образом не исполнены. Общество с ограниченной ответственностью «СТРОИДОРМАШТЕХНИКА», отвечающее за энергоснабжение, превратилось в ОАО «ТЕПЭК – Тепловые сети». Уклоняясь от ответственности и исполнения решения суда, последнее сменили название своей организации на МП г. Армавира «Теплосеть». В нарушение п.2 ст.59 ГК РФ МП г. Армавира «Теплосеть» (при поддержке судей) объявило себя неправопреемником, продолжая вымогать долги с потребителей за услуги ненадлежащего качества, которые предоставлялись ОАО «ТЕПЭК – Тепловые сети». Не исполняя требования п.3 ст.60 ГК РФ о солидарной ответственности по обязательствам реорганизованного юридического лица перед его кредиторами и не устранив нарушения в «НЕПРАВИЛЬНОЙ ПЛАНИРОВКЕ СИСТЕМЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ОТОПЛЕНИЯ», затрудняющие циркуляцию теплоносителя, МП г. Армавира «Теплосеть» (с тем же руководством), продолжало взимать с потребителей плату в полном объёме за услуги, не соответствующие надлежащему качеству. После получения очередных претензий и исковых заявлений оно

опять сменило своё название на ООО «Армавиртеплоэнерго», утверждая в суде (при поддержке судьи Л.П. Лозановой, игнорируя требование закона), что они неправопреемники.

На мой вопрос к специалистам по теплосчётчикам: «Почему у нас не соблюдаются требования к работе теплосчётчиков в условиях обязательного исполнения расчётных параметров?» - Мне ответили:
– Мы живём в России! Осталось только вспомнить и согласиться с Фёдором Тютчевым:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить».

Ввиду того, что у нас условия работоспособности каждой составной части теплосчётчика нарушаются, показания контрольных параметров расхода и температуры НЕУСТОЙЧИВЫ и находятся вне пределов показаний, указанных в руководстве по эксплуатации, ВСЕ НАШИ ТЕПЛОСЧЁТЧИКИ считаются НЕРАБОТОСПОСОБНЫМИ. Использование их по всей России без устранения вышеуказанных недостатков – есть не что иное, как наглый обман и грабёж потребителей. Последний судья, который вынужден был принять неправосудное решение по энергоснабжению ненадлежащего качества и откровенному грабежу потребителей, был В.П. Притулин, заявивший, что это – глобальная проблема и её надо решать в арбитраже. Но в арбитраже считают, что всё должно решаться на месте.
В прокуратуре уже поняли, о чём идёт речь и в чём проблема. В судах мы тоже доказали, что нас грабят со времён строительства коммунизма, предоставляя услуги ненадлежащего качества. Заставили «специалистов» из «Тепловых сетей», уклоняющихся от исполнения судебных решений, менять названия своих организаций, как делают все криминальные профи. И всё-таки оставалось ощущение недоделанной работы. Я понимал, что в одиночку бороться бесполезно, что честных судей гораздо меньше, чем продажных, но надо с этим что-то делать. Наверно, каждый должен заниматься своим делом, за что ему платят. Отправил всё вышесказанное Генеральному прокурору, но ответа не получил.

Глава 30
Неадекватный

Всё когда-то кончается, и ко мне приехала скорая помощь. Грудь разрывало. В машине «Скорой помощи» приборы для замера электрокардиограммы оказались в ремонте. Приехавший врач стал обзванивать другие «Скорые», но и у тех тоже… Мне жалко было врача, он, наверно, больше меня переживал, что не может точно установить диагноз. Сделав укол, повёз меня в приёмную Армавирского отделения кардиологии. В приёмной он сказал, чтобы я задирал штанины и ложился для снятия показаний ЭКГ. Дежурная молодая врач остановила, сказав, что задирать ничего не надо, так как у неё проводов на ноги нет. Сопровождающий меня врач удивился, но дежурная, уже не обращая на него внимания, делала своё дело или делала вид того, что должна делать. Уколы мне первое время помогали, но скоро их делать перестали, и больше ничего сильную боль в груди не останавливало. Всё происходило в субботу. От таблеток трещала голова, но грудь продолжало разрывать. Всю ночь ходил и делал зарядку с перекурами. Казалось, что болтание руками немного уменьшало боль. Утром в воскресенье пришла жена, и санитарка сказала ей, что моё поведение неадекватно. Света спросила у неё, на кого я бросался? Та ответила, что не бросался, а всю ночь ходил, махая руками. К двенадцати часам дня принесли небольшой прибор для снятия показаний ЭКГ и после замера забегали. Светлане сказали, что меня надо срочно везти в Краснодарский Кардиоцентр, так как ЭКГ показало, что у меня клапан вывернулся в обратную сторону. Света попросила у них направление, но ей ответили, что лечащие врачи выходные и направление никто не даст. Если бы это касалось моих детей или жены, я бы нашёл не только всех главных и неглавных, лечащих и нелечащих врачей, но за себя стоять не привык. Читатель, наверно, уже понял, почему я так подробно рассказываю этот случай. Видно, Богу было угодно, чтобы я ещё повоевал на этом белом или сером свете, и я дотянул до понедельника, не переставая делать зарядку. Почти во всех наших бедах мы всегда виним президента. Конечно, он Глава государства, и ему по штату положено за всё отвечать. Но ведь за каждым дебилом, идиотом или подлецом на ответственной должности президента не поставишь. Каким прохиндеем надо быть, чтобы стоять на должности и допустить такое медицинское обслуживание, при котором не работали в машинах скорой помощи и в стационаре электрокардиографы? Каким надо быть человеком, чтобы, занимая ответственную должность, допустить такое медицинское обслуживание, при котором человеку в любое время суток, в любой выходной, праздничный или рабочий день, не могли оказать реальную медицинскую помощь или выписать направление в вышестоящую клинику?

С утра перекуривал во дворе, где меня разыскала санитарка, которая признала меня неадекватным:

– Вам немедленно надо ложиться на каталку и лифтом подняться на второй этаж. У Вас, оказывается, обширный инфаркт.
– Я сам поднимусь на второй этаж, вторые сутки у Вас тут спортом занимаюсь. Вы меня уже неадекватным прозвали.

– Нет, нет, давайте на каталку и в лифт!

Начали меня лечить капельницами. Оказалось, что здесь этих врачей хоть пруд пруди и могли бы как-то закрывать выходные дни настоящим, а не купленным дипломом врача. Через неделю, вечером, к нам в палату, где нас лежало уже двое, доставили здоровенного мужика лет пятидесяти. Спросил его, что в таком огромном теле может болеть? Он ответил, что ничего не болит.

– А зачем к нам приехал? – Хотел колесо на машине заменить, и нет, чтобы гайки на шпильках ногой сорвать, я решил руками. Жена увидела, что я побледнел и вызвала скорую помощь. Жена его не успокаивалась, и на ночь устроилась в нашей палате на свободной койке. В три часа ночи она подошла к мужу и закричала, что он не дышит. Вызвали дежурного врача. Высокий, худощавый дежурный врач не спеша зашёл в палату с медсестрой. Женщина билась в истерике, уговаривая его что-нибудь сделать. На столе стояли два аппарата для осуществления дефибрилляции при остановке сердца. (Дефибрилляция — удар электрическим током в грудь через электроды или контактные площадки. Электрошок призван запустить остановившееся сердце или исправить нарушения сердечного ритма). Поставили один из них около больного, и врач сказал сестре, чтобы включала. Аппарат не включился. Попробовали второй. Включился, но, как я понял, - «врач» не знал, как им пользоваться. Расставив широко руки с контактными площадками, не касаясь больного, он прислонился к груди больного своим ухом. Не знаю, что он там услышал, но дал команду выключать, даже не попробовав электрошоком запустить остановившееся сердце. Не обращая внимание на истерику жены умершего, «врач» буркнул: «Тромб» - и вышел из палаты…

Это мы такие неадекватные, и никакой президент с нами не справится, если мы не будем меняться. Это мы убиваем друг друга своим неадекватным поведением и отношением друг к другу.

07.09.2006г. в ЦЕНТРЕ ГРУДНОЙ ХИРУРГИИ КАРДИОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ №2 г. КРАСНОДАРА мне сделали аутовенозное аортокоронарное шунтирование. Не хочу описывать подробности, но и здесь не обошлось без парадоксов. Всё время, сталкиваясь с таким безобразием, думаю: неужели в Гражданскую войну и в тридцатые годы мы перестреляли всех умных, и остались у нас только те, кто даёт такое странное потомство, которое на своём рабочем месте делает брак во всех отраслях, не

задумываясь о последствиях, и всё время винит всех, кроме себя. А может быть, я тоже такой? Наверно, можно простить ошибку тому, кто много работает, кто много пользы приносит людям и вдруг ошибся, старается исправить ошибку. Но…

Глава 31
«Гарнизон Пятихатка»

Пока меня вытаскивали с того света, куда я уже был готов отправиться строевым шагом, как 18 раз ходил на парадах по Красной площади, в нашем правительстве нашлась умная голова или несколько голов, которые придумали и запустили в свет Федеральный закон от 21 июля 2007 г. N 185-ФЗ "О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства" (с изменениями и дополнениями).
Этот закон, при хорошей организации, давал большие возможности произвести капитальный ремонт многоквартирных домов в городах и сделать переселение его жителей из ветхих домов в новые. Для осуществления ремонта собственникам квартир дома необходимо было собрать энную сумму, в зависимости от того, что собираются ремонтировать. К этой сумме, считая её за пять процентов, в соответствии с Законом добавляется 95%, из федерального и местных бюджетов и осуществляется административный контроль за ремонтом и финансированием сделанных работ. В нашем микрорайоне, где я жил в г.Армавире, восемь двухэтажных многоквартирных домов пятидесятых годов постройки и, конечно, без серьёзного ремонта. Я предложил жильцам домов воспользоваться этим законом и отремонтировать наши дома как следует. Никто не верил, что на этот раз нас не обманут, как с дефолтом, когда Ельцин обещал лечь на рельсы, и не лёг. Тогда много желающих было ему помочь выполнить его обещание, но… Я хотел из этого микрорайона сделать сказку, но трудно было убедить людей, что нас опять не обманут. Жильцы пяти домов поверили мне, и с большим трудом (на шестой раз) мне удалось в Краснодаре зарегистрировать наш ТСЖ «Союз пяти», с помощью которого мы должны были сделать задуманное. На отдельные счета, открытые мной на каждый дом, стали собирать деньги в банке и планировать ремонт, начиная с дырявых шиферных крыш и кончая отмосткой. Мы ещё не получили 95% сверху ни на один домашний счёт в банке, как нас уже ограбил Сочинский банк. Он украл у нас 65 000 рублей с общего счёта ТСЖ, назвав себя банкротом. Как это ни странно, но со стороны администрации города и краевого руководства я также больше ощущал противодействие, чем помощь. В ТСЖ по нашей жалобе в областную прокуратуру приехали представители областной госжилинспекции и спросили о наших проблемах. В областную прокуратуру мы жаловались на бездеятельность городской прокуратуры в вопросах некачественного отопления. Представителям госжилинспекции мы выложили всё, как ближайшим родственникам, и про отопление, и то, что собираемся делать в домах капитальный ремонт, показали, как выглядят фасады наших домов, и какие у нас дырявые крыши, говорили, что никак не выбьем на ремонт деньги… Инспекция уехала, а меня, как председателя ТСЖ, вызвали в Краснодарское управление, где за плохое содержание домов на ТСЖ наложили штраф в 40 000 рублей. Мне

трудно подобрать слова, чтобы как-то помягче назвать эти действия чиновников. Мы думали, что к нам приехали разбираться люди, а оказалось, что в гостях у нас были нелюди. Чего они пытались добиться этим штрафом? Вскоре мы услышали, что так же штрафуют и других, кто вздумал использовать этот закон для ремонта своих домов. Так начинался открытый саботаж против реформирования жилищно-коммунального хозяйства. Подал иск в суд. Пока выигрывал суды у областной инспекции в трёх инстанциях, они подключили и нашу Армавирскую госжилинспекцию. Пришлось выигрывать суд и у неё. На адвокатов у меня денег не было. На всю эту судебную волокиту с опытными юристами уходило время и трепались нервы, не говоря о затратах для поездки в Краснодар. Мне сказали, что из Москвы деньги уже пришли, но на этот год нам выделяют всего лишь небольшую сумму для ремонта крыши одного из домов. Это ломало все наши планы и грозило развалом ТСЖ «Союза пяти». Пришлось писать президенту РФ и в Генпрокуратуру, доказывая, что у нас ТСЖ не одного дома, а пяти, и если не дать всем того, что сказано в законе, произойдёт очередной обман, и ТСЖ тут же прекратит своё существование.
Наконец, услышали, что деньги пришли на все наши дома, но их крутят в банке, а нам не дают. В наших домах подавляющее большинство собственников квартир ветераны и инвалиды. Собираю всех своих стариков, инвалидов из пяти домов и инструктирую:

– Завтра каждый из Вас идёт в «белый дом» и записываетесь на приём, кто к юристам, кто в 46 кабинет, кто в архитектуру, но в 9 часов 20 минут все собираемся в кабинете мэра и требуем наши деньги. Мэр был в отъезде, а нас принимал руководитель Управления жилищно-коммунального хозяйства Н.Ф. Галкин. Немного пошумели, потом я показал ему визитку А. Ярошинской и предупредил:
– Если до понедельника не будет денег на счетах каждого нашего дома, я звоню А.А. Ярошинской и приглашаю её к себе. Попрошу захватить с собой кого-нибудь с центрального телевиденья для поиска наших денег.
Ярошинская сама не знала, как быстро она решила наши проблемы. В понедельник деньги на счета каждого дома были положены. Но Галкин пригласил меня и посоветовал взять подрядчиком для ремонта пяти наших домов заслуженного строителя России. Познакомившись с заслуженным строителем, я попросил его представить мне сметы на ремонт наших домов. Просматривая сметы, увидел, что денег в каждом доме хватало только на крыши и на фасад. В плане у нас было качественно произвести ремонт крыш, (на крышах домов сделать обязательно организованный водосток), ремонт фасадов, отмостки, отопления с установкой домовых теплосчётчиков, водоснабжения, водоотведения, электроснабжения с установкой домовых экономных электросчётчиков, утепления чердачных помещений с установкой пожаробезопасных лазов, замена в подъездах деревянных оконных рам на пластиковые, замена в подъездах входных дверей на

железные с кодовым замком. Торговаться с заслуженным строителем я не стал и взял другого подрядчика, который судился с «белым домом» за неоплату ему проделанной работы. Галкин Н.Ф. был в шоке. Предупредил меня, что слишком сложно моим подрядчикам будет сдавать свою работу ОКСу (ОКС – Общероссийский классификатор стандартов). Я ответил, что меня это устраивает, т.к. всё будет сделано качественно. Своему новому подрядчику я тоже поставил условия:

1.Чтобы собранных и выделенных нам денег хватило на всё.
2. Чтобы всё было сделано качественно.

3. Чтобы за счёт подрядчика в центре между нашими домами стояла хорошая детская площадка.

При нашем новом главе администрации Джамбулате Хизировиче Хатуове г.Армавир преображался на глазах в лучшую сторону. Мне нравился метод его работы. Я его тоже доставал, требуя, чтобы дорогу по Новороссийскому переулку, где, как во время войны, были «противотанковые рвы и надолбы», привели в порядок. На собраниях жильцов, которые он часто проводил в разных районах города, интересуясь проблемами горожан, увидев меня, он сразу, не дожидаясь моего вопроса, отвечал, что помнит про противотанковые рвы и надолбы и что всё будет сделано. Обещание своё выполнил. Но его заменил другой мэр, потом третий. Мне позвонили, что в 8.00 часов временно исполняющий обязанности главы администрации города Харченко А.Ю. будет смотреть ход выполнения работ в ТСЖ «Союз пяти». Встречаю.
– Почему Вы кроете крыши светлым (некрашеным) профилем, а не зелёным или цветом спелой вишни, как было принято решение в администрации города?

– Этот профиль у меня не выцветет, как на мельнице комбината хлебопродуктов, который был цветом спелой вишни, а стал фиолетовый, или как рядом на детском саду – был зелёный, а стал непонятно какой. Кроме того, мой светлый профиль отражает солнечные лучи, а для Кавказа это немаловажно – не так жарко на верхних этажах. Он у меня под цвет неба, и очень красиво смотрится по вечерам, сливаясь с небом. Этот металлопрофиль дешевле, что позволяет мне сэкономить деньги на выполнение других работ.
– В администрации приняли решение дома штукатурить, а Вы обшиваете их сайдингом.

– Я у мастеров спросил: «Какая самая лучшая штукатурка?» И мне ответили, что лучше сайдинга пока ничего не придумали. Вон детский сад штукатурили три года назад, и штукатурка уже пластами отваливается, а мой сайдинг лет 50 простоит, и с ним ничего не случится. Кроме того, сайдинг

защищает дом от дождя и ветров, что тоже очень важно. Для меня главное не то, что Вы решили у себя в администрации, а то, что нужно людям, которые мне доверили. В одном из домов денег собрали меньше, и на сайдинг им не хватило, пришлось штукатурить. Посмотрим, сколько выдержит штукатурка на этом доме, но оштукатурили очень хорошо.

– Вы неправильно мыслите!

– По-другому не умею. Ещё не раз пришлось воевать с администрацией, «Водоканалом», «Озеленителем», «Электросетями», «Жилхозом», «Горгазом» и другими организациями, чтобы сделать то, что должно быть. Началось с того, что представители «Жилхоза» мне заявили, что кровли двухэтажных домов допускается и рекомендуется делать без организованного водостока, что водопровод и водоотвод, мест общего пользования заканчивается (по этому закону) внешней границей стены дома, а не первым колодцем. Это как? Как перепрыгнуть очередную глупость, если электропроводка дома, тоже не дальше стены дома и т.д. Пришлось опять во все инстанции писать, что благодаря такому сливу с крыш, разбивается отмостка, и рушится цоколь зданий. Что, сделав водопровод и канализацию в доме, трубопроводы куда-то выводить надо. Что по три неизолированных провода к каждому подъезду домов не позволят мне обшить дома металлическим сайдингом и поставить общие счётчики на дом и т.д. Разбитая отмостка и цоколи всех домов не убеждали чиновников, что организованный водосток надо обязательно делать. Вокруг домов росли полувековые тополя, угрожая при хорошем ветре развалить наши новые красивые крыши. Пришлось предупредить «Озеленитель» письменно, что это им дорого будет стоить, и тополя подрезали. «Электросети» заявляли, что на кабель у них нет денег. Разъяснил им, что они своими отговорками препятствуют исполнению Федерального закона № 185, и мне придётся обращаться… Деньги нашлись. Сгнивший водопровод в домах менять на пластиковый было невозможно, так как вода не отключалась из-за неисправных задвижек в центральной трассе… Конечно, отключили, и всё сделали. Все уже знали, что нас – ТСЖ «Союз пяти» – ничего не остановит, и всего добьёмся.

Над документами во все инстанции и суды приходилось работать очень много: днём и ночью. Каждый напечатанный мной документ проверяла и корректировала заместитель председателя ТСЖ «Союза пяти» Л. И. Кравцова. Иногда мы спорили, чуть не до хрипоты. Она утверждала, что написанное слишком прямолинейно и грубо, а я, что иначе могут не понять. Квартира превратилась в штаб ТСЖ, где часто собиралось правление в составе 10-и человек для решения проблемы или согласовывать порядок дальнейших действий. Чтобы не было недоразумений и кривотолков, основные вопросы приходилось согласовывать с Правлением. Каждый месяц на собрание собиралось всё ТСЖ «Союз пяти», подводились итоги, и делался финансовый отчёт нашей ревизионной комиссии. Мне была установлена

зарплата за пять домов в три с половиной тысячи рублей, бухгалтеру полторы тысячи, а мой заместитель от зарплаты вообще отказалась. Больше денег брать с наших пенсионеров не хотелось. Светлане пришлось смириться с тем, что квартира превратилась в проходной двор и контору для выдачи различных справок. Основным подрядчиком у нас была семья Анатолия Баки. Сын, Виталий, руководил ремонтом крыш пяти домов. Отец – ремонтом фасадов, электрики, отмостки... Жена Баки возглавляла бухгалтерию и считалась «Главнокомандующим» этой строительной организации. Ремонт в домах двигался неплохо, а с отоплением, несмотря на то, что во всех пяти домах внутридомовая система отопления была уже новая, проблемы остались.

С ремонтом и возведением между нашими домами детской площадки появилась ещё одна серьёзная проблема. Приходило много желающих посидеть около красивых домов и детской площадки на лавочке, покурить, выпить пиво или чего покрепче. Дети, как наши, так и чужие вели себя агрессивно по отношению друг к другу, нецензурно выражаясь. Надо было в нашем «гарнизоне Пятихатке» срочно наводить порядок. Пришлось много разъяснять гостям, что эта площадка является собственностью ТСЖ «Союза пяти» и предназначена не для курения и распития спиртных напитков, а для детей. С воспитанием чужих детей всё было гораздо сложней. Мы привыкли считать, что их должны воспитывать родители. Многие родители эти обязанности возлагают на детские сады, школы и армию. Очень часто всё пущено на самотёк. Виновны в этом все мы, проходящие мимо. В итоге мы имеем то, что имеем и это при том, что плохими они не рождаются. Читатель наверно упрекнёт меня в том, что я так много говорю об этом, но я считаю, что именно это – самое главное, о чём надо не только говорить, но и хоть что-то делать. Многие из нас даже не знают о чём и как можно говорить с детьми.

Мне пришлось провести с детьми диспут на тему: «В человеке всё должно быть прекрасно». Обсудили вопросы этикета в поведении мальчиков и девочек. Как вести себя в отношениях со взрослыми и между собой. Рассказал им, как нам прививали эти навыки в суворовском училище и сравнивали, как они ведут себя на детской площадке. Организовывал выезды с ребятами и девчонками на дневные и ночные рыбалки. Мой заместитель Л.И. Кравцова много раз проводила на детской площадке спортивные соревнования между командами девочек и мальчиков. Побеждала дружба, но соревновались не на жизнь, а на приз, и всем было весело. Так мы избавились от хамства и сквернословия на детской площадке.
Когда ремонт домов был закончен, к нам стали приезжать гости не только из Краснодара, но и из других городов на экскурсию, называя наш городок маленьким Парижем или уголком Швейцарии.
Наши занятия, проведённые с детьми, я уверен, они запомнят на всю свою жизнь. На их глазах преображались наши дома. При них и с их участием

устанавливалась детская площадка. С ними, мальчишками и девчонками, на ночной рыбалке мы кормили комаров, разжигали костры и бежали смотреть на ту, которая клюнула. Я постараюсь фотографиями доказать читателю, что плохих детей не бывает, что ими надо заниматься и только тогда они будут приносить радость. Если кто-то считает, что чужие дети его не касаются и не его это дело, он обязательно в своей жизни на этом споткнётся. Сделанное кем-то добро, или зло, обязательно бумерангом возвращается к людям. Особенно это по отношению к старикам и детям.

Дома ТСЖ «Союза пяти» после ремонта.

Команды к соревнованиям готовы.

Команда мальчиков.

Команда девочек.

Оркестр.

Сапоги – скороходы. Кто быстрей?

Кто быстрее оденет мумию?

Кто быстрее соберёт орехи?

Инструктаж по технике безопасности.

Кто быстрее будет готов к обеду?

Найди прищепку.

Кто быстрей окажет помощь и вынесет раненого с поля боя?

Кто больше сложит слов?

Кто сильнее?

Кто останется без стула?

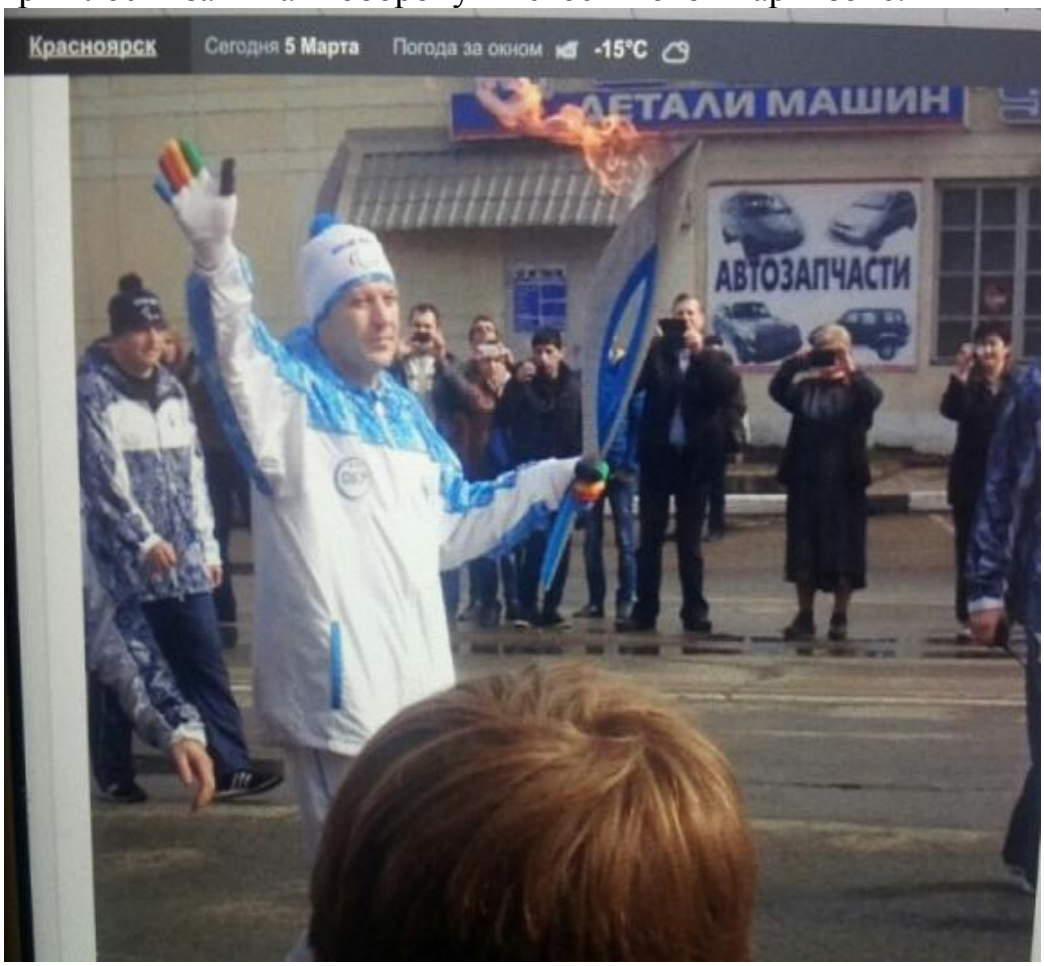
Муха-Цокотуха ждёт жениха.

Болельщики

На фото: Андрей, Анжелика, Диана и Яна.

Андрей по окончании с отличием Военно-дипломатической академии был направлен для прохождения дальнейшей службы в г. Краснодар и после

моего инфаркта и шунтирования торопил меня с переездом к нему поближе. Пока учился в академии и жил с семьёй в г.Москве, у него родилась вторая дочь, Яна. В Краснодар я переезжать не хотел и просил сына подыскать рядом деревушку с речкой, где можно забросить удочку. Собрав ТСЖ, я сказал, что уезжаю с женой к сыну и попросил кого-нибудь для поддержания порядка занять место председателя ТСЖ. Желающих не нашлось, а сын торопил с переездом. Пришлось ТСЖ расформировать. Три дома перешли на непосредственное управление, а два – в управляющую компанию. Это ТСЖ – гарнизон «Пятихатка» была моя лебединая песня, как заметила Л.И. Кравцова. Меня не покидала мысль: сколько бы пользы могли принести военные пенсионеры, такие, как я. Если бы наше правительство, согласовывая с министерством обороны, планировало, отправляя на пенсию бывших командиров полков и отдельных батальонов, давало им в собственность заброшенные деревни или разорившиеся хозяйства под строительство усадьб, поместий или имения, где опытный хозяйственник смог бы организовать любое производство. Сын купил и благоустраивал место для нас рядом с Краснодаром в Новотитаровской, и нам заново пришлось «занимать оборону» в своём новом гарнизоне.



На фото: наш Андрей бежит поторопить открытие олимпиады.

Встретив меня перед отъездом, уже избранный Глава администрации города А.Ю. Харченко извинился, сказав, что я был прав, и высказал сожаление, что

я уезжаю. Перед переездом из Армавира в Новотитаровскую я ещё раз письменно обратился к военкому по вопросу отмены 61-й статьи увольнения. Не дождавшись ответа, пришёл на приём и около его двери ждал, когда он освободится. К нему в кабинет торопился начальник нашего офицерского отдела, который, взглянув на меня, сказал: «Когда приказывали стрелять, надо было стрелять!!!» Такое я уже слышал в краевом военкомате. Понял, что обо мне уже говорили, и у военкома я услышу то же самое. Заходить не стал.

Глава 32
Божий промысел

Переезд на новое место начался со сплошной мистики. Кто-то из знакомых подсказал мне короткую и лучшую дорогу до Новотитаровской. С места моего проживания г. Армавира, в сторону Краснодара надо доехать до Воронежской. Этот посёлок мне каждый раз, когда ездил в Краснодар, напоминал Воронежское Суворовское военное училище. Мне сказали, что в центре Воронежской стоит указатель на Суворовское, куда надо повернуть. На этот указатель я раньше никогда не обращал внимание. По пути в Суворовское проезжаем указатели на Железный, Свободный… В 1958 году я ехал из Армавира в Воронежское Суворовское училище, а все остальное и железный, и свободный – Светлана сказала, что всё это тоже про Чащевого. Но и на Воронежском Суворовском мистика не закончилась. С прибытием на новое место, почувствовав свободу от ТСЖ, моя совершенно седая голова начала заметно темнеть. По Интернету в «Одноклассниках» меня какой-то Валерка спрашивает: «Вам фамилия Ковтунов ни о чём не говорит?»
Это было перед самым Новым 2013 годом, а первого января 2013г. я уже ехал к нему в гости в Тверь, бывший Калинин, где мы кончали вместе Калининское суворовское училище. Летом этого года он с женой и дочерью приехал ко мне, и мы все вместе отдыхали на море в Кабардинке. Договорились, что я приеду со Светой в Тверь на 70-летие Калининского Суворовского училища. В день юбилея училища в вестибюле собралось очень много народу. Трудно было без слёз смотреть на эту картину, где встретились выпускники 65-и выпусков. Я со Светланой и Валера Ковтунов с женой Оксаной ищем кого-нибудь из нашего 17 выпуска. Не подумали заранее заготовить табличку «17-й ВЫПУСК». Но, если читатель помнит, среди нас был в нашем взводе самый умный, которому мы шнурки поджигали и которого я очень хотел встретить, чтобы за наши юношеские пакости перед ним извиниться. Светлана говорит: «Вон, кто-то с биркой «17-й ВЫПУСК» стоит. Можно было сразу догадаться, что это самый умный, но меня и на это не хватило. Суворовское мы закончили в 1965г., а на этот юбилей приехали в декабре 2013г. Через 48 лет непросто было узнать своих одноклассников, с которыми семь лет проучился в одной роте и в одном взводе. Подхожу и спрашиваю: «Кто?» Он ответил, а я не поверил, что Бог мне послал именно того, кого я очень хотел найти, чтобы попросить у него прощение. Я назвал свою фамилию, и он бросился меня обнимать, а я всё допытываюсь, кто он. Наконец, до меня дошло, что это именно Витька Копыл, единственный медалист из нашего взвода. Валера Ковтунов спросил, есть ли у него связь с кем-нибудь из наших. Виктор ответил, что не помнит, кто ему дал номер телефона нашего друга Славки Ванюкова, но у него не получалось к нему дозвониться. Видно, всему своё время. Витька набрал

номер и слышит:

На фото слева: Светлана, рядом я, в центре Валера, за ним Виктор и Оксана.

На фото с нами Виктор Корнилов.

«Я Вас слушаю, докладывайте!» Виктор отвечает: «Это Витька Копыл слушает тебя, а рядом Валера Ковтунов и Володька Чащевой». В телефоне раздался какой-то рёв. Славик лежал в госпитале «на капитальном ремонте» и приехать на юбилей не мог. Но он уже нашёлся и теперь не потеряется. Обошли всё училище. Многое изменилось. Несмотря на то, что Валера Ковтунов сам относил общую фотографию двух рот нашего 17-го выпуска, и ему показали в музее училища, где она будет стоять, мы её не нашли. Невольно свяжешь это «недоразумение» с Резуном (Виктором Суворовым), а может, и я кому-то не понравился.

К нам подошёл Виктор Корнилов из Калининской роты нашего выпуска, который меня ремонтировал в Досатуе, и сказал, что для наших 17-го и 18-го выпусков после торжественной части и концерта заказаны места в ресторане.

Я не знаю, как делались выпускные фотографии других выпусков, но мне кажется, что это должно делаться в обязательном порядке за счёт государства, так как в эти заведения, как и раньше, должны приниматься в первую очередь сироты, и училище должно гордиться каждым своим выпуском.

После концерта в ресторане собрались два выпуска воронежцев и калининцев. Всё как будто шло своим чередом, но вдруг я услышал тост за тех, кого здесь на юбилейной встрече нет, за Резуна и Чащевого. Ох, как я возмутился!!! Кадет из младшей Воронежской роты хотел выпить за меня, отсутствующего. Узнав, что я здесь, бросился меня обнимать. Я узнал этого парня. Он, наверно, был самым здоровым в своей роте, и его трудно было не запомнить. У Виктора Корнилова я спросил, как после нашей встречи в Досатуе прошла его служба до получения им звания генерала. Он пригласил меня к себе в Питер, обещая рассказать такое, что у меня от смеха пупок развяжется, а пока коротко рассказал один случай. Служил после Досатуя в ставке (в штабе войск Дальнего Востока). В одно из дежурств по штабу в 9.00 часов, при встрече Главкома генерала армии В.Л. Говорова, Виктор, как положено, подал команду «Смирно!» и докладывает: «Во время моего дежурства… происшествий не случилось, дежурный по штабу подполковник Корнилов!». Говоров переспросил:

– Как, говоришь, твоя фамилия?
– Подполковник Корнилов, товарищ Главнокомандующий!
– А вчера кто дежурил?
– Полковник Деникин, товарищ Главнокомандующий!
Генерал армии, не подав команду «Вольно!», смеясь, поднимался на второй этаж. Ему надо было разобраться со своими заместителями, почему белая гвардия, без его ведома, уже захватила штаб ставки. Через некоторое время Корнилову звонил начальник штаба генерал-полковник Тоузаков, уточняя

его фамилию и кто дежурил вчера. После начальника штаба интересовался Герой Советского Союза ЧВС ставки генерал-полковник Дружинин М.И., который спросил, кто ещё, кроме Корнилова и Деникина, из бывших находится рядом. Корнилов доложил ему, что на Дальнем Востоке служит Махно. На этой встрече мы договорились встретиться со Славкой Ванюковым летом следующего года на озере Селигер.

Славка, Валерка и Витька на Селигере встретились без меня. Мне сделали очень сложную операцию, которую хирург долго не соглашался делать. Дважды меня готовили к операции и дважды её отменяли из-за малого количества тромбоцитов в моей крови. Собрали консилиум, после которого сделали выжимку тромбоцитов из чужой крови, добавив в мою во время операции. Операция прошла, слава Богу, без осложнений, но, как мне кажется, хирург в этом не уверен и просил показаться ему через год.

У каждого из нас четверых есть фотокарточка, где мы с нашим командиром взвода майором Смородовым, которого называли ходячей энциклопедией.

На фото слева Славик Ванюков, за ним Виктор Копыл, за майором М.Н. Смородовым я и за мной Валера Ковтунов. Эта фотография сделана около нашей казармы, где мы жили, будучи суворовцами в Воронежском СВУ. Нами было принято решение 26-го сентября 2014г. встретиться и сфотографироваться на том же месте около той же казармы в Воронеже. Я прибыл в Воронеж 25 сентября, забронировал места в гостинице и ждал друзей. Друзья едут!!!

Приехали! Я слева, Славка Ванюков рядом со мной, за ним Витька Копыл и Валерка Ковтунов.

На месте бывшего Воронежского СВУ в настоящее время находится военно-воздушная академия. Когда встретил друзей, и мы приехали к бывшему Воронежскому СВУ, из ворот училища выехал полковник на «УАЗе» и остановился. Я понял, что Бог послал его ко мне, и он ждёт меня. Подойдя, коротко рассказал, зачем мы приехали. Полковник оказался заместителем начальника академии по вооружению и дал указания, чтобы

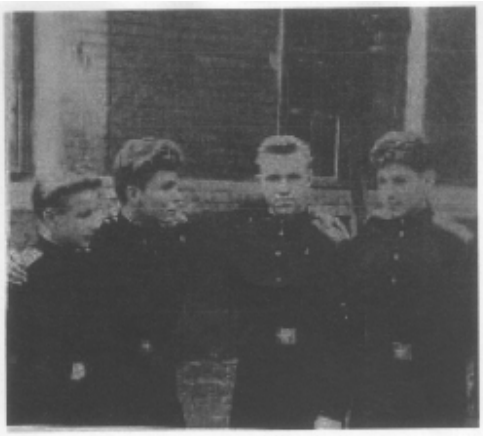
нас хорошо приняли и всё показали. Осмотр начали с музея, где нам рассказали историю создания авиации в России.

Прошли везде, посмотрели, вспомнили нашу Придачу – левый берег реки Воронеж, где размещалось наше СВУ. Прошлись по своей бывшей казарме, где в настоящее время размещается академическая библиотека.

С нами наш фотокорреспондент Валерина жена, Оксана

Валера рассказал женщинам, сотрудницам библиотеки, своё стихотворение про Придачу. А Славка Ванюков напомнил мне, что это я придумал

связывать и поджигать шнурки Витьке Копылу. Наверное, именно поэтому меня так мучила совесть, и хотел просить у Витьки прощения. Сфотографировались около нашей бывшей казармы, именно там, где фотографировались почти полвека назад.



Володе Чащевому

Виктору Копылу

Славику Ванюкову

Такая в жизни выпала удача,
Что через столько невозвратных лет
Иду я снова по моей Придаче
И снова я суворовец-кадет!

И снова рядом те друзья-мальчишки,
С кем жил одной суворовской семьёй.
Пусть позади уже полвека с лишком –
А мы всё так же молоды душой.

Была своя у каждого дорога,
Своя судьба и жизни рубежи.
Но мы ушли от одного порога –
О чём мы помним, чем мы дорожим!

Поклон тебе, красавица Придача,
За алый цвет суворовских погон,
За то, что жизнь сложилась не иначе,
За эту встречу наш тебе поклон!

Валерий Ковтунов
Воронеж. Придача. 2014 год.

Согласись со мной, читатель, что всё это – промысел Божий. У каждого из нас была своя судьба. Каждый шёл своей дорогой, даже не думая о том, что когда-нибудь нам удастся встретиться:

1.Виктор Копыл после окончания с отличием Ленинградского ВОКУ (высшего общевойскового командного военного училища) служил в Ленинградском военном округе, в Восточном и Северо-Западном пограничных округах. С золотой медалью закончил академию им. Фрунзе. Преподавал в Высшем пограничном военно-политическом училище им. К.Е. Ворошилова. В Московском пограничном военном училище закончил адъюнктуру. Работал профессором, начальником кафедры в пограничном институте. Кандидат военных наук, доцент, полковник в отставке. Был директором пансионата с лечением…

2.Славик Ванюков по окончании Ленинградского ВОКУ был направлен командиром первой группы разведчиков-минёров в войска специального назначения ГРУ (главного разведывательного управления) генерального штаба. Участвовал в разминировании минных полей в Новгородской области. Получил контузию при испытании новых боеприпасов. Совершил более 250 прыжков с парашютом в усложнённой местности (лес, водоёмы и т.д.). Контузия и травма позвоночника не позволила ему поступить в академию. Служил в разных должностях в Забайкалье на Китайской и Монгольской границах. Награждён орденом «За службу Родине». По службе был начальником оперативного разведывательного отделения. Службу закончил в должности начальника службы специального вооружения в звании подполковника. Имеет двух детей. Проживает в г. Пскове.

3.Валера Ковтунов, заработав две пятёрки за своё сочинение от начальника училища генерала Б.А. Кострова (пять за грамотность и пять за креативность), был направлен в Ленинградское ВОКУ, но мечта у него была

попасть на факультет журналистики по своему призванию. Он видел себя только военным журналистом. Из Суворовского нас с Валеркой не отпустили, а из Ленинградского ВОКУ он ушёл рядовым в войска. Только так, отслужив в армии, он мог поступить на факультет журналистики во Львовское военно-политическое училище. К счастью, он попал к умным командирам, где его знания, полученные в суворовском и врождённый талант использовались в полной мере. Уволился из армии Валера инструктором политотдела штаба корпуса. Закончил с отличием студию искусств в музыкальном училище. Работал директором Дома культуры. Преподавал в колледже эстетику высшей категории. В настоящее время работает руководителем студии «Эстрадная песня» в колледже. Награждён грамотой Губернатора за большие успехи в развитии культуры Тверской области. Если я сомневаюсь, что жизнь прошёл по своей колее, то он уверен, что нашёл своё достойное место и продолжает идти по жизни с высоко поднятой головой.

О себе могу добавить, что я, для любого дремлющего на должности командира, далеко не подарок. Командование отдельными батальонами и покровительство командующих 36 армией и Заб. ВО помогли мне так долго задержаться в нашей краснознамённой, принеся ей много пользы. В противном случае меня вышибли бы из неё гораздо раньше: уж слишком я неугомонный. Наверно трудней всего было Светлане. Она прошла почти всё это со мной рядом, и если для меня это был всего лишь мужской поступок, то

для неё почти смертельный случай. Очень часто ей приходилось быть между двух огней. Приходилось молчать и терпеть. Об этом всё не расскажешь.

Не знаю, что скажет читатель обо мне и моих друзьях. Не знаю, как он оценит все мои поступки, но я уверен в одном, что школа наших Суворовских и Нахимовских училищ готовит достойных защитников Родины.

Пока

Прощайте! Или лучше до свидания!
Ну, что ещё сказать Вам на прощанье?
Не забывайте нас, и мы Вас не забудем.
Куда б ни шли, а всё придёте к людям.
За кружкой чая будете встречаться,
Грустить Вы будете, а чаще улыбаться.
Хочу Вам на прощанье пожелать,
Чтоб никогда душой не увядать,
Мечтать, надеяться и восхищаться,
Вперёд смотреть и над судьбой смеяться.

Говорят, что чудес не бывает, но я хочу рассказать об одном из них.

- Во время приёма холодного душа на меня вдруг нахлынули странные воспоминания того, чего никогда не было. Как будто перед окончанием Суворовского училища в нашем взводе кто-то предложил всем написать для всех прощальное стихотворение. И моя память под душем стала диктовать мне куплет за куплетом без остановки. Я не знаю, кто написал эти стихи, и откуда эти воспоминания, но мои друзья (с нашего взвода) говорят, что никто ничего не предлагал и этого стихотворения раньше не слышали. Мне кажется, что это стихотворение должно принадлежать не только мне и моим друзьям, а всем выпускникам нашего кадетского племени.

Прощальное

(при окончании Калининского СВУ)

Если ты на острове диком

Вдруг окажешься волей судьбы,

Если жизнь станет диким криком,

Ты припомни, как мы росли.

Ты вспомни наш пасмурный город,

Шлейф тумана, за ним, позади,

Ты вспомни, как в шинелях за ворот

Нам холодные лили дожди.

Ты вспомни, какой тебе год

Шёл тогда, в ту пору былую.

Ты тогда уж не жил без забот.

Ты тогда нёс заботу большую.

Не проспать часовым на посту,

Когда ночь так баюкает сильно,

Когда тишь так и клонит ко сну,

Позабыв наставление "СМИРНО!"

С автоматом шагал, со скаткой,

По степи, где стареет ковыль,

Где капля солёная кажется сладкой,

А мягкой постелью дорожная пыль.

Тяжесть забот тебе плечи давила,

Душу давила тебе иногда.

Ты сильнее её, тяжело тебе было.

Теперь ты стал суровым навсегда.

Стал суровым к тоске и невзгодам,

Так дави же их тяжестью этой.

Ты припомни, ведь ты же родом

Из семьи нашей братской - кадетской.

Одиночества ты боишься,

Не тревожься, оно относительно.

Может статься, что ты ей не снишься,

Но, а нам всегда убедительно.

И всегда, как бы вьюги не выли,

Не сходили бы с ума ветры,

Мы с тобой, как и прежде были,

Многовёрстием только отделены.

Но да что там длинные вёрсты,

Толь письмом вот долго шагать.

Мы тебя лучше вспомним тостом,

Чтоб всегда ты умел побеждать.

Но, а если случится такое,

Вдруг окажется близким конец,

Мы помчимся к другу сквозь море,

Разве что не помчится подлец.

Разве что найдётся такое,

Что забившись в перинном пуху,

Не помчится к другу сквозь море,

Просто-напросто струхнув.

Мы такое судить не будем,

Что судить бездушный предмет.

Мы такое просто забудем,

Сняв мечты наших юных лет.

Так что помни: - на острове диком,

В тундре, тайге, над водой, под водой,

Каким бы жизнь ни была криком,

Милый друг, мы всегда с тобой.

Отзывы одноклассников и друзей

1. Александр Кочетов (одноклассник по МВОКУ):
“Володя, привет! Книгу прочёл, замечательная получилась у тебя повесть! Поздравляю! Меня просто поразила твоя память, а я такой похвастаться уже не могу. Могу сказать, что ты поразил своим литературным языком, логикой мысли, убеждённостью в правоте своих поступков и дел, скрупулёзностью описания событий, имён, дат. Это делает твой труд живым и привлекательным. Несколько уточнений. Хочу напомнить, что генерал-лейтенант Чернопятов Николай Тихонович был выпускником Тверского (Калининского) СВУ 1951г. Он как-то мне сказал, что самые порядочные кадеты – выпускники его училища, он твой однокашник! Боксёр Сидоров был рядовым батальона обеспечения в училище и членом сборной Московского ВО по боксу – 1 разрядником. Толя Осипов (по кличке "Окунь") скорее всего однофамилец Анатолия Осипова – чемпиона СССР и мира”.

2. Прапорщик Павел Мога умер 12 лет назад. Отзыв о повести дала его жена Светлана Мога-Чистякова:
“Здравствуйте! Частично прочла вашу повесть. – Ну и тернистый путь Вы прошли!!! Бедное Ваше сердце! Желаю Вам главного – здоровья и здоровья! Хорошего настроения для творческих успехов и счастья в семье! Спасибо, что упомянули в повести Павла, девчонки мои рады, а также спасибо от меня – я помню вашу помощь нашей семье. Повесть буду читать и зачитывать своим знакомым. Всего доброго!”

3. Валера Ковтунов: ” Дорогой мой друг Володя, друг мой Вовка Чащевой! Эта книга – твоя исповедь открытая и честная, и я горжусь твоей прожитой жизнью, в которой ты был и остаешься СВОБОДНЫМ Человеком! Свободным от лизоблюдства и приспособленчества, от подхалимства и угодничества, от казнокрадства и взяточничества, от карьеризма и предательства. Ты настоящий русский мужик – стойкий и непоколебимый, надежный и верный! А Светочке, твоей жене, низкий поклон за каждый день, прожитый с тобой! И я счастлив тем, что являюсь вашим другом!”

4. Олег Голубев: ” Добрый вечер, Владимир Михайлович. Прочитав Вашу документальную исповедь, я просто в шоке. Таких офицеров- руководителей как вы за всю службу встречал дважды. Для меня вы были эталоном в исполнении служебного долга, чести, бескорыстия, порядочности, человеком, который на службе горел. Наша "Мысовая ", под вашим руководством, была частью, где все было по уставу от "А" до "Я". Думаю, "бизнесмены в пагонах" вас допекли, раз вы пошли на них с открытым забралом. Владимир Михайлович, вы тот человек, который в своё время мне сказал: «Олег, не ищи справедливости там, где её нет – всегда старайся сам

поступать справедливо», и я придерживался этому постулату. Политребята и меня по службе доставали, но политика – такое грязное дело и люди, которые приходят туда, погружаются в это дерьмо, становятся такими же, или их съедают. Ваша исповедь только подтверждает это. Людей преданных службе, имеющих своё мнение, бескорыстно исполняющих свой долг, ломают или меняют на лизоблюдов. Мы можем это утверждать, так как у нас большой опыт. Надеюсь, что сейчас произойдут позитивные изменения. Спасибо вам за тот пример в службе и жизни, который я получил, он мне очень помог. Всегда приводил вас как образец службы отечеству. Хочу вас поблагодарить от всего сердца, как понимаете, лукавить мне нет смысла”.

Станица Новотитаровская, Чащевому В.М.

т: +7- 988-622 68-12.

Контактная информация

Контакт с автором (E-mail):
chashchevoy45@mail.ru

Владимир Михайлович Чащевой – автор книг:
«Наследство партии (ящик Пандоры)»

http://izknigi.narod.ru/Nasledstvo_partii.html

http://bbek.ru/nasledstvo-partii.php

«ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСПОВЕДЬ «БЕГЛОГО» ПОДПОЛКОВНИКА»

http://izknigi.narod.ru/Dokumentalnaja_ispovedj.html

http://bbek.ru/dokumentalnaja-ispovedj.php

Контакт с издателем (E-mail):
izknigi@gmail.com

Интересную и полезную информацию о книгоиздательстве на современном этапе вы также найдёте на сайте
Книжное издательство «ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА»:
http://izknigi.ru

А также вы можете познакомиться с книгами в электронном виде и скачать их БЕСПЛАТНО на сайте
«Бесплатная Библиотека Электронных Книг»:
http://bbek.ru